

ИРИНА БОГДАНОВА

Неувядаемый цвет

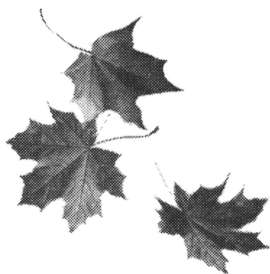

Неувядаемый
цвет

ИРИНА БОГДАНОВА

Неувядаемый цвет

Р о м а н

Сибирская Благовонница
Москва
2015

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-410-1093*

Обложка
Е. В. Попковой

Богданова, И. А.

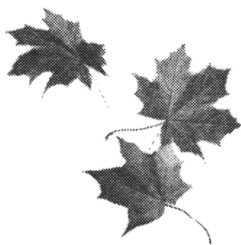
Б 73 Неувядаемый цвет: роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2015. — 685, [3] с.

ISBN 978-5-91362-903-6

Если тебе тяжело — ты на верном пути. У петербургской писательницы Ирины Богдановой подлинно счастливый дар — за унылой, казалось бы, повседневностью разглядеть красоту неповторимой человеческой судьбы. И больше этого: увидеть, как из трудных неприметных будней складывается судьба самой прекрасной в мире страны. Где и ты, дорогой читатель, самый необходимый участник общего дела. И твоя жизнь — неповторимый неувядаемый цвет, которому после каждой бури дано полыхать ярче и ярче.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Богданова И. А., текст, 2015
© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2015

Стоять на трамвайной остановке было зябко. Вагоны шли один за другим, а нужный номер всё не появлялся. Чтобы согреться, Павел поднял воротник старого драпового пальто, но от ткани тянуло сыростью и стало только холоднее.

Поздняя ленинградская осень рассыпала в ночи тусклые огни фонарей, свет которых плавился в сетке из мелкой мороси.

Нажав кнопку подсветки часов, Павел посмотрел время. Скоро полночь.

Каждый раз, провожая домой Наташу, он давал себе слово не засиживаться в гостях, дожидаясь, пока её мама начнёт сердито хлопать дверьми и напоминать, что завтра с утра рано вставать. От взмаха Наташиных ресниц все благие обещания летели в тартарары, оставляя в душе лёгкий след раскаяния. Смуглая, быстроглазая Наташа держала в своём кулачке сердца доброго десятка парней, но провожать себя до дома позволяла только ему, Павлу.

— Это за то, что ты будущий академик, — шутливо объясняла она, наклоня голову так низко, что чёлка шёлковой бахромой застилала ей глаза, делая похожей на пери из восточной сказки. Прикажи Наташа прыгнуть с телевизионной башни, он прыгнул бы не задумываясь.

— Нельзя быть таким слабохарактерным, — твердил друг Эдька, — женщины любят силу и твёрдость, а ты бегаешь за Наташкой, как паршивая собачонка.

Павел краснел, грубовато отшучивался, но после института снова тащился на край города, едва успевая вернуться домой с последним трамваем.

Обычно он ехал в вагоне один, но в этот раз на передней площадке стояла девушка, напряжённо вглядывающаяся в темноту за окном. Тоненькая, высокая, в тёмном пальто и светлой вязаной шапочке. Кажется, он где-то видел эту девушку. Но вот где?

На следующей остановке девушка вышла, и трамвай медленно проехал мимо неё, оставив одиноко стоять на тротуаре.

Светка?! Неужели Светка? Сколько лет, сколько зим!

Захваченный в плен Наташей, он успел забыть свою школу и одноклассников.

...Уроки закончились час назад, и по кабинету биологии гулял весенний солнечный

зайчик. Луч бодро перепрыгивал со шторы на потолок, по девчачьим бантам перебежал на макушки мальчишек и замирал, не смея коснуться алого галстука пионервожатой Ольги из десятого класса. Она стояла под портретом генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, грозно наклонив голову вперёд, словно собиралась забодать худенькую девочку с короткой стрижкой и испуганными глазами, сидящую на первой парте.

— Сейчас начнёт читать морали, — с тоской в голосе шепнул Павлик своему другу Эдику, убирая в карман зеркальце. Зайчик погас, и одновременно в уши ударил гудящий голос пионервожатой:

— Товарищи, я хочу довести до вашего сведения, что позавчера ученицу пятого класса Алексееву видели выходящий из церкви. Света Алексеева, ты ничего не хочешь нам рассказать?

Черноволосая и приземистая пионервожатая была похожа на рассерженную муху, только что пробудившуюся от зимней спячки. Её густые брови так плотно срастались на переносице, что издалека казались нарисованными углём на белой коже лица с мелкими веснушками. Говоря, она постоянно вскидывала правую руку вверх, и Павлик подумал, что Ольга, наверное, и во сне отдаёт пионерский салют.

— Мы слушаем тебя, Алексеева! Встань, пусть твои товарищи посмотрят на того, кто позорит наш пионерский отряд.

Зеркальце в кармане упиралось ребром в ногу, мешая сосредоточиться на словах пионервожатой, да и Светку было жалко. Вон, стоит, нахохлилась, как мокрый воробей в середине лужи. Хоть бы сказала что-нибудь в своё оправдание или придумала историю про то, как перевела незнакомую старушку через улицу и проводила до этой самой церкви. Подумаешь, в церковь сходила! Велика беда! Они с Эдкой тоже однажды бегали на кладбище заглядывать в дверь церквухи — интересно ведь, что там внутри. Ему досталось увидеть только иконы на стенах да бабок со свечками, а Эдке повезло: он сказал, что успел рассмотреть толстого попа в золотой одежде.

Эдка — везунчик, ему всегда всё лучшее достаётся. Он бы не стал долго ломать голову, чтобы вывернуться из ситуации. Эдка — голова! У него на всякое дело готов ответ.

— Оказывается, в то время когда вся страна готовится отметить пятьдесят лет советской власти, пионерка Алексеева совершила предательский поступок, — зудела Ольга. — Да-да, Алексеева, и не прячь от нас глаза. Теперь мы знаем, что в нашем классе есть отсталые элементы, которые тормозят развитие страны и предают ленинские заветы. Пока наша школа соревнуется

в игре «Зарница» и шефствует над ветеранами Великой Октябрьской революции, Света Алексеева ставит свечи и бьёт поклоны. Вдумайтесь, ребята! Какое унижительное слово — «поклоны»! Оно должно было навсегда остаться в далёком прошлом, но Алексеева притащила его к нам, в светлое социалистическое сегодня! — Ольга выкинула вперёд руку с вытянутым указательным пальцем и ткнула в направлении Светки.

С каждым Ольгиным словом Светка Алексеева казалась ниже ростом, словно пионервожатая пригвождала её к полу.

Когда Ольга закончила речь, в классе установилась звенящая тишина, изредка прерываемая гулом машин с улицы. Алексеева упорно молчала.

— А я собрала десять килограмм макулатуры, — вдруг невпопад заявила отличница Серова — большеглазая красавица с пышными оборками на форменном фартуке.

Сняв невидимую пушинку с манжетки, Серова аккуратно сложила руки на парте, всем своим видом выражая глубокое внимание.

— Вот, посмотрите, как должен поступать советский пионер, — обрадовалась поддержке Ольга.

Она пересекла класс, подошла к Серовой и положила ей руку на плечо:

— Встань, Люда, и расскажи классу, что ты думаешь о поступке Алексеевой.

Кокетливо наклонив голову набок, Серова медленно поднялась из-за парты, став вровень с пионервожатой:

— Я думаю, что Света поступила несознательно и должна искупить свою вину перед классом.

— Молодец, Серова!

Ольга круто развернулась на каблуках, выбирая глазами следующую жертву. Под тяжёлым взглядом большинство одноклассников втягивали головы в плечи, стараясь стать незаметнее.

Её внимание привлекла кудрявая голова Серёги Заплетнюка, некстати рассыпавшего семечки, защёлкавшие по парте.

— Выскажи своё мнение, Заплетнюк.

Тонкий рот Запли растянула плаксивая гримаса, которая непостижимым образом превратилась в хитрую ухмылку:

— А может, Светке, того, щелбана закатать?

Разряжая накалившуюся обстановку, по классу пролетели робкие смешки.

— Сядь, Заплетнюк, вечно ты со своими шуточками, — возвысив голос до визга, выкрикнула Ольга, — с тобой будет отдельный разговор в пионерской комнате!

Эдька ткнул Павлика кулаком в бок:

— А мне вчера жвачку подарили. Настоящую, американскую.

— Да ну?! Врёшь!

От восхищения Павлик едва не присвистнул, вовремя заткнув себе рот рукой.

Он никогда ещё не видел настоящую жвачку, только читал про неё в «Томе Сойере». Жвачка почему-то представлялась ему обыкновенным ластиком размером со спичечный коробок и с запахом яблока.

— Не вру! Она на подушечку похожа, только маленькая. Вот такая, — Эдик показал на ноготь среднего пальца. — У меня этой жвачки целых три штуки, — Эдка с превосходством вскинул брови, давая другу осознать мощь своего богатства.

— Где взял? — в нетерпении узнать подробности, Павлик заёрзал на парте, едва не упустив момент, когда к нему подошла Ольга:

— А ты, Соснин, не хочешь обсудить поступок Алексеевой?

Застигнутый врасплох, Павлик напряжился, заметаившись мыслями, что сказать. В четверти явно наклёвывалась тройка по поведению, а если сейчас прицепится пионервожатая, то бабулю снова вызовут в школу и обратно она придёт потерянная, с убитым лицом и опущенными плечами.

Не зная, то ли промолчать, то ли начать кривляться, как Запля, он нехотя поднялся, мысленно спроваживая настырную Ольгу, прилипшую к их классу словно мокрый банный лист к одному месту.

— Я это... я... — слова путались в клубок, как у доски на уроке ботаники.

Но его опередил звонкий голос Эдьки, сказавшего как бы между прочим:

— Подумаешь, Светка в церковь ходила! Скоро их, церквей, вообще не будет. А завтра будут ломать церковь у молокозавода. Я знаю, у меня на заводе родители работают.

Эдька хитро подмигнул круглым глазом с белёсыми ресницами и победоносно вздёрнул подбородок, показывая, что выручил друга.

Будоражающая новость моментально всколыхнула класс, заставляя забыть про стоящую с опущенной головой Алексееву:

— Церковь! Прямо ломать! Здоровско!

Тщетно пионервожатая Ольга стучала линейкой по столу и призывала к тишине — класс гудел как растревоженный улей.

Было видно, что Ольге самой не терпится побежать поделиться новостью в учительской, но она сдержала себя и решительно шагнула к Светке, зло стиснув рот в горошину:

— Ты, Алексеева, у меня ещё попомнишь это собрание! Я добьюсь, что тебя исключат из пионеров!

* * *

Сколько Павлик помнил своё существование, заброшенная церковь около молокозавода

всегда присутствовала в его жизни. В народе её называли Неувядаемый цвет.

Почему, Павлик не знал, но думал, что это вроде ёлки, которая зимой и летом одним цветом.

Закрыв глаза, он легко мог по памяти описать тёмно-красные стены из выкрошенного кирпича, высокие арочные окна, крест-накрест заколоченные досками... Широкий портик над входом поддерживали две колонны с отвалившейся штукатуркой, а на позеленевшем от времени куполе любили сидеть белые голуби из голубятни в соседнем дворе.

Мимо церкви бабушка Катя возила его на санках в детский садик; потом, срезая путь через двор, он с букетом алых георгинов прошагал в первый класс и успел по дороге разорвать об гвоздь штанину новеньких форменных брючек. Около церкви они с пацанами играли в казаки-разбойники и там же, на широких ступеньках, засыпанных осенней листвой, он узнал, что бабушка Катя ему не родная.

Это случилось в сентябре, когда заболела учительница пения и класс пораньше отпустили с уроков. Погода стояла тёплая и ясная. Наскоро проглотив обед в школьной столовке, одноклассники гурьбой вывалились на улицу.

— Айда в футбол, — предложил Эдька, — Колька обещал мячик вынести.

— Айда, — согласился Павлик, — только домой заскочу, деньги возьму: баба Катя велела после школы купить хлеба.

Оттого, что в дневнике не стояло ни единой плохой отметки, а впереди просматривалась уйма времени, настроение поднималось вверх, как температура от гриппа.

Ноги просились перейти на бег, и Павлик, протиснувшись через дырку в заборе, понёсся к дому напрямик, через церковь.

Свежий ветер срывал с клёнов разноцветные листья, метелью кружа их в воздухе. Они сыпались на голову, на плечи, на дорожку под ногами. Это было так красиво, что Павлик на секунду замер, пытаясь двумя пальцами ухватить пролетающий лист. Он уже почти поймал красную кленовую ладошку, весело разрисованную жёлтыми брызгами, как вдруг услышал разговор двух женщин. Проходя мимо, высокая дама в синем беретике зябко куталась в драповый жакет, а приземистая толстушка несла сетку-авоську с арбузом.

Хотя они шли быстро и говорили тихо, ухо Павлика сумело разобрать имя бабушки, Екатерины Семёновны Сосниной.

— Видишь парнишку Екатерины Семёновны? Вон стоит, листья ловит, — говорила высокая. — Он ведь ей не родной внук.

Сперва до Павлика не дошло, что разговор идёт про него, но словечко «не родной» застряло где-то в груди и больно корябнуло по сердцу. Как это не родной? Самый что ни на есть родной! Бабушка его с пелёнок вырастила, когда мама с папой на целину уехали.

Папа умер от воспаления лёгких, а мама и сейчас живёт в Оренбурге. Шлёт письма, дарит подарки, переводит деньги. Правда, приезжала за десять лет всего два раза, но бабушка объяснила, что мама — геодезист, исследует местность. А без геодезических карт нельзя построить новые города и посёлки. Города нужны стране? Нужны! Поэтому геодезисты почти не бывают дома, меряя километры лесных дорог.

Подхватив под мышку портфель, Павлик метнулся вслед женщинам. Ему хотелось схватить сплетницу за пальто, посмотреть ей прямо в глаза и крикнуть, чтобы не смела болтать всякую ерунду про бабу Катю. Но что-то удержало его от такого поступка, и это что-то было непонятное, тёмное и с горьким запахом дыма из трубы молокозавода.

Тётки подошли к остановке и сели на скамейку, а он, сгорая от ужаса и любопытства, стал слушать дальше.

Из-за фонарного столба Павлик наблюдал за лицом высокой и видел, что её прямо распирает

от сведений. Поставив на колени сумку, она нагнулась к собеседнице:

— Ты с Екатериной Семёновной не часто сталкиваешься, а я с ней вместе двадцать лет в одной школе работаю. Она у нас фортепьяно преподаёт. Помню, как она сына женила и как его с молодой женой на целину провожала. С вокзала пришла на занятия бледная, погрузневшая, а в учительской встала у окна и сказала:

— Непокойно у меня на душе. Верите, в первый раз сын так далеко от меня оторвался. Мы даже в войну не расставались, вместе со школой в эвакуацию ездили. Умом понимаю, что птенцы должны вылетать из родительского гнезда, а сердце протестует.

Словно в воду глядела Екатерина Семёновна: года не прошло, как прямо на урок ей принесли телеграмму-молнию, что сын умер от воспаления лёгких.

Павлик почувствовал, как портфель, который он прижимал к столбу животом, пополз вниз, но не пошевелился, потому что то, о чём рассказывала тётка в берете, пока оказывалось правдой.

Что было дальше и почему он не родной, Павлик не успел узнать. Подкативший троллейбус увёз тёток в неизвестном направлении, а Павлик остался стоять у столба, не понимая, о чём должен думать и как поступать.

Простой, ясный мир, центром которого была бабушка Катя, внезапно стал сложным и запутанным, и он даже не представлял, как его снова распутать в одну прямую нить.

Посмотрев вокруг, Павлик заметил, что автобусы и троллейбусы странно превратились в расплывчатые пятна, а люди выглядели тёмными силуэтами на сером фоне городских улиц.

Опустив голову, он пошёл назад к церкви, бездумно поддавая ботинками кучи опавших листьев.

— Мальчик, ты что хулиганишь? — прервал его мысли голос дворничихи с метлой в руках.

Дворничиха была прежняя: грузная и вредная, и метла в её руках казалась грозным оружием. Павлик прибавил шагу, а дойдя до ступенек церкви, сел на них и обхватил голову руками, размышляя, как жить дальше.

В тот день он не пошёл гонять футбол с мальчишками, а всё сидел и думал, думал, пока не стемнело. Вечером, придя домой, Павлик с повинной головой выслушал от бабушки Кати, что из-за него ужинать придётся без хлеба и что растёт он несобренным и невнимательным.

Бабушка Катя сердилась сильно, даже стучала пальцем по столу, а он смотрел на неё и думал, что неродные не имеют права так ругаться, и когда он немножко соберётся с мыслями, то

обязательно вызовет бабушку Катю на серьёзный мужской разговор.

* * *

Павлик не стал выпрашивать у бабушки подробности того, о чём говорили тётки на остановке. Сначала не знал, как начать разговор, каждый раз откладывая его на завтрашний день, а потом заболел гриппом с высокой температурой и сильной головной болью. Бабушка Катя ночи напролёт проводила около его кровати, устраиваясь в старом кресле с высокой спинкой. Чтобы температура быстрее спадала, она обтирала Павликову спину и руки влажной салфеткой, намоченной в растворе уксуса, и пила с ложечки клюквенным морсом. Каждое утро бабушка наклонялась, пробуя губами его лоб, есть ли жар, а если температуры не было, то от её глаз разбегались ласковые весёлые морщинки.

Однажды, когда голова болела особенно сильно, бабушка завернула Павлика в одеяло, взяла, как маленького, на руки и долго баюкала, напевая колыбельную песенку.

Тогда он наконец решился спросить:

— Ты моя бабуля?

— Конечно твоя, и больше ничья, — шепнула бабушка, и он успокоился. Врала всё та тётка на

остановке, от злости глупости навывдумывала. Девчонки в их классе тоже иногда любят приврать для красного словца.

Чтобы не пропустить снос церкви, Павлик и Эдька с самого утра подговорились сбежать с физкультуры. Путь к свободе был опробован многими поколениями пацанов: он вёл в мальчишескую раздевалку, оттуда через окно на старый клён с корявыми ветками, и привет! Проще простого.

Но оказалось, что нарушать школьную дисциплину с риском схватить двойку по поведению не придётся, потому что пионервожатая Ольга упростила физкультурницу отпустить пятиклассников на антирелигиозную экскурсию.

Ольга пришла сразу после урока русского, когда ребята достали мешки с физкультурной формой, а мальчишки стали перебрасываться кедами Серёги Заплетнюка.

Злой и красный, Серёга бегал за кедами из угла в угол, едва не угодив пионервожатой головой в живот.

Схватив Заплю за воротник куртки, Ольга сурово обвела класс глазами:

— Прекратите безобразие и собирайтесь на построение. Урока физкультуры сегодня не будет.

Она переждала, пока по классу прокатятся и затихнут восторженные возгласы, и громко объявила:

— Мы идём к молокозаводу смотреть на снос церкви. Советские пионеры должны видеть, как на их глазах рушится старое и возникает новое! Отряд, стройся!

По команде пионервожатой класс вытянулся в колонну по двое, чтобы промаршировать по школьному двору, но, выйдя за ворота, строй сбился, и к переулку подходили гуртом, а некоторые девчонки — сцепившись под руку, как взрослые.

Широкая улица была перегорожена строительным штакетником и увешана табличками с предупреждением об опасности. На углу улицы за порядком наблюдали два постовых милиционера. Они строго посмотрели в сторону школьников, но прогонять не стали, хотя один из них, с погонами старшины, поднёс к губам рупор и предупредил:

— За ограждение не заходить!

— Слышали? — спросила Ольга. — Чтобы без глупостей, иначе буду вызывать в школу родителей.

Под бдительным оком пионервожатой и физкультурницы пятиклассники рассыпались вдоль ограждения.

Техники около церкви стояло видимо-невидимо. Большегрузные машины замерли

впритирку с двумя бульдозерами, а в самом центре церковного двора расположился экскаватор с длинной жирафьей шеей, с которой свешивался вниз огромный металлический шар.

— Я знаю, этот шар называется шар-баба, мне отец сказал, — сообщил Эдька. — Я уже один раз видел, как им дом ломали, правда, по телевизору.

— По телевизору я тоже видел.

Сзади весело хихикали девчонки, обсуждая пластинку с новыми песенками, пионервожатая Ольга покрикивала на шумливых пацанов, а Павлик смотрел на кирпичную стену. Он старался запомнить её до мельчайших подробностей.

На крутом карнизе под окном сидела пара голубей, и Павлику вдруг стало их жалко до слёз, словно эти голуби были последними защитниками беззащитного храма.

— Смотри, начинают! — голос Эдьки заставил перевести взгляд с голубей на машины, которые пришли в движение.

Урча моторами, грузовики разъехались по сторонам отгороженной площадки, бульдозеры развернулись боком, а экскаватор подъехал почти вплотную к ступенькам храма. Медленно отведя в сторону стрелу, он повернул кабину, и шар долбанул по кирпичной стене, спугнув растерянных голубей.

Тяжёлый звук гулко отдался в ушах и медленно затих, поглощённый лязганьем и рёвом дизеля.

Первый удар, хотя и был силён, не нанёс ущерба каменной кладке, и тогда экскаватор снова размахнулся. Удары следовали один за другим, сливаясь в сплошной грохот, но церковь стояла неколебимо.

— Слабак, бей сильнее! — в азарте орал Эдька, надувая щёки. — Экскаваторщика на мыло!

Чтобы лучше видеть, он оседлал верхушку забора, одной рукой держась за плечо Павлика. После каждого удара он дрыгал ногой и смотрел на Павлика, переспрашивая:

— Здоровско?! Скажи, Пашка, здоровско?!

— Да, здоровско! — машинально кивал Павлик, не отводя глаз от мощной механической руки экскаватора, разящей стену наотмашь. Ему казалось, что, пока он смотрит, церковь устоит, но, как только оторвёт взгляд, она сразу даст трещину и рухнет.

«Держись, держись, пожалуйста, не падай!» — мысленно стал просить церковь Павлик, напрягая мускулы живота, как будто шар собирался бить не по кирпичной стене, а по его телу.

— Бей!!! — горлопанил Эдька, срывая голос до сипения.

Словно повинувшись его приказу, шар особенно далеко откатнулся и врезался в стену, взметнувшись вверх кровавые брызги кирпичной крошки.

Со стороны наблюдающих было хорошо видно, как по фасаду церкви побежала глубокая трещина, стремительно увеличиваясь в размерах. Разлом раскроил здание пополам, и стены раскрылись наружу наподобие распахнутых ладоней. На долю секунды задержавшись в воздухе, в провал с шумом рухнула колокольня, укрывая небо бурым облаком пыли. Сквозь завесу просматривалось, как экскаватор вздрогнул и, медленно перебирая гусеницами, немного откатил назад.

— Ура! Наша взяла! — со всех сторон кричали одноклассники.

Пионервожатая Оля захлопала в ладоши, и ребята, подхватив её аплодисменты, принялись радостно отбивать ладони в такт, ликуя, что церковь рухнула, физкультуру отменили, а на дворе стоит прекрасная осень.

Хлопать Павлику не хотелось, и он, спрятав руки в карманы, стал поддавать носком ботинка кусочек асфальта, стараясь закатить его в выбоину около люка. Попадание в цель удалось с третьего раза.

Рухнувшая церковь оставила после себя пустоту, открывшую вид на молокозавод с закопчённой трубой и пятачок пустыря, густо засыпанный кирпичными обломками.

Когда пионеры строились для возвращения в школу, бывший церковный двор уже всю

утюжили бульдозеры, сгребая в кучу строительный мусор.

Старательно натягивая на лицо ухмылку, Павлик искал друга Эдьку, но вместо него взгляд наткнулся на лицо Светки Алексеевой с тёмными дорожками слёз на щеках.

Как раз в этот момент к ней не торопясь подошла пионервожатая и жёстко сказала:

— Убедилась, Алексеева, что Бога нет? Если бы Он был, то не позволил бы сносить церковь, которая Ему нужна.

— Она нужна не Ему, — тихо, но чётко ответила Светка.

* * *

Трамвайный вагон резко качнуло на повороте, и Павел едва устоял на ногах, ругнув себя за привычку не держаться за поручень.

Сколько же лет прошло со дня сноса церкви?

Пытаясь собраться с мыслями, он расстегнул верхнюю пуговицу пальто и присел на сиденье.

Тогда он ходил в пятый класс, а сейчас учится на четвёртом курсе университета. Получалось девять лет. Столько же лет он не видел и Светку, потому что её семья получила квартиру и переехала в другой район. А они с бабушкой Катей по-прежнему живут в одной комнате коммуналки. Отдельная квартира им

«не грозит»: в Ленинграде на очередь ставят, если жилплощадь меньше четырёх квадратных метров на человека, а у них на двоих аж восемнадцать, если не считать, что пару метров занимает старинное пианино в чёрном лакированном корпусе. Когда Павлик был совсем маленьким, он обожал передвигать вверх-вниз рычажок модератора возле клавиш и представлять себя водителем трамвая. Складывая губы трубочкой, он предусмотрительно дудел в игрушечную трубу, чтобы бабушка Катя случайно не встала на рельсы и не помешала движению.

Следующим этапом в жизни Павла было увлечение музыкой. Тогда бабушка Катя научила его нотной грамоте и поставила руку для правильной игры. Но дальше модных вальсиков и незамысловатых пьесок обучение не пошло, потому что Павлик вдруг понял, что обожает считать. Он считал всё подряд, начиная от спичек в спичечном коробке и заканчивая расстоянием между планетами из Атласа звёздного неба. Перемножал величины, вычитал километры и измерял диаметры. В школьном дневнике по математике засияла пятёрка с плюсом, и после получения аттестата зрелости вопрос, куда поступать, не стоял. Само собой, на физико-математический факультет Ленинградского государственного университета. Абитуриент Соснин прошёл туда с первого раза, а после

экзамена по математике уважаемый профессор Лузгин при всей аудитории пожал ему руку и назвал коллегой.

Учился Павел легко, играючи и не раз слышал за своей спиной торопливый девичий шепоток:

— Видишь того долговязого парня в очках? Это Пашка Соснин — будущий академик.

Хотя внимание девушек приятно щекотало самолюбие, способностями Павел не кичился и значения своим успехам не придавал, тем более что по некоторым предметам, например истории КПСС, едва тянул на четвёрку, и то ради стипендии.

Пожалуй, только один раз успехи по математике сослужили ему добрую службу. Это произошло во время зимних каникул, когда Эдька пригласил его на вечеринку.

— Родители сегодня в ночную смену, заскакивай на огонёк. Девочки будут — закачаешься! Лучше эклеров из кафе «Север», — в знак одобрения Эдька зачмокал губами, изображая, как ест пирожное. Он со школьных лет слыл обжорой и любил кулинарные сравнения.

Сперва Павел решил не ходить, потому что вечером обещала позвонить симпатичная Люся из параллельной группы. С ней можно закатиться в киношку на новый итальянский фильм «Укрощение строптивого». Говорят, классная комедия.

Но потом, немного поколебавшись, изменил решение и собрался к другу. Ещё неизвестно, позвонит Люся или нет, а окончание каникул уже не за горами.

Бабушка Катя была занята вязанием шарфика из модного голубого мохера и старательно считала петли, когда он коротко объявил:

— Баб, я к Эдику, вернусь поздно.

Бабуля, как всегда, была категорична:

— Не позже двух ночи!

Она сидела в кресле такая маленькая и сосредоточенная, что Павел с затаённой нежностью рассмеялся:

— Обещаю!

Девушки — девушками, а бабуля у него одна и её нервы надо беречь.

Пока он через две улицы бежал к Эдке, успел начерпать полные ботинки снега. Погода стояла сухая и снежная. Дворники не справлялись с уборкой, сгребая снег в огромные сугробы, внутри которых хотелось по-мальчишечьи выкопать глубокую нору и затаиться, чтобы потом с криком «Ура!» ринуться на невидимого врага в победную атаку. В детстве они с Эдкой вдоволь навалились в сугробах на занесённых снегом газонах.

На углу улицы он поскользнулся на ледянке, а когда выпрямился, то обратил внимание на невысокую девушку в серой каракулевой шубке. Она шла в двух шагах впереди него и, несмотря

на холод, была без шапки, рассыпав по плечам густые волосы. В желтоватом свете фонарей волосы казались отлитыми из червонного золота.

Безотчётно прибавив шаг, Павел поравнялся с девушкой, чтобы заглянуть ей в лицо, но она внезапно остановилась и мелодичным голосом спросила, как найти дом номер шесть.

Шестой дом, в котором жил Эдька, располагался напротив. Павел хотел указать на него, но посмотрел в тёмные глаза с пушистыми ресницами и понял, что все слова сосульками застыли в морозном воздухе.

— Алло, молодой человек, я вас спрашиваю! — поторопила незнакомка, выводя Павла из ступора. Он молча указал на шестой дом и, проклиная внезапную застенчивость, поплёлся позади девушки. Оказалось, что прекрасная фея тоже шла на вечеринку к Эдику и звали её Наташа.

Наташа заканчивала техникум холодильной промышленности и проходила практику на молокозаводе, где у ворот её высмотрел острый глаз Эдика.

Увидев обалдевшее лицо Павла, он за Наташиной спиной поднял вверх два больших пальца, мол, что я тебе обещал, то и выполнил, цени мою доброту.

Гостей в Эдькиной малогабаритке набилось как сельдей в бочке. Перед глазами Павла

промелькнули две симпатичные сестрёнки из пединститута и медичка Наденька. С мужской стороны были старые приятели и школьный товарищ Саня Редькин.

Павел пожимал руки, что-то говорил, даже предлагал помочь на кухне, а сам всё время высматривал Наташу, хотя она его словно не замечала. Ревнивым взглядом Павел выхватывал, с кем Наташа разговаривает, кому и как улыбается, кому подаёт руку для танца, но сам подойти робел, чувствуя себя неуклюжим и косноязычным.

Выручил опять Эдик, старый верный друг. Когда Павел со смущением маялся у окна, он озорно подмигнул ему хитрым цыганским глазом и подсел к Наташе:

— Наташенька, не упusti удачу. Обрати внимание на парня в синем свитере, с которым ты одновременно пришла. Думаешь, это простой рабочий паренёк? Ошибаешься. Он — светило науки, почти кандидат наук и будущий академик всех мировых академий.

Наташа низко наклонила голову и в первый раз заинтересованно скользнула взглядом в сторону Павла:

— Неужели?

— Точно! Я никогда не вру!

С внутренней радостью Павел уловил в Наташином голосе тёплые нотки:

— Как интересно! Я ещё никогда не встречалась с будущими академиками.

— Так за чем же дело стало? — подражая дирижёру, Эдька взмахнул рукой. — Павел, иди сюда, развлеки Наташеньку, расскажи ей что-нибудь интересненькое про математические формулы, или как их там называют. — Он попытался вспомнить математические термины, которые безуспешно вбивала в его голову учительница математики, но не смог, потому что со школы прошло уже четыре года, а автослесарю лишние знания только мешают.

* * *

Эдик Костров познакомился с Павлом ещё в детском саду, когда воспитательница выделила ему шкафчик с вишенкой.

— Хочу с самолётом! — заупрямился Эдик и, пустив слезу, кульком рухнул на пол. Мама надела на него толстую барашковую шубку, подпоясанную ремешком, поэтому он не боялся ушибиться. — Хочу шкафчик с самолётом!

Валенки с галошами упирались в низкую скамеечку, а глаза видели, что на батарее висит много мокрых варежек на резиночках. Размазывая слёзы по щекам, Эдик успевал посматривать на маму, воспитательницу и белобрысого мальчишку около шкафчика с самолётом.

— В шкафчике с самолётом раздевается Павлик, — пыталась остановить ор воспитательница, — а у тебя будет красивая спелая вишенка. Ты любишь вишни?

— Не-ааа, не люблю! — на весь детский сад завыл Эдька. — Я люблю самолёты!

Для убедительности он несколько раз постучал ногами по полу и сделал вид, что его сейчас вырвет от рёва. Обычно мама сдавалась первой, и он ждал, что воспитательница тоже подумает-подумает да и уступит ему шкафчик с голубым самолётиком, на боку которого нарисована крохотная красная звёздочка. Но воспитательница не шелохнулась:

— Шкафчик с самолётиком Павликов, а если тебе не нравится с вишенкой, ты можешь вообще не раздеваться.

Сперва Эдик обрадовался, но потом сообразил, что в шубе ему будет жарко и неудобно играть с ребятами. Мячик не покатаешь и башню из кубиков не выстроишь.

— Хочу с самолётиком!

Сквозь ресницы он увидел, что мамины глаза потемнели от стыда за сына, и почувствовал, что дело может закончиться ремнём, но Павлик вдруг сказал воспитательнице:

— Тамара Дмитриевна, пусть новенький мальчик возьмёт мой шкафчик, если хочет, а я перенесу свои вещи в запасной, с ракетой.

— Прекрасно, — воскликнула воспитательница, — так и поступим! Молодец, Павлик, ты настоящий друг.

— С ракетой! — Эдик возмущённо распахнул рот для нового плача, но опоздал. Павлик уже освобождал ему шкафчик, перетаскивая пальто к дверце, на которой была наклеена серебристая ракета с алым носом и синим иллюминатором.

Продолжать концерт из-за ракеты Эдик не стал, но то, что воспитательница назвала Павлика настоящим другом, запомнил.

В тихий час он переставил свой стульчик вплотную к стульчику Павлика и по-мужски протянул ладонь:

— Давай пять. Будем дружить!

Дружба, спаянная переделом собственности, оказалась на удивление крепкой, и в первый класс мальчики пошли вместе. Павлик нёс букет георгинов, а Эдикова мама раздобыла несколько алых гвоздик. На пороге школы Эдик шлёпнул цветами по голове вредного пацана, который подставил ему ножку, поэтому учительнице досталась только одна гвоздичка с грустно повешенной головкой.

Рядом с высоким и худеньким Павликом низенький Эдик Костров казался бутузом с копной кудрявых волос и нахальными глазами, выдающими заводилу и непоседу. На проделки

он казался неистощимым и отдавался им всей душой без остатка. Школа представлялась Эдику огромным аттракционом наподобие центрального парка, куда однажды водили его родители.

В первый учебный день обнаружилось, что из пережёванного листа промокашки получают отличные шарики для пуляния через макаронину. Правда, тут требовалось небольшое терпение, потому что сначала промокашка жевалась до состояния пластилина, потом из массы надо было накатать шарики и дать им высохнуть. Весь процесс занимал как раз один урок. На первом уроке Эдик с Павликом катали шарики из своих промокашек, а перед вторым уроком на переменке Эдик тихонько вытащил промокашки из тетрадей у девчонок с другой парты.

Скандал был жуткий: Олечка и Любочка, из чьих тетрадок исчезла промокательная бумага, рыдали навзрыд, утирая слёзы новенькими фартучками; молодая учительница нервно смыкала пальцы в замок и что-то лепетала о плохих мальчиках, которые обижают хороших девочек, а Эдик с Павликом, повесив головы, стояли у доски и краснели.

Впрочем, раскаяние было недолгим, потому что уже на следующий день неугомонный Эдик решил попробовать написать палочки в прописях не карандашом, а чернильной ручкой, взятой на учительском столе...

В начальной школе друзья учились почти одинаково, но средняя школа Эдику давалась уже с напряжением, и если бы не Павлик, который обещал решать за него все контрольные по математике, то девятый класс сменился бы на профтехучилище.

После десятого класса Эдик решил бесповоротно завязать с учёбой и пойти работать в автомастерскую.

Поначалу мать плакала и в сердцах хлестала его полотенцем по спине:

— У всех дети в институты идут, один ты у нас дурачок уродился. Скажи, в армию захотел, портянки нюхать?

— Ну и понюхаю, — отбрёхивался Эдик, демонстративно доставая из кармана пачку сигарет, — подумаешь, армия! Я автослесарь, мать, а офицеры тоже любят на машинах ездить.

Сражённая веским аргументом, мать на время замолкала, но на следующий день начинала пилить по новой.

Успокоилась она только тогда, когда приехала к Эдику в часть на присягу. Добиралась долго: сначала поездом до Москвы, затем электричкой до станции Фруктовая, потом на пароме до Белоомута и, наконец, на автобусе.

«Загнали парня, куда Макар телят не гонял», — думала она дорогой, то и дело утирая слёзы, которые катились сами по себе, не подаваясь уговорам разума.

Живым застать ребёнка не чаяла. Думала — оголодал, истрепался, а может, и вообще в больнице лежит и стакан воды некому подать. Но сын встретил её весёлый, с блестящими глазами и округлившимися щеками. Оказалось, что буквально накануне командир части очень удачно разбил о бетонные надолбы свой новенький «москвич».

— Служба — лафа. Думаю на сверхсрочную остаться, — заявил матери Эдик, закусывая молочную сосиску свежепросольным огурцом из трёхлитровой банки, посланной отцом из Ленинграда.

Но демобилизовался он вовремя и сразу же пошёл в свою автомастерскую, где и работал по сей день.

Профессией автослесаря Эдик был доволен на все сто, тем более что мастерская располагалась рядом с домом на месте разрушенной церкви.

Каждый раз при входе в промзону в Эдиковой памяти оживал восторг от мощи, с которой техника крушила старые стены. Он вспоминал силу металлического шара, разбивающего кирпичи, и сытое урчание грузовиков, наполненных каменным ломом.

Пионервожатая Ольга тогда сказала, что надо рушить старое, чтобы возводить новое, но пустырь много лет простоял заброшенным и только в начале восьмидесятых годов на нём

построили станцию техобслуживания легковых автомобилей.

Под ремонтное помещение был приспособлен длинный металлический ангар с плоской крышей, которую какой-то весельчак украсил антенной к несуществующему телевизору.

Справа и слева перед входом возвышались груды старых покрышек, а сразу за мойкой корявой дугой изогнулась проржавевшая эстакада.

Эдик провёл под эстакадой немало времени, ремонтируя жигулят и «москвичей», но вчера случилось что-то особенное, потому что в автомастерскую на прицепе приехала голубая иномарка.

Заграничные машины встречались редко, обрастая слухами, что во всём Ленинграде есть только две иномарки: у режиссёра Товстоногова и первого секретаря обкома КПСС Романова.

Наверное, этот «фольксваген» был третьим, по крайней мере, руки Эдика ещё никогда не касались металла, склёпанного за рубежом.

— Хороша машинка? — подтолкнула в бок рука мастера Михеева.

С деланым безразличием Эдик хмыкнул:

— Фигня. Я себе лучше куплю. Мне мало-литражки ни к чему. Я силу люблю.

Но, прежде чем распахнуть дверцу машины, руки тщательно вытер ветошью, скользнув пальцами по лакированному боку:

— Где хозяин?

Михеев дыхнул в рукав, стараясь выветрить стойкий запах перегара:

— Да вон стоит, с начальником балакает.

Нехотя повернув голову в сторону конторки, Эдик увидел приземистую бабёшку в рыжей дублёнке, которая что-то горячо втолковывала начальнику.

Её бледное лицо со сросшимися бровями сердито хмурилось, а кулачок в перчатке нетерпеливо постукивал по столу.

— Не хозяин, а хозяйка, значит, — бросил Михееву Эдик, захлопывая дверцу машины, — пойду спрошу, чего хочет.

* * *

Комната, где жили Соснины, окнами выходила на Обводный канал, отрезающий от города кусок суши, носящий старинное название Коломна. Летом по каналу ходили речные трамвайчики, забитые туристами, а по ночам, когда трамвайчики уходили на покой, медленно проползали гружёные баржи и пролетали частные катера.

Дошколёнком, Павел забирался на широкий подоконник и часами наблюдал за жизнью канала, каракулями записывая в тетрадку, сколько насчитал трамвайчиков и сколько барж.

Он и сейчас любил сидеть на подоконнике, разделяющем миры на домашний и уличный.

По видимой части улицы спешили люди, и каждый из них хранил внутри мир из мыслей и поступков, а в комнате царил их с бабушкой Катей собственный мирок, ограниченный четырьмя стенами и дверью. Справа от двери был угол Павла, с продавленной тахтой, отгороженной от комнаты высоким книжным шкафом. Напротив тахты навечно прописалось старое пианино. Бабушка говорила, что прежде к корпусу были привинчены два серебряных подсвечника, но они давно потерялись, и никто не помнит, при каких обстоятельствах.

Сразу за инструментом стоял бабушкин диван с узкой спинкой. При раскладывании диван издавал жалобные скрипы больного, находящегося на последнем издыхании. Павел несколько раз предлагал уступить свою тахту, но бабушка всегда отказывалась под предлогом того, что в углу ей будет душно. Наверное, это так, потому что на ночь форточка всегда открывалась нараспашку.

В этой комнате бабушка жила с послевоенных времён, когда приехала с сыном Ванечкой из эвакуации. Старый дом разбомбили, и жилищный комитет выписал ордер на комнату в доме по соседству.

Кроме них в коммуналке проживало ещё несколько семей, за долгие годы потерявших надежду получить отдельную квартиру. Чётче

других мысль об этом выражала бабка Горшенина из пятой комнаты, прославившаяся скверным характером и несносной вездесущностью:

— Это приедем горисполком квартиры отваливает, а нам, коренным ленинградцам-блокадникам, — шиш да кумыш.

В подкрепление своих слов Горшенина подносила к носу слушателя сразу два кукиша, сплетённых из толстых белых пальцев.

Впрочем, бабушку Катю Горшенина уважала и Павла никогда не задевала, даже когда он маленьким сшиб её трёхколёсным велосипедом. Дала подзатыльник и на том успокоилась, а могла бы поднять крик на всю квартиру.

Однажды Павел слышал, как Горшенина уговаривала бабушку пойти работать вместе с ней на ниточную фабрику.

— Чем парня поднимать на зарплату учительницы, лучше бы в рабочие пошла. В цеху станок гудит, здесь твоя пианина — разница небольшая, а монет в кармане прибудет. Ты что, думаешь, я не вижу, как ты по урокам бегаешь и каждую копейку считаешь? Павлушка ведь не скоро зарплату в дом принесёт, да ещё не факт, что тебе её отдаст. Вон, погляди, Бутыркины дочку вырастили, выкормили, нарядили, а она хвостом вильнула и к мужу в Магадан укатила. Живите, мол, мамаша с папашей, как умеете. А с Павки тем более спрос маленький: он тебе не сын и не...

На этих словах Горшенина запнулась, словно ей язык отрезали, а бабушка Катя спокойно ответила, хотя и с лёгкой иронией в голосе:

— Спасибо за предложение, Акулина Лукьяновна, я подумаю. Деньги и вправду нужны.

Деньги были не просто нужны, а нужны позарез. После знакомства с Наташей Павел думал о заработке постоянно, как думают о зубной боли, от которой необходимо срочно избавиться. Стипендию в пятьдесят рублей бабушка Катя у него не брала, но деньги истаивали буквально за неделю. Наташу надо было водить в кино, покупать ей мороженое с пирожным и хотя бы иногда дарить букеты цветов. Кроме того, Наташа частенько отпускала шуточки в адрес его одежды и намекала на фирменные джинсы, имевшиеся у всех её знакомых парней.

— Именно фирменные, а не самостроки, — подчёркивала Наташа, пробегая глазами по фигурам ребят, упакованных в импортные шмотки, — фирменные джинсы видно издалека. В них парень выглядит настоящим мужчиной, а не огородным пугалом.

Когда Наташа начинала вслух восхищаться другими, Павел чувствовал свою никчёмность и неполноценность: брюки из дешёвой шерсти, с пузырями на коленях, не новые и коротковатые, а денег на «фирму» нет.

Он не любил пижонов, бросавшихся наименованиями заграничных брендов с ударением на последнем слоге: «фирма́», и претила сама идея встречать человека по одежке, но ему нравилась Наташа, а Наташе нравились парни в джинсах.

Джинсов у Павла не имелось, во-первых, потому, что до встречи с Наташей он не придавал значения своему внешнему виду, а во-вторых, потому, что фирменные джинсы с заклёпками и лейблом у фарцовщиков стоили двести пятьдесят рублей. Такой суммы им с бабушкой Катей хватало на два месяца жизни.

Кое у кого на физико-математическом факультете джинсы имелись, моментально превращая их владельца в тайного героя дня. Даже среди парней считалось незазорным завистливо прищёлкнуть языком и кивнуть на очередную счастливицу:

— Видал, какие Машка джинсы урвала?

Самые непритязательные довольствовались джинсой из Индии, её можно было достать, отстояв ночь в очереди перед универмагом ДЛТ. Такие джинсы не котировались. Другое дело — джинсы Вранглер или Леви Страус! Про них модники говорили с придыханием восторга и даже цитировали доморощенные стихи наподобие: «Я пришёл к тебе на хаус в модных джинсах Леви Страус».

Да, джинсы были не одеждой, а приветом из иного мира, дышащего заграничными туманами и пахнущего французскими духами. И джинсы Павлу требовалось достать срочно!

В раздумьях о деньгах, он намазал булку маргарином, посыпал сверху сахарным песком и взгромоздился на подоконник.

Уходящая зима плакала тающими сосульками, со злостью забрасывала обочины дорог чёрным снегом. Снежное месиво налипало на сапоги прохожих, оставляя на них белые солевые разводы.

И на каждом втором прохожем были надеты джинсы.

Если срочно найти подработку, как летом, то сумму в двести пятьдесят рублей можно будет скопить месяца за три, а если занять денег, например у Эдьки, то можно купить сразу. Кроме того, Эдик присоветует надёжного продавца, чтобы не обманул и не задрал цену до невозможного.

Павел, не заметив, как сжевал бутерброд, отряхнул руки от крошек и пошёл в коридор к телефону звонить Кострову. Вдвоём они с Эдькой что-нибудь придумают.

* * *

Второй час подряд Эдик перебирал двигатель белого жигулёнка первой модели. Рядом

орудовал напильником мастер Михеев, забивая уши неприятным скрежетом металла об металл.

Спина потела от напряжения, а по ногам дуло из приоткрытой двери кузовной. У них вечно всё нараспашку.

Жигуль пригнали вечером вне очереди, и хозяин попросил сделать побыстрее, суля за работу десятку сверху.

— Командир, ты уж постарайся, — хозяин жигулёнка заглядывал в лицо Эдика встревоженными слезящимися глазами. — У меня у внучки свадьба, машина позарез нужна.

Выставив большой палец, он ногтем царапнул себе по горлу, обозначая степень необходимости машины. Царапина оставила на коже неприятный красный след, заставивший Эдика безглаголиво поморщиться:

— Сделаю. Но только ради свадьбы.

Нервный клиент пошёл, скоро не только горло рвать — вешаться начнёт на воротах мастерской! А всё потому, что парк машин растёт, станций техобслуживания не хватает и любой автослесарь ценится на вес золота.

Сняв головку блока цилиндров, Эдик остановился передохнуть, мурлыкая засевший в мозгу мотивчик из радиоприёмника в кухне:

— Только раз бывают в жизни встречи...

Жизнью своей он был вполне доволен! Монета в карманах не переводилась, потому

что клиенты, даже профессора и директора магазинов, танцуют перед ним, простым слесарюгой, польку-бабочку и умоляют взять деньги. Девчонки липнут как мухи на мёд, особенно когда заканчивается смена и промасленная роба отправляется на вешалку, а из пакета достаются фирменные джинсы и свитер-водолазка. Полиэтиленовый пакет, в котором хранится модный прикид, тоже был фирменный, тёмно-синий, с броской надписью «Montana». Его подарил Колька-фарц в благодарность за набор хомутов для глушителя.

Ещё хотелось бы отделиться от предков, въехав в собственную кооперативную квартирку, и купить иномарку-иномарочку! Хотя бы как та, что прикатила к ним вчера.

Эдик снова засвистел мотивчик про встречи, не переставая удивляться, какие коленца порой выкидывает затейливая судьба. Взять хотя бы вчерашнюю владелицу иномарки. Когда он заглянул в конторку к начальнику, дамочка успела раскалиться докрасна, требуя немедленно достать ей новый трамблёр.

— Для «фольксвагена»? — с иронией уточнял Иван Егорович, почёсывая обширную лысину.

— Для «фольксвагена»! Я знаю, что вы всё можете, когда захотите!

По напряжённой позе Егорыча Эдик понимал, что начальник на грани бешенства и сейчас

стукнет кулаком по столу, сузит глаза и рывкнет на всю мастерскую:

— Вон отсюда, мы не таких кралей видавали, здесь вам не частная лавочка, а государственная собственность!

Иной раз автомастерская с удовольствием наблюдала, как начальник вступает в словесную схватку с посетителями, но сегодня цирк смотреть не хотелось, да и в заграничной машинке покопаться руки тянулись: интересно же, чем у империалистов моторы укомплектованы. Небось, деталь к детали ювелирно пригнана и болты до нужной степени затянуты.

Для проформы стукнув пальцами о косяк, Эдик просунул голову в конторку:

— Иван Егорович, позвольте, я с хозяйкой поговорю?

Хотя тяжёлый взгляд Егорыча чуть не вдавил его в стену, но градус накала снизился:

— Поговори, Костров, если желаешь, но ко мне с этим вопросом больше не подходи, — он развернулся корпусом к дамочке, которая едва не тряслась от негодования, — а вы, гражданка, запомните, что наша станция технического обслуживания предназначена для машин отечественного автопрома и иномарками не занимается. Можете писать хоть самому министру: деталей нет и не будет.

Норовисто дёрнув головой, женщина в дублёнке повернулась к нему лицом, и Эдик Костров на миг нырнул в своё пионерское прошлое, потому что перед ним стояла бывшая пионервожатая Ольга Жихарева.

По всему видно, что она его тоже узнала, но не может вспомнить имя, в растерянности покусывая нижнюю губу.

подавив в себе желание вскинуть руку в пионерском салюте, Эдик выдохнул первым:

— Оля? Какая встреча! Я Эдик Костров, ты была у нас пионервожатой.

— Костров! Прекрасно помню.

Перехватывая инициативу, Ольга вышла из конторки и уселась на скамью возле двери, нетерпеливо теребя в руке перчатки из тонкой кожи. Если бы Эдик не знал, что Ольга всего-то на пять лет его старше, он дал бы ей все сорок. Растолстела в бедрах и раздалась в плечах, оплывшие щёки вяло обтекают подбородок и переходят сразу в шею, зябко укутанную мохеровым шарфиком с люрексом. Только густые брови остались прежними, да суровый взгляд угольно-чёрных глаз по-прежнему отдаёт превосходством.

Но как бы Ольга ни выглядела, все минусы её внешности перекрывались одним огромным плюсом в виде голубого «фольксвагена» с кожаной оплёткой руля. Эдик всё ещё не мог

отделаться от школьного чувства почтения перед ней и поэтому держался немного развязнее, чем обычно, прикрывая нарочитой мужиковатостью свою детскую робость.

Перескочив через небольшую заминку, он подтолкнул разговор к продолжению:

— Рассказывай, Оля, в чём проблемы? Я краем уха слышал — тебе запчасти нужны.

Ольгины щёки вспыхнули, а взгляд метнулся к лысой голове Ивана Егоровича, торчащей в окне кабинета:

— Да!

— Егорыч тебе не поможет, — Эдик постарался вложить в интонацию озабоченность. — Есть у меня один человечек на примете. Попробую через него достать. Но быстро не жди. Сама понимаешь, у нас не Германия.

Всё-таки Ольга давила на нервы, не давая забыть пионерское прошлое: спину Эдик старался держать прямее, чем обычно, а по кудрявым волосам два раза провёл пятернёй, откидывая их ото лба. Не дававший покоя вопрос рвался наружу, и Эдик небрежно кивнул головой в направлении автомобиля:

— Откуда дровишки?

В Ольгином ответе промелькнуло торжество, позволившее угадать, что она часто отвечает на подобный вопрос. Её речь звучала напористо, как на собрании:

— Машину я купила у директора пивзавода. Я профорг крупного предприятия и поэтому не имею времени ездить на общественном транспорте. У меня масса обязанностей, от которых зависит климат большого коллектива.

«Профорг... Ну да, ну да, куда же ещё податься пионервожатой?» — на ходу соображал Эдик, прикидывая, сколько запросить с Ольги за деталь.

С одной стороны, дешеветь не хотелось, да и детальку придётся заказывать через третьи руки, а с другой стороны — знакомство с Ольгой может пригодиться. Никогда не знаешь, куда подстелить соломку, чтоб было мягко падать, а потом сладко спать.

— Знаешь, Ольга, давай договоримся, что расчёт сделаем после ремонта. А я, по старой дружбе, постараюсь сделать заказ в лучшем виде. Лады?

— Договорились, — кивнула Ольга, и её брови сошлись в одну линию, — но обмануть меня не пытайся, а я буду каждый день звонить, узнавать, как дела.

— Я сам позвоню, — вынимая из нагрудного кармана блокнот, миролюбиво сказал Эдик, — пиши телефон.

После Ольгиного ухода он вышел на улицу покурить, ради разминки обойдя по периметру захламлённый участок промзоны, ещё

хранивший в бурьяне осколки тёмно-красного церковного кирпича. Из части кладки на прилежащей территории был сооружён холодный склад и общественный туалет, заколоченный досками за своей ненадобностью.

Мысли вяло бежали по кругу, собирая воедино разрозненные кусочки событий, из которых вытекала необходимость телефонного звонка, чтобы заказать запчасть и попутно пристроить Павла в одно тёпленькое местечко. Правда, риск есть, и немалый, но кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

* * *

Павел посмотрел на себя в зеркало над телефонным столиком, безуспешно пытаясь придать лицу беспечное выражение.

Пять минут назад Эдькин телефонный звонок оторвал его от тарелки с макаронами, собственноручно сваренными на ужин для себя и бабушки. Сама бабушка Катя, как всегда, моталась по частным урокам музыки и приходила домой не раньше восьми вечера.

Телефон стоял в общем коридоре, и, чтобы разговор не стал достоянием всей квартиры, приходилось прикрывать ладонью трубку микрофона.

Из трубки доносился голос Эдика:

— Привет! Не надеялся застать тебя дома. Тебе что, Наташка отставку дала?

Не став объяснять, что Наташа с мамой поехали к тётке, Павел сухо ответил:

— Привет!

Говоря, он отодвинулся, чтобы пропустить соседку Зину с ребёнком на руках. Но она, словно нарочно, задержалась около него, оставляя в воздухе острый запах цветочных духов и крепкого табака.

— Да ты не обижайся, — хохотнул Эдик, — это я так шутю про Наташку. Шучу, то есть. А вообще у меня к тебе серьёзное предложение. Насчёт денег, что ты у меня спрашивал.

Зина снова прошла в кухню, на этот раз без ребёнка, но в расстёгнутом халате, из-под которого виднелась розовая сорочка с кружевом по подолу.

Не желая встречаться глазами с её бесстыжим взглядом, Павел отвернулся к стене:

— Я слушаю.

— Так вот, — Эдик умел моментально переключаться на деловой тон, — я, конечно, могу подкинуть тебе пару сотен на модный прикид, но, сам понимаешь, долги приходится отдавать. Поэтому я покумекал и решил свести тебя с одним чувачком из местных. Может, ты знаешь: Колька-фарц.

Павел перебрал в уме общих знакомых, но ни одного Кольки среди них не обнаружил, если не считать бывшего одноклассника:

— Не припоминаю такого.

— Ну и ладно. Познакомишься. В общем, слушай сюда: я договорился, что Колька-фарц возьмёт тебя в долю и приобщит к бизнесу. А там уж как сумеешь раскрутиться. Колька клялся, что если попрёт фортуна, то джинсы можно за неделю накалымить. Сечёшь?

Энергичный голос Эдика уверенно перемещал Павла на другую орбиту существования, в которой нет места унижительной нищете, а есть джинсы с заклёпками, сидящая дома бабушка с вязанием в руках, стиральная машинка у двери в комнату и свежие букеты роз для любимой девушки.

— Записывай адрес!

— Подожди секундочку. Карандаш куда-то закатился, — Павел положил трубку, наклонился и нашарил карандаш у стены, успев заметить прошлёпавшие мимо тапки Зинаиды, — диктуй.

Торопливой скороговоркой Эдька продиктовал адрес и сообщил, что Колька ждёт его у себя в семь вечера. Потом напомнил, что дело рискованное, но выгодное, и отключился.

После телефонного разговора Павел нашёл на тарелке совершенно холодные макароны, поверх которых уныло застыли жёлтые капли тёртого сыра. Аппетит пропал, а тащиться в кухню разогревать не хотелось.

В ожидании встречи с Колькой он попробовал позаниматься математикой, но любимые формулы сегодня не притягивали внимания, и Павел целый час просидел на подоконнике, вспоминая то немногое, что знает о фарцовщиках.

Оказалось, что знания о подпольном бизнесе ограничиваются слухами о студентах, с треском выгнанных из университета, да парой баек о советских миллионерах, отсиживающих в местах заключения. Кроме того, по телевизору показывали репортаж о расстрелянном директоре универмага «Елисеевский», но это была совсем другая история, от которой тоже становилось мутно.

Колька-фарц жил в паре кварталов от Сосниных в отдельной квартире, выделенной из коммуналки, и звонить к нему в дверь полагалось особым кодом — три звонка длинных, три коротких.

Шпионские предосторожности вносили в душу нотку тревоги, и когда Павел позвонил в дверь, он чувствовал себя почти Штирлицем, стоящим на пороге кабинета оберштурмбанфюрера Мюллера.

— Кто там? — проблеял из-за двери высокой тенорок, и Павел ответил, как договаривались:

— От Кострова из авторемонта.

Дверные замки по очереди прощёлкали несколько раз, приоткрывая дверь в Колькину комнату.

Переступив порог, Павел оказался лицом к лицу с невысоким худеньким парнем, затянутым в джинсы и кожаную жилетку. Длинные каштановые волосы обрамляли узкое лицо, казавшееся треугольным из-за бородки клинышком, а рука, протянутая для пожатия, щеголяла длинным ногтем на мизинце и серебряным перстнем с чёрным черепом вместо камня.

— Проходи, — мотнув бородёнкой, Колька неопределённо указал на середину комнаты.

Выбрав место, куда присесть, Павел опустился на единственный свободный стул, через спинку которого была перекинута яркая нейлоновая куртка с биркой на пуговице. Остальное пространство небольшой комнаты занимали стопки журналов, полиэтиленовые пакеты и нагромождения пёстрых коробок всех форм и размеров, а на столе лежало несколько розовых электронных часов в пластиковом корпусе.

Перехватив направленный на часы взгляд, Колька пояснил:

— Торгонавты привозят. Сейчас самый ходовой товар. Четверик, то есть двадцать пять рублей, штука. Не хочешь купить своей девчонке?

Павел представил розовые часы на руке Наташи и не стал отказываться:

— Хочу, но только у меня денег нет. И ещё, объясни, кто такие торгонавты?

— Деньги ерунда, — беспечно скривился Колька, лихим щелчком выбив сигарету из пачки «Мальборо», — будешь меня слушаться, хватит бабок и на часы, и на джинсы, — довольный рифмой, он хохотнул. — А торгонавты — это морячки, которые в загранку ходят. Но у них своя клиентура, хотя и мне иногда с барского плеча перепадает, особенно если большая партия товара пришла. Есть ещё гамстики. Они совсем мелкота, из тех, что у туристов жвачку выпрашивают, чуингам по-ихнему, и есть бомбилы, которые иностранцев на вещи покрупнее раскручивают. Я, например, водку на колготки менял. Хорошо шло.

При каждом слове борода Фарца дёргалась то вверх, то вниз, вызывая ассоциацию с козлом около капусты, который хочет схрумкать кочан, но не может до него дотянуться.

Наблюдая за самодовольным лицом Кольки, Павел осторожно поинтересовался:

— Ты и сейчас водку на колготки меняешь?

С водкой и колготками он себя решительно не мог представить. Но, к его облегчению, Колька отрицательно замахал руками:

— Нет! Сейчас я у фирмачей оптом беру. Но сам понимаешь, дело опасное, при облаве можно лет на семь на шконку загнать, поэтому нужен надёжный человек на подхвате. А раз тебя сам Костров рекомендовал, то ты подойдёшь.

Семь лет тюрьмы! Названная цифра так поразила Павла своей огромностью, что он забыл то, о чём хотел спросить. По-видимому, хозяин принял его молчание за согласие, потому что загасил окурок в пустой консервной банке, само собой импортной, и двинул по столу пару рюмок:

— Давай скрепим сделку, — доставая из серванта бутылку виски, Колька случайно задел локтем колченогую табуретку, с которой с грохотом упало на пол несколько деревянных досок. — Чёрт, развернуться негде, — лягнув ногой по грязному паркету, он отфутболил к Павлу три иконы размером с обложку учебника, — будь другом, подними, а то у меня руки заняты.

Павел нагнулся:

— Что это?

— А, иконки! Возьми себе на заметку, старичок, — товар ценный. За них можно не одну пару джинсов выменять. У твоих предков, кстати, дома не завалялось?

Не сразу ответив, Павел взял в руки иконы, мысленно подивившись их тяжести:

— Нет. У нас нет.

С двух икон на него смотрели глаза Богородицы с Младенцем, а на третьей стоял старичок, держащий на ладони церковь.

Опасаясь уронить, Павел аккуратно сложил иконы на журнальный стол и вдруг вспомнил,

что у бабушки Кати тоже есть иконка, висящая в углу над кроватью.

Может, ценная? Надо будет узнать.

* * *

Голубой «фольксваген» Ольги Владимировны Жихаревой выехал из ремзоны только через месяц.

Всё это время начальник станции техобслуживания Иван Егорович при встрече грозил Эдику кулаком и страшал:

— Ну, Костров, устроил здесь частную лавочку! Припомню я тебе, ни одного отгула не дождёшься!

Когда Егорыч ругался, его лысая голова розовела на макушке, и слесари шутили, что Егорычу пора заказать себе каракулевый паричок, как у одного знаменитого певца.

Эдику приходилось молитвенно прижимать к груди стиснутые кулаки и едва не кланяться:

— Иван Егорович, отец родной, слово даю, в последний раз. Не смог отказать старой знакомой.

Под косыми взглядами других слесарей Эдик про себя не раз закаялся, что связался с иномаркой, но отказаться от заказа не мог, потому что машина поиска запчастей была запущена и начала работать.

Первым звеном в цепочке стал Колька-фарц. Он передал заказ знакомому торгонавту, тот свистнул армейскому дружбану, который в свою очередь связался с интендантом из группы советских войск в ГДР. И только когда заветная коробочка с запчастью пересекла пограничную станцию Чоп и прибыла на Варшавский вокзал, Эдик позвонил Ольге на рабочий телефон:

— С пионерским приветом, Оля! Можешь завтра забирать свою лайбу.

В трубке слышался отдалённый шум голосов, сквозь который прорывался высокий женский голос, споривший о соцсоревновании. Наверное, шло совещание, и поэтому Ольга не стала долго разговаривать, а отрывисто спросила:

— Сколько?

Сумма денег за ремонт и запчасть набралась немалая, поэтому Эдик подлил в интонацию сожаление:

— Двести.

— Хорошо. Приеду после работы, часов в семь.

Нельзя сказать, чтобы обабившаяся к двадцати семи годам Ольга заинтересовала Кострова как женщина.

Стройной студентке Танечке из педагогического она не шла ни в какое сравнение, но букетик цветов Эдик на всякий случай прикупил,

можно сказать, как старой боевой подруге, которой отдано много пионерских салютов.

Ольга заявила ровно в семь, когда слесари вышли на перекур, гуртом стоя около ящика с песком, притиснутого вплотную к холодному гаражу.

— Вон твоя краля идёт, — неприязненно сказал Михеич. — Ишь ты, на такси подкатила. Не ходит пешком, значит.

Он сплюнул я ящик и подмигнул Эдику:

— Ты бы, парень, варежку не разевал, а охоту бабу. Сразу видно, что она незамужняя. Самому тебе до иномарки ещё долго копить, а тут раз-два, и в дамки.

— А что, смотри, какая красавица! Отвоясь не насмотришься, — поддержал шутку кривоногий кузовщик Никонов. Он недавно женился на молоденькой девушке и при каждом удобном случае старался напомнить о своей удачливости.

Эдик досадливо отмахнулся от насмешек:

— Да ну вас, мужики, скажете тоже.

Но помимо его воли в мозгу заворочалось хитренькое желание приударить за Ольгой и посмотреть, как она живёт. Зачем — он и сам не смог бы сформулировать, потому что о серьёзных отношениях не думал вообще и всем потенциальным невестам давал понять, что в загс его на аркане не затащишь.

В этот раз Ольга сменила дублёнку на длинное кожаное пальто с песцовым воротником и надела сапоги на платформе, которая недавно вошла в моду. Хотя толстая подошва превращала ноги девушек в неуклюжие утюги, обувь смотрелась стильно и вызывала желание лишний раз проехаться по ней взглядом.

Шикарная одежда придавала Ольге солидности обеспеченной дамы, вхожей в валютный магазин «Берёзка», и Эдик, протягивая букетик фиалок, не удержался отпустить комплимент:

— Хорошо выглядишь, Оля.

Она бросила на него быстрый взгляд и поправила:

— Ольга Владимировна.

Небрежно взяв букет, Ольга положила его на заднее сиденье и опустилась в кресло водителя, мигот превращаясь в рекламную красавицу с обложки журнала.

В который раз Эдик удивился, как женщины умеют мимикрировать.

Женщина за рулём и женщина с кошёлкой — две совершенно разные особи, по странной случайности принадлежащие одному полу. Его мать, работавшая на конвейере плавленных сырков, редко сиживала в автомобилях, зато всегда таскала домой тяжёлые авоськи, забитые продуктами. И жизнь её походила на такую же застиранную авоську — выцветшую

и дырявую, — все дни похожи один на другой, как ячейки в сетке: молокозавод, магазин, стирка, готовка, сон и снова молокозавод. Даже в выходные мать не отдыхала, изредка присаживаясь перед телевизором, чтобы посмотреть фильмы о любви. Тогда в её глазах появлялась незнакомая синева, а сцепленные руки с набухшими венами начинали нервно подрагивать.

В отличие от рук матери, руки Ольги, уверенно лежавшие на руле, вызывали не тоскливую жалость, а уважение к мужской хватке холёных пальцев с перламутровым маникюром.

Деньги за запчасти уже грели задний карман брюк Кострова, и Ольгин сапог переместился на педаль сцепления, но, неизвестно почему, Эдик вдруг спросил:

— Помнишь, как церковь сносили?

Ольга подняла голову:

— Помню. А почему ты спросил?

Эдик облокотился на крышу «фольксвагена», с высоты своего роста глядя на ласточку бровей, летящую над её глазами. Похоже, Ольга не такая старая, как показалось на первый взгляд...

Пожав плечами, он излишне поспешно ответил:

— Я тот день часто вспоминаю. Машины рвутся в бой, шар крушит стены: шум, грохот! Стихия! Сама понимаешь, место располагает.

Кстати, с Павлом Сосниным я до сих пор дружу. Ты помнишь Павла? Он учится в универе на математика. Говорят, будущее светило советской науки.

Про себя он думал, что его не к месту развезло на воспоминания, да и Ольга открыто проявляла нетерпение, то и дело прикасаясь рукой к ключу зажигания. И всё же не убирал локоть с машины, продолжая допытываться:

— Ты наш класс вспоминаешь? Знаешь, что, когда ты школу закончила, нам поменяли классного руководителя, а Надежда Викторовна уволилась. И вожатых из старшеклассников больше не назначали. Мы на собрании отряда председателем Серову выбрали. А Светка Алексеева переехала. Ну, та, которая в церковь ходила. Помнишь?

Войдя в раж, Эдик тараторил и тараторил, пока Ольга не нажала на клаксон. Резкий гудок оборвал поток слов, и Эдик наконец отпустил машину:

— Ну, бывай, пионервожатая. Звони, если машина сломается.

Ольга, надавив на газ, не ответила, но, когда машина выехала за ворота станции и красные габариты скрылись за поворотом, Эдик задумчиво обтёр руки о спецовку:

— Разговаривать с работягой брезгуешь? Ну-ну... Ещё посмотрим, чья возьмёт.

* * *

Дорога, по которой поехала Ольга, заканчивалась тупиком. Пришлось сдавать назад и неуклюже разворачиваться в проулке, рискуя задеть бампером бетонную клумбу, заваленную шапкой снега. И какой идиот поставил здесь клумбу?

За месяц без руля она успела отвыкнуть от своей любимицы и теперь наслаждалась каждой секундой, проведённой в водительском кресле. От чувства единения с машиной покалывало кончики пальцев, разливая по телу приятную теплоту. Какое несравненное счастье иметь собственный автомобиль!

Ольга начала мечтать о машине ещё в школе, когда однажды на Всесоюзном слёте пионервожатых увидела, как к концертному залу подруливает длинная чёрная «чайка» с флажком на капоте.

В ожидании начала заседания делегаты слёта группками стояли на широком крыльце или прохаживались вдоль длинных ступеней, взволнованно поправляя пионерские галстуки и алые пилотки, которые озорно сбивал прохладный весенний ветер. Слёт был приурочен к девятнадцатому мая — дню рождения пионерской организации.

Начинал накрапывать дождик, и Оля подумывала, что надо бы пойти под навес, как вдруг со

стороны Невского проспекта показалась машина, но не обычный «москвич» или «запорожец», а нечто мощное и солидное. Никогда прежде Оля не видела такого красивого автомобиля, как этот — сверкающий чёрным лаком и хрустальными стёклами. На капоте огоньком горел маленький алый флажок — частичка красного знамени, и все вокруг вдруг замолчали и стали смотреть, как открывается дверца машины, словно это было самое важное, что происходит сейчас на улице. Хотя человек, вышедший из машины, был коренаст, невысок и лысоват, все понимали, что на такой машине может ездить только большой человек, существующий в мире великих дел.

— Романов, сам Романов приехал, — побежала по толпе волна восторженного шёпота.

Кто-то начал аплодировать, пионеры и комсомольцы подхватили, и скоро вся площадь у концертного зала полыхала овацией.

Рядом с Олей худенький паренёк сложил руки рупором и выкрикнул:

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!

— Да здравствует Коммунистический союз молодёжи! — откликнулось ему с другого края.

Оля истово била в ладоши, пока они не заболели, но смотрела не на Романова, а на машину, и давала себе слово, что она обязательно будет ездить на необыкновенной машине и на неё

тоже будут восторженно и завистливо смотреть случайные прохожие.

Но «чайка» с флажком на капоте пока представлялась дивной мечтой туманного будущего, а удачно подвернувшийся «фольксваген» оказался доступным, хотя ради него и пришлось изворачиваться ужом и колотиться ежом.

С самого детства Ольга не привыкла отступать от намеченной цели, потому что вдоволь насмотрелась на безвольную мать и полуграмотную бабуку, которых презирала от всей души.

Отец ушёл из семьи в первые годы брака, когда Ольге не исполнилось и пяти лет. Мать работала дворником, а привезённая из деревни бабука толклась по хозяйству и день-деньской вязала носки из грубой шерсти. От неё дурно пахло кислыми щами и луком, а изуродованные работой руки походили на сучки корявого дерева.

Чёрная дыра — вот что находила в своей памяти Ольга, вспоминая дни, проведённые в стенах материнской служебной комнаты на первом этаже кирпичной пятиэтажки. Комната была малюсенькой и душной, и стены постоянно отпотевали, пузырями надувая дешёвые обои в мелкий цветочек.

Уроки Ольге приходилось делать на подоконнике, постоянно беспокоясь, чтобы бабука по рассеянности не поставила на тетрадки горячий чайник или грязную тарелку. По ночам бабука

храпела и стонала, мешая заснуть, а в пять утра начинала возиться мать, которой надо было идти на работу, убирать лестницы и подметать тротуар.

Сквозь сон заслышав тихое позвякивание чайника, Ольга на миг просыпалась и успевала подумать, что хуже профессии дворника нет ничего на белом свете. Лучше умереть, чем работать дворником.

Полной жизнью она жила только в школе, в отличие от дома чувствуя там себя не нищей дочкой дворничихи Фатимы, а отличницей и активисткой. Ольга всегда была на особом счету у директора, и если возникал вопрос, кого из школьников отправить на олимпиаду, съезд вожатых или выдвинуть на звание лучшего ученика в социалистическом соревновании, — ответ всегда был один: конечно, Ольгу Жихареву. Она поддержит честь школы и не подведёт.

— Оля Жихарева — гордость нашего класса, — говорила классная руководительница.

— Оля Жихарева — гордость нашей школы, — слышалось на педсоветах.

— Оля Жихарева — гордость района, — звучало на городских соревнованиях.

И только единственный раз Ольга Жихарева оказалась не первой. Это произошло в седьмом классе, когда на школу пришла разнарядка отправить лучшего ученика в пионерский лагерь «Артек». И хотя Ольга в мыслях уже паковала

чемодан и продумывала приветствие, в «Артек» поехала не она, а дочка завучихи — очкастая толстогубая Нинка.

Известие об этом оказалось такой силы, что Ольга проплакала все ночь, стараясь не шевелиться, чтоб не скрипеть расшатанной раскладушкой. Как же так? Почему? Такого просто не может быть! Но ответ на вопрос, который она задавала сама себе, рисовался яснее некуда: потому, что у Нинки мама завуч, а у неё дворник. Серая, глупая, необразованная мать — вот источник всех Олиных бед. Но ничего, через три года подойдут аттестат зрелости и институт, тогда она уедет из дома, но до конца школы обязательно отомстит Нинке, да так, чтоб та на всю жизнь попомнила.

Нинке Ольга отомстила в десятом классе, когда историчка объявила темы для городской олимпиады по истории Коммунистической партии.

В завершение учительница напомнила:

— Будьте внимательны, ребята, и работайте с огоньком. Пятерых победителей без экзаменов зачислят в университет на исторический факультет.

Весь класс знал, что Нинка спала и видела себя студенткой истфака, потому что туда собирался поступать Миша Васильев — тихий парень, за которым Нинка бегала, как привязанная.

Ольгины мозги всегда хорошо думали, но тут мысль заработала с особенной силой, один за другим выдавая варианты мести. Сначала Ольга надумала тайком перевести Нинкины наручные часы, чтобы она опоздала на олимпиаду. Но это представлялось слишком рискованным и ненадёжным. Поразмыслив получше, Ольга остановилась на самом незатейливом варианте: в последний день перед олимпиадой улучила минуту и втихоря вытащила Нинкину работу из портфеля.

До сих пор Ольга хорошо помнила чувство злорадного торжества, с которым разрывала листы бумаги, исписанные Нинкиным мелким почерком, и спускала их в унитаз.

Нинка ревела белугой на всю школу и металась по классу, перерывая каждый уголок в партах.

«Вы не видели мою работу на олимпиаду? А вы не видели?» — спрашивала она у одноклассников, шмыгая распухшим носом, на котором блестели слёзы.

«Нет, не видели», — отвечали ребята. Оля тоже сочувственно ответила, что не видела, хотя голос подрагивал от скрытого торжества. Отлились кошке мышкены слёзки!

Правда, в университет Нинка всё равно поступила, но на дневной факультет не прошла по конкурсу, и ей пришлось пойти работать

на завод и учиться на вечернем. В отличие от Нинки, Миша Васильев поступил на дневной и, по слухам, вскоре женился на однокурснице.

Сама Ольга в олимпиаде по истории отказалась участвовать, потому что исторический факультет в списке намеченных целей не значился. Перебрав несколько вузов, она без труда поступила в Технологический институт, благо там была сильная комсомольская организация, а значит, есть возможность стать заметным человеком, выдвинувшись в первые ряды комактива.

Став студенткой, Ольга сразу же отправилась в комитет комсомола и выбила себе место в общежитии. За десять лет, прошедших со школы, она навестила мать всего несколько раз, торопясь уйти под надуманными предлогами. Мать, казалось, понимала уловки дочери и не задерживала, только в уголках её глаз начинали блестеть крошечные слезинки.

Затормозив перед светофором, Ольга ревниво заметила восхищённые взгляды водителей соседних машин, оценивающих «фольксваген» и его владелицу. Ей льстило быть в центре внимания. Подавшись к рулю, она довольно посмотрела на букетик цветов на заднем сиденье, моментально восстановив в памяти масляный взгляд Эдика.

Смотри-смотри, бывший пионер Костров, распускай слюни: успешная женщина в ино-марке не про твою честь — обойдёшься фабричными девчонками.

* * *

Поджидая своего первого клиента, вернее клиентку, Павел стоял у памятника Пушкину с гвоздичкой в руках и изображал из себя влюблённого. Вечерело, но фонари ещё не горели, поэтому деревья в небольшом сквере казались особенно тёмными и мрачными. Скамейки вдоль дорожек пустовали, и по ним важно разгуливали голуби, считавшие центр города своей законной вотчиной.

Погода оставляла желать лучшего, методично посыпая Ленинград попеременно то дождём, то снегом. Маячить на одном месте надоело, но ходить по скверу Павел не рисковал, чтобы не привлекать к себе внимания посторонних. Продавщица мороженого уже взглянула в его сторону раз пять, а старичок в шляпе остановился у противоположного края скамейки и подозрительно закашлялся.

Колька-фарц сказал, что к нему должна подойти женщина по имени Эрика и спросить, как доехать до метро «Площадь Ленина». Эрика — курьер и привезёт партию товара, которую требуется доставить по назначению на конспиративную квартиру.

Что за товар, Павел не спросил, решив разумно действовать по пословице: «Меньше знаешь — крепче спишь». При мысли о конспирации и паролях на душе становилось муторно, но азартно, словно он начал играть в казаки-разбойники с выигрышем в пятьдесят рублей.

Хотя деньги ещё только были обещаны, но Павел уже успел распределить всю сумму: десятку он подсунет бабушке, на четвертной купит Наташе розовые часы, а пятнашку заначит на карманные расходы.

Когда из толпы прохожих взгляд выхватил высокую девушку в светлом пальто, он подумал, что это и есть Эрика, но дорогу к скверу пересекла круглая фигура в чёрной стёганой куртке, похожая на бабушку-божий одуванчик из популярного фильма.

— Вы не подскажете, как проехать до метро «Площадь Ленина»?

Русская речь звучала практически без акцента, и только слегка растянутые гласные выдавали уроженку загадочной Прибалтики.

Хотя Павел много раз представлял себе, как непринуждённо улыбнётся и произнесёт условленный отзыв, он вдруг растерялся, невпопад переспросив:

— До «Площади Ленина»?

— Именно так, — подтвердила божий одуванчик, в реальности оказавшись женщиной

средних лет с очень курносым носом и синими глазами. В правой руке она держала небольшой плоский кейс, отблёскивающий на уголках металлической отделкой, а в левой — круглобокую спортивную сумку из синей болоньи.

Усилием воли Павел стряхнул оцепенение и уточнил:

— Вы Эрика?

— Да, Эрика. А вас как зовут?

— Я Павел.

— Именно так мне и сообщили, — лицо Эрики приняло деловое выражение, и она кивнула на поникшую гвоздику в руках Павла, — если цветок мне, то вручай скорее и пошли. Мне надо вернуться в гостиницу до десяти. У нас очень строго.

— Извините, — Павел протянул цветок, намереваясь взять из рук Эрики кейс. Но она протянула сумку, оказавшуюся очень тяжёлой. Удивляясь мужской силе невысокой женщины, Павел чем дальше, тем больше прогибался под грузом, весившим, наверно, килограммов двадцать.

Дорогой они не разговаривали, потому что Павел не знал, о чём вести речь, а Эрика сумрачно смотрела по сторонам и лишь один раз отрывисто спросила:

— Ты коренной ленинградец?

Не вдаваясь в подробности, он согласно кивнул:

— Да, — хотя отлично помнил, что в свидетельстве о рождении местом рождения был указан город Оренбург, откуда мама привезла его бабушке.

В конспиративную квартиру, которую Колька-фарц именовал хазой, добирались на двух автобусах с пересадкой у Финляндского вокзала. Павлу ещё ни разу не доводилось бывать в этом районе, и он всё время боялся сбиться с курса, напряжённо отсчитывая остановки. Когда автобус затормозил на нужной улице, Павел ощутил такую усталость, словно всё это время не ехал, а бежал сзади, боясь отстать.

Напряжение не отпускало, он продолжал держаться настороже, с завистью поглядывая на невозмутимое лицо Эрики. У третьего подъезда серой многоэтажки Павел оглянулся по сторонам, потому что Колька-фарц строго-на-строго предупредил заходить внутрь, только если рядом не будет посторонних.

Между двух проводов ветром мотало электрический фонарь, и кругом не виднелось ни одной живой души.

— Нам сюда.

Придержав дверь, Павел пропустил Эрику вперёд, троекратно позвонил в условленную квартиру, и, едва хозяин открыл, его охватило блаженное чувство лёгкости, словно после трудного экзамена.

Высокий белокурый парень в модном прикиде как старой знакомой улыбнулся Эрике, но его в квартиру не впустил, а с ходу протянул скатанные в трубочку деньги:

— Можешь не считать — ровно стольник без обмана. Чирикни Кольке-фарцу, что следующую партию жду через неделю.

— Я передам.

Трубочка из денег перекочевала в карман Павла, и, когда тяжёлая дверь, обитая чёрным дерматином, захлопнулась, он опустился на несколько ступенек вниз и присел на подоконник.

Вот и всё. Ничего особенного не случилось. Все живы и здоровы, а скудный бюджет советского студента значительно пополнился.

Оказывается, на чёрном рынке один час тревоги оценивается в пятьдесят рублей — столько, сколько он получает за месяц учёбы в универе.

Доступная лёгкость, с которой удалось получить деньги, кружила голову приятными мыслями о глазах Наташи, наполненных восхищением, и хотя где-то в глубине сознания ворочалось чувство стыда, Павел постарался избавиться от него с помощью подсчётов выручки. Парень из конспиративной квартиры сказал, что следующую партию ожидают через неделю, и если Колька-фарц не обманет, то через несколько заходов его ноги прочно поселятся в фирменные джинсы. За джинсами последует пальто

для бабушки Кати, потом хорошо бы купить кассетный магнитофон, только не отечественную «Электронику», а импортный, такой как у Эдьки. Ещё хотелось приобрести золотое колечко для Наташи, потому что буквально вчера она поделилась мечтой о перстеньке с красным камешком. А на день рождения Наташу можно будет сводить в настоящий ресторан. Ребята рассказывали, что в зал можно попасть, сунув швейцару пятёрку или десятку. Правда, в ресторан пускают только в костюме и при галстукe, а если нет костюма, то никакой швейцар не выручит. Значит, нужен приличный костюм, а к нему галстук.

Желания стремительно нарастали, как снежный ком в зимнюю оттепель, и скоро Павел понял, что подсчитывать будущую выручку — занятие неблагодарное, потому что набежит такая сумма, что впору идти грабить банк.

Но чтобы заработать кучу денег сразу, Колька-фарц советовал найти и продать иконки. Не бумажные, как бабушкина, которую он и не продал бы даже за миллион долларов, а настоящие, старинные, в тяжёлых серебряных окладах, подёрнутых благородной патиной.

* * *

Павел уже не в первый раз замечал, что весна всегда приходит внезапно. Казалось, буквально

вчера за окнами выла метель, непрошено врываясь в форточку и стуча в стекло снежными ладонями. А сегодня на календаре апрель, и на доске объявлений в университете вывешено напоминание о Всесоюзном коммунистическом субботнике.

Обычно он субботники не любил и всегда отлынивал под любыми предлогами, но сегодня почему-то захотелось пойти размяться, пусть даже и с граблями в руках.

Наверное, дело в том, что с юга задул тёплый ветер, поднимая в воздух волну запаха прелой листвы, перемешанного с запахом весенних ручейков и капли. По мокрому асфальту растекались лужицы грязи, выталкивая сквозь щели тугие головки мать-и-мачехи, а девушки, словно по тайному сговору, разом переоделись в короткие юбки и яркие куртки.

Инвентарём ведала староста курса Марина Лимарёва — высокая серьёзная девушка с короткой стрижкой и мужским складом ума. От бесшабашных студенческих затей она всегда держалась отстранённо, как старшая, и никому из однокурсников Павла не приходило в голову за ней ухаживать.

Павел относился к Марине с уважением, но никогда не дружил, поэтому удивился, когда она, вместо того чтобы молча выдать ему лопату, сказала:

— Подожди меня здесь, Соснин. Не теряйся из виду, есть разговор.

Поскольку около Марины ещё лежала солидная охапка граблей и метёлок всех сортов и размеров, Павел отошёл немного в сторону и принялся энергично перекапывать клумбу под цветы, как будто хотел докопаться до центра Земли.

Потребность в движении заставляла вонзать штык лопаты всё глубже и глубже, с силой переворачивая слежавшиеся пласты мокрой земли. Наполовину оттаявшая почва похрустывала под лопатой запоздалыми льдинками, обещая вдосталь напоить всходы влагой.

Хорошо весной, душа поёт!

Разогнувшись, чтобы передохнуть, Павел кинул взгляд на Марину, и она ответно махнула рукой:

— Я скоро освобожусь.

От свежего ветра Маринина причёска совсем растрепалась, отдалённо напоминая венок из осенних листьев. А когда Марина улыбалась, губы её выгибались в алую дужку, придавая лицу особое очарование.

«Да она хорошенькая», — с удивлением подумал Павел, словно в первый раз увидев старосту группы, за которую проголосовал ещё на первом курсе.

Но помимо его воли интерес к Марине мгновенно угас и мысли закружились вокруг совсем другого лица с тёмной чёлкой и сливовыми глазами. Наташа! Стройная, нежная, с мягкими руками, пахнущими молоком и мёдом.

— Это потому, что я прохожу практику на молокозаводе, — смеялась она, когда он отогревал поцелуями её замёрзшие пальцы.

Теперь Наташа могла быть вполне довольной, потому что у него появились фирменные джинсы, а у неё электронные часы в розовом корпусе и настоящие французские духи с волнующим названием «Мажи нуар». Их отношения стали напоминать какую-то детскую игру на повторение. Каждый раз при виде букета или коробки конфет Наташа наигранно удивлялась:

— Неужели это мне?

Ответ всегда звучал одинаково:

— Конечно, тебе, и только тебе!

В последнее время её глаза не смотрели на него тусклыми льдинками, как бывало раньше, а лучились тёплым светом, обещавшим долгое счастье.

Перевернув последний пласт земли, Павел отступил назад, едва не налетев спиной на приятеля с параллельного курса, и тут же увидел Марину, которая шла навстречу.

Её голос показался ему взволнованным:

— Давай отойдём в сторонку.

— Давай.

Одновременно повернувшись, они чуть не столкнулись лбами, но Марина сразу погасила вспыхнувшую улыбку:

— Я не знаю, как начать...

Нервным движением она повертела в руках метёлку из прутьев. Видеть смущённой всегда невозмутимую Марину было забавно, и, чтобы завязать разговор, Павел шутливо предложил:

— Начни с начала.

Но Марина шутку не поддержала, а задумчиво опустила взгляд на его ноги в новеньких джинсах фирмы Леви Страус.

Ах вот в чём дело! Павел внутренне усмехнулся. Наверное, будет просить достать ей джинсы. По этому вопросу к нему подходило уже несколько человек с курса. Заводя разговор издалека, они вроде бы как невзначай интересовались ценой, а в конце просили иметь их в виду, если вдруг подвернётся что-нибудь такое этакое, но обязательно фирменное и модное, и желательно в рассрочку.

Решив не тянуть кота за хвост дипломатичными намёками, Павел напрямик спросил:

— Ты о джинсах хотела спросить?

— Да, о джинсах, — утвердительно кивнула Марина, — я заметила, что в последнее время ты стал лучше одеваться и у тебя появились деньги. Позволь спросить откуда?

От вопроса Марины Павел как будто окунулся головой в сугроб, опаливший щёки колючим холодом. Да какое она имеет право?! Кто она такая?!

Едва сдерживая вспыхнувший гнев, он с деланой медлительностью отряхнул ладони от въевшейся в черенок земли:

— Не твоё дело.

— Нет, моё! — не отступала Марина. — Я староста курса и не хочу, чтобы с тобой случилась беда.

Павел возмутился:

— Я что, маленький, чтобы ты меня учила? Или обязан перед тобой отчитываться? Ты мне что, жена?

Он заметил, как Маринина шея начала краснеть, наливаясь розовым цветом, и, видимо, Марина уловила его взгляд, потому что резким движением перекинула через голову косынку, прикрываясь от его глаз.

— Послушай, ты не маленький, ты взрослый и умный. Самый умный на курсе, — она начала говорить горячо, но с каждым словом умаяла голос всё ниже и ниже, пока не дошла до шёпота, — и поэтому ты не должен связываться с этими, с фарцовщиками. Ведь если тебя выгонят из университета, ты много потеряешь. Что ты будешь делать? Куда пойдешь?

Маринины слова били в точку, потому что Павел и сам не раз думал о плохом варианте развития событий, но наивная Маринка не предполагала, что вылет из универа — не самое худшее из зол. Если бы она слышала рассуждения Кольки-фарца про семь лет на нарах, то запела бы другую песню, а может, и руки бы ему не подала. Но одно дело размышлять о своих поступках самому, и совсем другое — слышать нравоучения от девушки.

Хотя самым сильным желанием было сломать черенок лопаты об коленку, круто развернуться и уйти, он всё же выдержал паузу, чтобы ответить:

— Придумаю что-нибудь. Пойду учителем в школу или грузчиком в порт.

Чтобы закончить неприятный разговор, Павел демонстративно закинул на плечо лопату и громко обратился к двум девушкам, проходившим мимо:

— Девчонки, работой нагрузите?

— Ой, каким Соснин стал сознательным, как джинсы надел, — они хихикнули между собой и указали на островок земли между двух ёлок, — иди там копай, а мы тебе помогать будем.

Хотя настроение было безнадёжно испорчено, он подмигнул подругам и затараторил какой-то пошлый анекдот из тех, которые не задерживаются в памяти дольше трёх дней.

Ну, Маринка, ну, зараза, удружила. То ли дело его Наташа, которая не лезет с дурацкими расспросами, откуда деньги и джинсы.

Кстати, джинсы для Наташи уже заказаны и скоро придут с очередным курьером, сразу после встречи с которым в кармане вновь приятно зашуршат розоватые бумажки с портретом Ленина.

Если бы ещё для бабули убедительно выдумать, откуда появляются деньги, то было бы совсем хорошо. Его тяготило, что постоянно приходится обманывать, потому что от этого на душе скребут даже не кошки, а уссурийские тигры.

* * *

«Нет! Что-то в жизни не так! Ощутить радость мешает что-то неправильное и ненужное», — думал Павел, анализируя, почему ни благосклонность Наташи, ни деньги не приносят ему счастья — волшебного и яркого, как новогодняя мандаринка.

Незаметно для себя, он стал меньше посвящать времени учёбе, появились усталость и раздражительность, и он всё чаще замечал на себе тревожный взгляд бабушки Кати. Чтобы её успокоить, Павел сводил разговоры к шуточкам, а когда бабушка спросила, сдал ли он последний зачёт, беспечно махнул рукой:

— А, успеется. Лучше посмотри за окно — какая чудная погода! Весна, бабуля!

Действительно, весна...

С того майского дня, как не стало сына, Екатерина Семёновна отсчитывала годы вёснами. Вот и ещё одна весна без Ванечки. Двадцать пятая. Сырая и туманная, как все петербургские вёсны.

Екатерина Семёновна так и не смогла привыкнуть к новому названию города, и упрямо именовала его Петербургом, часто вспоминая слова из Екклесиаста: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои»¹.

Порой, закрывая глаза, она представляла себе Петербург частичкой ветра, летящего в потоке времени. Перед глазами мелькали дома, в которых она бывала, купола храмов, на месте которых ныне заросшие пустыри, тихие кладбища, ещё не застроенные высотными домами.

Петербург был городом её детства. Здесь она родилась, ходила в детский очаг, теперь это называется детским садом, бегала в гимназию на углу Измайловского проспекта.

На лето семья уезжала в Павловск, где отец, служивший гражданским инженером, строил

¹ Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, глава 1, стихи 5–6.

дом для дворцового ведомства. Через призму прошедших лет дачный Павловск видится в золотом сиянии солнца, которое стекало с неба через прорехи в зелёной листве старого парка. По дорожкам парка неспешно гуляли нарядные горожане, а дети кормили с рук шустрых белок.

Но чистый и светлый Петербург внезапно исчез, а на его месте возник грязный и тёмный революционный Петроград, с голодными очередями и пьяными матросами с винтовками за плечами. В Петрограде навсегда остались мама и папа, однажды вечером не вернувшиеся домой с холодной улицы.

Потом Петроград тоже пропал, уступая черёд Ленинграду, который часто называют городом Ленина. На площади у Смольного института Екатерине Семёновне довелось видеть Ленина — коротконого, плюгавого господинчика, совсем не похожего на величественный город, выстроенный царём Петром.

В Ленинграде Екатерина Семёновна вышла замуж и родила сына Ванечку.

Муж Евгений работал биологом в Институте растениеводства, выводил новые сорта пшеницы и совершенно растерялся, когда ночью раздался требовательный звонок в дверь и вошли трое в форме и несколько гражданских в тёмной одежде.

— Собирайтесь, гражданин Соснин, вы арестованы. Ознакомьтесь с ордером на обыск.

До сих пор живо в памяти, как кинулся к отцу маленький Ванечка, стараясь спрятаться за его ногами от страшных незнакомцев, а муж шарил рукой по столу и не мог найти очки.

Один из военных сел за стол и стал описывать обстановку в квартире, размеренно произнося вслух:

— Два книжных шкафа, пианино, кровать, платяной шкаф, две тумбочки...

Люди в штатском, не обращая внимания на хозяев, перетряхивали книжки из шкафа, бросая томики на пол прямо посреди комнаты. Носатый офицер, вооружившись ножом, вспарывал содержимое подушек, не забыв разрезать живот Ванечкиному плюшевому мишке.

Потом, когда прошли первые минуты ужаса, Евгений поймал мятущийся взгляд Екатерины Семёновны и спокойным голосом попросил:

— Поиграй мне, Катя, на прощание.

Всё плыло в отуманенной голове, мысли растекались, таяли, в память впечатывались случайные звуки и шорохи. Сначала руки тряслись, а пальцы не попадали по клавишам, но музыка всё властней унимала дрожь, возвращая твёрдость душе и телу.

Она играла отрывок из симфонии Гайдна. Той самой, которая называется Прощальной.

Надпись в начале партитуры гласит: «Во имя Господа от меня, Джузеппе Гайдна. 772», а в конце по-латыни: «Хвала Богу!»

Всё время, пока шёл обыск, Екатерина Семёновна играла, а Евгений с Ванечкой на руках стоял рядом и не отрываясь смотрел на её лицо.

Муж больше не вернулся, погибнув на лесозаготовках под северным небом Ивдельлага.

После того как мужа увели, в душе поселилась звенящая пустота, какая живёт внутри скрипки с оборванными струнами и переломанной декой. Если бы не Ванечка, требующий заботы и любви, она бы, наверное, погибла от тоски и горя. Но Ваня рос, ходил в школу, и постепенно Екатерина Семёновна стала замечать, что на улице идёт дождь или светит солнце, а еда имеет вкус и запах.

Когда Ванечке исполнилось двенадцать лет, началась война.

По ленинградским мостовым затопали сапоги солдат, а по городу огнём полыхнула весть о пожаре на Бадаевских складах.

До сих пор Екатерина Семёновна думает, что муж на небесах вымолил жене и сыну Ангела Хранителя, потому что в блокаду они не попали, успев уехать в эвакуацию вместе со школой.

До войны Екатерина Семёновна преподавала пение, но в эвакуации взвалила на свои плечи почти все хозяйственные обязанности. Надо

было обстирать и накормить учеников, подштопать им вещи, почитать, утешить, написать родителям, чтоб не волновались. Она была даже рада, что так много работы, потому что не оставалось времени думать и вспоминать. Но самое главное, рядом был Ванечка — ниточка, которой она крепко-накрепко привязана к жизни.

Ваня рос спокойным, рассудительным мальчиком, до мелочей похожим на отца. Он, как отец, морщил нос, когда бывал недоволен, и не любил жаловаться, даже если лежал с высокой температурой или острой болью. За военное время Ванечка вырос, вытянулся и стал напоминать молодого лосёнка с нежными глазами и угловатыми жестами, идущими от юношеской застенчивости. Душой он тянулся к музыке, и поэтому Екатерина Семёновна несказанно удивилась, когда сын сообщил, что собирается поступать в Горный институт на факультет геодезии. Прометавшись всю ночь на узком диване, Екатерина Семёновна решила не возражать, потому что, во-первых, Ванечка не был склонен к необдуманным поступкам, а во-вторых, потому что настоящие мужчины должны действовать самостоятельно без маминой подсказки.

Скоро пришло убеждение, что Ванечка увлёкся геодезией серьёзно и надолго. Целыми днями он изучал толстые книги по геологии, чертил какие-то схемы и составлял планы.

«Только бы он был здоров и счастлив», — думала Екатерина Семёновна, украдкой крестя голову сына, склонённую над письменным столом. Когда он замечал её благословение, то отрывался от конспектов и улыбочиво глядел на неё сияющими глазами, которые сразу воскрешали в памяти погибшего Евгения.

Когда перед окончанием института Ванечка привёл домой невесту Киру, Екатерина Семёновна постаралась принять её как дочь. Она не понимала языкастых свекровок, любящих перемыть кости своим невесткам: ведь муж и жена — единая плоть, и, значит, обхаивая невестку, ты посылаешь проклятия своему собственному ребёнку.

Светловолосая Кирочка с наивным взглядом провинциальной девочки казалась беззащитной в чужом городе, куда она приехала из Ферганы поступать в Горный институт.

Оказывается, они с Ваней учились вместе с первого дня, но обратили внимание друг на друга только на последнем курсе, когда начали работать над одной темой.

Из них сложилась хорошая пара, где Ванечкины основательность и надёжность гармонично уравновешивались романтичностью Киры.

Глядя на молодых, Екатерина Семёновна верила, что наконец теперь её жизнь покатится по ровным рельсам, где каждой станцией будет

очередной внук, а тревоги и беды останутся за дальним горизонтом. Но судьба распорядилась иначе, и Ваня с Кирой по окончании института получили распределение в Павлодарский край, где по приказу партии шло освоение целинных земель.

Ах, если бы можно было повернуть время вспять и вернуться к точке отсчёта, то Екатерина Семёновна никогда, ни за что не отпустила бы Ваню и Киру ехать одних, без неё. Птицей бы полетела за поездом, пешком пошла по шпалам, только бы оказаться рядом тогда, когда Ваня заболел, но отказался прервать работу и показаться врачу.

— Я даже не знала, что у Ванечки воспаление лёгких, — плача рассказывала на похоронах невестка, — он ни на что не жаловался, только пил много и шумно дышал. А когда потерял сознание, то оказалось, что медицина уже бессильна. Нужны были антибиотики, а в поселковом медпункте кроме зелёнки и йода других лекарств нет. Ну и...

Невестка буквально обезумела от горя, и Екатерина Семёновна всё время обнимала её за плечи, словно желая передать частицу своей силы, которой едва хватило, чтобы добраться до дома.

Екатерина Семёновна вернулась в Ленинград ослепшая и оглохшая от горя. Ослепшая

и оглохшая она ходила на работу, разговаривала, спала и что-то ела, совершенно не чувствуя вкуса пищи.

Три года после смерти сына слились в одну невероятно длинную ночь, где единственным лучиком света служила молитва за дорогих усопших. За себя она не просила. К чему ей жизнь, если счастье никогда больше не переступит через порог её комнаты?

Но муж снова упросил за неё Господа, и однажды весной, накануне Ванечкиной годовщины, раздался робкий стук в дверь...

* * *

Этот день не задался с самого утра, потому что ночью у Павла заныл зуб. Боль сверлила по нарастающей, и, когда зазвонил будильник, до щеки было не дотронуться.

Воспользовавшись тем, что бабушка Катя вышла на кухню, он торопливо пошарил в коробке с таблетками, разыскивая анальгин, чтобы проглотить и протянуть до вечера. А там, глядишь, и всё пройдёт.

Но уловка не удалась, оттого что дальноркость не мешала бабушке видеть его насквозь, как прозрачную льдинку.

— Павлик, что у тебя со щекой?

— Да, ерунда, наверное, спал не на том боку, — он приложил к горячей щеке холодную ложку, временно приглушив боль. — Скоро пройдёт.

— Нет, не пройдёт. Я давно тебе говорила, что надо сходить к зубному. Прямо сейчас иди в нашу поликлинику и скажи, что с острой болью. Экстренно принимают без номерка. Плохо, конечно, что дантисты справок не дают, но думаю, в университете не возразят: ты не часто пропускаешь занятия.

От наивных слов бабушки в душе ворохнулись остатки стыда, и Павел усиленно завозил ложкой в чашке с чаем. Знала бы бабуля, сколько он прогуливает в последнее время!

— Ну, бабуль... — над умоляющим взглядом трудиться не пришлось, потому что в зубе стрельнуло и боль, пробежав по нервам, иголкой прошила ухо. — У меня зачёт, а профессор зверь, он за прогул горло перегрызёт, хоть сто справок принеси.

— Паша!

Бабушка пыталась настоять на своём, поэтому он поторопился со сборами, а выйдя из подъезда, даже пробежался до остановки автобуса, чтобы не опоздать. Правда, не на зачёт, а на встречу с Колькой-фарцем.

Тот разыскал его вчера поздно вечером и, азартно потирая руки, сообщил:

— Слышь, Пашка, клёвое дельце подворачивается. Надёжный корешок шепнул, что один торгонавт сбывает большую партию складных зонтиков и просит недорого. Ну, ты знаешь, японские зонты «Три слона». За ними все бабы охотятся.

Торгонавту, видишь, очередь на машину подошла, срочно деньги нужны и ждать, пока товар по мелочовке разойдётся, некогда. Прикинь, сколько прибыли наварить можно, ты же математик.

Во рту Кольки-фарца перекатывалась жевательная резинка, и от мерных движений челюсти казалось, что каждое слово он проговаривает трижды.

— Ух ты, зонтики!

Павел подумал, что самый нарядный зонтик из партии нужно взять для Наташи. Придя на свидание, он спрячет подарок за спину и тайно улыбнётся:

— Угадай, в какой руке?

И от благодарности, прочитанной в её глазах, в грудь хлынет волна жара, дурманя голову предчувствием ответной любви.

За партией зонтиков предстояло идти к Кузнечному рынку, предварительно изрядно поплутав проходными дворами. Нырять из арки в арку, Павел всё время прибавлял шаг, а за поворотом останавливался, чутко отслеживая,

не привязался ли сзади хвост из конкурентов или милиционеров.

Колька-фарц предупредил:

— Учись уносить ноги, а если убежать не сумеешь, но почувешь настоящую опасность, то сразу сбрасывай товар и отпирайся до последнего: я не я и сумка не моя.

Экстремальный вариант развития событий категорически не подходил, поэтому Павел постарался отвлечься от зубной боли и сосредоточиться на осторожности. Вроде всё тихо.

Хотя он успел прийти раньше срока, торгонавт уже ждал на условленном месте, и у его ног стояла перевязанная бечёвкой картонная коробка с надписью «Частик в томате».

Щека дёргалась от боли, и поэтому фраза получилась скомканная, сквозь зубы:

— Добрый день, я от Коли.

— И тебе привет, если не шутишь!

К Павлу повернулось усталое лицо пожилого человека, судя по мешкам под глазами, страдающего хронической бессонницей:

— В коробке ровно пятьдесят штук, как договаривались. Деньги принёс?

Павел кивнул:

— Да. Шестьсот рублей.

— Всё верно, — со страдальческим вздохом мужчина пододвинул Павлу коробку, тяжело прошуршавшую дном по асфальту. — Давай деньги.

Мне ещё надо успеть в сберкасса, оплатить чек за машину. Если б не «Волга», побрезговал бы контрабанду возить. На жигулёнка или «москвича» я, не марая рук, могу денег набрать. Да жена доняла: хочу «Волгу», хочу «Волгу». Устал с ней спорить. Да и вообще, устал, — принимая конверт с деньгами, мужчина брезгливо поморщился, избегая смотреть Павлу в глаза, словно распространяя на него неприязнь к своему поступку. — Ты бы, парень, бросал это дело, — крепкой ладонью он прижал нагрудный карман куртки, внутри которого топорщился конверт с деньгами, и размашисто зашагал прочь из двора, напоследок бросив ироничное: — Бывай, бизнесмен.

Полсотни зонтиков в коробке грузно оттягивали левую руку, врезаясь бечёвкой в ладонь. Правую руку Павел прижимал к щеке, в надежде хоть чуточку унять боль. С каждым шагом его всё больше донимал озноб, холодом пробегая по телу от шеи до самых пяток.

Когда впереди показался Кузнечный рынок, Павел поставил коробку с зонтиками на высокий цоколь здания, чтобы плотнее запахнуть тонкую брезентовую штормовку без подкладки.

И угораздило же так легко одеться!

Толчок в спину едва не сбил с ног, а когда он выпрямился, коробка с зонтиками мелькала в руках невысокого коренастого паренька в синей куртке.

— Стой, гад! — расталкивая прохожих руками, Павел рванул наперерез через улицу, рассчитывая перехватить вора на повороте. Но тот шустро скрылся за выступом Музея Арктики и Антарктики, а впереди маячила оживлённая улица Марата, как море покрытая рябью людских голов.

Тяжёлый бег молотом отдавался в наболевшей голове, застилая тьмою глаза, но Павел старался не отставать, сосредоточив внимание на спине в синей куртке и мотающейся из стороны в сторону коробке с зонтами.

Похититель легко лавировал между идущими, заставляя людей отшатываться в сторону. Ловкий и гибкий, он летел, едва касаясь ногами земли. У перекрёстка Павел сделал сильный рывок, почти ухватив край коробки, снова ускользнувшей из-под носа. Не удержав баланс, он обеими руками наткнулся на человека в серой шинели и хотел инстинктивно отшвырнуть его в сторону, но внезапно понял, что перед ним стоит милиционер.

— Пройдёте, молодой человек.

Не давая Павлу опомниться, милиционер крепко взял его за локоть и потянул за собой.

— Попался, голубчик, — ехидно встряла старуха с кошёлкой, — арестуйте его, товарищ милиционер, он у меня чуть сумку из рук не выбил. Они с другим хулиганом на пару

орудовали. Тот с коробкой впереди бежал, а этот сзади.

— Я выбивал сумку? — желание возразить бабке едва не привело к катастрофе, потому что гнев чуть не заставил забыть осторожность и пуститься в объяснения, описывая кражу, вора и коробку, в которой лежали зонтики — пятьдесят штук на сумму шестьсот рублей, а это годовая стипендия студента университета.

— Разберёмся, бабуля, не сомневайтесь.

Жёсткие нотки милицейского голоса не сулили добра, а мысль, что он попался по-глупому, приводила в холодное бешенство напололам со злостью за собственную дурость.

Бабка с кошёлкой упорно семенила сзади и отстала только около опорного пункта милиции, напоследок выкрикнув напутствие милиционеру:

— Припай, сынок, этому долговязому пятнадцать суток. Развелось хулиганья — житья от них нет. В баню спокойно сходить нельзя, чуть мочалки изверги не лишили и дубовый веник растрепали! А веник на рынке тридцать копеечек стоит, между прочим!

Пропустив Павла вперёд, милиционер ввел его в небольшое помещение из трёх комнат, две из которых представляли собой маленькие кабинетки с письменным столом посередине,

а на третьей комнате вместо двери красовалась частая решётка, сваренная из стальных прутьев.

Хотя Павлу никогда не доводилось бывать в милиции, он сразу понял, что каморка за решёткой и есть знаменитый обезьянник, который друг Эдька любил поминать в анекдотах про милицию.

Павлу указали на стул, притулившийся около шкафа с папками.

— Тебе сюда. Обожди, пока освобожусь, — не поднимая головы, сказал сидящий за письменным столом милиционер с погонами лейтенанта.

— А вот и второй приятель, — громогласно провозгласил бодрый голос от входа, — открывайте кутузку.

Увидев новые лица, Павел на мгновение почувствовал себя подвешенным в воздухе, потому что к нему в клетку два постовых вели вора в синей куртке с картонной коробкой в руках.

* * *

Вору, стянувшему коробку с зонтиками, на вид казалось лет пятнадцать. С круглого, ещё детского лица на Павла глянули острые глаза с восточным разрезом, а пухлые губы презрительно шевельнулись в немой усмешке.

Паренёк стоял посреди двух постовых, дерзко смотря на сидевшего за столом пожилого лейтенанта с глубокими залысинами у висков:

— За что замели, товарищ участковый инспектор?

Лейтенант аккуратно сложил стопочкой рассыпанные по столу бумажки, повертел в руках сломанный карандаш и со вздохом выбросил его в мусорное ведро:

— Всё за то же, Козихин, так что не надо валять дурачку, мы тебя как облупленного знаем. Признавайся, ты этого парня обчистил?

Оттопыренным большим пальцем участковый инспектор показал на Павла, обеими руками нянчившего больную щеку.

Хотя зубная боль взорвалась во рту огненной петардой и заполонила собой черепную коробку, Павел всё же понял, что если Козихин признается в краже, то следующим, кому придётся отвечать на неудобные вопросы, будет он.

Но парень одним движением шмякнул коробку с зонтиками на пол и истово замотал головой:

— Не-а, я этого мэна впервые вижу, а коробку вообще нашёл около рынка. Там торгаши много коробок выкидывают, вот я и подумал, что кто-то залежалый товар в мусорку вывалил, — он ткнул пальцем в этикетку с нарисованной рыбкой. — А я что? Я не гордый,

я частичка в томате и просроченный съём, не подавлюсь.

— Частика, значит, захотел?

— Ага, — шмыгнув носом, парень стряхнул с плеч руки постовых и вальяжно уселся на стул около письменного стола, — сами знаете, товарищ лейтенант, мамка пьяная, братаны малые, а кушать хочется.

— Знаю, знаю, Козихин. Ты на жалость не дави, многие хуже тебя живут, а не воруют и в детской инспекции на учёте не состоят.

— Сами же поставили, а теперь в глаза тычете, — обидчиво взвился Козихин. — Меня ваша инспекторша по самое горлышко достала. Надоела хуже горькой редьки. А толку что? Может, инспекторша меня того, усыновит?

Навалившись грудью на стол, парень принялся частить словами, изредка замолкая, чтобы выслушать новую порцию нотаций и снова начать гнуть свою линию.

Пока Козихин препирался с участковым, Павел с тоской думал о том, что с минуты на минуту будет открыта злополучная коробка с зонтиками. Дальнейшее рисовалось в мозгу чётко, как теорема Пифагора: долг за товар Кольке-фарцу, суд, срок и бабушка Катя, которая не переживёт позора внука.

Удивительно, как много мыслей может втиснуться в короткий отрезок времени, когда

над головой занесён острый топор, готовый опуститься и разнести вдребезги все мечты, чаяния и надежды на будущее. Один взмах шариковой ручки участкового, точка в протоколе на заготовленном бланке, письмо в университет — и ты уже не подающий надежды студент-математик, а белобилетник без образования, без работы и без будущего. Вернее, будущее придёт, но не в белом халате младшего научного сотрудника, а в полосатой робе зэка или спецовке грузчика.

«Каждый сам мостит себе дорогу. Главное, вовремя остановиться и выбрать правильный путь», — любила приговаривать бабушка Катя, когда он вредничал или делал что-то нехорошее. — Мы не можем выбрать родителей или Родину, но мы можем выбрать быть честными или нечестными».

Ну почему, почему он не остановился вовремя и не прислушался к сигналам, которые посылала ему судьба?

Сначала было противно врать бабушке, откуда берутся вещи и деньги, но потом ложь стала привычной частью жизни. Далее, он грубо оборвал разговор с Мариной, которая предупреждала его об опасностях тяги к лёгким деньгам. А ведь тогда он ещё не увяз в фарцовке настолько глубоко, как сейчас, и мог оборвать связь с Колькой без финансовых потерь.

Сегодня, как нарочно, разболелся зуб, и если бы он послушал бабушку и пошёл не за зонтиками, а к зубному врачу, то сидел бы сейчас на лекциях свободный и беспечный.

Сквозь думы наваливалась тяжёлая дремота, а на широкую лавку в обезьяннике тянуло лечь и закрыть глаза, в которых пересыпался красный песок. Знобить перестало, и тело стало восприниматься раскалённым куском металла, плавящим холодный воздух.

Участковый с Козихиным продолжали монотонно беседовать, но их речь сливалась в общий шум голосов.

Павел открыл глаза, когда говорящие замолчали и тишину прорезал громкий возглас участкового:

— Вы только посмотрите, какой чудесный частичек в томате!

Приподнявшись со своего места, Павел увидел, что ящик раскрыт и милиционеры с интересом изучают его содержимое, перебирая зонтики, похожие на свёртки разноцветной ткани.

При виде контрабанды на лице участкового высветилась озабоченность, а мальчишка Козихин вдруг истошно завизжал:

— Это не моё! Честное благородное, не моё! Я эту проклятую коробку на помойке нашёл!

— Верю, что не твоё, откуда у тебя импорт? Но чьё? — весомо спросил участковый с угрозой

в голосе и перевёл взгляд с зонтиков на Павла. — Твоё, парень? Ты поэтому за Козихиным бежал?

«Вот и пришло время отвечать», — безразлично подумал Павел, словно речь шла о постороннем человеке. Он не знал, что сказать, и поэтому тянул время, молча глядя на лейтенанта в серой форме, сливающейся с цветом мрачных стен опорного пункта.

Тот захватил в руки полную охапку зонтиков и приподнял их над столом, чтобы Павел смог увидеть вещдоки:

— Повторяю вопрос: твоё?

С прагматичным рассуждением математика Павел попытался просчитать выгодный вариант ответа, но понял, что совершенно не может соотносить и готов подтвердить догадку участкового, а потом будь что будет.

Приложив костяшки пальцев к опухшей щеке, он скривился от боли, но вместо признания хрипло прошептал:

— Зуб болит. Очень.

Видимо, щёку разнесло капитально, потому что в глазах участкового мелькнуло сострадание, и он кинул зонтики обратно в ящик, а потом повернулся к одному из постовых:

— Федя, не в службу, а в дружбу, проводи клиента в зубную поликлинику, а то он у нас живо сознание потеряет. Похоже, у него высокая температура.

Слова участкового долетали до мозга сквозь преграду дурноты, и пока Павел хлопал глазами, постовой уже открывал дверь обезьянника.

«Спасибо» с трудом выговаривалось половиной перекошенного рта, но участковый усмехнулся и не ответил, склонив голову над листом протокола.

То, что благодарить рано, Павел понял, когда постовой достал наручники и защёлкнул браслеты один на своей руке, а другой на руке Павла.

— Пошли, приятель, а то у нас в три часа развод.

Как ни было больно, Павел переспросил:

— С женой?

— Со сменой в отделении.

Наверное, температура действительно была высокой, потому что прикосновение наручников к запястью жгло ледяным холодом. Стараясь не отставать от размашистого шага постового, Павел шёл как будто на расстрел и не решался задать вопрос, клином застрявший в мозгу: «Куда потом?»

Он хотел выяснить свою участь у кабинета врача, когда сняли наручники, но не успел, потому что медсестра пригласила на приём. И только сидя в кресле хирурга и чувствуя, как после укола новокаином блаженно исчезает

боль, изгрызшая челюсть, Павел с раскаянием заметил, что за время, проведённое в милиции, ни разу не вспомнил о Наташе.

* * *

Много лет назад, когда на месте станции техобслуживания стояла церковь, а широкая, но короткая улица упиралась в глухой тупик, купец Садырин задумал построить доходный дом, да так, чтоб все окна выходили на храм Божий, дабы квартиранты не забывали о благочестии и скоротечности бытия.

Благие помыслы Садырина остались в имперском Санкт-Петербурге, а в городе Ленинграде жильцы любовались на цементные коробки промзоны и гору старых шин, которая имела способность к таинственному ночному возгоранию. Тогда весь район затягивало чёрной пеленой с тошнотворным запахом, и мать Эдика Кострова Антонина Сергеевна начинала накручивать телефонный диск, вызывая себе «скорую».

На самом деле, мамаша была вполне здорова и даже не чихала, но никогда не упускала возможности поиграть на нервах сына и мужа, прикидываясь немощной больной на последнем издыхании.

Но Эдика на мякине не проведёшь, и как ни старалась мать дышать с посвистом и закатывать

глаза, он чувствовал только глухое раздражение, рождающее желание как можно скорее свалить из родительского дома и зажить в своё удовольствие. Под удовольствием Эдик однозначно считал квартиру с отдельным санузлом, импортный гарнитур, цветной телевизор с кассетным магнитофоном в придачу и, само собой, красавицу машину, желательно иномарку, как у Ольги Жихаревой.

Отец же принимал выкрутасы матери за чистую монету и начинал суетиться, дрожащими руками подносить ей валидол.

— Выпей, Тоня, это всё проклятый воздух виноват. Тебе в санаторий надо, нервишки подлечить, на природе отдохнуть.

Она безгласно отталкивала руку мужа, тихо ненавидя его погасшие глаза и безвольные жесты тряпочной куклы. А ведь когда-то был орёл, по которому сохли все заводские лимитчицы от мала до велика.

— Такого мужика ты, Тонька, испортила, придёт день — расплатишься за поломанные судьбы, — в сердцах бросила однажды напарница, когда они поссорились насчёт летнего отпуска.

Напарница зря тратила слова укоризны, потому что Антонина Сергеевна и без напоминаний прекрасно знала цену своему скороспелому замужеству и всегда помнила о том, что сотворила.

Она родилась в глухой пермской деревне и удалась такой неумёхой, что учителя в школе авансом выводили в четверти тройки, лишь бы отвязаться от нерадивой ученицы, а соседские ребята дразнили её Тонькой-злючкой-криворучкой.

Особой красоты родители Тоньке тоже не отвесили, и, глядя на приземистую, с широкими плечами и кривыми ногами, фигуру внучки, бабка Любаша горестно подпирала щёку рукой:

— Тебе бы парнем быть, а не девкой. Но уж, что Бог дал.

Впрочем, настырности Тоньке занимать не приходилось, и если какая идея втемяшится в голову — обухом не вышибешь.

С трудом одолев сельскую семилетку, она собрала вещички в старый чемодан без ручки, сбегала на станцию узнать расписание поездов и после утренней дойки заявила родителям:

— Давайте деньги на билет в Ленинград. Не дадите — воля ваша, но я всё равно уеду, хоть в угольном ящике.

Отец схватился за ремень, мать кинулась в слёзы, но бабка Любаша стукнула кулаком по столу и вынесла приговор:

— Пущай езжает! В городе женихов много, авось и на неё кто-нибудь да польстится, а здесь у нас кавалеров полторы калеки, да и те в хомутах ходят. Помнится, эвакуированные оставляли адресок молокозавода, разыщите его

для Тоньки, там, как пить дать, рабочие руки нужны. Хотя они у неё и не из того места растут.

Так, с благословения бабки Любаши, Тонька превратилась из колхозницы в лимитчицу, получив койку в общежитии молокозавода и пропуск в сырковый цех.

В отличие от соседок по общежитию, пустившихся в городе во все тяжкие, Тоня держалась настороже, ни с кем не сближаясь.

Приходя со смены, она первым делом проверяла вещи в своей тумбочке, а потом пересчитывала мелочь в кошельке, записывая на клочке бумаги, сколько денег и на что потратила.

Девушки в общежитии считали Тоньку неотёсанной деревенщиной, совершенно не подозревая, что она закрывается с головой одеялом и жадно слушает все их разговоры, стараясь не упустить ни единого слова.

Особенный интерес у Антонины вызывали шестимесячная завивка с красивым названием «перманент» и электрик Петька Костров, который, по пересудам девушек, должен был скоро выйти из отпуска.

Высокий, красивый парень с волной пшеничных волос появился в сырковом цехе в разгар рабочего дня, и по тому, каким жаром вспыхнули щёки девчат, Тонька влёт угадала, что это и есть Петька Костров — самый завидный жених на молокозаводе.

Он шутливо отбивался от летящих навстречу приветствий, а некоторым счастливицам подмигивал глазами такой синевы, что пол под ногами у Тони ходил, как лодка во время большой волны.

— О, я вижу вашего, девичьего, полку прибыло? Познакомьте с новенькой, — Костров остановился позади Тони и стал смотреть, как она перебирает брусочки плавленого сыра.

От его взгляда Тонины плечи налились свинцовой тяжестью, а руки, забыв, где право, где лево, начали совершать хаотичные движения.

Поскольку электрика в цеху работала бесперебойно, Костров перебросился с мастером парой слов и ушёл, а Тонька осталась сидеть на своём месте, как муха, пришибленная мухобойкой из подмётки старого ботинка.

На следующий день она выпросила у кадровички отгул и накрутила шестимесячную завивку, для пущей красоты выбелив волосы раствором пергидроля. Следующим этапом улучшения внешности стала ярко-красная помада и чёрные насурьмлённые брови, сделавшие её похожей на грубо размалёванную куклу-кострому, какую односельчане по старой памяти за околицей сжигали на масленицу.

Ошарашенные невиданной переменой в забитой тихоне, девчонки в цеху выразительно фыркали и хихикали вслед, но Тоня не замечала их существования, потому что была

целиком и полностью поглощена любовью к электрику Кострову.

Казалось, её существо разделилось надвое: одна Тоня работала на конвейере, а другая неотрывно отслеживала передвижения Петра, ревниво подмечая каждый его взгляд и вздох.

Но как она ни старалась обратить на себя его внимание, Костров оставался неприступен, а к концу весны выяснилось, что он собирается жениться на черноокой хохотушке Ульянке из отдела технического контроля.

Новость, услышанная лёжа под общежитским одеялом, стала таким ударом, что Тоня в кровь искусала кулаки, чтобы не закричать в голос. Скрючившись червяком на сбитой простыне, она думала и вспоминала, а утром оформила краткосрочный отпуск на четыре дня и уехала в свою деревню.

* * *

Обычно каждую поездку на родину лимитчики рассматривали как грандиозное мероприятие, во время которого надо обязательно продемонстрировать односельчанам собственную успешность. Ради нескольких дней, проведённых под оценивающими взглядами родни и соседей, приходилось месяцами копить деньги на наряды и метаться по городу в поисках гостинцев.

Приехать скромно одетым и с пустыми руками в деревне считалось пределом человеческого падения, и можно было не сомневаться, что об любого проштрафившегося будут обтрёпаны все досужие языки в округе.

Антонина ехала без подарков и в старом плюшевом жакетике, за бесценок купленном в комиссионном магазине. О родителях и бабке Любаше она не вспоминала и домой заходить не планировала. Под размеренное поскрипывание неплотно прикрытой рамы в плацкартном вагоне, Антонина думала о Петре и о том, на что она готова пойти ради своей любви.

В пять часов утра, когда поезд остановился на нужной станции, Антонина прыгнула на платформу, но пошла не в сторону своей деревни, а в лес, расположенный по другую сторону железнодорожного полотна.

На смену ночи спешил жидкий сероватый рассвет, мазками подсветивший густые ели вдоль раскисшей тропки в Ольховку — деревушку с единственным жилым домом. Путь лежал через старое кладбище с покосившимися крестами — его Антонина постаралась пересечь бегом — и болотистую равнину, летом покрытую россыпью золотистой морошки. За наливной ягодой Антонина ходила сюда бессчётное количество раз и дорогу в Ольховку могла найти с закрытыми глазами.

За поворотом у горелой сосны она остановилась, поставила на землю увесистую сумку и потуже перевязала косынку, сбившуюся за время быстрой ходьбы.

На сердце давила тревога, подкреплённая затаённым страхом: а ну как не удастся задуманное и Пётр женится на разлучнице?

Пока она шла, совсем рассвело, и Ольховка с высокого бугра виднелась как на блюде.

В заброшенной деревеньке насчитывалось пятнадцать домов, поставленных ещё при царской власти. Избы зажиточных крестьян теснились в середке, прочно вросши в землю тёмными срубам, а домишки поплотнее успели скособочиться и зияли провалами дранки на серых крышах.

Бабка Любаша рассказывала, что Ольховка захирела перед войной, когда народишко насильно согнали в колхоз «Лампочка Ильича». Ну а потом грянула Великая Отечественная, мужиков поубивало, а вместе с ними пришёл конец и деревне. Не поехала тогда в колхозную усадьбу только вдова путевого обходчика Татьяна Мирониха. Встала в дверях дома, руками об косяки упёрлась и заявила:

— С места не стронусь, хоть с ружжом приходите.

Говорят, председатель топал ногами, орал на Мирониху, так что чуть zenки не выкатились, но она твердила одно: не поеду, и всё тут.

Так и прожила здесь бобылихой, пока не состарилась. Но дорожка в Ольховку не зарастала, потому что не было в округе бабы, которая хоть раз не сбегала бы к Миронихе полечить хворобу или выпросить рецепт мази для коровьего вымени. Доподлинно известно, что к Миронихе обращалась даже директриса местной школы, хотя имела партбилет и высшее образование. А что будешь делать, когда спину скрючит так, что не разогнёшься?

Или вот в прошлом году дальняя родня к Миронихе новорождённого мальчика носила грыжу заговаривать. Тётка Таня его на пузо положила, поводила пальцами по спинке, кожу на пояснице оттянула да как дёрнет! Малец после два дня орал как скаженный, но грыжа прошла, и родственница отнесла Миронихе трёх самых лучших несущек и горшок топлёного сала.

То ли от страха, то ли от усталости, Тонины зубы мелко стучали друг о дружку, а когда она открывала калитку у тётки-Таниного дома, ноги противно подкашивались в коленках.

Ступени крыльца вели к грубо оструганной двери, недавно покрашенной зелёной краской.

Поддавшись Тониной руке, дверь протяжно заскрипела, и сразу же из глубины дома раздалось старушечье шамканье:

— Кого ко мне ветром занесло?

Тётю Таню Миронику Тоня видела всего однажды, когда училась в школе, и помнила её бодрой женщиной с плоским лицом и узкими плечами. Но навстречу ей из-за печки высунулась сморщенная мордочка, цветом похожая на перепрелый кабачок с усохшим кончиком.

— Тётя Таня, это я, Антонина.

Не зная, что сказать дальше, Тоня притиснула к груди сумку, выстраивая шаткую преграду между собой и зоркими глазами Мироники, смотревшими с тяжёлой пронзительностью.

— А, Тонька, Любушкина внучка?

— Да, её, — деревенеющим языком выдавила Тоня, чувствуя, как живот наполняется холодком тревоги. — Я за советом пришла, то есть приехала. Из Ленинграда. Я там на молокозаводе работаю в сырковом цеху. Мы плавленные сырки делаем, знаете, такие маленькие, «Дружба» называются.

— Небось, ты не про сырки мне рассказывать приехала, а женишка выпрашивать, — остановила поток слов Мирониха.

Она вышла из-за занавески, обтёрла руки о полотенце и села на низкую оттоманку, поставленную вместо лавки. Тоню сесть не пригласила, и та продолжала топтаться на пёстром коврикe у порога, оставляя на нём следы мокрой земли:

— Откуда вы знаете про женишка?

Тётка Таня хмыкнула:

— Думаешь, ты первая ко мне прибежала?

Я таких щелкочих, как ты, насквозь вижу: ни кожи ни рожи, а на уме одни парни крутятся.

Про кожу и рожу Тонька проглотила без обиды, знала, что неказиста. Пусть тётка болтает что хочет, лишь бы в просьбе не отказала.

— Только ехала ты, девка, зря, — Мирониха наклонила голову к плечу, пережидая Тонин вздох, и объяснила: — Я знахарка и приворотами не занимаюсь.

Резкий отказ ударом всколыхнул затиснутое в душу молчание, и Тонька, сама не осознавая, что делает, рухнула на колени:

— Тётка Таня, помоги, иначе руки на себя наложу!

Перебирая коленями, она ползла по направлению к Миронихе, а в голове билась единственная мысль о том, что если сейчас не выбьёт, не вымолит у знахарки помощь, то жизнь её пойдёт под откос, как сошедший с рельсов литерный поезд. Мысленно она даже видела этот поезд, лежащий вверх колёсами, которые продолжали крутиться в воздухе.

— Тётка Таня! Я всё, всё отдам!

Когда Тонька выворачивала на пол содержимое сумки, руки её ходили ходуном:

— Вот отрез на платье, вот бусы — в универмаге покупала. А заварочный чайник мне от профкома на Восьмое марта выдали.

Частя словами, Тонька складывала к ногам Мирониhi всё свое нехитрое имущество, накопленное за два года в городе, а когда сумка оказалась пуста, выпрямилась и уже без воя тихо сказала:

— Не поможешь — повешусь. Прямо тут в лесу, за твоим домом.

...Домой в общежитие Тонька ехала успокоенная, сжимая в руках пузырьёк с настойкой. Мирониха предупредила, что дурман будет действовать два часа.

— За эти два часа человек окажется в полной твоей воле, а там уж как сама дело сладишь. Но запомни, капнуть надо ровно три капли!

Ровно три, ровно три, ровно три — бодро выстукивали Тоньке колёса поезда.

Через неделю она подошла к Петру заплаканная и попросила прийти к ней в общежитие починить провод у электрической лампы, а то комендантша узнает, что лампа сломана, и со свету сживёт, а то ещё хуже — высчитает за поломку из полочки.

Перед починкой лампы Тося гостеприимно предложила помощнику чай, но только капнула туда не три капли, а шесть. Для надёжности.

Ещё через месяц Тося и Пётр сыграли свадьбу. Расфуфыренная невеста сияла от гордости,

а жених понуро стоял рядом и трясущимися руками пытался поставить подпись под свидетельством о браке.

* * *

Длинная очередь у кабинета хирурга замерла и насторожённо посмотрела на милиционера, освободившего от наручников парня в очках, одетого в модные джинсы и серый свитер.

Задержанный явно намеревался проникнуть к врачу, поэтому народ заволновался, а объёмистая дама с кудряшками возмущённо замахала руками:

— Покажите номерок, а потом идите.

— Вот его номерок, — постовой поднял наручники за соединительное кольцо и звонко щёлкнул браслетами, — всем ясно? Кому ещё такой выдать?

Он передал парня в руки медсестры, дождался, когда за дверью кабинета установится тишина, и ушёл, оставив очередь пребывать в недоумении.

— Видали? — сказала дама в кудряшках. — Уже бандитов сюда водят, совсем обнаглели.

— Может, его того? Пытать? Для устрашения? — предположил ветхий дедушка с одним зубом во рту.

Дама заёрзала и потрогала пальцем щёку:

— Вы ещё скажите — на органы разобрать.

— А почему милиционер тогда ушёл?

Их разговор прервала медсестра, грозно осмотревшая ряды больных, которые под её взглядом замерли пойманными кроликами:

— Следующий!

Выпуская Павла из кабинета, она посторонилась и посоветовала:

— Ты, парень, посиди, передохни, пока укол подействует и температура спадёт, не то до дома не дойдёшь.

— Спасибо.

Вместо «спасибо» получилось «шпашибо», потому что в набитом ватой рту было солоно, а голова гудела, как будто внутри работал мощный генератор переменного тока.

Поискав глазами постового, Павел опустился на первый попавшийся стул и попытался собраться с мыслями, но они рассыпались беспорядочными обрывками событий этого несчастного дня.

Он повернулся к женщине рядом:

— Я пришёл с милиционером, где он?

Отколыхнувшись в сторону, женщина неохотно прошипела сквозь зубы:

— Ушёл.

Ушёл? Неужели? Павел ещё немного посидел, не веря, что он свободен, а потом встал, подобрал куртку, небрежно брошенную на подоконник, и пошёл на остановку автобуса.

Час пик выплеснул на улицы толпы людей, от которых рябило в глазах, автобус мотало из стороны в сторону, и, когда показалась крыша станции техобслуживания, Павел был весь в поту от слабости.

Эдку он нашёл за слесарным станком с напильником в руках и молча положил ему руку на плечо.

Тот обернулся:

— Привет, Павлушка, сколько лет, сколько зим!

Мимолётно зацепив взглядом фигуру друга, он доделал работу, отложил напильник и только тогда заметил отёкшую щёку и перекошенный рот с капелькой крови в уголке:

— Ты что, зуб вырвал?

Павел махнул рукой:

— Если бы только зуб!

Им приходилось разговаривать, перекрикивая друг друга, потому что в мастерской звякал металл, лязгали инструменты и на износе натужно скрежетало старое оборудование.

Когда на высоких нотах завизжал токарный станок, Эдик указал головой в направлении выхода:

— Пойдём поговорим в тишине.

Прохлада улицы сразу забралась за воротник рабочей рубы, неприятно прогуливаясь ледяными пальцами по тёплому хребту. На пожарном

ящике с песком приبلудная кошка старательно вылизывала шерсть, и Эдик подумал, что у Пашки глаза сейчас как у этой кошки — прозрачные до бездонности.

Он знал друга досконально и поэтому без вступления предложил:

— Рассказывай, что случилось?

Прежде чем ответить, Пашка зачем-то подошёл к груде кирпичей и поддел носком ботинка крайний камень:

— Ты помнишь, как ломали церковь?

— Конечно, вспоминаю, — Эдик усмехнулся, — и, представь, в последнее время часто.

Он не стал рассказывать, что встретил пионервожатую Ольгу, словно боясь сглазить задуманное, да и Пашке, судя по всему, было не до сантиментов, иначе не примчался бы к нему с полным ртом ваты и крови.

Пашка отошёл от кирпичей и сунул руки в карманы. Теперь он стоял на остатках церковного крыльца и казался особенно худым и высоким:

— Меня сегодня заграбастали в милицию.

Вот тебе раз! Эдик сжал губы и тихонько присвистнул:

— Ни фиги себе новость! Выкладывай, как дело было.

В ожидании ответа он присел на край ящика с песком и вытащил пачку сигарет, но курить

не стал, а просто открывал и закрывал крышку, чтоб занять руки.

— Да я даже не знаю, — в ответе Пашки послышалась растерянность, — всё произошло так внезапно. От неожиданности я не успел правильно отреагировать. Сперва паренёк украл у меня коробку с товаром, я погнался за ним и напоролся на милиционера. Лейтенант отвёл меня в участок. Я думал, вроде бы всё чисто — товара со мной нет, а что по улице бежал — так это никому не запрещено.

— Логично, — поддержал разговор Эдик, сгорая от любопытства, подогретого сочувствием. Мимоходом мелькнула догадка, что зуб Пашке не в поликлинике клещами выдрали, а выбили в ментуре. Тогда становилось ясным, почему он тянет с рассказом. Какому нормальному мужику охота признаваться, что его по мордасам отметилили? Но зуб — ерунда по сравнению с тем, что могли завести дело и припаять статью, по которой запросто в тюрьму сажают.

Пальцы машинально достали из пачки сигарету, неосторожно прорвав тонкую бумагу гильзы.

Отряхивая рассыпавшиеся по коленке крошки, Эдик спросил:

— Тебя что, били?

Хотя он предчувствовал утвердительный ответ, Павел отрицательно покачал головой:

— Нет, не били и даже без очереди отвели к зубному врачу. Зуб и правда болел зверски, а температура поднялась до тридцати девяти, медсестра измерила. Но когда я вышел из кабинета врача, то понял, что меня отпустили восвояси. Можно сказать, легко отделался, если бы не товар на шестьсот рублей, которого теперь у меня нет. Не представляю, как буду с Колькой рассчитываться, но одно могу сказать — с фарцовкой я покончил навсегда. Это я понял, когда в обезьяннике про бабушку Катю вспомнил. Дурак я был и эгоист.

— Вот это да... — осознав величину названной суммы, Эдик захлебнулся словами и в раздумьях поскрёб ногтем переносицу.

Положение у Павла вырисовывалось незавидное. Хочешь не хочешь, а деньги вернуть необходимо — у фарцы между собой разговор короткий, а за долги можно головой поплатиться.

Досказав свою историю, Павел надолго замолчал, и от повисшей паузы Эдику стало не по себе, потому что по идее он сейчас должен был предложить другу деньги в долг, но делать этого мучительно не хотелось. Сумму в шестьсот рублей на цветной телевизор «сони» Эдик копил почти полгода, скрупулёзно заначивая деньги с каждой полочки. Вождеденную технику обещала организовать знакомая продавщица из

валютного магазина, а он поклялся принести деньги по первому свистку.

Мысленно костеря создавшееся положение, Эдик перевёл взгляд на кошку, закончившую вылизывать шкуру, и невнятно промямлил:

— Пашк, может, ты у бабы Кати попросишь?

Зная о скромном доходе Екатерины Семёновны, Эдик понимал, что говорит ерунду, но признаться прямо, что денег не одолжит, сил не хватало, и он продолжил нести околесицу, предлагая неосуществимые варианты и горестно разводя руками.

— Эдька, не пыли словами, я уловил твою мысль, — взмахом руки Павел остановил поток слов и ссутулившись пошёл к выходу. Что делать дальше, он не представлял.

* * *

После того, как Павел ушёл, Эдик долго сидел на ящике с песком и курил сигарету за сигаретой. На душе было так тошнотворно, что он несколько раз порывался вскочить и догнать Пашку. Шут с ним, с телевизором, друг дороже. Но в глубине сознания чья-то мягкая лапа очерчивала невидимый круг, внутри которого стоял новенький цветной телевизор с ярким экраном, мерцающим дивными красками.

Он уже сроднился с мыслью о телевизоре и даже купил для него новую тумбочку со стеклянной столешницей — последний писк мебельной моды.

В конце концов, почему он должен отдавать в долг последние деньги? Он ради заработка каждый день как папа Карло корячится, под машинами валяется, молотками орудует: вон, руки от машинного масле вообще не отмываются. Распаляя себя, Эдик посмотрел на ногти с чёрной каёмкой вокруг лунки. А ведь мог бы тоже бегать с портфельчиком в университет на лекции и нищенствовать на одну стипендию. Дойдя в мыслях до университета, Эдик понял, что перебрал, моментально вспомнив выпускной вечер и училку по русскому с аттестатом в руках.

— Эх, Костров, Костров, — она потрясла перед его носом книжечей в бежевом переплёте, — повезло тебе с Сосниным. Без такого друга не видать бы тебе десятилетки, как своих ушей.

На радостях, что школа закончена, он даже не стал отговариваться от обидных слов учительницы, а растянул рот в улыбку и пропел:

— Спасибо, Есфирь Абрамовна, век вас буду помнить!

Чтобы разрядиться от ненужных мыслей, Эдик зашагал в мастерскую и начал яростно подкручивать все подвернувшиеся под руку винты и гайки.

Но работа не клеилась, и, когда отвёртка непослушно соскользнула с детали, пропоров палец, Эдик даже обрадовался при виде крови. Боль сосредоточивала его мысли на себе, ставя заглушку на маленький патрубок в душе, который кто-то назвал совестью. Когда из ранки хлещет кровь, а нервы пульсируют в теле маленькими молоточками, не до совести и не до размышлений.

Наскоро перебинтовав палец свежим бинтом из аптечки в каптёрке, он переоделся и вышел из ворот, обратив внимание на женскую фигуру на другой стороне улицы.

Похоже, что тоненькая девушка в сером плаще, туго перетянута поясом на талии, кого-то ждала, потому что пристально смотрела в сторону станции техобслуживания и даже вставала на носочки, прикладывая к глазам ладонь, сложенную козырьком.

В другое время Эдик не упустил бы возможность нового знакомства, но сегодня настроение было кислее молока из забытого на столе пакета. Разговаривать, а тем более гусарить, совсем не хотелось. Хватит того, что весь вечер придётся любоваться на мамашу, которая вкалывала в дневную смену. Отец работал сторожем на заводской проходной и почти всегда дежурил в ночь, а днём спал, словно боясь показаться людям на глаза. Зато у матери энергии хватало

на десятерых, и она всюду лезла со своими непрошенными советами.

Хотя от автосервиса до дома одна автобусная остановка, Эдик тащился со скоростью черепахи, то и дело останавливаясь, чтобы затянуться сигаретой. У него не было пристрастия к никотину, но курение позволяло взять передышку или оттянуть время на обдумывание. Пуская дым в небо, он следил, как прозрачная струйка растворяется в воздухе, и думал, что хорошо бы урвать выходной и закатиться с девчонками на пикник, подышать весенним лесом. В последний раз они компанией ездили в Кавголово кататься на лыжах. Брали с собой бутерброды, термосы с чаем, раздобытую по блату ветчину в жестяных баночках. Парни острили, а девчонки, как водится, закатывались от смеха, с намёком стреляя глазками в сторону выбранного объекта. Было шумно, весело и беззаботно.

Лучше всех катались на лыжах они с Пашкой.

И принесла же его сегодня нелёгкая.

Он нервно смял окурок и оглянулся назад, заметив, что девушка всё ещё стоит на своём посту. Пускай стоит — место не купленное.

Подойдя к своему подъезду, Эдик понял, что ноги домой не идут, и вынул записную книжку. Так, что тут у нас? Наугад открыв истрёпанные листы, он скользнул взглядом по записям.

Парикмахерше Люсе звонить не хотелось: она слишком много болтает. Черноволосая Ирочка из химчистки работает допоздна. Весёлые двойняшки Каринка и Маринка любят потанцевать — тоже не в кассу. Может, Викуся из ресторана «Чайка»? На прошлой неделе он менял распредвал на «жигулях-копейке» её папаши.

Викуля и обогреет и накормит. Последнее категорически говорило в пользу Викуси, потому что из-за Пашки он толком не перекусил. Решено! Викуля так Викуля.

Ресторан «Чайка» располагался в двух шагах от Невского проспекта в подвальчике на набережной канала Грибоедова. Как около любого ресторана, у дверей общепита клубилась очередь, с подозрением поглядывая на каждого прохожего в поисках конкурентов.

Самыми первыми на вход стояли утрюмая девушка с высоким начёсом и тщательно выбритый грузин, по виду командировочный. Девушка переминалась с ноги на ногу и постоянно вытирала руки платком, а грузин сверлил глазами швейцара, который презрительно повернулся спиной к очереди. Каждый раз, когда девушка вздыхала, грузин прикладывал к двери руку и тихонько постукивал ладонью по стеклянной врезке:

— Слушай, дорогой, посмотри сюда, будь человеком, пусти нас культурно отдохнуть.

С таким же успехом он мог стучать о гранитный парапет набережной или искать совета у грифонов на Банковском мостике.

— Дай я попробую, — бесцеремонно оттеснив просителя, Эдик три раза стукнул в стекло костяшками пальцев, и на его стук швейцар немедленно обернулся, вопросительно подняв брови. Эдика всегда удивляло искусство швейцаров по характеру стука опознавать сигнал «свой-чужой». Он написал пальцем в воздухе Викино имя и сказал:

— Я к Вике.

Неспешному кивку швейцара мог бы позавидовать Букингемский дворец. Казалось, он не двинул ни единым мускулом, но тем не менее дверь в ресторан приоткрылась ровно на такую щёлку, сквозь которую Эдик смог протиснуть своё плотное тело.

Оказавшись внутри, он словно захлопнул за собой дверь в прошедший день, полностью подчиняясь атмосфере расслабленного отдыха, царившего в ресторане.

Вкусно пахло едой и духами. Певица на крошечной сцене хрипловато пела про любовь и дожди, которые смывают, но никак не смоют следы разлуки в её сердце. В такт музыке в глубине зала томно виляла бёдрами белобрысая девица в пёстром платье. Эдик отметил, что она не в его вкусе, и призывно махнул рукой Вике:

— Викуля, физкульт-привет!

Кивком головы она показала на пустой столик у самой эстрады, и через пару минут он уже держал в руках меню, а Вика стояла рядом и с волнением в голосе советовала:

— Котлеты по-киевски не бери — курицу привезли второй свежести. Нашим поварам пришлось её в марганцовке отмачивать. Давай, я принесу тебе эскалоп и селёдку под шубой? Эскалопчик сегодня — пальчики оближешь.

— Тащи что хочешь, — великодушно разрешил Эдик, чувствуя, как его заботы тают в стакане коктейля, перемешиваясь с кусочками льда.

С неспешным превосходством завсегдатая, он оглядел наполненный посетителями зал, но внезапно замер, уставившись на угловой столик справа. Неужели? Не может быть! Хотя почему же не может? На ловца и зверь бежит!

Стакан с коктейлем охлаждал пальцы и завораживал взгляд янтарной глубиной содержимого, и Эдик поднёс к губам соломинку, делая вид, что никого не заметил.

* * *

Ставя закуски на поднос, Викуля размышляла о том, что жизнь — очень несправедливая штука. Если бы женщинам блага отвечивались по красоте и стройности, то на месте толстухи

в красном платье сидела бы она, Викуля, а толстуха подносила бы ей салат оливье, бутерброды с красной икрой и заливное из судака. Да, и ещё яйцо под майонезом и зелень.

Викуля сверилась с записью и втиснула между вазочками розетку с яйцами, декорированными веточками петрушки.

Дамочку в красном Викуля заметила на входе, раскусив с первого взгляда, что клиентка из тех зануд, которые косоротятся над каждым блюдом, а потом по сто раз перепроверяют счёт.

Для верности плюнув три раза через левое плечо, Викуля загадала, чтобы метрдотель Дим Димыч посадил дамочку за столик к Кириллу, пусть он с ней возится. Но, видно, Дим Димыч не мог простить вчерашней перепалки из-за чаевых и назло провёл красную дамочку в Викулину зону обслуживания. Гад ползучий.

По Викулиным понятиям, дамочка с обрюзгшим лицом тянула лет на тридцать с хвостиком, но, надо отдать должное, была одета очень хорошо. О таком стильном платье из джерси Викуля и мечтать не могла: наверняка импортное или пошито на заказ в знаменитом ателье «Смерть мужьям», куда, все знают, очередь надо занимать с вечера.

Вместе с клиенткой за столик уселся пожилой мужчина с одышкой и остатками шевелюры на выпуклом лбу. Глядя на жидкие завитки волос, Викуля окрестила его для себя Барашком.

Несмотря на широкое обручальное кольцо на пальце у Барашка, он не выглядел мужем дамочки в красном. Такие вещи ясны сразу, и любой официант без труда рассортирует гостей ресторана по подгруппам, среди которых будут супруги, командировочные, любовники и просто друзья.

Рабочее чутьё относительно капризных клиентов Викулю не подвело, потому что едва дамочка оказалась за столиком, как сразу же попросила поменять скатерть.

— В ресторанах вашего класса скатерть должны менять после каждого посетителя.

Начинается! Викулю охватило мерзкое предчувствие скандала: сначала поменяй скатерть, потом принеси другой салат, следом придерётся к заливному, а напоследок вызовет метрдотеля и накатает петицию в книгу жалоб и предложений. За каждую жалобу дирекция снимала премиальные, а метрдотель Дим Димыч наказывал тем, что целую неделю подсаживал самых бедных клиентов.

Немного скрасил вечер приход Эда Кострова из автомастерской.

Хотя знакомство состоялось недавно, они уже успели провести вместе пару приятных выходных, и, кроме того, дружба с автослесарем в глазах знакомых придавала Викуле значимости и блеска. Даже Дим Димыч не удержался и ущипнул за щёку:

— Смотри, Викуля, не упусти жениха — будет к кому машинку отогнать на профилактику!

Зардевшись как маков цвет, она заметалась между Эдом и клиентами, стараясь угодить всем сразу.

Поскольку Эд выглядел усталым и расстроенным, Викуля постаралась накормить его получше и даже выпросила у повара последнюю порцию говяжьей печени в сметанном соусе.

Выдавая тарелку, повар пошутил:

— Только ради тебя, Викуля, отрываю печень от сердца.

Дефицитную печёнку Эд оценил, с благодарностью скользнув пальцами по Викиному запястью:

— Надеюсь, ты позволишь мне тебя проводить?

Ещё бы нет! Конечно, позволит! Мог и не спрашивать.

Довольная Викуля забежала с новым энтузиазмом и в приливе перемены настроения опрометчиво решила, что была неправа насчет дамочки в красном: вроде бы она посетительница мирная.

Но та вдруг ковырнула вилкой селёдку под шубой и грубо окликнула:

— Девушка, почему вы мне вчерашний салат принесли?

— Я? Да вы что?! — Викуля прижала руки к груди, раскрасневшись от обиды. — Шубу

сегодня сам шеф-повар делал, а он у нас человек строгий и готовит всё по технологии, как положено.

Оправдывая шеф-повара, который действительно был мужиком неплохим, она успела заметить, как спутник дамы наклонился к её плечу и тихо сказал:

— Прошу тебя, не надо, люди смотрят.

— Пусть смотрят! Я не позволю обводить себя вокруг пальца и кормить второсортной селёдкой с костями.

Викуля знала, что сейчас ей на помощь прибежит Дим Димыч, а вокальный ансамбль заиграет что-нибудь бодрое, чтобы остальные гости не уловили суть конфликта.

Но вместо этого из-за своего столика встал Эд и, подсев к дамочке в красном, негромко сказал:

— Здравствуй, Оля, рад тебя видеть. Ты позволишь присоединиться?

Наверно, от неожиданности дамочка замолчала, сведя к переносице чёрные брови, похожие на летящую ласточку:

— Эдик? Не ожидала встретить, но присаживайся.

Викуле захотелось треснуть дамочку подносом по голове, и, чтобы сдержаться, она резко развернулась и, едва не сбив с ног метрдотеля, ринулась на кухню, часто моргая от нанесённой обиды.

В кухне стояла привычная суэта, подкрашенная острыми запахами еды и пряностей, из моечной доносилось звяканье посуды, а официанты и официантки на ходу перебрасывались короткими фразами, обсуждая клиентов.

Кирилл, с которым Викуля соперничала в соцсоревновании, взял у неё из рук поднос и с подозрительным участием в голосе спросил:

— Жалобную книгу просят?

Она остановила поток притворного сочувствия, выставив перед собой обе ладони:

— Не дождёшься! Обещаю, этот месяц доработаю без замечаний.

Широкие плечи Кирилла поднялись в недоумённом жесте, а его бархатный голос наполнился иронией:

— Ну-ну, как скажешь.

— Так и скажу: иди в зал, вон у тебя командировочный счёт просит.

Подхватив поднос под мышку, Викуля боком проскользнула в тайный закуток, откуда Дим Димыч любил наблюдать за работой официантов. Обзор в зал открывался отменный, а слышимости мог позавидовать любой областной театр.

Костров сидел к ней спиной, а дамочка по имени Оля — напротив. Сбоку с несчастным лицом ёрзал по стулу Барашек. Когда Ольга хотела представить его Эду, он бросил на стол

скомканную салфетку и сказал, подчёркивая дистанцию между ними:

— Извините, Ольга Владимировна, но мне пора. Увидимся завтра на работе.

На Ольгином лице явно проступила досада, вызвавшая злорадство у Викули, но Эд словно бы не уловил намёка Барашка отчалить на своё место и продолжал сидеть, рассеянно выводя узоры на скатерти черенком ножа. Судя по упорству Эда, планы Викули на сегодняшний вечер крошились, как пересохшая тарталетка. Ясен пень, что Кострову что-то надо от этой толстухи в красном, иначе зачем ему менять молодую красавицу на старую бабищу?

Говорил больше Эд, а дамочка Ольга слушала и иногда кивала.

Навострив слух, Викуля уловила остатки расспросов про машину и то, как она ездит после ремонта, а потом Костров стал вспоминать общих знакомых, и по мере разговора выражение лица Ольги становилось все более отчуждённым и замкнутым.

Викуля замерла в ожидании момента, когда Ольга навсегда отошлёт Эда и его можно будет обогреть и приласкать, но тут он что-то шепнул, отчего Ольгина шея пошла красными пятнами, а пальцы рук сплелись в тугой замок.

Не на шутку рассвирепев, Викуля едва не оборвала занавеску, за которой пряталась, но

вовремя заметила, что нервно пристукивает каблучком по полу, и постаралась взять себя в руки.

Щёлкая замком сумочки, Ольга сказала в глубину зала, где шустрил Кирилл:

— Официант, рассчитайте меня.

Кирилл обернулся:

— Сию минуту передам.

Викуля не стала дожидаться, когда Кирилл найдёт её в закутке, а, гордо выпрямив спину, процокала каблучками по паркету и швырнула на стол книжечку со счётом:

— Ваш счёт. Чаевых не надо.

— Я расплачусь, — сказал Эд.

Уходя вместе с Ольгой, он незаметно подмигнул Викусе, благодаря за приём и ласку.

Потемневшими от разочарования глазами она посмотрела, как они вдвоём идут в выходе между столиками, и снова подумала о горькой несправедливости в трудной жизни.

* * *

«Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз», —

неслось из динамиков, перекрывая сплав разнообразных шумов на Московском вокзале.

Навязчиво-бодрый мотив проникал в сознание остриём буравчика.

К вечеру Павел заметил, что почти весь день, проведённый в поезде дальнего следования, бездумно твердит фразу про дом и улицу, хотя улица, куда ехала на шабашку бригада студентов, была ему неизвестна, а дом и тем более.

Доподлинно Павел мог утверждать только то, что сегодня первое июля, сессия сдана благополучно и председатель колхоза «Рябиновый» ждёт строителей коровника, а к первому сентября Павлу необходимо вернуть Кольке-фарцу долг в тысячу двести целковых — сумма неподъёмная.

После потери зонтов Павел не стал тянуть кота за хвост, а от Эдика сразу отправился к Кольке-фарцу. Обиды на Эдку не было, потому что привели к нему не деньги, а желание почувствовать рядом надёжное плечо друга — нерушимую стену, которая устоит под ударами судьбы. Но Эдка охал, ахал, трусливо отводил глаза, и Павел понял, что их многолетняя дружба превращается в грудку битых кирпичей. Как в детстве при виде разрушения церкви, он мысленно просил друга: «Держись! Не ломайся! Положи руку на плечо, скажи, что мы вместе!»

Но Эдка мял в руках пачку сигарет и молчал.

Уходя, Павел оглянулся, всё ещё надеясь на крепкий хлопок по спине и короткий смешок, которым друг умел разрядить обстановку. Но взгляд выхватил лишь сгорбленную фигуру на ящике с песком для пожарной безопасности.

Колька-фарц открыл дверь в шортах, майке и с вилкой в руке. Из комнаты пахнуло застоявшимся воздухом, на столе стояла открытая банка тушёнки и лежал надкусанный ломоть хлеба.

— Привет! Зонты притаранил? — высунув язык, Колька со смаком облизал сальную вилку и посмотрел на руки Павла, засунутые в карманы. — Где товар? — став тревожным, взгляд Кольки обежал Павла по кругу, а потом снова метнулся на руки.

Необходимость оправдываться была неприятна до дрожи, но честный разговор представлялся наилучшим выходом, поэтому Павел тяжело вздохнул:

— Товар остался в милиции.

От упоминания милиции Колька сразу задергался, немного приседая, так, словно ожидал что из-за спины Павла выскочит милиционер с наведённым пистолетом. Его глаза подскочили к бровям, а вилка, выпав из руки, звякнула о ножку стула. Не отводя глаз от лица Павла, Фарц медленно сполз на корточки за вилкой, но вставать не стал, а сел на паркет, скрестив ноги по-турецки:

— Давай, рассказывай.

«На коле мочало — начинай сначала», — тягуче подумал Павел, в душе надеясь на короткий разговор с Колькой. А потом — домой, лечь, закрыть глаза и подумать о Наташе, отдаваясь на откуп мечтам о будущем.

Он опустил на стул и помассировал пальцем занемевшую щеку, отходившую от анестезии. Рот слушался плохо, но Павел не хотел, чтобы Колька принял невнятную речь за страх разговора, и постарался произносить слова с излишней чёткостью:

— Особо рассказывать нечего. Застали вра-сплох как дурака.

Во второй раз за день он принялся пересказывать происшедшее, стараясь не упустить мелкие детали. Колька слушал хмуро, на нервной почве тыркая вилкой в ковер, а когда Павел закончил тем, что больше не будет заниматься фарцовкой, уточнил:

— Значит, точно завязал? Испугался?

— Нет, не испугался, но второй раз попасть в милицию не хочу.

Ему не хотелось объяснять Кольке про бабушку Катю, которая хлебнула много горя и не переживёт ещё одной потери.

— Тогда так, — подвёл итог Колька, — товары потерял, согласен?

Павел кивнул головой, которая сразу же налилась болью:

— Согласен.

— Хорошо. Но я парень добрый и драть с тебя три шкуры не стану, а возьму за зонты всего лишь в двойном размере, — закатив глаза,

он сделал вид, что считает, а после короткой паузы извещил, — тысячу двести.

Павел не стал отнекиваться от долга, но попросил:

— Можно я тебе отдам после лета, когда заработаю?

Ему показалось, что от его просьбы бородка Кольки клином заострилась книзу, превращая и без того узкое лицо в гротескную маску.

В глубоком раздумье, Колька похлопал себя руками по бокам и неохотно выдавил:

— Лады. Договорились. Согласен ждать до сентября, но только ради нашей крепкой дружбы.

Хотя до сентября оставалось три месяца, сумма долга давила на грудь могильным камнем из гранитной глыбы. Павел засыпал и просыпался с ощущением беды, из которой почти невозможно выкарабкаться.

От переживаний он похудел ещё больше, и джинсы, которые послужили первопричиной неприятностей, теперь облегали формы не щегольски, а собирались сзади пустым картофельным мешком. Павел не мог смотреть на них без отвращения, хотя прекрасно отдавал себе отчёт, что главный генератор его проблем не джинсы, а собственные мозги, которые не вовремя заискрились и дали «коротыш» по всем фазам. На лекции он ходил и экзамены сдавал, благо пока

вытягивал бывший запас знаний, а сразу после университета ноги отмеряли километры в поисках работы, но пока безуспешно, потому что оплата предлагалась копеечная.

Оклад санитара на «скорой помощи» составлял шестьдесят пять рублей. Дворник зарабатывал восемьдесят тугриков, а грузчик — семьдесят. С такими прибылями рассчитаться с долгом представлялось совершенно нереальным.

Недаром есть пословица: «Попал коготок — всей птичке увязнуть».

Зацепившись за слова, память вытолкнула на поверхность случай, свидетелями которому были они с Эдкой. Кажется, это произошло классе в пятом, когда они сбежали с последнего урока и пошли гулять на старое городское кладбище, обнесённое щелястым забором. Худший Павлик ужом влез между выбитых досок и подождал, пока к нему протиснется плотненький Эдка. Где-то вдали между склепами настойчиво верещали птицы, и они пошли на эти тревожные звуки.

— Неспроста кричат, — шептал на ходу Эдка, — мне бабка в деревне рассказывала, что на кладбище, бывает, покойники вылезают из могил и живых туда заманивают.

— Зачем?

— Как зачем? — Эдка неподдельно удивился глупому вопросу. — Едят их, конечно.

— Тогда тебя первого съедят, ты упитанный, — трезво рассудил Павел и остановился, схватив Эдку за куртку, потому что впереди действительно виднелось нечто странное, серое и трепещущее. Глаза застилали страх и растерянность, поэтому ребята не сразу поняли, что перед ними мелкая сеть, натянутая между двумя склепами, внутри которой бьются запутавшиеся птицы.

Застрав в ячеях крыльями и лапками, птицы с отчаянным криком пытались освободиться, но с каждым движением запутывались больше и больше, постепенно переставая вырываться и повисая недвижными комочками с отчаянными глазами.

Тогда, в прошлом, Павлик и Эдка выручили птиц, изрезав сетку тупым перочинным ножиком из Павликова портфеля. Но сейчас, в настоящем, Павел не представлял, кто может прийти к нему на выручку. Вроде бы и есть друзья, а оглянешься вокруг — и просить некого: у всех свои заботы и свои проблемы. Да и какая помощь от студентов: у них самих ветер в кармане да вошь на аркане.

Спасение пришло в лице старосты Марины, которая подсела к нему на лекции по математическому анализу и молча положила записку, бегло написанную простым карандашом. Он думал, что Марина просит подсказку,

но запись оказалась неожиданной: «Поедешь на шабашку?»

Сглотнув от возбуждения, Павел наклонил голову и снизу вверх посмотрел на лицо Марины, как обычно хранившее серьёзное выражение.

— Так хочешь? — сказала она одними губами.

А он, не давая ответа, спросил:

— Откуда ты знаешь, что мне очень нужны деньги?

На миг её глаза стали мягкими, но на вопрос она не ответила, а только улыбнулась и объяснила:

— Мой брат Игорь собирает бригаду шабашников — строить коровники. Если надо, я попрошу тебя взять.

— Мне надо, очень надо. Ты настоящий друг, Маринка.

Румянец, пробежавший по её щеке, растворился в луче солнечного света из широкого окна аудитории. Или ему так привиделось? Но оттого, что рядом неожиданно оказался друг, стало легче дышать.

* * *

Бригаду сезонных рабочих, где Павлу предстояло работать, возглавлял Маринин брат Игорь Лимарёв — аспирант филологического

факультета, работающий над диссертацией по проблеме лингвистической терминологии. Внешне Игорь мало походил на книжного червя, день-деньской корпящего в библиотеке, потому что имел стать лесоруба, нос картошкой и весёлые глаза, смотрящие на мир с любопытством младенца.

Замысел сколотить шабашку родился у аспиранта Лимарёва прошлой зимой, когда серьёзно заболела сестра Маришка.

Вызванный врач послушал её кашель, скрестив пальцы, простучал спину и назначил анализ крови, а потом отозвал Игоря в коридор и плотно прикрыл дверь спальни:

— Вы муж барышни?

— Нет, брат.

— Ах, брат, — судя по интонации, доктор был разочарован. — Тогда передайте родителям, чтобы лучше кормили больную. Организм истощён, тоны сердца глухие, а здесь, — доктор показал пальцем на грудь Игоря, — подозреваю хронический бронхит.

— У нас нет родителей, — произнеся это, Игорь раскаялся в опрометчивости, потому что на лице доктора проступило сочувствие, а Игорь не любил, когда их с Маришкой жалели.

Собственно, отца у них давно не было, а мама ушла из жизни прошлой осенью. Он никогда не мог произнести слово «умерла», потому что

мамы не умирают, а уходят, оставляя детей ждать их возвращения.

— Ну, раз так... — доктор полез в сумку и достал новый рецепт, — раз так, то я выпишу общеукрепляющие укольчики. Процедурная сестра будет ходить колоть. А вы, молодой человек, постарайтесь организовать сестре усиленное питание: фрукты, молоко, обязательно мясо, — приподняв очки, доктор проинспектировал цвет лица Игоря и иронично цыкнул языком: — Небось, одни макароны варите?

Покаянно вздохнув, Игорь свесил голову:

— Ага, макароны.

— Забудьте про них, — приказал доктор, гипнотизируя взглядом, — на свете есть много других продуктов. Поняли? Никаких макарон.

Поскольку денег у них с Маришкой хватало в основном на макароны, Игорь приуныл, но ненадолго, потому что вспомнил осеннюю поездку на картошку с третьим курсом. Под щедрую закуску хозяйки дома председатель колхоза жаловался, что не хватает рабочих рук построить приличный клуб, хотя он дал слово на районном партактиве охватить колхозников культурой и искусством.

Завалившуюся за подкладку рюкзака бумажку с телефонным номером председателя пришлось извлекать пинцетом, но зато к новому учебному году Маришке купили зимнее пальто с песцовым воротником, ему пихору на

натуральной овчине, а с обеденного стола по совету врача исчезли макароны.

Кто первым выдумал шабашку — история умалчивает, хотя Игорь историю уважал и вопросом сезонных рабочих интересовался. Но начиная с середины семидесятых годов во всех концах страны активно зашебурились сезонники, заключая с денежными хозяевами прямые договоры, обусловленные принципом «мы вам ключ в руки — вы нам деньги в карман».

Бригады вкалывали по-чёрному, не разгибаясь от зари до зари, но и зарабатывали неплохо. Аспиранты с юрфака, например, строили в Костромской области клетки для песцов, они называются шеды, и заработали по полторы тысячи рубликов на нос.

За коровники для колхоза «Рябиновый» Игорь рассчитывал получить не меньше десяти тысяч рублей на руки, раскидав их поровну на десять человек, плюс колхоз обещал обеспечить питанием и жильём. Единицей оплаты труда в бригаде являлся трудодень без прибавок за умелость. По опыту других бригад Игорь знал, что там, где начинается делёжка и перерасчёт, заканчивается дружба и слаженность, а он ценил командный дух стройотрядовских времён, когда один за всех и все за одного.

В лимарёвскую бригаду просились многие, но Игорь брал только самых крепких и надёжных,

сделав единственное исключение для протеже сестры Маришки. Вечно она возится со всякими «несчастненькими». В детстве это были бездомные котята, которые, мигом отожравшись, превращались в наглых котяр со скверным характером, а теперь, когда она стала старостой курса, вместо котёнка появился Павел Соснин.

Маринка просила за него очень убедительно, приводя аргумент в виде закипавших слёз на глазах. Теребя в руках тетрадку, она давила на совесть, объясняя:

— Игорь, пойми, если мы не поможем, то человек погибнет. А Павел талант, у него самая светлая голова на курсе, и ему нужна поддержка.

Что случилось с молодым гением и почему ему стоит помочь, Игорь уточнять не стал, хватит того, что обычно спокойная Маришка напряжённо ждёт ответа и при этом заметно нервничает.

Маришкина горячность в отношении к однокурснику была Игорю неприятна: он всегда гнал из головы мысль, что сестра может влюбиться и выйти замуж. Для отношений с мужчиной Маришка казалась слишком чистой, светлой и ранимой. И хотя он отдавал себе отчёт, что ревнует, но любого молодого человека из Маришкиного окружения рассматривал со скрытой антипатией.

Кроме того, его бригаде нужны были не великие умы, а крепкие плечи, и, глядя на тощего Павла в вечно сползающих на нос очках, Игорь

подумывал назначить его мальчиком на побегушках: вряд ли он годится ворочать брёвна или делать цементную опалубку. Обуза, да и только, добавить нечего.

Председатель колхоза «Рябиновый» лично встречал бригаду на станции, нетерпеливо пощёлкивая по ладони сложенной в трубочку газетой. Увидев высыпавшихся на перрон шабашников, он засунул газету за голенище резинового сапога и крепко пожал руку Игорю, безошибочно угадывая, кто здесь главный:

— Здравствуйте, товарищ Лимарёв, я Фёдор Иванович. Добро пожаловать к нашим пенатам. Надеюсь, сработаемся.

Круглое лицо председателя отдалённо напоминало изношенный башмак: так много морщинок сбегалось к широкому носу, успевшему по-летнему обветриться на солнце.

То, что председатель не погнушался лично встретить сезонников, произвело на Игоря хорошее впечатление, и он весело посмотрел на своих ребят, самым последним из которых стоял Павел:

— Ну, что, орлы, сейчас приедем на место, распакуемся, осмотримся и принимаемся за дело!

Фёдор Иванович одёрнул пиджак, который был ему узковат в плечах, и жестом показал на грузовик, припаркованный у вокзала:

— Вот наша карета. Я уж, по-стариковски, в кабину, а вы, молодёжь, располагайтесь в кузове.

Само собой, первым в кузов было загружено секретное оружие в виде трёх импортных бензопил, купленных вскладчину по большому блату. Длинным носом, похожим на буратиновский, пила влёгкую рассекала стопку досок, словно древесина по мягкости не уступала газетной бумаге.

За инструмент отвечал инженер-электротехник Миша, и Игорь знал, что Миша не подведёт.

Кроме Миши и Павла в бригаду влились три дипломника из строительного института, один ветеринар и три историка, причём один из историков — Максим — изучал постройки древних славян и клялся, что в строительном деле поднаторел не хуже средневекового плотника. По крайней мере, в поезде он обещал, что проведёт для желающих факультатив по изготовлению лемеха-черепицы из осины.

Насчёт факультатива Игорь остался в большом сомнении, потому что у отмахавших топором двенадцать часов в день работников сил останется только на то, чтоб донести до рта ложку с кашей.

Когда машина, взревев мотором, двинула в сторону колхоза, Игорь свободно откинулся

на рюкзак и украдкой посмотрел на новенького. Павел держался отчуждённо и независимо, видимо догадываясь, что ему совсем не рады.

* * *

Превратившись в точку, поезд скрылся из виду, и провожающие одновременно повернули в направлении вокзала. Какая-то девушка в толпе горько плакала навзрыд, а старушка у края платформы наоборот — беспечно улыбалась, как школьница, которой случайно выпал свободный урок. Что-то доказывая спутнице, размахивал руками пожилой мужчина с гривой седых волос. Подхватив даму под локоток, он картинно откидывал назад голову, демонстрируя окружающим гордый профиль с выпуклым подбородком.

«Артист», — подумала Екатерина Семёновна, поймав себя на мысли, что разглядывает толпу для того, чтобы заглушить тревогу, заполнившую душу тоской по Павлику.

Она настрого запретила себе думать о том, что когда-то с этой платформы навсегда уехал её сын Ванечка с молодой женой, но память снова и снова возвращала её назад в бесценное прошлое.

Отогнув рукав плаща, Екатерина Семёновна посмотрела на наручные часы, которые нарочно выставляла немного вперёд, чтоб никуда не опаздывать. Было около трёх часов дня,

и впереди ещё предстояли частные уроки музыки и долгий одинокий вечер в опустевшей комнате.

Конечно, она знала, что в последнее время у Павлика возникли большие проблемы. Она вообще всегда чувствовала, чем дышит ребёнок, но без острой необходимости старалась не вторгаться в его личное пространство: каждый человек должен сам проторить свою дорожку в будущее, надо только мягко и незаметно направить его в нужную сторону. В том, что Павлик растёт добрым и совестливым, Екатерина Семёновна не сомневалась. Главное, чтобы он не позволил растоптать в себе эти чувства, не поддался соблазнам упростить себе жизнь путём хитрости и обмана. А ведь впереди ещё ждёт любовь! Настоящая, верная, а не та влюблённость, от которой он сейчас мается, — изматывающая, похожая на затяжную болезнь. Наблюдая за внуком, Екатерина Семёновна видела, как он мечется, думая о Наташе, как его спина напрягается от каждого телефонного звонка в коридоре и как заливаются радостью глаза, когда в дверь раздаётся короткий стук соседки по квартире:

— Павел, к телефону.

Правда, в последнее время телефон звонил всё реже и реже, а вечерами Павлик чаще сидел дома, раскрыв перед собой тетрадь с конспектами, и смотрел в окно. С самого детства мальчик

настолько не умел притворяться, что прежде его чувства читались как открытая книга, знакомая до последнего абзаца, и только сейчас он замкнулся в себе, прячась за завесой пустых слов.

Спаси и сохрани, Господи, раба Твоего Павла!

Стараясь не делать резких движений, чтобы не потревожить больную спину, Екатерина Семёновна спустилась с вокзальных ступенек и пошла на остановку троллейбуса.

День стоял солнечный, но не жаркий, приятно ласкавший тело сквозь шёлк голубой блузки, перешитой из старого платья. Всегда, даже в трудные времена, Екатерина Семёновна старалась одеваться элегантно, не забывая проверить шов на чулках или начистить поношенные туфли.

«С аккуратности в одежде начинается аккуратность в мыслях», — часто внушала ей мама, обучавшаяся в закрытом пансионе мадам Вернье. Конечно, мамуля была права, и в доме всегда царил образцовый порядок, хотя мама считала дочку человеком взбалмошным и непоследовательным.

Взять хотя бы случай, когда Екатерина Семёновна — тогда Катюша — привела ночевать незнакомых людей со скамеечки в парке. Глаза беременной женщины умоляли о помощи, а суетливый смешной мужчина боялся попасть впро�ак и весь вечер стеснительно жался в уголке.

Наутро гости горячо благодарили за приют, а после их ухода обнаружилось, что из шкафа исчезли все серебряные ложки и старинная фарфоровая шкатулка, разрисованная умильными ангелочками.

В эвакуации у Екатерины Семёновны два раза пропадали продуктовые карточки, спасибо, из беды выручили добрые люди, а то бы им с Ванечкой пришлось голодать, как в блокаду.

Вернувшись в Ленинград после войны, она не нашла и половины своих вещей, которые были разворованы во время долгого отсутствия. Впрочем, о вещах Екатерина Семёновна не тужила, потому что чудом сохранился чемодан, наполненный семейными фотографиями и дневниками мужа. Они с Ванечкой нашли чемодан во время субботника, затеянного домоуправлением, когда разбирали руины разбомблённого детского сада. Доски и щепки складывались в один штабель, а найденные вещи домоуправ приказал относить в бывшее бомбоубежище и ставить на полки, служившие нарами во время налётов. На нижнем ярусе чья-то рука сложила уцелевшие детские матрасики, а на втором стояли мятые кастрюльки, вёдра, тазы и лежали кучи пыльных байковых одеялец. Екатерина Семёновна с Ванечкой притащили сюда целёхонькую детскую ванночку и стали заталкивать её на полку, но в глубине что-то мешало движению.

— Ванюша, помоги!

Лёгкий как пушинка Ванечка мигом взобрался на плохо оструганные доски, заглянул наверх и сказал:

— Мама, я нашёл какой-то чемодан, похожий на наш. У него на боку картинка с кораблем, я её наклеил, когда ты подарила мне переводные картинки.

Помнится, так затряслись руки, что она едва успела поддержать ванночку коленкой.

Как, зачем и, главное, кто принёс сюда чемодан из их комнаты — навсегда осталось загадкой, но фотографии все до единой оказались целы и невредимы. Их хватило на долгие вечера, чтобы перебирать отпечатанные на бумаге кусочки жизни и вспоминать, рассказывать, слушать, смеяться и плакать. А вот Ванечкиных фотографий осталось совсем немного. Ваня не любил фотографироваться, и на школьных фотографиях всегда стоял позади всех или в тени. Павлуша, тот побойчее, задорнее, чем её застенчивый Ванечка. Жалко, что Ванечка и Павлик совсем непохожи друг на друга, хотя иногда Екатерина Семёновна замечала, что Павлуша так же любит сидеть на подоконнике и так же обожает читать книжки с фонариком под одеялом.

— Все мальчишки одинаковы, — отрезвляюще говорила она себе, но сердце верило

в прочную связь любимых детей, узелком в которой являлась она сама — мама и бабушка.

Несмотря на пережитые потери, Екатерина Семёновна не считала себя несчастной, ежедневно благодаря Бога за то, что подарил ей заботу родителей, любовь мужа и нежность сына. Она была любима, любила и любит, а значит, живёт и дышит полной грудью. Грех роптать, когда у других не было и половины того счастья, которое выпало на её долю.

После проводов Павлика день тянулся особенно долго, наматывая время на круг циферблата в замедленном темпе тягучего менуэта. По окончании уроков домой идти не хотелось, и Екатерина Семёновна решила выйти из автобуса на пару остановок раньше и немного пройтись пешком. Из-за многочисленных трещин асфальтовая мостовая выглядела растрескавшейся корочкой ржаного хлеба. Сразу после войны такой хлеб продавался по карточкам. Изредка выпадало везение достать без карточек спрессованные бруски расплюснутых подсолнечных семечек, которые назывались жмыхом. Ванечка сворачивал из бумаги кулёчки размером с палец, накладывал туда осколки жмыха и садился на подоконник читать книжку. Содержимое кулёчка он старался растянуть на целую главу, а отвечая на вопрос, сколько сегодня прочитано, иногда шутил:

— Три с половиной кулёчка.

Под перестук каблучков воспоминания шли рядом, незаметно подталкивая к улице, на которой прежде стояла церковь. Её называли Неувядаемый цвет — по имени иконы Богородицы, пожалованной храму великой княгиней Ольгой Александровной.

«Неувядаемый цвет». Каждый раз обращаясь к этим словам, Екатерина Семёновна мысленно переносилась в храм, куда она могла бы войти с закрытыми глазами. Икона висела слева от алтаря в тонком серебряном окладе, словно свитом из луговых трав.

— Молись, Катенька, перед иконочкой, — вразумляла Екатерину Семёновну няня — архангельская крестьянка гренадёрского роста. — «Неувядаемый цвет» — икона особая, она в семейной жизни помогает. Авось тебе Царица Небесная хорошего жениха сосватает.

Жених сыскался, и в этой церкви Екатерина Семёновна с ним повенчалась. В ней крестила маленького Ванечку, а после плакала у заколоченных дверей, когда вернулась с похорон сына.

Хотя сейчас со стороны тротуара виднелась только крыша станции техобслуживания, Екатерина Семёновна видела храм внутренним взором, словно бы кирпичные стены оторвались от земли и свободно парили в воздухе.

Чутким ухом музыканта Екатерина Семёновна расслышала за спиной лёгкий шорох

и обернулась. Позади неподвижно стояла тоненькая девушка с прозрачными глазами ребёнка и нежным румянцем на щеках. Екатерина Семёновна приветливо улыбнулась и хотела пойти дальше, но девушка вдруг остановила её словами:

— Здравствуйте, а я вас знаю. Вы бабушка Павлика Соснина.

* * *

После окончания рабочего дня Эдик Костров решил на часок задержаться, чтобы доделать срочную работу, за которую была обещана доплата сверх нормы. Мало того, владельцем жигуля оказался директор галантерейного магазина, и он в качестве аванса презентовал набор польских шампуней в красивой сиреновой упаковке.

Можно сказать, угодил, потому что Эдик буквально накануне подумал, что пора бы подарить Ольге что-нибудь этакое, дамское, возвышенное, говорящее о внимании и хорошем вкусе.

Хотя они встречались второй месяц, до сих пор не верилось, что неприступная с виду Ольга сдалась без единого выстрела. Оказалось, всего и делов, что приблизить губы к Ольгиному уху, так, чтоб она кожей почувствовала его дыхание, и шепнуть, будто был влюблён в неё

с пионерских лет и мечтает продолжить знакомство. Ещё не договорив, он увидел, как по матовой шее побежала вниз нервная краснота, и угадал, что одержал лёгкую победу.

В последнее время Ольга решительно подталкивала отношения к большей близости. Её внимание возрастало так быстро, что голова шла кругом, притягивая трусливую мыслишку бежать, пока не поздно. Эдику не хотелось завязывать прочную связь, подразумевающую постоянство:

— Не нагулялся ещё, — сообщал он друзьям-женатикам, когда они спрашивали его о возможной невесте.

— Рано семью заводить, не нагулялся ещё, — ворчала мать, едва заходила речь о девушках.

— Неужели ещё не нагулялся? — вскользь бросила Ольга, когда он шутя сообщил, что ценит мужскую свободу и независимость.

Кроме прочего, Ольга оказалась очень ревнивой, и Эдик постоянно обращал внимание, как при его взглядах на других женщин Ольгино лицо сразу старело, а в голос проникали натянутые нотки гнева. Такое поведение неприятно задевало, тем более что Эдику были совершенно безразличны окружающие Ольгу мужчины. Он ни разу не поинтересовался, кто был с ней в ресторане при первом знакомстве и с кем она сейчас работает в соседнем кабинете.

Один раз, когда Ольга резко одёрнула его от шутливого флирта с продавщицей мороженого, он совсем было решил исчезнуть с горизонта, но мгновенно передумал, едва руки легли на руль её «фольксвагена».

Что может быть лучше, чем ехать на иномарке по Невскому проспекту и чувствовать себя хозяином жизни, которому завидуют все, начиная от последнего дворника и заканчивая важными метрдотелями? Это был настоящий кайф!

Накануне вечером Ольга позвонила ему домой и сообщила, что есть два билета на балет «Лебединое озеро» и возражения и отказы не принимаются.

Перспектива балетного спектакля ввергла Эдика в лёгкое уныние. Он вообще не понимал, что интересного, когда напoмаженные мужики таскают по сцене томных девиц в балетных пачках.

Гораздо лучше было бы провести время на шумной вечеринке с весёлыми девчатами и незатейливой закуской под бутылку портвейна. Но Ольгу к друзьям не поведёшь, вернее, друзей не покажешь Ольге, потому что миры ответственных работников профсоюза и простых ребят со средним образованием не имеют точек соприкосновения.

Однако раздумья о балете не мешали сохранять хорошее настроение и, выходя из ремзоны,

Эдик ощущал себя сильным, ловким и удачливым. Ради похода в театр он надел бежевый с иголки костюм, сидящий на нём, как на голливудском мэне. Это признал даже мастер Михеев, который при виде нарядного Эдика одобрительно цокнул языком и выразительно подмигнул:

— Орёл! Только свистни, все девки твои будут.

Высвистывая лёгкий мотивчик, Эдик бегом пересёк дорогу перед проезжающим автобусом, увернулся от мотоцикла и увидел Павликову бабушку Екатерину Семёновну. Она разговаривала с тоненькой девушкой, которую он как-то видел вблизи автостанции.

— А, Эдик! — Екатерина Семёновна приветливо взмахнула рукой и улыбнулась. — Давно тебя не видела! Что-то ты совсем запропал.

Наверное, бабушка Катя была не в курсе его размолвки с Павлом. Под дружелюбным взглядом он покраснел как рак, неловко переступая с ноги на ногу:

— Работы много, Екатерина Семёновна, да и Павлик был занят. Мы созванивались пару раз.

Он понимал, что оправдывается как школьник, поэтому старался не смотреть на девушку, прилагая усилия выглядеть с достоинством.

Но Екатерина Семёновна то ли не замечала его замешательства, то ли не подавала виду.

Едва коснувшись лацкана его пиджака, она смахнула невидимую пылинку и похвалила наряд:

— Тебе идёт костюм, Эдуард, ты выглядишь очень представительно.

Краснеть дальше было уже некуда, и Эдик с несчастным видом пробормотал:

— Я в театр иду. На балет.

Понимая, что Екатерина Семёновна знает его как облупленного и прекрасно ведает, что в ряду предпочтений Эдьки Кострова театры, а тем более балет, находятся на самом последнем месте, он чувствовал себя бегемотом, который хвастается приглашением на бал стрекоз.

Из неловкого положения выручила девушка. Она как-то особенно мило улыбнулась и сказала голосом, показавшимся Эдику перезвоном серебряного колокольчика:

— Я тебя помню, ты Эдик Костров. А я Света. Света Алексеева. Я ушла из вашей школы после пятого класса.

— Ух ты! — вырвалось из груди помимо его воли, потому что небесное создание, стоящее около Екатерины Семёновны, не имело ничего общего с незаметной девочкой с серыми волосами и сутулыми плечиками.

Если Екатерина Семёновна стояла под солнцем, то Света отступила назад в тень высокого дома, которая разрисовала черты её лица

волшебными переливами полутонов и полусвета. А глаза! Никогда прежде Эдик не встречал у девушек таких ярких глаз с россыпью золотистых искорок, утонувших в бездонной голубизне. Её красота казалась совершенной, возвышенной и нереальной.

Обалдев от восторга, он опустил взгляд в землю, чтобы не выдать своих чувств и подобрать слова, которые моментально слиплись во рту в неразборчивую кашу.

После повисшей паузы он наконец взял себя в руки и более-менее уверенно посмотрел на Свету:

— Я здесь работаю, на станции техобслуживания, — взмахом руки Эдик указал на крыши ангаров и добавил невпопад, надеясь на общие воспоминания: — Помнишь, мы с этого места смотрели, как церковь ломали?

Небо, отражающееся в её глазах, потемнело:

— Конечно, помню! Я, когда бываю на этой улице, всегда останавливаюсь на пару минут. Ну, как на могиле. Постоять, погоревать.

О своих чувствах она говорила откровенно и бесхитростно, как давнему другу, и Эдику ничего не оставалось, как согласно кивнуть:

— Я тебя видел. Только не знал, что это ты, а то бы обязательно подошёл.

Говоря, он вспомнил, что увидел Свету в тот самый день, когда Пашка пришёл к нему за

помощью, и непроизвольно взглянул на Екатерину Семёновну. Интересно, она знает об их разговоре? Наверное, нет, а если и знает, то не показывает виду. Повезло Пашке с бабкой: умная, понимающая, не лезет с советами, как его мать.

Заметив его внимание, Екатерина Семёновна ответно улыбнулась:

— Ну, молодёжь, я вас оставляю. Мне пора домой — готовиться к урокам. А с тобой, Светочка, — договорила она, повернувшись к Свете, — я была очень рада познакомиться. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— До свидания!

Эдик уловил в Светином голосе нотки теплоты, позавидовав, что они предназначены не ему.

До боли в скулах ему захотелось провести этот вечер со Светой, отправив труппу артистов балета танцевать в пустыню Сахару или на Северный полюс.

Его как будто прорвало на разговор, и он, накидывая слово на слово, принялся острить, рассыпая короткие смешки в надежде на отклик.

Наклонив голову к плечу, Света слушала, казалось, с интересом, но вдруг взмахнула рукой:

— Мой автобус! Приятно было повидаться! Не опоздай на балет!

— И мне приятно! Правда приятно, Света!

Его душа рвалась вдогонку, но ноги словно приклеились к асфальту, на котором остался невидимый след её шагов.

* * *

Несмотря на окончание рабочего дня, подведение итогов соцсоревнования было в самом разгаре. Дебаты затягивались, перерастая в словесную потасовку между представителями цехов, и Ольга нервничала, что опоздает в театр. Укладку она успела сделать с утра, вызвав в кабинет заводскую парикмахершу с титулом мастера — золотые руки. Но требовалось ещё переодеться, сменить деловой костюм на жёлтое кримпленовое платье и хотя бы пять минут полежать на кушетке, вытянув ноги вверх, чтобы не саднило в уставших от каблучков ступнях.

Когда зазвонил телефон, она схватила трубку после первого же гудка.

В кабинете сразу стало тихо. Пользуясь паузой, начальник цеха проверки Орлов прикурив с сигарету, секретарша Маша украдкой посмотрела на часы и что-то шепнула соседке с южного филиала, а профорг бюро приборов Кудинова по-лисий сощурила глаза, расплываясь в неискренней улыбке:

— Ах, все мы люди семейные.

Ольга знала, что Кудинова метит на её место, поэтому ответила на звонок сухо, давая понять, что разговор сугубо деловой:

— Алло, профком.

— Оля? Это я.

Кудинова взяла карандаш и начала заштриховывать на обложке блокнота логотип предприятия, всем своим видом демонстрируя безграничное терпение.

Хотя от голоса Эдика сердце нетерпеливо затрепыхалось, Ольга всё же сдержала эмоции, бесцветным голосом сообщив:

— У меня сейчас собрание, но я приду вовремя.

— Оля, я...

— Извини.

Телефонная трубка с лёгким стуком легла на рычаг, и Ольга вернулась к обсуждению вопроса, каким образом начислять баллы застрельщикам соцсоревнования из бригады ремонтников.

Настырная Кудинова, как нарочно, тянула время, постоянно подкидывая каверзные вопросы, требующие отдельного разбирательства.

Когда стрелка на часах подошла к критической отметке, за которой следовало опоздание в театр, Ольга оперлась двумя руками на стол и решительно поднялась со своего места:

— Товарищи, предлагаю на сегодня закончить совещание, а к завтрашнему дню попрошу

подготовить свои предложения по итогам квартала и выдвижению передовиков. Могут сообщить по секрету, что в этот раз победители соревнования кроме денежных призов получают путёвки в братскую Польшу.

Про Польшу она сказала нарочно, помня, что Кудинова уже два раза подавала заявление на путёвку за границу, но каждый раз поездка срывалась. Один раз обещанную Кудиновой путёвку внепланово отдали заместителю директора, а второй раз райком завернул поездку из-за того, что предприятие недовыполнило план.

Судя по тому, что кудряшки на голове Кудиновой от резкого движения рассыпались по лбу, небольшая месть вполне удалась.

«Ничего, скоро я тебя поставлю на место!» — едва не сказала вслух Ольга, когда Кудинова как ошпаренная выскочила из кабинета.

Переждав пару секунд, пока уйдёт секретарша и закроется дверь, Ольга принялась лихорадочно наводить красоту, нервно поглядывая на часы.

Костюм на вешалку, платье на себя. Повседневные туфли одним махом сменились на лаковые югославские лодочки на умопомрачительной шпильке. Зацепляя ногтем за замочек, Ольга вывалила на стол содержимое косметички, едва успев подхватить выпавший со дна тюбик розовой помады.

Она поймала себя на том, что нервничает выше всякой меры, и усилием воли остановила суету, сосчитав до десяти. Но пульс всё равно сбивался на галоп, заполняя тело жаром ожидания встречи.

Ольга влюбилась резко, непредсказуемо и больно, словно случайно ошпарилась в крутом кипятке. Если бы кто-нибудь сказал, что можно задохнуться нежностью от одного дыхания мужчины, ненароком скользнувшего по щеке, то она покрутила бы пальцем у виска и напомнила о бабьей дурости, которой совершенно не подвержена. Но факт остаётся фактом, и через неделю после встречи с Эдиком в ресторане она жёстко констатировала, что хочет замуж. Причём прямо сейчас и невзирая на разность в положении. Кроме того, муж-работяга может служить неплохим козырем при будущих повышениях. Пусть знают, что Жихарева не отрывается от народа, а живёт, что называется, в гуще простой жизни.

Осознав факт внезапной любви, Ольга купила бутылку вина и всплакнула в пустой тишине своей однокомнатной квартиры, а наутро подкараулила в коридоре управления главного инженера и быстрым шёпотом сообщила, что между ними всё кончено. Вопреки ожиданиям сложных объяснений, на лице Бориса отразилось такое явное облегчение, что Ольге захотелось

с размаху влепить ему пару пощёчин. Но он не предоставил такой возможности и быстро прошмыгнул в кабинет директора, оставив Ольгу стоять посреди коридора и холодными руками тушить на щеках горящий румянец, как будто пощёчины получила она сама.

«Фольксваген» подкатил к театру в последнюю минуту, когда начали расходиться жаждущие лишнего билетика. Оглядев площадь, Ольга заметила Эдика около памятника Римскому-Корсакову и затормозила напротив.

Сжимая в руке три гвоздички с пожухлыми головками, он оглянулся на звук машины, но не улыбнулся, как обычно, а выглядел несколько растерянным:

— Оля...

Она выскочила из машины, на ходу перехватывая цветы:

— Бежим скорее, мы опаздываем.

Рядом с Эдиком Ольгу бросало в жар, заставляя с нетерпением дожидаться минуты, когда они перешагнут порог её квартиры и останутся только вдвоём.

И зачем она придумала пойти на балет, взяв билеты из профкомовской брони, предназначенной для проверяющих из министерства, как ленинградский знак качества? Могли бы сразу поехать к ней домой, а утром проснуться в одной постели.

Когда, открывая дверь в фойе, Эдик обернулся вслед девушке в голубой блузке, Ольга передёрнулась от ревности и подумала, что разотрёт в порошок любую соперницу, которая встанет поперёк пути.

* * *

В ожидании приезда шабашников население Рябинового стянулось на пяточок перед правлением колхоза. Бабушки в белых платочках степенно уселись на лавочку в тени дуба и неодобрительно поглядывали на девушек. Нарядные, раскрасневшиеся, они держались стайкой и старательно делали безразличный вид.

Мужики перекуривали, обсуждая, сколько времени понадобится шабашникам, чтобы пустить в ход старую бетономешалку, которую на днях сломал Жорка-электрик. Сам Жорка нервно почёсывал длинные лохмы, отпущенные по последней моде. По-морскому расставив ноги в брюках клёш, он зорко смотрел на дорогу, готовый в любую минуту ретироваться долой с председательских глаз.

— Едут, едут! — первым выкрикнул с забора голубоглазый мальчонка поварихи Евдокии.

Его крик перекрыло гудение грузовика, въехавшего во двор, и председатель Фёдор Иванович выбрался из кабины, обращаясь к народу:

— Вот наши строители, прошу любить и жаловать.

— Особенно любить! — затрещали смешки со стороны девчат, на которые председатель живо отреагировал выразительно сжатым кулаком:

— А вы, вертихвостки, чтобы у стройки не отирались! Увижу — лишу премии.

Дождавшись, когда бригада разгрузит багаж, председатель обвёл рукой окрест, знакомя приезжих с хозяйством:

— Это наша центральная усадьба. Вот там, за горкой, медпункт, позади правления магазин и клуб. В клубе хорошая библиотека, если надо — милости просим. Библиотекарша всегда поможет подобрать журнальчик или книжечку. В общем, не стесняйтесь, будьте как дома. Место для жилья мы вам выделили в здании школы, поэтому сейчас быстренько оформим договор, и можете идти устраиваться. Георгий вас проводит и введёт в курс дела.

Махнув рукой Жорке-электрику, председатель пригласил Игоря Лимарёва в контору, и Павел подумал, что ждать придётся долго. Но дело решилось буквально за пять минут, а дорога до места дислокации заняла ещё пять.

Часто случается, что названия не соответствуют особенностям местности, но улицы посёлка Рябиновый были и впрямь густо засажены рябинами, на которых ещё не начали набухать

зеленоватые гроздья. Под порывами листья упруго покачивались, напоминая Павлу о том, как в школе они с Эдькой набивали карманы незрелыми ягодами и через трубочку дудника пулялись ими по окну заброшенной прачечной.

Центральная улица колхоза поражала добротностью и единообразием: все заборы имели одинаковый коричневый цвет, крыши домов отблёскивали новеньким шифером, а мостки под ногами были крепко сколочены из новеньких досок.

Когда идущий впереди провожатый остановился, Павел увидел новое кирпичное здание в два этажа, с чисто вымытыми стёклами. Подумав, что селить в таком огромном здании десять человек — не самое рациональное решение, Павел ошибся, потому что разместили их с чёрного хода в небольшой двухкомнатной квартире с газовой плитой, туалетом и душем.

В одной из комнат грудой лежали новые раскладушки, а рядом с ними возвышалась стопка матрасов и одеял.

— Вообще, здесь жила завучиха школы, — словоохотливо пояснил парень, которого директор представил Георгием, — но она недавно получила в колхозе новый дом, а квартира пока пустует. Ждём учителя математики, — он сокрушённо развёл руками, — говорят, никак не найдут подходящего.

Наш директор знаете как хочет? Чтоб обучение было не хуже, чем в городе. Он у нас мужик деловой, серьёзный, зря слов на ветер не бросает.

Разместились быстро. Павел поставил раскладушку у окна, надеясь, что спать станут с раскрытой форточкой — сказала бабушкина привычка. Потом бригада скопом пошла на обед в колхозную столовую, а после еды Игорь дал команду отправиться к месту стройки.

Пояснял дорогу по-прежнему Георгий, который попросил называть его Жора:

— Мне так привычнее. А то вы всё «Георгий да Георгий», как учитель перед тем, как кол в дневник закатать.

Хотя Жорка сообщил, что работает в колхозе электриком, с виду он казался старшеклассником. Парень был невысокого роста, гибким, стройным и смуглолицым, как танцор из цыганского ансамбля. Идя рядом с Игорем, которому едва доставал до плеча, Жорка без умолку трещал, нахваливая местные достопримечательности.

У помещения медпункта он затормозил и с придыханием сообщил, что здесь работает фельдшерица Зоя, по которой сохнут все местные парни; а выйдя за село, показал рукой на небольшую полянку, поросшую белыми головками кашки:

— Запомните, мужики, это Федосьин луг. Сюда вечером девок не водите — медведь задерёт.

Выразительный Жоркин хохоток стыдливо затих под суровым взглядом Игоря, который весомо сказал:

— У нашей бригады правило: никаких контактов с местными девушками. Мы сюда работать приехали, а не на дуэлях с поселковыми кавалерами биться. Так друзьям и передай.

— Да я ничего, для красного словца, — заюлил Жорка, быстро перескакивая на другую тему, — я ведь только предупредить хотел, чтоб вы на Федосьин лужок не совались, там вправду по ночам зверьё собирается, видать, Федосью ждёт. Она, вишь, говорят, сюда их кормить выходила. Была в этих краях такая бабка, Федосья Скворцова. Кто говорит — святая, кто — сумасшедшая. Блаженная, одним словом. В войну сгинула.

— Местная, что ли? — с неподдельным интересом в голосе спросил историк Максим.

— Ага, местная.

Для форсу Жорка залился пронзительным свистом, в котором угадывался модный мотивчик ансамбля «Песняры», а когда дыхание оборвалось, скороговоркой затарахтел последние колхозные новости.

Павел вникал в Жоркину болтовню фрагментарно, потому что неотступно думал о Наташе,

как если бы она была рядом, но отошла на минутку нарвать васильков, заблудившихся в поле зеленеющей ржи. В последнее время Наташа почти не звонила, видимо уловив перемену, произошедшую в его жизни. А он ждал, напряжённо вслушиваясь в звуки, которыми наполнен быт любой коммунальной квартиры. О телефонном звонке напоминало то звяканье посуды в руках соседки, то игра на металлофоне малыша из третьей комнаты.

Порой Павел представлял себя собакой, ждущей ласки хозяина, и тогда становился противен сам себе. Пытаясь освободиться, он выгонял из себя эту собаку, занимая мозг математическими формулами, а ноги — долгими прогулками по городу. Но ноги приводили его к Наташиному дому, а формулы рассыпались на составляющие числа, едва глаза усматривали в её окне неясные силуэты людей.

Жорка впереди по-прежнему разливался соловьём, перемежая речь молодецким посвистом, и замолчал только тогда, когда впереди показалась груда кирпича:

— Пришли! Вот оно, как говорится, ваше рабочее место. Председатель обещался позже подъехать.

Устремив взгляд на Игоря, Павел увидел, как тот обернулся к ребятам из строительного института и негромко сказал:

— Давайте, други, определяйте фронт работ, а я пока прикину разнарядку. Заодно увидим, кто чего стоит.

* * *

С момента начала строительных работ дождь зарядил ровно на две недели. Немного затихая, он горстями бросал в лицо холодные капли, а расходясь не на шутку, бил по спине тугими жгутами, свернутыми из воды и ветра.

— Не повезло с погодой, но против небесной канцелярии человек бессилен, — констатировал Игорь, когда в первый раз пришлось отжимать мокрую рубаху. Потом на сырую одежду перестали обращать внимание и работали без оглядки на прогнозы синоптиков.

В первые рабочие дни Павлу приходилось вытаскивать себя с раскладушки буквально за волосы. Глаза закрывались сами собой, а тело ныло, болело и просилось обратно. Хоть на чуть-чуть, хоть на краешек сна. Впрочем, снов он не видел, забываясь в каменном покое от непривычной усталости. Порой казалось, что он способен свернуться калачиком прямо в лохани с цементным раствором или уткнуться лицом в рулон рубероида. И хотя глаза щипало от недосыпа, а голова напоминала гранитный шар на набережной Невы, руки проворно делали своё дело.

Поглощённый борьбой с самим собой, Павел попутно научился делать гидроизоляцию фундамента, разводить раствор в нужных пропорциях песка и цемента, отличать тычковый ряд кирпичей от ложкового ряда и быстрее всех в бригаде выкладывать идеально ровную стенку. Он не мог позволить себе дать слабину и однажды заметил, что у него течёт кровь из носа, бурыми каплями расцветая на белой кирпичной кладке.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Павел вытер кровь тыльной стороной ладони, измазывая кожу широкими багровыми полосами. Бабушка Катя приказала бы ему запрокинуть голову и приложила к переносице кусочек льда из морозилки.

Но бабушки не было, и Павел тихонько сполз на фундамент, несильно стукнувшись затылком о свежую кладку. Справа от него постукивали мастерками ветеринар Сергей и электротехник Миша, слева вымерял отвес историк Максим, который за время знакомства успел ознакомить всю бригаду со способами постройки древнерусских изб.

Игорь Лимарёв месил цемент, и Павел порадовался, что может пересидеть в холодке без его оценивающего взгляда.

Пожалуй, бригадир оказался единственным, с кем у Павла туго складывались отношения. С балагуром Жекой Павел сошёлся ещё в поезде,

когда объяснил ему пару сложных математических формул, из-за которых у Жеки остался на осень хвост из несданного зачёта. Строители-дипломники Рубен и Саша умели задушевно петь дуэтом и постоянно приглашали Павла присоединиться третьим голосом. Один раз он отважился подтянуть разудалую песнь про Стеньку Разина, но уловил на лице Игоря скрытую иронию и почувствовал себя неловко, хотя Рубен одобрительно хлопнул по колену:

— А ты в музыке понимаешь! Музыкальную школу заканчивал?

— У меня бабушка учительница музыки, — отвечая Рубену, Павел снова поймал на себе быстрый взгляд Игоря и окончательно замолчал.

Он не мог не признаться себе, что холодный интерес, возникнувший между ним и Игорем, оказался взаимным.

Исподволь, незаметно, Павел тоже приглядывался к Игорю, то и дело улавливая в нём сходство с Мариной. Внешне не выказывая интереса, он успевал подмечать, что Игорь очень похоже поднимает одну бровь, если удивлён, а будучи недовольным, как Маринка, делает ладонью отстраняющий жест, словно отталкивая от себя неприятность.

Когда Игорь писал письма домой, на его лицо набегала тень спокойной радости, и Павел представлял, что наверняка семья

Лимарёвых очень дружная и счастливая, а их мама по воскресеньям варит борщ и печёт пироги с повидлом.

Свою собственную маму он видел один раз в жизни, когда ему было лет пять. В тот вечер он долго капризничал и не хотел идти спать. Дело в том, что они с бабушкой накопили целую стопку серебряной бумаги от чайной завёртки и собирались вырезать из неё снежинки для новогодней ёлки. Но бабушка сказала, что уже поздно, и тогда Павлик решил немного пореветь, чтоб бабушке стало стыдно. Видя, что твердокаменная бабушка не замечает его всхлипываний и раздутой губы, он решил поддать жару, но тут в дверь постучали.

— Екатерина Семёновна, это я.

Кто такая «я»? Голос был не соседкин. Стискивая в кулаке ножницы, Павлик заёрзал на стуле от любопытства.

Бабушка была явно взволнована. Раскрыв руки, она поднялась навстречу незнакомой тёте в спортивной шапочке, из-под которой выбивалась толстая растрёпанная коса, как у девчонки-старшеклассницы.

Но тётя, казалось, не видела бабушку, а остановилась у порога и стала смотреть на него, Павлика, который, застеснялся и замер, позабыв закрыть рот.

— Павлик, сынок. Не узнаёшь? Я твоя мама.

Тётя шла прямо на него, и Павлик в панике стал отступать к бабушке, чтобы успеть спрятаться за её спину. Фотокарточка с улыбающейся мамой стояла у него на тумбочке около кровати, и он очень хорошо знал, что мама молодая и с красивой причёской, а не морщинистая и растрёпанная.

Но когда он уткнулся в бабушкины руки, та погладила его по голове, ласково подтолкнув навстречу тёте, со словами:

— Ну что же ты, Павлуша, от мамы прячешься? Она по тебе скучала.

Ещё не веря, что эта тётя действительно его мама, Павлик опасливо повернул голову набок, одним глазом оценить обстановку. Он увидел, что мама стоит возле него на коленях, а по её щекам катятся слёзы.

Павлик понимал, что мам положено обнимать и даже целовать, но никак не мог заставить себя оторваться от бабушки.

Ночью его залихорадило, и бабушка поила лекарством с ложечки и клала на голову влажное полотенце, а наутро мама уехала и больше он её никогда не видел.

Короткой передышки хватило, чтобы унялась кровь из носа, и Павел снова принялся за работу, ряд за рядом возводя кирпичную стену будущего коровника. Монотонная работа не мешала думать, и он позволил мыслям свободно

витать в голове, переплетая явь и фантазии. Воспоминания об Эдике и долге Кольке-фарцу были тяжёлыми, как кирпичи в его руках, и тогда кладка шла медленнее. Думая о бабушке Кате, он начинал с посвистом вздыхать и корить себя за то, что ещё не удосужился написать ей длинное, подробное письмо, а только один раз позвонил с местной почты, да и то больше для того, чтобы услышать новости о Наташе. Заказанный разговор пришлось ждать больше часа, и связь оказалась отвратительной, но через помехи в трубке он сумел разобрать, что Наташа не звонила и не появлялась.

Мечты о Наташе наполняли душу дымной горечью пепелища, и в надежде отвлечься Павел положил мастерок, зашуровав лопатой в лохани с цементом.

Перемешивая цемент, Павел не сразу заметил, что за его спиной стоит Игорь:

— Павел, почему у тебя лицо в крови?

— А, это? — Павел провёл рукой над губой, снова расцветившая пальцы алыми полосами.

Неловко получилось, что Игорь его застал. Не хватало только жалости или снисходительности.

Он грубовато дёрнул плечом:

— Ерунда, сейчас пройдёт.

Взяв у него из рук лопату, Игорь умело вогнал лезвие в цементную кашу:

— Само собой, пройдёт. У меня самого часто идёт кровь носом.

Хотя больше не было сказано ни слова, Павел сумел расслышать одобрительную интонацию Марининового голоса.

* * *

Кормили бригаду строителей как на убой: сытно, вкусно и обильно. Никогда прежде Павел не предполагал, что вместо бутербродов и варёных яиц на завтрак люди могут есть наваристые щи или котлеты с картофельным пюре, обильно политым золотистым топлёным маслом. Но повар колхозной столовой тётя Дуся не расспрашивала о домашних привычках, а ставила в окно выдачи полные тарелки варева, от запаха которого текли слюнки:

— Налетай — не зевай, работнички! Пустое брюхо к работе глухо.

Поддерживая марку Рябинового, столы были покрыты клеёнкой с рисунком из рябиновых кистей.

— Председатель закупил, — уважительно хвастала тётя Дуся.

В рекордный срок очистив тарелку с густой солянкой, Павел вышел на крыльцо, скрипнувшее половицами под его сапогами. Тишина над Рябиновым стояла такая, что её хотелось

пить вместо медового кваса, медленно смакуя каждый глоток.

Однажды, когда он был маленьким, бабушка сказала:

— Давай послушаем тишину.

И он понял, что тишину можно слушать.

Соприкасаясь зелёными головами, о чём-то тайном молчали рябины, по крышам домов безмолвно скользил золотой луч раннего солнца, недвижному пруду дарило свою белизну огромное облако, украшенное розоватыми завитками.

Словно вступая в сговор с тишиной, Павел бесшумно спустился со ступенек и присел на деревянную лавку под плакучей ракией. Перед собой он видел клумбу с алыми георгинами, обложенную по краям кирпичами на ребро. От кирпичей в клумбе мысль перекинула мостик к тоннам кирпичей для коровника, ждущих его рук. Интересно, закончат они сегодня стену или останется на завтра?

Когда за кустами внезапно раздались резкие голоса, судя по тембру, принадлежащие старухам, он невольно вздрогнул.

Один голос произносил слова нараспев, растягивая гласные звуки, отчего создавался эффект заезженной пластинки:

— Машк, а Машк, а я тебя давеча на Федосьином лугу видела. Что-то ты, подруженька, туда зачастила.

В ответ Павел услышал глубокий вздох, приправленный дробным покашливанием:

— Ноги, Танька, у меня уже старые, до скита не дойти. Вот и приходится на лугу с Федосьюшкой беседовать. Я ведь её малёхо помню. Ростика она была невеликого, за плечами горб, что торба прилип, одно плечо выше другого. Но только народ её уродства не замечал, потому как доброты ей Господь полной мерой отсыпал. В чей дом ни зайдет, тишь да благодать кругом начинается, ровно она Ангела за пазухой носит. Хозяева Федосью в гости наперебой зазывали, но она не ко всякому шла. Иной богатый дом за версту обойдёт, а бедной избёнке честь окажет, да ещё перед воротами до земли поклонится, как на церковном пороге: «Христос с вами, добрые люди».

Бывало, пойдёт она на луг, зверёе созывать, а мы, дети, в кустах заляжем, а то и на дерево взберёмся, чтоб видать виднее было.

Федосьюшка станет посреди лужка, хлебные корочки разбрасывает и кричит, будто цыплят созывает: «Цып-цып-цып». Мы смотрим: батюшки светы! Голуби, воробьи, вороны, стаями слетаются. А однажды лось из лесу выходил. Здоровущий, что бык. Ребятишки боятся, жмутся друг к дружке, а Федосья сохатого по шее гладит, хлебушком угощает.

Я от страха глаза ладошками прикрывала, а когда отважилась глазом зыркнуть, лось

ушёл, — старуха замолчала, чтобы прокашляться, напоследок сказав: — В старости детство чаще вспоминается. Будто вчера всё было. А оглянешься, ан нет — жизнь прошла.

С каждой секундой невольно подслушанный разговор становился интересней. Павел надеялся, что ребята посидят в столовой подольше и не спугнут старух.

Старуха, которую называли Танькой, хихикнула, как показалось Павлу, с долей злорадства:

— И то правда, Машка, ты ведь меня на десять лет старше.

— То-то и оно, что старше. Пора уже о душе подумать да домовину себе присматривать. А куда я с таким хвостом грехов? Помнишь, небось, как я в войну иконы топором порубала, когда на мужа похоронку принесли? На всё село крик стоял: свекруха бревном валяется, моя мать на коленях стоит, а я топором машу так, что щепы за забор летят.

— Так то в войну, — тягуче проскрипел голос, — война, говорят, всё спишет.

— Всё, да не всё. Давят меня грехи, Танька. Ночами не сплю, ровно пудовая гиря на груди стоит. А как придремлю, так себя вижу в красной косынке и с комсомольским значком, прости Господи. Только и надежда на Федосьюшку. Может, она за меня, дуру, перед Богом словечко замолвит.

— Проси-проси, Машка. Но только в скиту перед иконами — оно вернее было бы. Скиток хоть и пустует с войны, но всё же место знатное, намоленное. А икон так сколько! Я лет пять назад туда заглядывала, так и ахнула. Полным-полна коробочка, что боровики в твоём кузовке.

— Не дойти мне до скита, — горько выкашляла слова старуха по имени Машка, — хоть и тропка от Федосьиного луга ещё видна, и путь вёрст пять, не больше, а не дойти. Совсем ноги отказали. Фельдшерица мази дала, да разве старость мазью вылечишь? От старости одно лекарство — душу спасти.

За обсуждением мази от кудрявой фельдшерицы старухи двинули дальше, а Павел остался сидеть как громом поражённый. Вот оно, избавление, которое само плывёт в руки.

Он моментально вспомнил первую встречу с Колькой-фарцем и его небрежные наставления в искусстве жить.

— Иконки влёт уходят, за них можно хорошую прибыль наварить, — сказал тогда Фарц.

А если иконки дармовые, да ещё старинные!

От открывающихся перспектив у Павла захватило дух, и весь рабочий день он постоянно возвращался к услышанному разговору и обдумывал, как лучше отправиться на розыски.

Если в заброшенном скиту завалилась хоть одна икона — уже хорошо, но если несколько,

то представится возможность одним махом вылезти из долговой ямы и явиться к Наташе победителем с букетом белых роз.

Предвкушение будущей удачи делало дыхание лёгким, а руки сильными и быстрыми. И если где-то очень глубоко в душе копошился червячок сомнения, то Павел постарался затолкать его ещё глубже. Если вдуматься, то волноваться не о чем: старуха ясно сказала, что скит заброшен с войны, а значит, никому не нужен ни он, ни его содержимое.

Павел услышал, как работавший рядом Рубен затянул песню, и, уже без оглядки на Игоря, присоединил свой голос к голосу Рубена: «Где ж ты, где, моя Сулико!»

Впервые за много времени ему хотелось петь, смеяться и вспоминать Наташу.

Окончательно Павел уверился в своей удаче, когда посреди рабочего дня внезапно закончился цемент, потому что в запасных мешках вместо порошка оказался подмокший монолит, больше похожий на серую каменную глыбу.

Игорь досадливо стукнул кулаком по ладони и коротко выругался:

— На сегодня всё! Пропал день! Вечер объявляется выходным.

Максим звонко постучал мастерком о пустое ведро, отбивая туш:

— Ура! Не журишь, бригадир, завтра на-верстаем.

Игорь и сам видел, что ребята вымотались, поэтому не стал возражать, когда после обеда все разбрелись по своим делам.

Большинство ребят завалилось спать. Максим, одержимый идеей древнерусского зодчества, отправился по деревне на поиски резных наличников. Жека потащился на почту. Рубен сел писать письмо, а Павел надел сапоги, сунул в карман компас, удачно прихваченный из дому, и двинул на Федосьин луг.

* * *

Хотя роман с Ольгой Жихаревой достиг апогея и та откровенно намекала на официальное оформление отношений, каждый вечер, ложась спать, Эдик Костров загадывал назавтра увидеть Свету Алексееву — Светика из пятого класса, превратившуюся в чудное виденье с невыразимо прекрасным именем Светлана.

Утром он с надеждой бежал на работу и едва ли не поминутно выскакивал из помещения, чтобы проверить, не видать ли на другой стороне улицы тонкую девушку с глазами цвета неба. По сто раз на дню он чехвости́л себя последними словами, что не догадался попросить телефончик или узнать, где она живёт. В городском

справочном бюро очкастая тётка посмотрела на него как на ненормального и сказала, что Светлан Алексеевых в городе наберётся не одна тысяча и, кроме того, без полных данных справок не выдают.

Ради новой встречи со Светой он передвинул отпуск на октябрь, охотно уступив заманчивый август слесарю Кругликову. На радостях от немыслимой щедрости товарища Кругликов притащил десять бутылок жигулёвского пива и подарил фирменный гаечный ключ японского производства.

— Это тебе, Эдька, за душевность и доброту.

В момент, когда гаечный ключ перекочёвывал из кулака Кругликова на ладонь Эдика, проезжавший вдалеке автобус затормозил на остановке и выпустил из раскалённого солнцем нутра гибкую девушку в лиловом платье.

Легко соскочив на асфальт, Света прошла вперёд, не замечая восхищённых взглядов встречных мужчин, и остановилась у дорожного знака, указывающего поворот.

Отсюда отлично просматривались двор станции техобслуживания с тремя ангарами и груда битых кирпичей, когда-то бывших стенами храма. С этой точки она смотрела, как рушат церковь, и это событие до сих пор жило в памяти горечью потери близкой души.

В том, что храмы имеют душу, Света не сомневалась ни на секунду, как не сомневалась в том, что вода мокрая, огонь горячий, а камни твёрдые.

Непростыми вопросами бытия маленькая Света заинтересовалась, когда ей подарили красивую куклу Капу с толстыми косами, перевязанными красными бантиками. Капа умела открывать и закрывать глаза и говорить слово «мама». Но как Света ни старалась вообразить Капу своей дочкой, Капа всё равно оставалась куклой.

Крепко подумав, Света резонно посчитала, что с кукольной проблемой наверняка сумеет разобраться мама, потому что на Светиной памяти мама умела делать всё, даже чудесное снежиночное платье для утренника, искрящееся блёстками из битой ёлочной игрушки. Воспитательницы в детском саду ахали, а папа сказал, что у мамы золотые руки.

Но, к большому разочарованию Светы, мама не смогла оживить Капу, зато объяснила почему:

— Понимаешь, Светик, у кукол нет души, а без души нельзя стать настоящим человеком.

Души? Про душу Света ещё не слышала, поэтому не на шутку озадачилась, где раздобыть душу для Капы и сколько она стоит. Если дорого, как мороженое, то можно потихоньку поканючить у папы, а если как воздушный

шарик, то у Светы хватит своих денег, потому что бабушка недавно подарила пять копеек.

Со времени поиска души утекло немало времени. Света успела закончить школу и медицинское училище. Как и мама, она работала патронажной сестрой и бегала к новорождённым, с благодарностью соприкасаясь с чистыми младенческими душеньками, открытыми для любви и мира. Свою работу Света не просто любила — принадлежала ей. Алексеева определилась с выбором на последнем курсе училища, когда на практике в родильном доме увидела ровные ряды кроваток, в которых куколками лежали смешные малыши с озабоченными личиками людей, недавно переживших тяжёлую передрыгу.

Запелёнутые в тугие коконы, они отдалённо напоминали куклу Капу.

Когда подходило время кормления, куколки-пеленашки начинали хлопать глазками и требовательно разевать крошечные ротки с розовым язычком. Самые голодные заводили нетерпеливый рёв, к ним присоединялись остальные, и, чтобы выдержать режим кормления, сёстры и нянечки начинали брать заводил на руки и укачивать, приговаривая:

— Спи глазок, спи другой.

Мягкие тельца малышей ласкали ладони, и Света думала, что, даже когда время превратит

нежную детскую кожу в тонкий стариковский пергамент и тело разрушится, душа пребудет вечной и непостижимой, как душа разрушенного храма Неувядаемый цвет.

Саму Свету первый раз принесли в храм почти сразу после рождения, поэтому церковная среда стала для неё естественной, как воздух, вода и хлеб.

Дома у Алексеевых тоже было много икон, а на тумбочке возле маминой кровати стояла фотография седого старца с необыкновенно ясным взором. Одетый в чёрное, он с терпеливой мудростью смотрел на мир, словно ожидая, когда неразумные дети вдоволь натешатся и прибегут к его рукам искать ласки и ободрения.

Если мама смотрела на фотографию, её лицо становилось нежным и задумчивым, а губы трогала лёгкая тень улыбки. Маленькой Света думала, что на портрете мамин дедушка, но только когда она выросла, мама рассказала подлинную историю из своей жизни.

* * *

По паспорту Светину маму Анну Захаровну звали Интерна, в честь Коммунистического интернационала, потому что, когда она родилась, в Москве проходил Шестой конгресс Коминтерна.

Интернина мама считала, что имя идеально подходит для светловолосой быстроглазой девочки с идеально ровным носиком и шелковистыми ресницами. Обыкновенные имена, затёртые седыми веками, мама считала буржуазной пошлостью, а папа — леностью ума, потому что нет ничего интереснее, чем крепко подумать и изобрести своему ребёнку новое имя для новой жизни.

Интерне тоже нравилось своё необычное имя, похожее на звук лопнувшей гитарной струны, и она никому не позволяла называть себя уменьшительно.

— Я вам не Ина и не Инта, а Интерна, — сурово обрывала она провинившегося, — запомните, я названа в честь ленинского Коммунистического интернационала.

Обычно после отповеди взрослые едва заметно улыбались, и Интерна принимала их улыбки за одобрение, ровесники уважительно замолкали, а один мальчик как-то раз отдал ей пионерский салют. Этим салютом Интерна очень гордилась, и, когда проходила мимо пионерской комнаты в школе, всегда горделиво выпрямляла спину, чувствуя себя частичкой красного знамени.

Пионерские галстуки тогда завязывались не на узел, как сейчас: их концы вставлялись в специальный зажим с девизом «Всегда готов!».

Каждый день Интерна начищала надпись мягкой тряпочкой, свято веря, что любовь к Родине начинается со слов «Ленин», «революция» и «Коммунистическая партия».

Радостно было смотреть, как под руководством мудрого Сталина год от года расцветает страна Советов. Товарищ Сталин воспринимался человеком, выбившим покорёженную оконную раму царизма и впустившим в дом свежий ветер свободы и счастья для всех народов.

Когда весной сорок первого года пионеры маршировали по улицам и пели «Броня крепка и танки наши быстры», ветер дул так, что концы пионерского галстука трепетали по щекам, щеко-ча нос. Было весело, задорно, вольно, и чудилось, дунь ветер чуть посильнее — и отряд полетит над крышами Ленинграда, возвещая песней о своей готовности к битве за народное счастье.

В то время в воздухе ещё витал дух войны в Испании — названиями городов далёкой земли, ставшей родной и близкой. Слово «Мадрид» бухало в сердце набатом мести, заставляя Интерну горячо делиться с подругой сокровенным. Потрясая худеньким кулачком, она в негодовании восклицала:

— Скажи, почему фашисты полезли в Испанию, а не на нас? Ух, мы бы им задали жару!

— Точно, — горячо откликался голосок подруги, — мы бы их за неделю разбили!

А через пару месяцев Интерна лежала в канаве возле железнодорожной насыпи, онемев от страха и ужаса, потому что горел поезд, на котором школьники возвращались из пионерского лагеря. Над головой барражировали немецкие самолёты и расстреливали людей короткими звучными очередями. Задать врагу жару, да и вообще сделать что-нибудь героическое даже не приходило в голову.

В одно мгновение она вдруг оказалась в чёрном перевёрнутом мире, который отказывался понимать разум. Вокруг стоял крик боли и отчаяния, рядом дымно горела копна сена, и, чтобы не сойти с ума, Интерна заставила себя смотреть на белую ромашку перед глазами. В том аду живой цветок казался единственной принадлежностью реального мира.

Потом, когда самолёты улетели, учителя собрали уцелевших детей в пугливое стадо и повели в Ленинград пешком. Дорога в город осталась в памяти запылёнными грузовиками-попутками, сбитыми до крови ногами, голодом и холодными ночами, когда они с подружкой вдвоём заворачивались в рваное байковое одеяло, подаренное хозяйкой придорожной избы.

Произнося слова на деревенский лад, старуха сунула в руки Интерне мягкий синий ком, размером с охапку:

— Всё добро раздала, детушки, ничёго в доме не осталось, окромя иконочки и одеяла. Возьмите его, с Богом, хоть и рванина, а всё ж теплей.

На подходах к Ленинграду стали встречаться военные патрули. Красноармейцы с не улыбающимися лицами требовали документы и отводили учителей в сторону для выяснения обстоятельств, оставляя измученных детей ожидать решения на пыльной дороге. На границе области и Кировского района города хмурый офицер разбирался особенно долго. Несколько раз он пересчитывал детей, потом звонил кому-то по телефону, затем снова пересчитывал. И только когда самая маленькая девочка, семилетняя Галочка, упала в обморок от истощения и слабости, он, видимо сжалившись, пропустил колонну в Ленинград.

Весь трудный путь от разбомблённого поезда до дома Интерна крепилась изо всех сил, но, войдя в подъезд, рухнула как подкошенная и два лестничных пролёта вверх ползла на четвереньках, с трудом перебирая руками и ногами.

Тогда она ещё не знала, что впереди ждёт блокадный Ленинград, в котором она перестанет бояться мёртвых, потому что их будет больше, чем живых.

День Победы Интерна встретила одна: мама умерла в блокаду, а отец пропал без вести. В живых из всей семьи осталась лишь старшая сестра

отца, тётя Женя, которая жила на Васильевском острове. Пару раз в год Интерна забегала проведать старушку, но больше из чувства долга, чем от любви. По её понятиям, тётя Женя олицетворяла собой отсталые элементы, откровенно осуждавшие политику товарища Сталина.

Угощая чаем, тётя Женя постоянно бубнила про старые времена, называя Николая Кровавого невинно убиенным, а коммунистов террористами и душегубцами. Один раз Интерна не выдержала и, вступившись за советскую власть, крепко поругалась с тётей Женей. И хотя с тех пор тётя Женя прикусила язык, Интерна знала, что при случае старуха не преминет показать строптивый норов врага народа.

В преддверье лета Интерне исполнилось семнадцать лет, и на столе лежало загодя написанное заявление о приёме в театральный институт. Длинными белыми ночами вместо сна она бредила великими ролями, мечтая о том, что когда-нибудь сыграет Любовь Яровую или даже саму Мать из бессмертной пьесы Горького.

Весна сорок пятого года кружила голову ветром с запахом дождя и сирени, который задувал в душу острое предчувствие близкого счастья. Война закончилась, мудрый вождь в Кремле день и ночь печётся о воле народа, а на груди горит комсомольский значок — частичка партбилета.

Но однажды вечером, когда Интерна повторяла стихи Лермонтова для экзамена по русской литературе, в дверь комнаты просунула голову новая соседка с ехидной миной на лице:

— Тебе письмо.

Соседка въехала в квартиру совсем недавно вместо погибшей в блокаду тёти Поли и почему-то сразу невзлюбила Интерну, то и дело подстраивая мелкие пакости, наподобие выключенной горелки примуса или обрезанной верёвки для сушки белья.

— Цаца какая, ленинградка, — шипела она вслух, вроде бы для себя, но так, чтоб Интерна могла расслышать, — мы, приезжие, тоже не лыком шиты.

Соседкиных претензий Интерна не понимала, но в качестве защиты перестала с ней здороваться, а когда соседка выходила в кухню, с трудом удерживалась от ссоры, балансируя на грани неприкрытой ненависти.

Письмо, принесённое соседкой, снова перевернуло Интернину жизнь с ног на голову, как случилось при первой бомбёжке у железнодорожной насыпи.

* * *

Народу на Витебском вокзале было — не протолкнуться, и толпа к пригодным поездам

казалась нескончаемым бурлящим потоком, разделяющимся у платформ на отдельные ручейки. Но, к удивлению Интерны, в вагоне электрички оказалось всего несколько пассажиров, рассредоточившихся вдоль окон. Судя по рассаде в вёдрах, большинство попутчиков ехало на огороды, а одна женщина в пёстром платке прижимала к себе скулящий свёрток, из которого выглядывал весёлый мокрый пятачок молочного поросёнка.

Выбрав крайнее купе, тётя Женя села лицом по ходу поезда, а Интерне пришлось пристроиться напротив, хотя ей совсем не нравилось смотреть на пролетающие дома и деревья в обратном направлении. Ещё, чего доброго, укачает. Зачем она едет и куда, Интерна не знала. Со вчерашнего вечера она находилась в подвешенном состоянии, когда, не помня себя, прибежала с письмом к тёте Жене.

— Вот, получила! Смотри!

Губы Интерны так прыгали, что она едва могла говорить.

Прочитав принесённое письмо, тётя Женя с непримиримой твёрдостью шлёпнула ладонью по столу и посмотрела прямо в глаза:

— Надо ехать, Интерна, и не перечь. Чтоб завтра в восемь утра, как штык, ждала меня на Витебском вокзале под часами.

— Но, тётя Женя, куда? Зачем? Я не знаю, смогу ли... — говоря, Интерна не узнавала своего голоса, со стыдом пряча в карманы холодные дрожащие руки.

— Надо ехать, девочка. Другой помощи у нас нет, — уже мягче произнесла тётя Женя, и Интерна, скрепя сердце, признала за ней право главы семьи.

— Хорошо, тётя Женя, я приду, раз ты просишь.

Бессонная ночь, большую часть из которой Интерна проплакала, сказывалась головной болью и сухостью во рту, а когда она шла за тётей Женей, ноги непослушно заплетались двумя верёвочками.

Тётя Женя, напротив, была спокойной и энергичной. Нервозность проскальзывала только в упрямо сжатых губах да в напряжённой морщине, глубоко перечеркнувшей лоб с натянутым от солнца полотняным беретиком.

Интерна настолько ушла в себя, что не сразу догадалась, почему тётя Женя поднялась с сиденья:

— Приехали, наша остановка, поторопись, Интерна.

Станция, на которой они сошли, называлась Парица, и тётя Женя тотчас стала расспрашивать прохожих, как пройти к батюшке Серафиму.

Две женщины средних лет шарахнулись от них, как от зачумлённых, заросший мужик в солдатской гимнастёрке отрицательно покачал головой и вставил в щербатый рот цыгарку из газетной бумаги:

— Ищите сами, гражданки, я вам не справочное бюро.

Зато на третий раз тёте Жене повезло, потому что голенастая девочка в великоватом для неё ситцевом платье в горошек не стала ломаться, а вытянула указательный палец в сторону лесной дороги:

— Вам туда. Пройдёте прямо, прямо, прямо, потом повернёте направо, там увидите деревянную Казанскую церковь. Рядом с ней и есть дом батюшки. Сразу узнаете.

«Батюшка, церковь», — чуждые слова стыдом хлестали Интерну по щекам.

Она начала понимать, что тётя Женя втравила её, комсомолку, почти студентку, в какую-то жуткую авантюру, которая может закончиться полным крахом и позором. Чтобы не оказаться узнанной, Интерна на всякий случай натянула на голову лёгкий шарфик, прихваченный на случай дождя, и втянула голову в плечи, словно у неё вырос на спине горб.

Так, горбатой, она и подошла к калитке деревянного домика с большой верандой.

— Здесь живёт батюшка Серафим? — в последний раз спросила у прохожих тётя Женя, но это было и так ясно, потому что во дворе толпились люди, и сразу несколько голосов дружно ответили:

— Здесь, матушка, здесь, но только он не принимает.

— Как не принимает?

Вместо ответа высокая женщина в рабочей одежде кивнула на тетрадный листок, приколотый на дверь с объявлением, что батюшка болен и просьба его не беспокоить.

Интерна увидела, как лицо тёти Жени болезненно исказилось, став похожим на грустную маску, и, хотя сама она ни к каким батюшкам не собиралась, сердце всё же ёкнуло то ли от разочарования, то ли от облегчения:

— Тётя, тётечка, пойдём обратно, ты же умная, понимаешь, что задумала глупость. Зачем ты меня сюда привела?

Но тётя Женя взялась обеими руками за перила крыльца, словно желая врасти в землю:

— Нет, Интерна, все ждут, и мы подождём.

Впереди них в очереди стоял усатый мужчина в военной форме, а рядом молодая женщина в лёгком платье и кирзовых сапогах. Не смея поднять глаза от стыда за свою неосознанность, Интерна сосредоточилась на сапогах

соседки, рассматривая их с таким вниманием, что женщина покраснела и отошла в сторону.

Наверное, они прождали около часа, когда вдруг открылась дверь домика и на крыльцо вышла монашенка в тёмной одежде:

— Есть здесь девушка с нехристианским именем?

Всколыхнувшись от вопроса, народ начал переглядываться и перешёптываться, а монахиня вновь повторила:

— Кто здесь девушка с нехристианским именем? Батюшка наказал пропустить к нему.

— Есть! Есть! — с изумлением Интерна поняла, что это кричит тётя Женя, за руку таща её к крыльцу.

С приветливым выражением монахиня сделала успокаивающий жест рукой:

— Пойдёмте, деточка. Батюшка просит вас.

Отказаться Интерна не посмела, хотя и не совсем понимала, почему её красивое звучное имя обозвали нехристианским. Имя как имя.

Проведя коротким коридором, монахиня ввела её в небольшую комнатку с окнами в сад. Справа — большой угол, завешанный иконами, а слева — кровать, на которой лежал худой старик в странной чёрной одежде с крестами и черепами.

Кто это? Куда её привели? Бежать? Но ноги словно приклеились к полу, а монахиня сзади чуть подтолкнула в спину, прошептав:

— Подойдите, встаньте на коленочки на коврик, чтобы батюшка слышал вас.

Деревянным болваном Интерна механически выполнила приказание и очутилась прямо перед лицом старца. Нет! Не перед лицом, а перед ликом, потому что светлый образ невозможно назвать простым, обыденным словом. Серые глаза старца смотрели на неё с невыразимой любовью, и ей вдруг захотелось расплакаться и горестно, и радостно, как ребёнку у рук мамы.

— Я... я... — губы не слушались, и батюшка Серафим тихонько помог вопросом:

— Письмо от отца получила?

— Да, от папы. Он в лагере, осужден за измену Родине. Но этого не может быть! Он герой, он был на фронте, у него есть орден Красного Знамени. Мой папа не может быть предателем! — боль внутри неё корчилась и рвалась наружу. Интерна говорила, а сама думала: «Откуда он знает? Откуда?»

Одновременно со словами из глубины души поднималось осознание, что батюшке Серафиму доподлинно ведома вся её жизнь, все мысли и помыслы, даже те, которых не постигает она сама.

Охватившее чувство благоговения перед старцем оказалось так велико, что Интерна, не отдавая себе отчёта, занесла руку для крестного

знамения и замерла, вслушиваясь в обращённые к ней слова:

— Не плачь, вернётся твой отец, но проживёт недолго. А ты покрестись, обязательно покрестись. У нас сегодня праздник Анны Кашинской, вот и ты будешь Анной, я тебя в книгу запишу и молиться стану. А в артистки не иди, не твоё это. Тебе надо учиться на сестру милосердия, ты сумеешь много добра людям сделать. И ещё запомни: обязательно молись за врагов. Если не молишься, то будто керосин в огонь льёшь — пламя всё больше и больше разгорается. Всегда и за всё, даже за скорби благодари Господа и Пресвятую Богородицу. Поняла?

— Поняла, батюшка.

Увидев, что веки батюшки Серафима дрогнули от слабости, Интерна на коленках начала пятиться к дверям, не смея повернуться к старцу спиной, а он смотрел на неё своим бесконечным пронизанным любовью взглядом.

На следующий день Интерна покрестилась с именем Анна и подготовила документы для поступления в медицинское училище. Её жизнь в третий раз перевернулась через голову, но теперь пришла уверенность, что тропинка, по которой она робко делает первые шаги, приведёт её к самому надёжному дому, который человек должен выстроить в своей душе.

Вскоре после смерти Сталина реабилитированный отец, действительно, вернулся домой, но прожил всего пару месяцев. Горько оплакав потерю, Анна похоронила его рядом с тётей Женей. Царствие им Небесное.

Она со Светой часто ходит навещать родные могилки на кладбище, каждый раз с трепетом вспоминая свою поездку к батюшке Серафиму Парицкому. Бог знает, как сложилась бы судьба, если бы не его наставление?

* * *

Павел торопился успеть засветло. Пропитанный солнцем послеполуденный лес мягко стелил под ноги заросшую травой стёжку, которая порой терялась между поваленными деревьями. Жужжали слепни, а ветки молодых кустиков звонко хлестали по голенищам резиновых сапог.

Каждый шаг приближал Павла к заветному скиту, который он представлял себе загадочным домом Робинзона Крузо, спрятанным за частоколом тёсаных брёвен, потемневших от старости. Отрывочные знания о скитах базировались на книге Мельникова-Печерского и русских сказках с избушками на курьих ножках, умеющими дистанционно поворачиваться в нужном направлении.

Чтобы не заблудиться, Павел засёк направление по компасу и старался строго придерживаться маршрута, даже если для этого приходилось напрямик продираться сквозь чащу. Около выгоревшего сосняка тропа потерялась, и он наподобие охотничьей собаки челноком прочесал всю гарь, пока снова не наткнулся на еле различимые приметы человеческого присутствия.

Пересекая болотину с ржавой водой, Павел едва не сверзился с мокрого бревна, но смог удержать равновесие, только опалил ладонь о плеть ивняка.

За спиной у него болтался рюкзак с мотком верёвки на всякий пожарный случай, а за поясом торчали туристический топорик и электрический фонарик, прихваченный в последний момент.

Болотина, ельник, березняк, снова болотина, но уже сухая, поросшая вереском с мелкими лиловыми цветочками.

Сначала Павел старался хотя бы приблизительно отсчитывать протяжённость пути, но, попетляв вдоль ручья, бросил это занятие как бесперспективное и сосредоточился на приметах. Как ориентиры он запомнил две осинки, растущие из одного корня, смятую пачку от папирос возле разлапистого пня и сломанную сосну, на которой не хватало только медвежат со знаменитой картины Шишкина.

Пунктир тропы оборвался внезапно, уткнувшись в большой замшелый валун, изгрызенный ветром и временем. Дальше дороги не было, потому что впереди расстилалось небольшое озерцо, ошетилившееся камышовыми пиками. Ему захотелось скинуть пропотевшую рубашку и пару раз окунуться в воду, но время поджимало, переваливая к вечеру.

Чутьём Павел понял, что озерцо и есть конечная точка поисков, но скита или хотя бы чего-то отдалённо похожего на постройку поблизости не просматривалось.

Пару раз он пробежался вдоль берега, напряжённо оглядывая каждую купу деревьев в надежде наткнуться на руины или хотя бы остатки фундамента. Но в пронизанном солнцем пространстве виделись только деревья и кусты, кусты, кусты.

В душе неприятно ковырнулась обида, словно он не дождался обещанного подарка.

Над головой насмешливо верещали птицы, и, чтобы успеть до темноты, надо было поворачивать обратно.

Задрав голову вверх, Павел поймал на лицо несколько упавших хвоинок и твёрдо пообещал:

— Вернусь ещё раз, я упорный.

Но всё же обстановка манила недосказанностью, приглашая остаться, посидеть, подумать о жизни, глядя, как над озером стрелками висают полупрозрачные тельца стрекоз.

Скинув рюкзак на камень, Павел подошёл к воде, умывшись, повернул обратно и увидел чёрный провал, укреплённый брёвнами, ведущими прямо под камень.

Лаз располагался со стороны озера и терялся в зарослях папоротника, но не было никаких сомнений, что это творение рук человеческих.

От нетерпения и восхищения щёки Павла обдало жаром исследователя, а сердце совершило радостный кульбит вокруг своей оси.

Неужели нашёл?! Забыв про брошенный на камень вещмешок, Павел осторожно приблизился ко входу. Он был прикрыт разохшимся деревянным щитом, каким в деревнях прикрывают огромные бочки с соленьями.

Чтобы пролезть в узкую щель, пришлось опуститься на колени и низко пригнуть голову, едва не стукаясь лбом об коленки.

Заползая во тьму пещеры, Павел с удивлением ощутил под ладонями дощатый настил и, перевалив через порог, нашарил у пояса фонарик. Распрямляя спину, он больно саданулся головой о потолок. Будет шишка!

Не сразу сообразив, что здесь можно находиться только согнувшись в три погибели, он стукнулся ещё раз и зажёл фонарик. Батарейки в фонарике были свежие, поэтому свет горел ярко, хотя обзору мешала теснота каморки.

Метнувшись на середину, электрический луч уткнулся в крошечный столик размером чуть больше табуретки, а потом переместился на продолговатый деревянный ящик, затянутый паутиной. С неприятным холодком, остудившим спину, Павел опознал в нём гроб или, как говорят в здешних краях, домовину.

Не в силах оторвать взгляд от находки, Павел на миг позабыл, зачем пришёл. А вдруг там мумия? Он с содроганием уповал на то, что внутри гроб окажется пустым. Где-то он читал, что гробы часто служили ложем для отшельников.

А если нет? Если Федосья, которая, по слухам, исчезла во время войны, покоится именно здесь? Что делать тогда? Вызывать милицию? Бежать в сельсовет?

Вопросы роем возникали в голове и тут же исчезали без ответа. Решив не тянуть, Павел на четвереньках переместился к жутковатой находке и вгляделся в паутинную сеть, напоминающую серую вату. Пусто. Пусто-капуста!

Облегчённо переведя дух, он кинул взгляд на стены и обомлел от восторга, потому что сквозь полог паутины зримо проступали очертания тёмных досок, развешанных снизу доверху. Большие, маленькие, средние, они хранили древние лики, от вида которых у Павла нервно и жадно задрожали руки.

Принеся рюкзак с камня, он потянулся к иконам, написанным на толстых досках, выгибающихся горбом. Они тяжело ложились на ладони, тускло отсвечивая стёртыми нимбами, и сразу становилось понятно, что иконы древние и наверняка очень дорогие.

Переползая на коленях от стены к стене, Павел в немом восторге шевелил губами. Одна, две, пять, десять...

Поскольку рюкзак отличался немалыми размерами, иконы туда влезли все, кроме самой большой. Её Павел решил сейчас не брать с собой, оставив для следующего захода. Мероприятие следовало сохранять в тайне, и пройтись по посёлку с иконой наперевес выглядело верхом глупости и беспечности.

Обратную дорогу он запомнил фрагментарно. Шальная удача ударила в голову не хуже шампанского, которое он вообще-то не очень любил. В лихорадочном потоке мыслей Павел воображал, как отдаст долг, купит бабушке зимнее пальто и сделает предложение Наташе. Для встречи с Наташей он купит золотое колечко, а потом придёт к ней домой и вручит его, романтично преклонив одно колено. Девушки любят показную любовь.

Плотная древесина икон ломила плечи и спину. Иногда, ради роздыха, Павел приваливался спиной к ближайшему дереву, пережидая, пока

восстановится дыхание, и снова шёл муравьиным шагом, то и дело вытирая с глаз едкий пот.

Пока Павел добирался до Рябинового, совсем завечерело. Вверх от поля поплыл молочный туман, а отдалённый лес в лучах заходящего солнца казался вырезанным из синего картона, подкрашенного по верху оранжевыми бликами. Воздух звенел от комариного зуда, и дурманно пахло полевыми травами.

Пересекая Федосьин луг, Павел загадал никого не встретить, и ему действительно удалось почти без свидетелей прошмыгнуть до школы. Две девчухи с куклами и маленький рыбачок, шуровавший самодельной удочкой в грязной луже, не считались.

Перебрав варианты дальнейших действий, Павел счёл за разумное не заносить рюкзак в общую комнату, а сунуть его в подсобку с инструментом и тщательно замаскировать ветошью. Чужое любопытство до добра не доводит, а объясняться с ребятами не хотелось. Он устал, был голоден и хотел лечь навзничь и прикрыть глаза, спокойно переваривая свалившуюся с неба лихую удачу.

* * *

Хотя Света работала патронажной сестрой всего третий год, она успела уяснить, что

по весне в районе прибавляется необычайно много малышей и об отдыхе, а тем паче об отпуске, мечтать не приходится. Небольшая передышка наступит к августу, с тем чтобы осенью снова озаботить заведением новых карточек на пополнившуюся ораву подопечных.

Сейчас, согласно этому правилу, пик новорождённых пошёл на спад, но всё равно работы хватало, и Света не всегда успевала уложиться в рабочее время, прихватывая часы своего досуга. Некоторых мамочек приходилось навещать дважды, а то и трижды, хотя каждый раз хотелось надеяться, что с сегодняшними «новичками» хлопот не будет.

С трудом разыскав комнату Анохиных в общежитии молокозавода, она постучала в тонкую дверь с чешуёй облупившейся зелёной краски:

— Добрый день, я патронажная сестра из детской поликлиники. Пришла познакомиться и провести новорождённого.

Стучать пришлось долго, до тех пор, пока из соседней двери не вышла заспанная девушка в ночной рубашке:

— Вы к Таньке Анохиной? А их нет.

— Как нет? Они же только вчера выписаны из роддома?

Девушка передёрнула плечами и двумя руками почесала растрёпанную голову, на которой кое-где болтались розовые бигуди:

— А я почём знаю? Нет, и всё тут. Как ушли с вечера, так и тишина. Были бы дома, так малыш хоть раз бы, да вякнул. Мне через стену всё слышно.

— Спасибо.

Сверившись со списком визитов, Света поставила против фамилии Анохиной жирный восклицательный знак. Придётся завтра перед работой зайти сюда ещё раз.

На сегодня оставалось ещё три вызова в разных концах района, а потом надо заскочить к подопечной старушке Евдокии Савельевне и занести ей гомеопатические капли и бутылку молока. В постоянной помощи Евдокия Савельевна не нуждалась, но была так бесконечно одинока, что Света всегда забежала к ней перемолвиться словечком, когда оказывалась поблизости. Много ли надо старому человеку, чтобы прожить очередной день.

Света одинаково быстро находила язык и с малыми, и со старыми, интуитивно чувствуя в них духовную общность. И те, и другие стояли около границы земной жизни.

Держа в руках маленьких человечков, она всегда представляла, что у неё самой будет много-много детей. Семеро по лавкам. Хотя, когда это произойдёт, Света не представляла, как не представляла и будущего замужества. На эту тему она вообще старалась не думать.

Семейная жизнь виделась тягостной борьбой добра и зла со слезами горести от своего бессилия. Умом она понимала, что так получилось из-за папы. Доброго, нежного и умного папы, который периодически уходил в запой. Это было форменной катастрофой. В дни запоев отец становился невыносим, а у мамы всё валилось из рук и она ходила с покрасневшими от горя глазами, ночами простаивая на коленях перед иконами.

В раннем детстве Света не понимала причины напряжённой тишины в доме, когда щёлканье дверного замка слышалось как выстрел, после которого мама хваталась рукой за сердце, словно оно насквозь пробито пулей. Но в школьные годы Света тоже научилась по повороту ключа узнавать, в каком состоянии папа придёт домой, и, если он оказывался пьян, чтобы выучить уроки приходилось прятаться в ванной. Кроме учебников Света прихватывала в ванну подушечку с дивана, затыкала ей уши и начинала бубнить урок вслух, чтобы отключиться от отцовских рассуждений о смысле жизни и не видеть его пьяных слёз.

Глухо журчала вода в стояке. Нестерпимо хотелось топнуть ногой, выкинуть отца навсегда из своей жизни. Она даже представляла себе, как встанет прямо напротив, взглянет в его помутневшие глаза и резко кинет безжалостное «уходи», отчего он застыдиться и уйдёт. И пусть.

Хоть воздух в квартире очистится от вонючего перегара и табачного дыма.

Но сразу вслед на этой мыслью приходили терзания о том, что кроме неё и мамы у отца никого нет. На улице его, хмельного и беззащитного, изобьют и ограбят, а на следующей день он будет лежать к канаве слабый, больной и не понимать, что с ним произошло.

Во время отцовских пьянок она понимала, что только бездонная любовь даёт маме силы вынести моральные страдания и что любовь в целом — это в первую очередь подвиг и только во вторую радость.

Выходя из запоев, папа держался виновато, глядя на мир испуганными глазами больной собаки, от этого становилось его особенно жалко и ничего не оставалось, как молить Бога собрать папину душу из кусочков в одно целое — исцелить.

Проведав старушку Евдокию Савельевну, Света дошла до сберкассы и присела на скамейку, чтобы найти квитанцию на квартплату. По обыкновению, сделать это оказалось не просто, очередная попытка навести в сумке порядок вновь хитрым образом обернулась ещё большим кавардаком, и сегодня Света решила мужественно отказаться от борьбы с сумочным хаосом.

Эдик Костров нарисовался у скамейки внезапно, словно выпрыгнул из-под земли. Он

был одет в облегающие джинсы и приталенную рубашку цвета хаки. Длинные, по последней моде, космы сегодня были причёсана волосок к волоску, крупные губы Кострова подрагивали от волнения:

— Привет! Гуляешь?

Достав квитанцию, зажатую между листками блокнота, Света поднялась со скамейки:

— Привет! Иду в сберкассу.

Он неподдельно обрадовался:

— И я с тобой. Хочу купить лотерейных билетов. Вдруг повезёт машину выиграть. Как думаешь?

Света заправила за ухо прядь волос и пожала плечами:

— Я два раза выигрывала по рублю, и всё.

Народу в сберкассе было много, и они долго ждали очереди и молчали, не зная о чём говорить.

После душной сберкассы с мрачной операционисткой за окошечком захотелось прогуляться до кафе-мороженого, в котором тоже стояла духота, а шарики мороженого в алюминиевых розетках больше походили на разноцветные кучки подтаявшего весеннего снега.

Черпая мороженое гнutoй чайной ложкой, Света вдруг прыснула от смеха, вызвав недовольную гримасу пожилой рыжей официантки в кокетливом кружевном фартуке. Её суровые

взгляды, полные осуждения, развеселили их ещё больше, породив волну воспоминаний о школьных годах, когда замечание в дневник воспринималось как трагедия, а двойка — катастрофой вселенского масштаба.

Поскольку погода обволакивала плечи мягким теплом, а павильон кафе-мороженого стоял у входа в парк, они не сговариваясь свернули на тенистую дорожку, болтая обо всём на свете, что приходило в голову. Но говорил больше Эдик, а Света слушала, изредка перебивая, чтобы вставить слово.

Утренний ветер, нахально полоскавший подолы юбок, к вечеру утихомирился, опустив на остывающий асфальт города полный штиль. По парку медленно ходили пары и стремительно бегали дети, оставшиеся в городе на летние месяцы. Молодая женщина в сарафане испуганно трясла коляску с орущим младенцем, и Света едва удержалась от порыва провести с ней профилактическую беседу по материнству и детству.

Идя рядом с Эдиком, Света понимала, что он хочет коснуться её ладони, но не смеет, каждый раз отдёргивая пальцы, как от раскалённой сковородки. Чтобы установить дистанцию, она перекинула сумку в другую руку, возведя между собой и Эдиком символическую преграду. Рука в руке — это серьёзно, очень серьёзно, потому

что от сплетения пальцев может возникнуть сплетение душ, и так трудно бывает разрывать эту невидимую связь.

Как ни хорош оказывался сегодняшний вечер, но он подходил к концу, а завтра утром вставать на работу и снова идти на вызовы. Да ещё не забыть заглянуть к непутёвой Анохиной, которая умчалась с новорождённым ребёнком в неизвестном направлении.

Дойдя до конца аллеи, она остановилась:

— Спасибо тебе, Эдик, за мороженое и прогулку, но уже поздно.

— Поздно для чего? — спросил он, мгновенно погасив улыбку.

— Просто поздно. Пора домой.

Поколебавшись, он всё-таки решился на подвиг, слегка коснувшись рукой её пальцев:

— Мы ещё увидимся? Дашь мне свой телефон?

Свету позабавили жалобные нотки, прозвучавшие в голосе Эдика, и она примирительно ответила:

— Может быть, увидимся, но телефона у нас нет, потому что очередь подойдёт только через два года.

Она не позволила ему проводить себя до дома, попрощавшись на остановке автобуса.

Когда автобус захлопнул дверь, Эдик почувствовал, что у него в груди стало пусто и гулко,

а дневная радость от встречи оставила горький след нерешённой проблемы. Проблему эту звали Ольга Жихарева.

* * *

В последнее время Эдику всё чаще приходило на ум сравнивать своё нынешнее состояние с полётом в грозовом фронте. Он один раз летел в грозу из Сочи в Ленинград. Самолёт то и дело проваливался в воздушные ямы, а пассажиры то облегчённо вздыхали, то судорожно сглатывали, борясь с приступами тошноты и страха. Но самым обидным было то, что в нынешнюю яму он направил свой самолёт лично, поддавшись азарту закадрить неприступную Ольгу.

Чем чаще он встречался со Светой, тем больше запутывалась его жизнь, неразрывно связывая по рукам и ногам крепкой сетью, из которой не вырваться.

И если Ольга стала для него очередной победой, то Света была как лучик солнца, который он хотел потрогать рукой и оставить с собой навсегда. После встречи у сберкассы Эдик смог подкараулить её всего два раза, холодея от счастья идти рядом. С обострённым вниманием он ловил каждый взмах её ресниц, каждый поворот головы, каждый вздох и каждый шёпот.

Теперь, идя на работу, он всегда на пару минут останавливался в том месте, где стояли

её ноги, думая, что легко мог бы поцеловать асфальт, покорёженный чёрными трещинами, в которых виднелись молочные осколки щебня.

С Ольгой хотелось порвать немедленно, но у неё в квартире уже стояли его тапки, в ванной прочно поселилась электробритва, а в жёлтом пластиковом стаканчике около раковины прижилась зубная щётка. Каждый день Эдик давал себе слово поговорить с Ольгой: извиниться, объяснить, поругаться в конце концов. Но наступал вечер, Света на заветном месте не появлялась, и он снова тащился в Купчино, наперёд зная, что Ольга ждёт его, надев китайский халат с драконами, не забыв тщательно накрасить лицо.

К его удивлению, в этот раз Ольга не щеголяла в любимом халате, а встретила его при полном параде в кримпленовом костюме с серебряной ниткой и туфлях на каблуке.

Приподняв брови, он мимикой спросил, в чём дело, и Ольга незамедлительно ответила:

— Не переодевайся, мы идём в кино, у меня есть два билета в «Кинематограф». Перекуси быстренько, а я пока машину подгоню.

Хлопнувшая дверь оповестила, что момент для разговора потерян. И оттого что разрыв вновь отодвинулся, Эдик почувствовал трусоватое облегчение.

Не снимая обуви, он шагнул в кухню и заглянул в сковородку на плите. От вида котлет,

истекающих тёплым соком, мигом проснулся зверский аппетит, потому что готовила Ольга с отменной кулинарной фантазией и незаурядной выдумкой. Дома мать кухарничала кое-как, за основные блюда признавая пельмени из пачки и селёдку с картошкой. Она успешно добилась того, что от вида пельменей у Эдика начиналась изжога, а запах селёдки вызывал стойкое отвращение даже под стакан с пивом.

Жуя тёплую котлету с луковой начинкой, он успел подумать, что Ольге надо было учиться на повара. Одновременно с этой мыслью Эдик попытался представить, как готовит Света. Наверняка замечательно, хотя из Светиных рук можно съесть даже кусок жареной автомобильной покрышки.

Наскоро запив котлету морсом, Эдик спустился вниз и молча открыл дверцу машины. Спрашивать про фильм не хотелось. Да и не всё ли равно, на что смотреть, если в тёмном зале рядом будет сидеть не Света, а грузная Ольга с двойным подбородком и круглыми коленками, обтянутыми дорогой юбкой? Погружённый в мрачные мысли, он не обращал внимания на маршрут и очнулся только на Васильевском острове, когда Ольга припарковала машину в глубине сквера.

Кинотеатр «Кинематограф» располагался в заводском Доме культуры, и ленинградцев, которые не стремились сюда попасть, можно

было пересчитать по пальцам одной руки. Здесь, и только здесь, показывали трофейные киноленты, захваченные в Германии во время войны. Здесь крутили американские комедии, сюда бежали смотреть на Мэрилин Монро в роли Душечки, сюда приходили познакомиться с великим Чарли Чаплином и своими глазами увидеть, кто такие Грета Гарбо и Марика Рёкк в фильме «Девушка моей мечты». Но поскольку «Кинематограф» был один, а желающих много, то очередь за билетами выстраивалась ещё до открытия и попасть на сеанс считалось большой удачей.

Хотя фильм начинался через полчаса, народу толкалось у входа порядочно, но большинство спрашивали лишний билетик, с завистью провожая глазами обладателей заветной полоски голубой бумаги с цифрами. Смеясь, ели мороженое две девчушки. Нервно поглядывая на часы, бегал вдоль по ступенькам высокий парень в мятом сером костюме. Подобно двум входящим в гавань крейсерным яхтам, шествовала под руку ко входу пожилая пара...

Распахнув дверь, мужчина пропустил вперёд свою спутницу и галантно сделал пригласительный жест Ольге:

- Прошу вас, девушка, проходите.
- Спасибо.

Из-за секундной заминки Эдик немного отстал, и теперь искал Ольгу глазами, но увидел

не её, а Свету, которая стояла спиной к входу и разглядывала афишу на стене вестибюля. Он так по-собачьи скучал без неё весь день, что теперь всем телом качнулся навстречу, но почти тотчас кожей локтя почувствовал горячее прикосновение Ольгиных рук и услышал возглас:

— На кого ты смотришь? Кто эта девушка?

Сквозь наигранное равнодушие в Ольгином голосе появились угрожающие нотки, и он испугался за Свету, подозревая, что Ольга легко может закатить прилюдный скандал или ляпнуть какую-нибудь обидную глупость. Натягивая на лицо маску недоумения, Эдик сделал вид, что оглядывается по сторонам в поисках указанного объекта:

— Какая девушка, ты о чём?

Он уже видел, что манёвр не удался, потому что Ольга сконцентрировала внимание на Свете. Та словно почувствовала чьё-то настойчивое внимание и обернулась:

— Эдик!

От Светиной тёплой интонации его сердце немедленно ткнулось в рёбра, но разум заставил жёстко взять себя в руки и бросить как можно равнодушнее:

— Привет, давно не виделись!

Собственный голос показался ему скрипом по металлу изношенных тормозных колодок. Над ухом он слышал прерывистое дыхание

Ольги, которая двумя руками крепко схватила его за запястье. Пока она молчала, но в её взгляде опасно проскальзывали искры гнева, готового вспыхнуть в любую секунду.

Самое большее, о чём сейчас мечтал Эдик, это чтобы девушки не узнали друг друга, тогда можно будет шуткой разрядить ситуацию, сведя всё к необязательной болтовне, присущей случайной встрече. Только бы не узнали!

Чтобы протянуть время, он стал расспрашивать Свету о фильме. Она вежливо ответила парой фраз, а потом повернулась к Ольге:

— Ведь ты Оля Жихарева, пионервожатая, верно?

— А ты Алексеева?

От показного спокойствия Ольгиного лица веяло смертельным холодом. Натянув нервы до предела, Эдик ожидал чего угодно, но только не Светиной милой улыбки, с которой она произнесла:

— Да, я Света Алексеева. Рада встрече.

Внезапно раздавшийся сигнал к началу сеанса показался ему небесной музыкой, но, когда в зале потух свет и на экране замелькали первые кадры, Ольга навалилась на него плечом и сквозь зубы прошипела:

— Завтра мы идём в загс, потому что я жду ребёнка. А если я замечу эту девку, то знай: разрушу как церковь около молокозавода.

* * *

Покопавшись в себе, Павел нашёл, что ощущение от обладания тайным богатством оказалось тревожным и странно безрадостным.

Наверное, в глубине души скребло то, что обычно называют совестью, хотя с момента появления в кладовой объёмистого рюкзака, набитого иконами, Павел не имел ни одной спокойной минуты.

По вечерам он прислушивался к каждому шуму в районе кладовки, а на работе неотступно думал об оставленной в скиту иконе и прикидывал, как выгоднее продать обрётённое сокровище.

Воспоминания о доме и о Наташе нагнетали тягостную тоску.

Рассуждая о своём состоянии, Павел осознавал, что спокойствие бедняка не в пример приятнее нервного страха богатого человека. Он утешал себя, что разберётся с долгами и больше ни за что не вляпается в сомнительные аферы. Ни за что!

На неделю он затаился, собираясь с духом, а ночью выждал время, когда бригада спала богатырским сном, и прошмыгнул в кладовую.

Хотя тусклый свет лампочки в сорок ватт едва освещал тёмные лики икон, Павел всё же сумел рассортировать их на три категории:

иконы с изображением Христа, иконы Богоматери и иконы разных святых. Раскладывая находки по ранжиру, он обратил внимание на самую маленькую иконку размером с ладонь. Это был образ Богородицы, написанный на необычайно толстой доске, криво сколотой с одного бока. Сквозь спёкшуюся грязь мутной поверхности яркими мазками проступали глубокие складки синего омофора и трогательные белые цветы на тонких стебельках, зажатые в нежных пальцах. Остатками лимонного диска угадывалась окружность нимба, прежде блиставшего яркой позолотой. Когда Павел повернул икону боком к свету, то смог разглядеть тонкие нити очертаний рисунка, выведенные по левкасу твёрдой рукой мастера без единого изъяна.

Услышав шорох в коридоре, он быстро сунул икону в рюкзак и выключил свет, на ходу придумывая, чем оправдаться, если его застукают в кладовке, сидящем на перевёрнутом ведре между тремя швабрами и грудой пёстрой ветоши. Но тревога оказалась напрасной.

Дождавшись тишины, Павел проскользнул на свою раскладушку, закинул руки за голову и стал думать, наматывая мысли на вязкую дремоту. Сквозь сомкнутые веки он видел мелькающие образы, которые то аморфно расплывались в пространстве, то внезапно обретали отчётливые очертания. Наташа, бабушка Катя,

посторонняя тётка, которая называла себя его мамой. Потом снова Наташа, бабушка, Эдка...

Проваливаясь в сон, Павел перевернулся на бок, но вдруг получил сильный удар в живот и увидел, что прямо на него летит огромная каменная шар-баба, как та, что рушила церковь в его детстве. Тогда шар врезался в кирпичные стены, а сейчас бьёт по живому телу, раскалывая его на куски боли. Чтобы защититься, Павел попытался оттолкнуть шар руками, и увидел, что руки отломились от тела, рассыпаясь в мелкую пыль под ногами. Там, вперемишку уже лежали какие-то доски, а на самом верху огоньком сияла маленькая иконка, украшенная скромным белым цветочком. Павел хотел поднять иконку с земли, но вспомнил, что у него теперь нет рук. Не успевая осмыслить свои действия, он опустился на колени, наклоном туловища прикрыв икону сверху от разящего каменного орудия.

Резкая боль мгновенно отпустила, и он открыл глаза, далеко не сразу понимая, что видел сон. Живот тупо саднило внутренней тяжестью, словно кто-то с силой придавил его к позвоночнику, во рту было сухо и гадко. Несмотря на жажду, пойти попить было лень. Остаток ночи Павел беспокойно прокрутился, с нетерпением ожидая шестичасовой подъём на работу.

Погода радовала неярким, тёплым солнышком, а впереди был уже виден конец стройки.

Игорь сказал, что сегодня надо постараться положить стены коровника, с тем чтобы завтра приняться за крышу. А там ещё пара недель — и домой с деньгами в кармане!

Обозримое окончание строительства заставляло всех работать без роздыха, прерываясь лишь на глоток воды и торопливый жевок припасённого бутерброда.

И хотя ноги ещё топтали землю колхоза «Рябиновый», душа уже без удержу стремилась домой, а в мысли начинало пролезать то насущное, что необходимо сделать сразу по возвращении. На первом месте стояла Наташа, к которой Павел рвался прибежать прямо с вокзала, потом бабуля, долг Кольке-фарцу, ну а дальше — как получится.

Выкладывая ровные ряды кирпичей, он то и дело мысленно возвращался к своему сну, доискиваясь зашифрованной в нём сути. Иронично обзывал себя то красной девицей, то суеверной бабкой, гнал от себя эти размышления, но они словно превратились в ленту Мёбиуса, на математическом языке называемую простейшей неориентированной поверхностью с краем.

Разгадка озарила вдруг, когда мастерок в последний раз стукнул по свежей кладке, а стоящий рядом Максим от радости сорвал панаму и подбросил её вверх:

— На века работу сделали. Никто не ломает!

Фраза шар-бабой бухнула по голове, в мельчайших подробностях воскресив осенний день сноса храма у молокозавода. Как он тогда просил про себя, обращаясь к церковным стенам?

— Держитесь, не поддавайтесь!

А шар всё бил и бил, словно в ночном сне. Но во сне шар бил не по храму, а по нему, потому что он сам, своими руками разрушает свой мир, оставляя груды руин, а икона святого с церковью в руке — это напоминание для него, только нет рядом друга, который отчаянно и хлётко крикнул бы ему: «Держись! Не поддавайся!»

— Я не поддамся, не поддамся, — пообещал он сам себе вслух, заставив напарника Рубена удивлённо переспросить:

— Что, дорогой?

— Да нет, ничего. Это я так, сам с собой разговариваю.

Сощуривая черносливые глаза, Рубен понимающе кивнул:

— Это ты от усталости заговариваешься. Лучше давай песню споём, чтоб работа веселее шла.

Немного подумав, Рубен затянул песню, которую Павел подхватил на самом взлёте. В этот раз пелось легко и свободно, потому что окончательное решение было принято.

Сразу после ужина Павел подошёл к Игорю с разговором. Уставший Лимарёв в трусах

и майке лежал на раскладушке и читал толстую книгу из школьной библиотеки, благо председатель под честное слово оставил ему ключи от всех помещений.

Увидев подошедшего Павла, тот опустил томик на живот и выжидательно поднял брови:

— Хочешь что-то спросить?

От движения бровей в лице Игоря чётко проявились черты Марины, и Павел не мог отделаться от ощущения, что разговаривает не с бригадиром, а со старостой курса, и все сказанное им Игорю будет немедленно услышано Мариной.

Помедлив, он кивнула головой на дверь:

— Игорь, разреши мне сегодня отлучиться на ночь, а к утру я приду обратно.

С треском захлопнув книгу, Лимарёв сел, нащупывая ногами тапки:

— Куда отлучиться? Объясни всё толком. Неужели девушку завёл?

Павел уклонился от прямого ответа:

— Не могу сейчас объяснить, но поверь, мне срочно надо уйти часов на пять.

— Мы же уговаривались — никаких романов. Когда ты успел? — в глазах Лимарёва мелькнуло лёгкое презрение, и Павел поспешил оправдаться:

— Честное слово, женщины и девушки, да и вообще люди тут ни при чём.

Он смотрел сверху вниз и хорошо видел, как Маринины брови на Игоревом лице снова дрогнули, но уже в знак согласия:

— Хорошо. Надо так надо.

— Спасибо!

Сбивая ногами домотканый половичок, растеленный хозяевами вдоль раскладушек, Павел круто развернулся и почти выбежал из комнаты. За эту ночь он должен исправить ошибку, иначе всю оставшуюся жизнь его душу будет грызть стыд и позор.

* * *

Невероятно, но на Федосьином лугу паслись две серых туши, в которых Павел с трудом опознал кабанов, прежде виденных только в зоопарке. Язык не поворачивался назвать их животными, потому что это были не животные, а звери, огромные и страшные.

Не обращая на него ровно никакого внимания, кабаны мирно подбирали с земли какие-то корешки, подрывая вздыбленный грунт длинными острыми рылами, похожими на обрубленный конус. В наступающих сумерках шкура зверя поменьше казалась отлитой из серебра, а крупный кабан выглядел почти чёрным, с густой рыжей холкой на могучем загривке.

Стараясь не дышать, Павел отступил назад к дороге, хотя прекрасно понимал, что любой из этих кабанов затопчет его одним копытом и он даже не успеет охнуть перед тем, как оказаться на том свете. Хотя самым разумным решением было вернуться обратно и лечь спать, Павел застыл в неподвижной позе, пережидая, пока звери насытятся и уйдут.

Задрав морду к небу, крупный кабан громко втянул ноздрями воздух и неспешно откочевал к дальним кустам, которые с шелестом заходили ходуном, колыхаясь из стороны в сторону. Серый кабан потрусил за ним, позволяя Павлу воспользоваться короткой заминкой. Подобравшись как для прыжка, он побежал напрямик через лужок, молясь, чтобы хруст сучков под сапогами не выдал кабанам человеческого присутствия.

Но то ли звери были сытые, то ли действительно Федосьюшка помогла, но дорогу в её скит Павел преодолел в один заход, остановившись на миг только вблизи реки, и то для того, чтобы ополоснуть лицо от пота и комариных укусов.

Комары жалили люто, словно дали обет комариному богу принести в жертву запоздалого путника. В обед колхозная повариха сказала, что в эту пору комару пора отойти, но, похоже, проклятые насекомые пропустили это важное известие мимо ушей, потому что, когда Павел

дошёл до скита, зудящую кожу рук и лица хотелось содрать и выбросить прочь, поменяв на синтетический кожзаменитель.

Вокруг стояла непроглядная темень, от которой становилось тревожно и жутковато. Чёрными пиками застыли ели, чёрная шумела листва, а по небу плыли чёрные облака, которые накалывал на свой рог тонкий молодой месяц.

А звуки! Павел много читал про шум ночного леса, но никогда не мог предположить, что он полон ими, как старинная музыкальная шкатулка со сбившейся мелодией. Среди фонового шума листвы он успел отчётливо услышать громкий стук по дереву, перерастающий в быструю дробь, следом вступил тоскливый скрип, умолкший на одной ноте. Сразу после него где-то далеко вспыхнул и затих душераздирающий птичий крик, поглощённый негромким тьяканьем, похожим на собачье. Здесь, у озерца, к симфонии леса добавился плеск воды и нежные переливы песни ветра в камышах.

Чувствуя, как распрямляется уставшая спина, Павел сбросил с плеч лямки рюкзака, резким движением отпугнув какого-то зверька, метнувшегося под корень сосны.

Едва не сломав шею о притолоку, он пролез внутрь скита и наощупь воткнул фонарик в разбитое горло глиняного кувшина, валявшегося около пустого гроба.

Оставленная им икона одиноко висела на стене напротив входа, глядя перед собой грустными глазами Спасителя.

Когда Павел развязывал тугой узел на рюкзаке, его руки нетерпеливо подрагивали, обретая уверенность сразу же, как только первая икона вернулась на своё место. По обе стороны от центрального образа Христа встали иконы Богоматери и Иоанна Крестителя, далее три тёмные иконы, на которых почти не просматривался рисунок, потом в рядок несколько образов в жестяных окладах.

Он никогда не жаловался на память и с математической точностью расставил по полочкам унесённые иконы. Напоследок Павел подержал в руках маленькую голубую иконку с белым цветком, пожалев, что не может взять её с собой.

Когда стены оказались вновь заставлены иконами, Павел почувствовал себя так, словно умылся ключевой водой или протёр влажной тряпкой все потайные углы их с бабушкой комнаты. Проблемы не исчезли, но Павел впервые за много дней поверил, что его мир не разломился на груды обломков и что он в силах справиться с трудностями, которые встанут у него на пути.

Немного постояв на коленях в глухой тишине скита, он выбрался наружу, глубоко вдохнув прохладный ночной воздух, замешанный на лунном свете. Домой он вернулся вместе с жидким

рассветом и даже успел покемарить часок до подъёма, прежде чем дневальный Миша громко затрубил в пионерский горн бодрую побудку: «Вставай, вставай, дружок!»

Не желая просыпаться, с раскладушки рядом на пол лениво сполз Рубен. Перекатившись на живот, он пару раз отжался и сдёрнул с Павла одеяло:

— Поднимайся, гуляка.

Приоткрыв один глаз, Павел окинул взглядом комнату: у распахнутого окна стоял Игорь, ветеринар Серёга свернулся калачиком и пытался досмотреть сон, Саша и Валера шутливо отнимали друг у друга полотенце.

Прежде чем встать, Павел прокрутил в уме события прошедшей ночи: кабаны на лугу, скит, иконы, дорога домой — сегодня всё казалось нереальным, как в кинофильме. Словно бы не он стремглав бежал по лесной чаще, а какой-то другой Павел, чужой и ненастоящий.

Надевая брюки, он просвистел сквозь зубы бравурный мотивчик и с удивлением отметил, что нисколько не жалеет о потере икон. Сейчас они оказались на своём законном месте, а каменная шар-баба из сна улетела, не успев пробить брешь в совести.

Оптимистичное настроение этого утра немного портил напряжённый взгляд Игоря, который Павел постоянно перехватывал на своём

лице. Игорь явно ждал разъяснений, и Павел признавал, что тот вполне имеет на это право как бригадир и как человек, который выручил его в трудную минуту, хотя бы и по просьбе сестры.

После каждого полученного письма из дома Игорь всегда передавал ему привет от Марины, отчего на сердце становилось необыкновенно тепло и радостно. Выстраивая в уме очередность дел по возвращении, Павел давно решил, что, уладив самое необходимое, купит букет роз и заявится к Марине выразить благодарность. Наверняка цветы обрадуют её, как и любую другую девушку, а если она предложит попить чайку, то можно будет посидеть на кухне и обсудить дипломную работу или грядущее распределение после окончания универа. Интересно, есть ли у неё парень? Надо будет узнать у Игоря, когда они, наконец, сумеют выбрать время и место для откровенного разговора. Пожалуй, стоит попросить Игоря разрешения приписать к письму для Марины пару строчек привет.

* * *

Без Игоря двухкомнатная квартира на третьем этаже высотного дома казалась Марине слишком просторной. Чтобы занять себя, она затеяла перестановку мебели, поменяв местами диван и книжный шкаф. Пару дней новая

реальность казалась оригинальной, а на третий день выяснилось, что книги брать не с руки, а диван стоит в тёмном месте. Констатировав неудачу, Марина поплелась к холодильнику отрезать от бруска сала кусочки шкурки. Если подложить шкурки под ножки мебели для скольжения, то после небольших усилий комната примет привычный вид.

Восстановив гармонию, Марина села на диван и задумалась. Если брат женится и, не дай Бог, переедет на другой конец города, его место навсегда займёт гулкая пустота, а ей достанется невесёлый удел старой девы, привязанной к племянницам и племянникам. Почему-то с самого детства Марина думала, что никогда не выйдет замуж. Может быть, потому, что не любила играть в куклы и не испытывала тяги к красивым платьицам, бантикам, лакированным туфелькам и всем прочим штучкам, делающим девочек похожими на воздушное безе или пирожное с розовым кремом.

Мальчики в школе влюблялись в других девочек, вспоминая о ней, только когда надо было списать уроки или если на горизонте маячила контрольная работа. В университете однокурсники сразу же выбрали старостой, но ни одному из парней никогда не пришло бы в голову пригласить её в кино, не говоря уже про легкомысленные танцы в Доме культуры.

— Ты красивая, но слишком серьёзная, — сказала подруга Люда, когда они собирались на зачёт по математическому анализу, — и ведёшь себя с ребятами как каменная статуя, а со статуей каши не сваришь и в загс не пойдёшь. Подумай сама, хотела бы ты иметь железобетонного мужа?

Марина подумала и согласилась с Людой:

— Не хотела бы.

— Вот-вот! И они не хотят, — Люда демонстративно достала помаду и, не глядя в зеркало, повозила по губам. — Ты хоть раз возьми себя в руки и накрасься как нормальная девушка. Хочешь, возьми мою польскую тушь, я туда только один раз плюнула, — в подтверждение своих слов, Люда достала из косметички продолговатую коробочку с сухим бруском туши и продемонстрировала почти новую пластмассовую щёточку, ещё не успевшую покрыться чёрным слоем краски.

Решив не спорить с подругой, Марина послушно намазюкала ресницы и весь день ожидала, что хоть кто-нибудь да метнёт на неё заинтересованный взгляд. Но результат эксперимента оказался плачевным, потому что Маринины старания заметила только пожилая доцентша Вахмистрова, когда ставила в зачётку очередную пятёрку. Витиевато расписавшись в графе с оценками, она сложила в скобку губы,

густо обведённые контурным карандашом, и сухо бросила:

— Удивительно, что некоторые девушки с накрашенными ресницами умеют не терять ясность ума.

— Сама такая, — прошептала за её спиной Люда, посылая Марине выразительную гримасу в знак одобрения сдачи зачёта.

Вернув Люде тушь, Марина больше не улучшала свою внешность и мнением парней не интересовалась до третьего курса, до той самой отменённой лекции по политэкономии, образовавшей окно между занятиями.

Не зная, куда деть время, Марина решила пойти поискать укромный уголок, чтобы почитать книжку, захваченную для транспорта. Впереди намечались два часа свободы, а в сумке лежал бутерброд с докторской колбасой.

Был конец ноября, и, несмотря на полдень, длинный коридор, ведущий в актовый зал, освещался электрическими лампочками, от которых день казался ещё темнее. Неслышно ступая по ковровой дорожке, Марина проскользнула на последний ряд кресел большого зала, украшенного бутафорскими гипсовыми колоннами и унылыми портретами учёных в парадных одеждах. Порадовавшись, что на её уединение никто не покушается, она раскрыла книжку и откусила кусок бутерброда. Сюжет детектива,

который она в это время читала, сделал столь головокружительный виток, что Марина на время забыла про еду, оторвавшись от книги только тогда, когда бородатый сыщик оказался переодетой женщиной.

Обнаружив в руке недоеденный бутерброд, она снова принялась за завтрак, но случайный взгляд на сцену заставил её прекратить жевать, потому что у рояля сидел её однокурсник Павел Соснин.

Бог знает, какими путями он сумел незаметно просочиться мимо? Соснин так Соснин. Они друг другу не мешают.

Продолжая перекусывать, Марина наблюдала, как Соснин задумчиво откинул крышку рояля и пробежался по клавишам пальцами левой руки. Наверное, ему тоже было скучно, потому что он наугад взял пару аккордов, а потом лихо отбарабанил «Чижика-пыжика».

Играть «Чижика-пыжика» Марина умела и хотела снова взяться за книжку, как вдруг Соснин, положив на клавиатуру обе руки, негромко заиграл какой-то старинный вальс, плавный и печальный. Звуки, дробясь, растекались по залу, а мелодия вальса обволакивала плечи и, кружась, возвращалась, казалось, на сцену к Павлу. Завороженно распахнув глаза, Марина словно в первый раз видела чистый лоб Павла, обрамлённый встрёпанным ёршиком светлых

волос, и пластичные руки, легко парящие над клавишами. Когда он в такт музыке немного откинул голову назад, Маринино сердце облил поток нежности. Поддавшись ритму вальса, она вбирала в себя образ его творца — худой, нескладный, но невыразимо прекрасный и чистый. Внезапное чувство обретения было таким сильным, что она растерялась, осознавая только, как её одинокое «я» растворяется в желании оказаться рядом с Павлом. Положить руку ему на плечо, заглянуть в глаза и поймать ответный взгляд.

На лекции Марина села с таким расчётом, чтобы не выпускать Павла из виду. Уткнувшись в тетрадь, тот списывал с доски формулы и ни разу не повернулся в её сторону. Теперь жадные глаза девушки видели, что надет на нём старенький свитер с аккуратной штопкой на правом локте, что коричневые шерстяные брюки явно коротковаты и не прикрывают тяжёлых ботинок с одним порванным шнурком. Марина вспомнила, что, по сведениям, которые она собирала как староста, из родных у Павла только бабушка, вроде бы учительница музыки.

С того дня Марина стала учиться любить, стараясь незаметно держаться рядом, чтобы помочь, поддержать и спасти. Она страдала, замечая его усталые глаза, и радовалась, когда слышала его смех. Она узнала всё о его привычках и вкусах. Видя в руках Павла новую книжку,

шла в библиотеку и брала такую же. Вместо компота ей стал нравиться чай с лимоном, потому что в столовой Павел всегда покупал себе стакан чая, а когда в феврале она интуитивно поняла, что он влюбился, нашла в себе силы мысленно пожелать ему счастья.

Но, похоже, любовь Павла не пахла счастьем, потому он часто стал приходить в университет хмурым и озабоченным. Потом на нём откуда-то появилась модная одежда, а Марине приходилось изрядно выворачиваться перед преподавателями, чтобы прикрывать прогулы Павла.

Наконец, угадав, что проблемы Павла стали глобальными, она предложила ему поехать с Игорем.

Интересно, каким он вернётся со строительства?

Позволяя себе мечтать о встрече, Марина представляла загорелое лицо Павла, надеясь всей душой, что из его глаз исчезла тоска, поселившаяся там перед отъездом. О самом заветном своём желании Марина Лимарёва думать не смела.

* * *

Двубортный чёрный костюм теснил в талии, а туго перехваченный галстуком воротник рубашки противно ёрзал по потной шее, вызывая злость.

Несмотря на полный жениховский парад, Эдик чувствовал себя водолазом, у которого заканчивается запас кислорода.

Правда, в пределах районного загса он назывался не Эдик, а жених Костров. По крайней мере, так его окликнула рыжая администраторша, заглянувшая в зал торжеств.

Приоткрывая дверь, администратор старалась, чтобы преждевременно никто из гостей не заглянул в святая святых помещения, где выдают свидетельства о браке, поэтому предупредила коротко:

— Приготовиться жениху Кострову и невесте Жихаревой.

Уже? Эдик судорожно сглотнул, оглядываясь в поисках опоры. Маленький зал с арочными окнами был выдержан в салатовых тонах, гармонизировавших с мраморным камином, украшенным двумя канделябрами. Цветы в напольных вазах настраивали на романтический лад, а лепные купидоны на потолке устрашающе натягивали луки и готовились поразить колебавшихся женихов.

На удобных диванчиках вдоль стен сидели немногочисленные гости со стороны невесты, приглашённые Ольгой на церемонию по принципу нужности.

Главный инженер — пожилой мужчина в серой тройке — разговаривал с дамой из

бухгалтерии, похожей на бочонок, обтянутый жёлтым шёлком. Справа от них независимо покачивал ногой парторг с приплюснутым носом боксёра-разрядника. Ещё троих Эдик не знал, потому что они немного запоздали и Ольга не успела их познакомить.

Ни Ольгина мать, ни родители Эдика в загс не пришли. Обговаривая список гостей, Ольга предложила пригласить их отдельно, как-нибудь в другой день, и он со стыдливой радостью обеими руками ухватился за это предложение.

Вечно забитого отца с виноватым взглядом Эдик стеснялся, а мать неподдельно удивила его своим поведением, когда он с кислой миной сообщил о женитьбе.

Вместо того чтобы обрадоваться или заплакать, как делают почти все будущие свекрови и тёщи, она побледнела до белизны и взялась рукой за грудь, царапая пальцами по ситцу халата:

— Ответь, только не ври. Ты её любишь?

Поскольку Эдик молчал, как партизан на допросе, мать подошла вплотную, так что он смог увидеть ужас, метавшийся в её глазах, и повторила вопрос:

— Скажи, сынок, ты по своей воле женишься?

Не в силах соврать, Эдик молча опустил голову и услышал от матери не то стон, не то всхлип:

— Это тебе мой грех отливается.

О чём речь, он не понял, но остаток дня мать пролежала с мокрым полотенцем на сердце и два раза вызывала «скорую», найдя утешение в перебранке с врачами.

Эдик не стал выпрашивать, потому что он считал мать недалёкой женщиной с глупыми суевериями, но оптимизма её слова не добавляли, портя и без того скверное настроение.

Дорого бы он дал, чтобы сейчас рядом с ним оказался Пашка Соснин! От воспоминаний об их последней встрече становилось муторно, как после тяжёлого похмелья, выворачивающего нутро наизнанку. Но вместо Пашки в зале торжеств маячили чужие лица.

В коротком белом платье из серебряной парчи особняком стояла Ольга с подругой, предназначенной стать свидетельницей. Поскольку свадьба была скоропалительной, Ольга не стала шить платье на заказ, удовольствовавшись готовым, правда из элитного магазина. В плечах оно было широковато, а в бёдрах узковато, поэтому придирчивый глаз мог уловить в фигуре Ольги сходство с перевёрнутым треугольником, над которым парила кокетливая фата на скромном веночке из розочек.

Свидетелем со стороны жениха выступал начальник станции техобслуживания Иван Егорович, воспринимавшийся Эдиком как единственная родная душа среди толпы инопланетян.

Присутствие начальника придавало ему толику уверенности, потому что на вопрос Егорыча: «Ну как ты, жених?» он смог только честно ответить: «Хреново».

Стрелки на овальных часах над камином стремительно сокращали количество минут до бракосочетания, повышая градус нервного ожидания, и когда наконец распахнулась дверь в главный зал, Эдик пошёл туда почти с облегчением.

Два росчерка пера, короткая речь регистратора, обмен кольцами, дежурный поцелуй, и он из холостяка Эдьки Кострова превратится в солидного главу семьи Эдуарда Петровича Кострова, мужа профорга крупного предприятия.

Диковатое словосочетание «муж профорга» выдавило из Эдика ироническую улыбку, готовую сорваться в смех сквозь слёзы.

Услышав первые звуки марша Мендельсона, погружённый в свои мысли Эдик не сразу сообразил взять невесту под руку и опомнился, когда Михеич ошутимо ткнул его локтем в бок:

— Проснись, молодожён!

Прикасаясь к Ольге, Эдик с отвращением чувствовал влажность своих ладоней. Ему хотелось убежать в туалет, открыть кран и долго-долго мыться с мылом, надеясь, что вместе с потом вода смоет тяжёлую дрожь в ногах и охладит пылающую голову.

Три шага до стола регистраторши он прошёл как в зыбучем песке, с мышечным усилием переставляя каждую ногу.

— Молодых попрошу встать здесь, — указав на коврик посреди зала, регистраторша с лентой через плечо затарабанила речь, из которой Эдик понял только вопрос, согласен ли он стать мужем Ольги Жихаревой.

Словно швыряя в воду увесистый булыжник, он громко ответил утвердительно и уловил, что щемящая тревога в душе сменилась полным безразличием к происходящему.

Обручальные кольца были такой ширины, что безымянный палец едва сгибался, а от Ольгиных губ приторно пахло сладкой помадой ядовито-розового цвета.

— Поздравляю, теперь вы муж и жена — новая ячейка советского общества! — жизнерадостно провозгласила регистраторша.

Она нажала на столе кнопку, и комнату наполнили звуки музыки, под которую гости начали чопорно поздравлять молодожёнов, выстроившись в очередь, как за дефицитным товаром.

Эдик вежливо улыбался, пожимал руки и принимал букеты, которых набралась уже целая охапка.

Молодая жена стояла рядом, плечом к плечу. Высокие каблуки делали её выше на полголовы,

поэтому Эдику приходилось смотреть на неё немного вверх, что его страшно раздражало.

В отличие от его заторможенности, Ольгины эмоции били через край, она беспрерывно смеялась, хотя и с заметным надрывом.

На торжественный обед отправились в ресторан «Чайка», где они впервые познакомились поближе. Это было Ольгино предложение, и Эдик не стал отказываться, надеясь, что в день свадьбы у официантки Викули окажется выходной день.

Хотя он гулял с Викулей всего пару раз и, кажется, даже не целовался, он хорошо представлял себе, как скривится её личико при взгляде на перезрелую невесту в полтонны весом и унылых гостей с постными физиономиями начальствующего состава.

Это походило на издёвку судьбы, но с хлебом-солью для молодых в дверях ресторана стояла именно Викуля собственной персоной. Стройная фигурка в форменной юбочке выше колена игриво подчёркивала Викулину молодость и красоту. От обилия лака крутой начёс на волосах Викули напоминал о леденце на палочке, а сжатые в щёлочку глаза едва не дымились от презрения.

— Совет да любовь! — елеинно пожелала она молодым, вкладывая в слова анекдотический смысл, понятный только Эдику.

Понимая своё комичное положение, он заранее приготовился сносить насмешки друзей и знакомых, но Викулин удар царапнул по самолюбию, как хорошая ножовка по ржавому железу. Кусок хлеба, отломленный от свадебного каравая, показался Эдику горше горького. Сглотнув, он сразу же ухватился за бокал с шампанским, чтобы хоть немного скрасить свою незавидную участь. Целуя молодую жену под одобрительные реплики гостей, он ощущал себя конченным человеком и думал только об одном: увидит он завтра Свету на привычном месте или нет?

* * *

Перед самым отъездом из Рябинового Павел ещё раз сходил в Федосьин скит и долго стоял на коленях около пустого гроба, размышляя о том, каким боком повернётся к нему судьба.

В тесной полутьме землянки, увешанной иконами, пришло странное умиротворение, словно он попал в течение реки и ясно осознал, что после кораблекрушения вода вынесет его к спасительным берегам наперекор ветру. Из текущих неурядиц больше всего Павла беспокоила мысль о долге Кольке-фарцу. Полностью рассчитаться с ним не хватало приличной суммы в двести рублей, которую ещё предстояло

как-то наскрести. Вчера в откровенном разговоре с Лимарёвым он, преодолев стыд, признался в совершённой глупости с фарцовкой, но умолчал о том, что заработок на строительстве не покрывает долг полностью. Игорь сделал ему много добра, и было бы подлостью втягивать его в нерешённые проблемы, устроенные по личной глупости.

Стоять на коленях было неудобно и больно, а низкий потолок не позволял распрямить затёкшую спину. Интересно, сколько часов провела в такой позе жившая здесь Федосья, которая днём молилась, а ночью спала, вытянувшись в узком гробу? В глухой тишине подземного кокона Павел отчётливо слышал своё дыхание, и ему захотелось на прощание шепнуть бывшей хозяйке что-нибудь очень доброе, чтобы она поняла и простила, а может быть, по милости своей, вспомнила его в своих молитвах.

Как если бы Федосья могла его слышать и видеть, Павел сложил руки на коленях и тихо попросил:

— Матушка Федосья, если можешь, прости меня, дурака, за иконы, — и совсем по-детски добавил: — Я больше не буду.

...В Ленинград поезд пришёл под вечер, когда город зажёг жёлтые фонари, рассыпавшиеся гирляндами вдоль длинной платформы поездов дальнего следования.

Во время стройки бригада так сроднилась, что Павел с трудом представлял завтрашнее утро без залихватских звуков пионерского горна, играющего побудку. Он знал, что плечи ещё долго будет ломить от тяжести стропильного бруса, а руки никогда не забудут, как выгонять без зазора кирпичную кладку или мешать цементный раствор.

Несмотря на слаженность коллектива, всем так не терпелось домой, что попрощались ещё в тамбуре поезда, торопливо хлопая друг друга по плечам:

- Бывай, друже!
- Увидимся!
- Не поминай лихом!
- Созвонимся!

Поезд ещё не затормозил, а сзади уже напирала толпа пассажиров, толкая в спины чемоданами и баулами.

Растрёпанная проводница в помятой кофточке безуспешно пыталась навести порядок, хрипло покрикивая на одной ноте:

- Товарищи пассажиры, осадите назад!

Но ей повиновались неохотно, и, как только поезд остановился, на платформу хлынул говорливый поток народа, исстрадавшегося за время пути в душных вагонах.

Закидывая за плечи полупустой рюкзак, Павел вместе со всеми двинул к выходу, с высоты

своего роста сразу увидев бабушку Катю, которая дожидалась его под табло с номером поезда. За пару месяцев в колхозе он успел отвыкнуть от её лица и с сердечной болью вдруг заметил, что бабушка Катя — совсем старушка в своём потёртом вязаном жакетике и маленькой белой шляпке на седых волосах.

Если бы он мог поделиться с бабушкой своей молодостью!

Легко вздохнув, Павел широко шагнул к бабушке, едва не сбив с ног несущегося по перрону пацана с букетом цветов.

«Мог бы тоже привезти бабушке Кате букет гладиолусов», — тихо колупнулось в душе запоздалое раскаяние, подкреплённое известным изречением, что хорошая мысль приходит опосля. Но уже в следующее мгновение он вдыхал знакомый запах горьковатых духов, которые сам же подарил бабуле на именины, и чувствовал, как невыразимо соскучился.

— Бабуля, прости, не писал.

В ответ бабушка Катя понимающе улыбнулась, разом прощая его за все прегрешения:

— Ничего, подрастёшь — поумнеешь.

Павел был так поглощён встречей, что едва не прошёл мимо Марины Лимарёвой, одетой в простое синее платье с блёклыми разводами незатейливого рисунка. Привстав на цыпочки,

она махала рукой Игорю, хотя смотрела на него, а не на брата.

Остановиться и поговорить в водовороте людей не было никакой возможности, поэтому он вскользь бросил необязательное:

— Привет, Марина! Я на днях к тебе заскочу!

— Привет! Буду ждать.

Павлу так много хотелось рассказать бабушке Кате, что он на ходу начал торопливо пересказывать прошедшие события, перескакивая с пятого на десятое и немножко захлёбываясь от торопливой ходьбы.

Главный вопрос, давала ли о себе знать Наташа, он приберёт под конец речи, задав его как бы между прочим:

— Наташа звонила?

Хотя он был морально готов услышать отрицательный ответ, всё же слова бабушки: «Не звонила и не приходила» ненадолго ввергли его в уныние, которое, впрочем, вскоре вытеснила новизна впечатлений.

Они прошли вдоль шумного проспекта, на светофоре перешли улицу и почти сразу сели в свой автобус, плотно заполненный пассажирами. В отличие от деревни, жизнь в городе не сбавляла обороты даже поздним вечером, натруженно гудя, как огромный механизм, оснащённый множеством мелких деталей, работавших в едином ритме.

* * *

Телефонная трубка жгла Павлу руку куском раскалённого металла.

На звонок ответила Наташина мать:

— Алло...

— Добрый вечер, Виктория Фёдоровна! Позовите, пожалуйста, Наташу.

Он услышал, как приветливый голос на том конце провода преобразился в скрип наждачной бумаги:

— Наташенька уехала отдыхать к бабушке.

Короткие гудки, раздавшиеся в трубке, развеселили по образцу похоронного марша.

В сердцах он пнул ногой тумбочку у стены, едва успев поймать спикировавший вниз телефон. Да и пусть бы разбился.

Со стуком поставив телефон назад, Павел перевёл дыхание и пошёл к столу, где бабушка Катя уже успела сервировать чай с молоком. Она деликатно сделала вид, что не заметила перемены в его настроении, и Павел с благодарностью отпил первый глоток, морально готовясь к трудному разговору.

Когда бабушка Катя уснула, он по привычке устроился на подоконнике, позволив мыслям свободно блуждать в пространстве, перепутывая воспоминания с мечтами. За окно Павел не смотрел, наизусть зная каждый завиток чугунного

моста и каждую щербинку на гранитном парапете. Ребёнком он часто просил бабушку позволить ему прогуляться вдоль набережной самостоятельно, обещая, что будет хорошо себя вести и не отойдёт далеко. Иногда она позволяла, зорко следя из окна за каждым его шагом. И когда он, напыщенный и гордый, шёл мимо дома, в глубине души калачиком сворачивался покой защищённости: бабушка рядом и не позволит случиться ничему дурному. Вновь он пережил это состояние позавчера в сырой темноте Федосьиного скита, и каждая икона на стене сейчас представлялась ему окном, сквозь которое за ним наблюдали любящие глаза.

От проезжавших мимо машин по потолку скользили причудливые тени, бесследно растворяясь в дальнем углу комнаты, где спала бабушка Катя.

Хорошо, что он был честен, признавшись, что все привезённые деньги отдаст за долги. Бабушка Катя не укоряла, не выпрашивала, не огорчалась, а сказала просто, как водой умыла:

— Ты поступаешь верно, Павлуша. Я всегда знала, что ты у меня умный мальчик.

Он пошёл в кровать, когда глаза стали совсем слипаться и едва хватило сил стянуть с себя брюки и футболку. Засыпая, он представлял себе встречу с Наташей, ощущая на губах шелковистую кожу её щеки.

Но, проснувшись утром, Павел первым делом отправился не к Наташе, а к Кольке-фарцу. С огромной суммой в тысячу рублей он не рискнул ехать в общественном транспорте, а пошёл пешком, засунув тугой свёрток купюр за пазуху под рубаху.

На удачу Павлу захотелось пройти мимо бывшей церкви.

На перекрёстке двух дорог неподвижно застыли легковушки, плотно подперев пешеходный переход, который перегородил троллейбус с сорвавшимся усом.

Подумав, что затор рассосётся не сразу, Павел обошёл пробку с другой стороны, сразу выйдя на пяточок напротив станции техобслуживания. Не дойдя до места пары шагов, Павел увидел, что там стоит девушка с объёмистой мягкой сумкой, надетой на плечо. Задумчиво глядя перед собой, она подалась вперёд, словно готовясь взлететь в высокое небо, располосованное языками розоватых облаков.

Он не стал разбивать её одиночество, а поспешил пройти мимо, торопясь избавиться от денег, которые с первого дня работы на строительстве считал чужими.

Прислушиваясь к ощущениям внутри себя, Павел определил, что совершенно не волнуется, устроит Фарца возвращённая сумма или нет.

Пусть берёт что дают, а недостающую сумму он постарается вернуть как можно быстрее.

Морально он был готов к неприятному разговору и искренне удивился, когда Колька, хоть и неохотно, но согласился на предложенные условия:

— Лады, Павло, подожду ещё месяцок-другой. Только это... — он затряс нечёсанной бородёнкой, вытягивая слова как жвачку, — отдашь не двести, а двести пятьдесят.

Гадливое чувство от общения с Фарцем оказалось так велико, что Павел не стал возражать против каторжных условий долга, а быстро кивнул головой в знак согласия:

— Договорились.

Лучше надорвать спину на разгрузке угля, чем торговаться из-за полтинника. Главное — он успел остановить разрушение своего мира и теперь кирпичик за кирпичиком возводит его стены и своды.

Тревожная радость стала нарастать по мере приближения к Наташиному дому. Уверенность, что Виктория Фёдоровна сказала неправду, была так велика, что, выйдя из трамвая, он остановился около бабули с охапкой цветов в руках и купил пять махровых астр нежно фиолетового цвета. Наташе всегда нравилось, когда он, пряча букет за спиной, внезапно вручал ей цветы. Тогда её пальцы нежно прикасались к его

руке, а на тёмные глаза, прячущиеся за шёлком волос, набегала тень улыбки. Подумать только, с момента последней встречи с Наташей прошло ровно два месяца. Шестьдесят один день он не слышал звука её голоса, от которого сердце всегда срывалось в бешеный галоп.

Павел уже почти подошёл к Наташиному подъезду, когда за спиной услышал её милый говорок, весело лепетавший слова любви:

— Люблю, люблю, конечно, люблю!

Казалось, голову сейчас разнесёт на куски. Резко обернувшись, он хотел рвануться к ней навстречу, уже начиная произносить слова, готовые сорваться с губ, пересохших от волнения. И как будто кто-то бросил спичку в эту гремучую смесь чувств и мыслей — мозг не сразу осознал увиденную реальность. Но когда прошёл первый шок, глаза Павла бесстрастно зафиксировали сияющее лицо Наташи, прижимающееся к плечу парня в ультрамодном прикиде. Высокий, длинноволосый, в шикарном кожаном пиджаке, о котором не смел мечтать даже Колька-фарц, он выглядел воплощением преуспевающего делового человека, про которого говорят «умеет жить».

Подчиняясь остаткам разума в затуманенной голове, Павел инстинктивно отступил к обочине, освобождая влюблённой парочке дорогу к дому. Слава Богу, Наташа его не заметила,

и это избавило от необходимости изображать из себя наивного дурачка, случайно оказавшегося поблизости от её дома. Павел нашёл, что фиолетовые астры превосходно украсят помятую железную урну, притаившуюся вблизи киоска Спортлото. В конце концов, существует же на свете песенка, что если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло.

Подумав, что побыть его невестой Наташа не успела, Павел глубоко вздохнул, вбирая в себя терпкий городской воздух, и припустил бегом вслед за уехавшим трамваем.

* * *

Света Алексеева очень любила раннее утро, когда остывший за ночь город ещё плавает в предрассветной дымке, а на умытые улицы медленно, как жуки, выползают первые троллейбусы.

Ещё она любила день, звенящий деловой суматохой и до краёв наполненный насущными заботами, не позволяющими засиживаться на одном месте. Так же, как утро и день, Света любила вечера, гудящие толпами людей на тротуарах, освещённых светом фонарей, которые казались ей неумелыми копиями луны — чудесной и возвышенной. Настоящая луна появлялась в задымлённом небе большого

города редко, но каждое её появление было для Светы маленьким праздником, потому что тогда привычная действительность преображалась в загадочную страну, романтично именуемую подлунным миром.

Любовь к жизни была неотделима от любви к родителям, но мужчины, которого она могла бы полюбить больше света белого, пока не находилось. Из знакомых молодых людей чаще всего на ум приходил Эдик Костров, но своё отношение к нему Света определяла как симпатию, место которой в списке её мыслей где-то посередине между визитами к подопечным малышам и булочной, забегать в которую относилось к её домашним обязанностям.

Булочная возле дома работала до семи и располагалась недалеко от остановки автобуса, маршрут которого проходил мимо станции техобслуживания. Как тут не выскочить из автобуса и не постоять молча пару минут, позволяя своей памяти беспрепятственно воздвигать вверх разрушенные стены кирпичного храма? Для этого не надо вызывать тяжёлые экскаваторы и заказывать проект. Достаточно просто смотреть вперёд, вспоминать и верить.

Правда, в последний месяц Света не вышла на остановке ни разу, избегая увидеть Эдика Кострова. Уж очень неприятный осадок в душе оставила их встреча в фойе кинотеатра.

Вернувшись домой после фильма, Света скинула с себя одежду, залезла в душ и долго стояла под горячими струями, словно хотела смыть с кожи испепеляющий взгляд Ольги Жихаревой.

Но, в отличие от прошлых дней, сегодня она ехала не домой с заходом в булочную, а в гости к Екатерине Семёновне, очаровательной бабушке Павлика Соснина. Станция техобслуживания служила ориентиром, поэтому Света решительно протиснулась боком между двумя беседующими женщинами:

— Разрешите пройти.

Не доехав до остановки, автобус с грохотом распахнул гармошку дверей, и, выходя, Света зажмурилась от яркого солнца, прорвавшего лучом сизое облако.

Пара мужчин, стоящих у ларька, одобрительно проводили её взглядами, а пожилая тётка с зонтиком недовольно поджала губы:

— Смотреть надо, куда идёшь.

Наверняка суровая тётянька относилась к категории граждан, сошедших на землю для вразумления окружающих. Мама научила её относиться к таким людям с сочувствием: подумай сама, как сложно жить в постоянном разладе с миром. Разве счастливые люди могут злиться по пустякам?

Примириительно улыбнувшись, Света повесила на плечо тяжёлую сумку, оттягивающую

руку вниз. Кроме коробочки с пирожными в сумке лежали самые настоящие складные весы для взвешивания младенцев, а они тянули килограмма на три, а то и на четыре. Сомнительное удовольствие таскать с собой весы с лихвой искупалось в часы приёма, когда очередь к двери кабинета была в два раза меньше, чем у педиатра соседнего участка.

Света хотела постоять на пяточке совсем чуть-чуть, до следующего автобуса, но залюбовалась на небо, окрашенное в розовато-серый цвет, а когда решила повернуть назад к остановке, то увидела, как от станции техобслуживания отделилась крошечная фигура человека в рабочей одежде. Сделать вид, что не заметила Эдика, казалось свинством, поэтому Свете ничего не оставалось, как обречённо вздохнуть и ждать, когда он перебежит через дорогу.

Эдик бежал не глядя под ноги, как слепец, который интуитивно нащупывает путь среди знакомой местности. Затормозивший в самое последнее мгновение мотоцикл едва не сбил его с ног. Сорвав шлем, мотоциклист выкрикнул вслед что-то резкое, подкрепив свои слова экспрессивным жестом, но Эдик не обратил на него внимания, потому что видел впереди только Свету. Свету, и никого более.

Он ждал её каждый день, сидя на ящике с песком и прикуривая одну сигарету от другой.

За время длительных перекуров запах табака намертво въелся в пальцы, щёки осунулись, а глаза приобрели лихорадочный блеск тяжелобольного. При виде его маяты мужики на станции беззлобно зубоскалили, усиленно намекая на повышенную активность молодой жены, пока начальник Иван Егорович не топнул на них ногой:

— Отвяжитесь от парня, кровососы! Вам всё хиханьки да хаханьки! За своими бабами лучше смотрите, пока они вам рога не наставили.

— Не наставят, — вяло отгавкивались слесари, — где они других таких добытчиков возьмут? Авторемонтники на дороге не валяются.

От расспросов сослуживцев об Ольге у Эдика сводило зубы и тянуло убежать в мастерскую, взять в руки «болгарку» и искромсать на куски попавшуюся под руку машину, вымещая на ней злость за самого себя, попавшего как кур в ошип.

Эдик думал, что ему было бы легче привыкать к новой жизни, если бы он мог хоть иногда видеть Свету. Но она, как назло, не приходила, оставляя неиспользованными слова, накопленные им для откровенного разговора. Зная, что Света ходит сюда вспоминать взорванную церковь, он был готов построить и взорвать хоть сто церквей подряд, лишь бы она всегда была рядом. Надежда на встречу медленно исчезала в разводах отработанного машинного масла,

впитавшегося в песок под ногами, когда однажды, заталкивая в мусор очередной хабарик, он заметил среди людей на остановке знакомое серое платье.

Словно поднятый на воздух взрывной волной, Эдик слетел с ящика и кинулся через дорогу, мысленно умоляя Свету не уходить с пяточка. Про обручальное кольцо на пальце он вспомнил уже стоя напротив её спокойных и внимательных глаз. Идиот! Лучше бы саданул себе по пальцу ножовкой. Заметавшись, Эдик сунул руку в карман, чувствуя себя деревянным болваном с деревянной головой, деревянными ногами и деревянным языком, приколоченным к деревянному небу.

Пару минут они поболтали о чём-то необязательном. Света спрашивала, а он невпопад отвечал, представляя, как могут смотреть её глаза в минуты головокружительного счастья. Потом подошёл её автобус, и Света уехала, а вслед за автобусом около Эдика остановился «фольксваген» Ольги. С подозрением следователя жена взглянула на него с водительского места:

— Эдик, почему ты тут стоишь? Да ещё в рабочей одежде? Кого-то караулишь?

Опасаясь смотреть вслед автобусу, чтобы не выдать себя, Эдик раздосадованно пожал плечами:

— За сигаретами выскочил. Вон, к ларьку.

Он кивнул на газетный киоск, запоздало отметив на стекле косую надпись «Закрыто на переучёт».

— За сигаретами так за сигаретами, — бросила Ольга, посмотрев в зеркало заднего вида. Она не стала возражать против предложенной версии, а повернула ключ в замке зажигания:

— Хотела тебя забрать с работы, но мне срочно надо съездить по делам. Не жди меня, ладно? Я на ужин купила в кулинарии цыплёнка табака — он в холодильнике. Разогрей сам.

— Хорошо.

Выдавив из себя улыбку, он повернул к станции, машинально отметив, как легко и без натуги «фольксваген» тронулся с места. Вот что значит иномарка! По приёместости не сравнить в нашими жигулями.

Эдиков вечер закончился футбольным матчем «Зенит» — «Крылья Советов». За пропущенными голами он не обратил внимания, как поздно вернулась домой Ольга. Войдя, села рядом с ним на диван и прижалась головой к плечу:

— Никому тебя не отдам. Слышишь? Никому.

* * *

К началу зимы Павел понял, что с сердечной болью вполне можно ужиться. Главное, объяснить себе, что любовь ушла навсегда

и возврат к прошлому невозможен так же, как нельзя отпустить в море съеденную рыбу или изменить теорему Цермело об упорядоченных множествах. Чтобы любовная дурь меньше лезла в голову, он расписал свой день по минутам, приколот на шкаф листок с расписанием и неукоснительно придерживался заведённого распорядка, превратив себя в думающую человеко-машину, не подвластную бурным эмоциям.

В круг его интересов теперь входили только учёба и работа, на которую его устроила Света Алексеева. Буквально в первый же вечер знакомства она заикнулась, что иногда подрабатывает на станции «скорой помощи», и если Павел хочет найти подработку, то санитары всегда нужны, а шестьдесят рублей в месяц за сменный график — сумма солидная. Павел рассчитал, что при таком раскладе реально погасить долг перед Фарцем к концу декабря и начать Новый год с чистого листа, белого, как свежесвыпавший снег.

Пошутив про себя, что скорая помощь не запоздала, он на следующий день пошёл по указанному адресу, чтобы через неделю впервые надеть истрёпанный белый халат в пятнах йода и взять в руки тяжёлый саквояж с медицинским инструментом.

Главврачом станции был усатый круглолицый мужчина с обширной лысиной, которую он кокетливо прятал под накрахмаленной белой

шапочкой. Объясняя Павлу его обязанности, главврач нервозно поглядывал на часы, словно боялся опоздать на свидание, и слова сыпались из него горошинками, щёлкая короткими предложениями:

— Работа простая. Быть всегда на подхвате у доктора. Он твой царь и бог. Если надо — ждёшь в машине. Скажет нести чемодан — неси. Скажет поддержать больного — поддержишь. При необходимости госпитализации вместе с шофёром берёшься за носилки. Уяснил?

Бессознательно подражая манере речи главврача, Павел так же отрывисто ответил:

— Уяснил. Ношу чемодан, берусь за носилки.

— Молодец!

Причина спешки главврача выяснилась через несколько минут, когда он в очередной раз, взглянув на часы, юркнул в кабинет и включил телевизор. Трудно было не узнать знакомую песню из фильма «Следствие ведут знатоки». Ежу ясно, что главврача сейчас лучше не беспокоить. Прислонившись спиной к стене, Павел пропустил по коридору двух милых медсестричек в коротеньких халатиках. Симпатичные девчонки, стройные, легконогие, но не такие красивые, как Наташа. Он постоянно ловил себя на мысли, что не может отделаться от её образа, оценивая окружающих женщин по её подобию. В отличие от других девушек, в ней была

какая-то завораживающая горячность, запрятанная глубоко внутри, под тонким румянцем щёк и шёлком длинных ресниц.

Например, изысканная прелесть Светы Алексеевой оставляла его совершенно равнодушным. На Свету стоило любоваться, как на полотно великого художника или драгоценную скульптуру, созданную гениальным скульптором. Но представить её своей невестой или возлюбленной Павел не мог при всём горячем желании. Света — верный друг, и никто больше.

Другое дело — Марина Лимарёва. Ту сложную смесь чувств, которыми определялось его отношение к Марине, Павел затруднялся выразить словами, предпочитая отмалчиваться, когда кто-то из однокурсников упоминал о старосте группы. С одной стороны, он восхищался её умом и красотой, а с другой — удивлялся поразительной неприступности, с которой она общалась с молодыми людьми. Иногда, исподволь наблюдая за лицом Марины, он сравнивал её со сказочной принцессой, живущей в королевстве, построенном из цифр и формул. Но принц для Марины, похоже, заплутал по дороге, потому что с однокурсниками у Марины были официальные дружественные отношения, а с ухажёром её не видели даже самые заядлые сплетницы.

Как было обещано на вокзале, Павел зашёл к Лимарёвым вскоре после возвращения из

колхоза, честно отстояв час в очереди за коробкой конфет «Ассорти» — большим дефицитом.

Марина налила чаю, позвала Игоря, и они втроём скоротали время, травя студенческие байки и вспоминая ударный труд на колхозной стройке. Хотя после разрыва с Наташей Павел изо всех сил старался выглядеть весело и непринуждённо, душевная боль не отпускала, иногда прорываясь наружу суетливыми движениями рук или тяжёлым взглядом, направленным в никуда. Но он сумел продержаться и только на улице согнал с лица наигранную улыбку, от которой болели скулы.

В следующий раз Павел с Мариной встретились только первого сентября, и у него сразу сложилось впечатление, что Марина сторонится его присутствия, а он не привык навязывать свою персону. Сидя на лекциях, они перебрасывались дежурными фразами об учёбе и погоде, корректно сохраняя дружескую дистанцию. И только один раз, когда они одновременно схватили один учебник, Павел с удивлением почувствовал, как Маринины пальцы дрогнули под его рукой.

Существование в виде параллельных линий продолжалось всю осень, поэтому предложение Марины увидеться в выходной вызвало у Павла неподдельное удивление.

Погода выдалась промозглой и слякотной. Осадки в виде мокрого снега накрывали асфальт

рванной белой простынёй, которая тут же расплзалась под ногами серым крошевом. Тусклый день превращал Летний сад в угрюмую рощу, изуродованную грубыми ящиками с заколоченными скульптурами, а у памятника Крылову Павлу захотелось накинуть на плечи баснописца пальто или в крайнем случае байковое одеяло.

Марина молча шла рядом, сосредоточенно глядя в сторону Инженерного замка. Отсюда хорошо было видно его мрачную окраску цвета крови, и на память сразу же приходила история императора Павла, задушенного в этих стенах. Бедный Павел!

Чтобы начать разговор, Павел для проформы спросил об Игоре. Марина рассеянно ответила, а потом внезапно повернулась к нему лицом:

— Павел, скажи, ты уже расплатился с долгами?

Предыдущий опыт подсказывал Павлу, что Марина умела ставить в тупик неожиданными вопросами, но всё равно растерялся:

— Откуда ты знаешь про долг?

Марина зябко подула на сжатый кулачок с тоненьким колечком на пальце:

— Догадываюсь.

Она натянула шапочку почти до бровей, и в обрамлении серого вязаного узора её глаза казались огромными. Павел ответил ей прямым взглядом и не стал увиливать от ответа, помня,

что именно Марина позволила ему выбраться из долговой ямы:

— Ты ведь знаешь, что я работаю на «скорой помощи». Думаю, через месяц соберу всю сумму, — сделав паузу, он добавил слова, которые хотел сказать давно, но не находил подходящего случая: — Спасибо тебе, что ты мне тогда помогла выпутаться из беды. Твоя поддержка была мне очень важна. Но теперь я обязан справиться сам.

Немного смутившись, Марина опустила мокрые от дождя ресницы, разглядывая хохолки пожухлой травы на газоне, а потом негромко сказала:

— Странный сегодня день, какой-то потерянный. Ещё вчера я собиралась тебе так много сказать, а сейчас стою и не понимаю, зачем пришла.

Павел пожал плечами:

— Разве к другу приходят зачем-то? Ты пришла просто ко мне.

По тому, как Марина вспыхнула, он догадался, что она хочет сказать ему что-то важное, и приготовился к серьёзному разговору. Но услышанное встряхнуло мозг не хуже землетрясения, и сперва Павел подумал, будто сбрендил, потому что Марина негромко произнесла:

— Павел, возьми меня замуж. Я буду хорошей женой, верной.

С недавнего времени определяющим фактором в Светиной жизни стало смирение. Не пассивная депрессия при виде трудностей, не болезненное равнодушие к окружающему, а подлинное глубокое смирение, в которое она старалась войти, как в тёплое море. Смирение — есть ли в мире что-нибудь более безбрежное, чем его спокойная тишина? Света постоянно напоминала себе, что должна научиться принимать боль такой, какая она есть, а нынешние трудности взять за точку отсчёта.

Неприятности посыпались на семью Алексеевых внезапно, словно смоделированные чьей-то умелой, но недоброй рукой, причём первый удар пришёлся по самому слабому звену — по папе. Беда поскреблась в дверь скрежетом ключа в замочной скважине. Ключ поворачивали опять и опять, но дверь не поддавалась. Услышав возню на лестнице, Света тревожно напряглась, с холодком обречения понимая, что у отца начался очередной запой.

Пытаясь отодвинуть от мамы ужас предстоящего вечера, она быстро вскочила с дивана и босиком пробежала в прихожую:

— Мама, не ходи, я сама открою.

Когда дверь на лестницу распахнулась, папа попытался приподняться с пола, чтобы дотянуться

рукой до замка, из которого торчал ключ. Но, как будто из тела его вынули кости, снова стекал вниз, бормоча под нос что-то бессвязное.

Бесчисленное число раз она видела отца пьяным, каждый раз задавая себе один и тот же вопрос: что, когда и где должно сломаться у человека внутри, чтобы он стал алкоголиком?

— Папа, папочка... — голос сорвался на причитания, но руки привычно подхватили тяжёлое тело, не давая ему упасть.

Почувствовав опору, отец ухватился за её плечо, как утопающий за соломинку:

— Светочка, доченька, прости, выпил чуток с горя, — он безвольно свесил голову вниз, но, собравшись с силами, сказал почти трезво: — Меня в должности понизили и премии лишили. Сказали, письмо пришло. А какое...

Он махнул рукой и грузно завалился на тумбочку с телефоном.

Вместе с мамой они с трудом доволокли отца до кровати, надеясь, что, проспавшись до утра, он протрезвеет, но горький опыт подсказывал, что завтра у папы будет прогул, а значит, послезавтра увольнение по статье, потому что последнее предупреждение уже было.

Света представила, как мирная тишина в доме сменится на гнетущую, а знакомые при упоминании об отце начнут отводить глаза в сторону, чтобы потом вдоволь обсудить чужую жизнь:

— А вы слышали, что Алексеева уволили по статье?

— Слышали, слышали, конечно, слышали.

Поскольку мама сокрушённо молчала, Света обняла её за плечи, стараясь передать ей волну своего участия, хотя сама нуждалась в утешении. Сегодня папа расстрелял их с мамой в упор. Думая об этом, Света не предполагала, что чёрная полоса только показалась на горизонте. Проблемы начинали пухнуть как тесто на дрожжах, постепенно перерастая в катастрофу семейного масштаба.

Буквально на следующий день Свету вместе с мамой внезапно вызвали к главному врачу детской поликлиники. Амалия Владимировна с тугим перманентом на голове восседала в кожаном кресле под портретом Брежнева и держала в руках какую-то бумагу, напечатанную на машинке. Хотя годы Амалии Владимировны подходили к пенсионному возрасту, она продолжала причислять себя к молодым женщинам, неутомимо изводя на своё лицо тонны пудры и центнеры помады наимоднейших оттенков. Следуя последним веяниям моды, сегодня она накрасила губы белой перламутровой помадой, отчего казалась инопланетным пришельцем со щелью вместо рта.

Грозно выпучив глаза, Амалия Владимировна хлопнула тёмно-синими ресницами, напуская на лицо озабоченное выражение. Начав речь,

она назвала Светину маму по паспорту, и это неприятно резануло слух чужеродностью:

— Интерна Захаровна и Светлана Викторовна, мне очень сложно разговаривать с вами на щепетильную тему, но я, как руководитель лечебного учреждения, вынуждена это делать, — подкрепляя свои слова скорбным вздохом, главврач потрясла загадочным листком, попутно подцепив рукавом халата коробочку со скрепками. Они беспорядочно рассыпались по столу, на время оборвав ниточку разговора.

Пользуясь паузой, Света посмотрела на маму, ожидая разъяснений, но мама недоумённо покачала головой, давая понять, что не в курсе дела.

Собрав скрепки, Амалия Владимировна перевела взгляд с мамы на Свету и стукнула по листку на столе ярко-красным ногтем, как будто раздавила клопа:

— Ко мне поступил сигнал из компетентных источников, что вы обе являетесь членами религиозной секты.

Её заявление звучало столь ошеломительно, что ни Света, ни мама не нашлись что возразить, а только растерянно переглянулись.

Не давая времени опомниться, Амалия Владимировна повысила голос:

— Даже если данные не подтвердятся, я не могу рисковать почётным званием «Поликлиники высокой культуры» и допустить к пациентам

медперсонал с подмоченной репутацией. Но поскольку я знаю вас обеих как добросовестных работников, то не хочу портить вам характеристику и предлагаю уволиться по собственному желанию.

Договорив монолог, Амалия Владимировна наклонилась вперёд, положив руку на телефон, и несколько раз приподняла и опустила трубку, словно проверяя, работает ли линия.

— Хорошо, Амалия Владимировна, я сейчас же пишу заявление на расчёт, а Света вправе сама решать, как ей поступить, — Света услышала спокойный, ровный голос мамы, который придал ей сил и уверенности. Двух решений быть не могло, потому она постаралась не выдать своего смутения и спокойно поддержала решение:

— Я тоже напишу заявление. Дайте, пожалуйста, лист бумаги.

Когда они с мамой писали заявления об уходе, шелест бумаги в тишине кабинета отдавался в ушах металлическим звоном, а пальцы так сильно нажимали на ручку, что буквы казались напечатанными. От мысли, что с этой минуты в их семье все безработные, становилось тошно, и оставалось только удивляться самообладанию мамы, которая держалась с поразительным мужеством.

Амалия Владимировна подписала заявление, не отрываясь от созерцания документов на

столе, и только когда Света с мамой уже шли к двери, тихо произнесла им вслед:

— Простите меня, если можете.

Трясаясь домой в автобусе, Света обдумывала выход из сложившегося положения, но на ум приходили всякие нелепости, типа работы продавцом мороженого или дворником в городском парке. Говорят, там всегда текучка кадров.

Папы дома не было, но, судя по тому, что из кармана летнего жакетика исчезла последняя десятка, он придёт домой пьяный в дым и всё, что им с мамой остаётся, — это смириться и надеяться на лучшее.

* * *

Безработицы в Советском Союзе не было и быть не могло.

Конституция гласила, что каждый гражданин имеет право на труд, отдых и образование.

Стенды на заводских проходных призывали идти в литейщики и карусельщики, металлическому заводу требовались разнорабочие, комбинат «Красная нить» сулил обучить желающих профессии ткача, а на заборе возле хлебокомбината полыхал алыми буквами лозунг, прославляющий труд пекаря.

Но, как на грех, везде, куда обращалась Света, медсёстры не требовались. Даже кадровичка

районной больницы, где всегда ощущалась нехватка кадров, сокрушённо развела руками:

— Миленькая, хоть бы ты на денёк раньше пришла. Только вчера оформила на работу процедурную сестру в хирургию. С виду такая вертихвостка, что рука не поднималась ей трудовую заполнять.

Маме тоже пока не удавалось найти работу, потому что она не отходила от папы, пытаясь вытащить его из запоя. Для того чтобы выпить, отец проявлял чудеса изворотливости, и Света не сомневалась, что, отведи Анна Захаровна глаза от мужа, он, не задумываясь, вылезет в форточку.

Тяжёлое положение в семье усугублялось отсутствием денег. Думая, что Света не догадывается о финансовых проблемах, мама тайком занимала по мелочи у своей подруги тёти Оли, а по ночам лежала без сна, и её бессонницу выдавало только неровное дыхание, в котором слышались сдавленные рыдания. Света чувствовала и себя виноватой в том, что мама мучается, и от собственной беспомощности на глаза у неё против воли наворачивались слёзы.

Изо всех сил стараясь переломить ситуацию, она поминутно уговаривала себя не раскисать, не поддаваться унынию, пока, наконец, ум не дошёл до глубинной причины её проблем. Ларчик с секретом, оказывается, открывался очень просто,

стоило только вовремя вспомнить о смирении и не бегать в поисках того, что хочет она, а безропотно взять то, что предлагает судьба.

Утром Света поднялась затемно и осторожно, чтоб не разбудить задремавшую маму и вздрагивающего во сне отца, постояла около фотографии батюшки Серафима:

— Отче Серафиме, благослови.

От ласкового взгляда старца на душе потеплело и пришла уверенность, что сегодняшний день не принесёт разочарования и горе отступит точно так же, как после Великого поста приходит Светлая Пасха.

Наливая себе чай, Света вспомнила, что на молокозаводе требовались лаборантки, а от медсестры, хоть и патронажной, до лаборантки один шаг.

В отличие от середины дня, когда район молокозавода кажется вымершим, утро варило в своём котле толпы рабочих, которые, выходя из автобуса, дружно спешили в одном направлении.

Ноябрьский день обещал стать хрустальным, и в лёгкой дымке подмороженного воздуха чётко просматривались заводские корпуса, к которым лепилась станция техобслуживания.

С лёгким раскаянием Света вспомнила последнюю скомканную встречу с Эдиком, но тут же забыла о ней, на ходу высматривая заводскую доску объявлений. Для себя она

твёрдо определила, что согласится на любое предложение, даже если кадровик попросит стать цирковым акробатом.

Вливаясь в толпу рабочих, Света прибавила шаг, задержавшись у обнаруженной доски всего на один миг, которого оказалось достаточно, чтобы около неё затормозила легковушка, из приоткрывшейся дверцы которой тяжело вылезла женщина в распахнутой дублёнке.

Прежде всего Света увидела круглый живот, на котором не застёгивались пуговицы, и распухшие пальцы с широким обручальным кольцом. С трудом переводя дыхание, женщина одной рукой поддерживала живот, шаром выпиравший наружу, а другой вцепилась в Светин рукав и потянула её на себя, разворачивая лицом к лицу.

Опешив от этой выходки, Света отпрянула назад, но, как медработник, взяла себя в руки, памятуя, что во время беременности у некоторых женщин наблюдается помутнение рассудка:

— Простите, но разрешите мне пройти, я тороплюсь.

— Не прощу, и не проси, — зло сказала женщина, едва двигая распухшими губами, похожими на переваренный пельмень.

— Ольга?

Света смогла признать её только по широким бровям, сросшимся на переносице.

— Не узнала? — Ольга криво усмехнулась. — Знаю, что изменилась, — она прикоснулась пальцами к животу, — но ничего, недолго осталось.

Несмотря на застарелую неприязнь к пионервожатой, Света с профессиональным сочувствием подумала, что роды наверняка будут трудными и патронажной сестре придётся взять малыша на особый контроль. Она даже хотела посоветовать Ольге, как правильно подготовить приданое, но не успела завести разговор, потому что Ольга снова повисла на её руке:

— Ты мне лучше вот что ответь: почему ты постоянно тут ошиваешься? Что ты крутишься около станции техобслуживания и молокозавода? Мужа отбить хочешь? Не получится! И не смотри, что ты красавица, а я уродина. Я его другим взяла, а таких нищевородок, как ты, на рынке можно пучками продавать. За пятак — пучок.

Сыпавшиеся без перерыва оскорбления не оставляли места для паузы, чтобы спросить у Ольги, кто её муж, и объяснить, что наверняка произошло недоразумение. Беременным нельзя волноваться. Света попыталась возразить, но поняла, что с таким же успехом могла стараться перекричать ураган. Поэтому она глубоко вздохнула и стала ждать, когда Ольга выдохнется, однако та распалялась всё больше и больше, переставая себя контролировать.

Озарение наступило, когда Ольга в очередной раз упомянула о муже, присовокупив к нему имя Эдик.

Хотя встреча в кинотеатре давала подсказки, но всё равно их женитьба казалась невероятной. Эдик и Ольга? Она же старая!

— Постой, твой муж Эдик Костров? — резким возгласом Свете удалось остановить поток ругани, и Ольга, проглотив конец фразы, уставилась на неё сумасшедшим взглядом.

— Да, мой муж Эдик Костров, и если ты не отстанешь от него, то тебя не только с работы выгонят, но и в тюрьму посадят!

— Откуда ты знаешь про работу? — холодея от догадки, спросила Света.

Но Ольга, похоже, сообразила, что сболтнула лишнее, и замолчала. Только смотрела на Свету так, словно хотела вбить в землю.

Гнев на Ольгу, разрушившую жизнь их семьи, был такой сокрушительной силы, что у Светы закололо в затылке, но она усилием воли сумела сдержать ярость и на миг прикрыла глаза, чтобы собраться с духом. Буря, сотрясавшая её тело изнутри, не утихала, но словно бы издалека уже пробиралась к ней мысль, спасительная суть которой пока не улавливалась.

Опустив глаза вниз, Света увидела суконные старушечьи сапоги «прощай молодость», с трудом натянутые на отёкшие ноги Ольги, и их вид

внезапно позволил ей прийти в себя, напомнив про забытое в эту минуту смирение.

Вот оно! То, про что говорил авва Дорофей, и то, что не мог вместить в себя её разум: «Каждый молящийся Богу: “Господи, дай мне смирение”, должен знать: он просит Бога, дабы Он послал ему кого-нибудь оскорбить его». И если сейчас она, Света, не отпустит Ольгу с миром, то проиграет этот маленький бой, а если найдёт силы к смирению — то одержит победу.

Сделав над собой усилие, Света мысленно взмолилась: «Господи, помилуй», и уже спокойным голосом сказала:

— Извини, Оля. Я не знала, что Эдик твой муж, но можешь быть уверена, что мы с ним только друзья, и я на него никогда не покушалась.

Ответом ей было бледное, словно перевёрнутое лицо Ольги с мятущимся взглядом сумасшедшей женщины.

Не оборачиваясь, Света пошла навстречу людскому потоку на остановку автобуса, думая, что работать на молокозаводе ей не судьба.

* * *

Скандал со Светланой высосал из Ольги последние силы, и она с трудом заползла на сиденье автомобиля, чувствуя себя толстой,

потной и разбитой на куски. Нет, не на куски, а на обломки, на мелкие осколки.

Весело отплясывая на свадьбе, Ольга даже предположить не могла, что замужество окажется таким тягостным бременем. Эдик ходил мрачнее тучи и всё время пропадал на станции. Конкуренты на её должность в профкоме заметно оживились при виде округляющегося живота, а тут ещё подвернулась ненавистная Алексеева, оказавшаяся красавицей, каких поискать.

В зеркало заднего вида Ольге была видна уходящая Светлана, навстречу которой шли к проходной рабочие. Ольга воспринимала людей безликой массой, одетой в однообразную одежду тёмных тонов и инкубаторские заячьи ушанки двух цветов: коричневого и серого. Проходя мимо её «фольксвагена», мужчины замедляли шаг, разглядывая приборную панель, а женщины нагло пялились на неё, наверное, сияясь представить себя хозяйками несметного богатства в виде иномарки и дублёнки с песцовым воротником.

Раньше Ольге нравилось завистливо-восхищённое любопытство окружающих, а сейчас она ненавидела их всех, вместе взятых и по отдельности.

Вон ту толстую бабку, которая глянула на неё сквозь лобовое стекло, а потом сказала что-то на ухо своей соседке — наверняка гадость,

Ольга с удовольствием растёрла бы в порошок. А тощего мужичонку, впритирку перебежавшего дорогу перед капотом, хотелось от души обложить трёхэтажным ругательством.

По привычке рука потянулась к бардачку за пачкой сигарет, но, вспомнив, что курить нельзя, Ольга досадливо поморщилась и, повернув ключ зажигания, стала медленно лавировать между пешеходами.

— Куда прёшь? Не видишь — здесь люди? — доносились до неё возмущённые окрики идущих по проезжей части.

Глядя на лица заводчан, она объясняла свои несчастья исходящими от людей волнами зависти к своему благополучию. А как же иначе? Ведь она сидит за рулём иностранной машины, а рабочие идут пешком и мечтают о «запорожце» или, в лучшем случае, о «жигулях», полученных после десятка лет ожидания в очереди.

Это они внешне смирные, добропорядочные. Наверное, своим детям говорят высокие слова о любви и дружбе, а дай им волю — вытащили бы её из машины и разорвали в клочки в порыве классовой ненависти. За душой-то у них ничего нет, кроме работы и телевизора. Или есть?

В кольце сплошного недовольства и злости Ольгино настроение подогревала единственная отрадная мысль о том, как она ловко отомстила Алексеевой. Главное, вовремя вспомнила,

что та богомолица. А уж сектантка она или не сектантка — никто разбираться не станет. Раз поступил сигнал на работника, значит, администрация обязана отреагировать. Если Светка не дура, то сообразит, откуда ветер дует и что с сильным и умным соперником лучше не связываться.

Объезжая станцию техобслуживания, Ольга поискала глазами фигуру мужа, но двор был пуст и только на куче битого кирпича сидела чёрная кошка.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — на всякий случай поплевала через плечо Ольга, прибавляя скорость. К девяти надо быть на работе, чтобы сдать дела перед декретным отпуском.

У светофора Ольгин «фольксваген» стоял позади мусоровоза, из которого ветром выдувало клочки бумаги. Словно соревнуясь со снежинками, клочки бумаги кружились в воздухе, осыпаясь на встречные автомашины.

Одна бумажка белой каплей прилепилась к стеклу, и Ольга смогла прочесть обрывок слова «мама», написанного разбегающимся детским почерком. Давным-давно она тоже училась выводить буквы, пристроившись на широком подоконнике. Из окна дуло, поэтому из-под пера в замёрзших пальцах вылезали уродливые продрогшие каракули, за которые учительница сделала ей выговор, едва не поставив двойку.

Неожиданно для самой себя на перекрёстке Ольга развернула машину в противоположную сторону от работы, направившись к типовой пятиэтажке, зажатой в узком проулке. Она не смогла для себя сформулировать, что ей сейчас нужно, поэтому не стала подъезжать близко, а припарковалась у соседнего дома под прикрытием телефонной будки со снятой трубкой, которая неподвижно висела на шнуре вниз динамиком.

Мусорный контейнер стоял на привычном месте, и около него копошилась знакомая фигура в ватнике, резиновых сапогах и сером вязаном платке, сбившемся набок. Тяжёло сгорбившись, мама тащила к контейнеру жестяные бачки с бытовыми отходами и один за другим переваливала их в железную утробу, из которой торчали сломанные палки и свешивались наружу пёстрые тряпки. Ольга знала, что потом мама возьмёт в руки совковую лопату и, прижавшись грудью к грязному краю, начнёт старательно утрамбовывать накопившуюся за сутки груду хлама.

Мама работала сосредоточенно, не отвлекаясь и не глядя по сторонам, словно то, что она сейчас делала, являлось самым важным занятием в мире и, сделай она неверное движение, наступит неминуемая катастрофа.

Наблюдая из своего укрытия, Ольга видела, что у мамы с головы сполз платок, но она не

могла его поправить и только покрутила головой из стороны в сторону, чтобы не мешал работать.

Редкие прохожие, сторонясь, обходили контейнер по асфальтовой дорожке, а пожилая женщина, в которой Ольга признала бывшую соседку, прямо маме под руки выбросила в мусорку смятую коробку из-под обуви.

От неподвижной позы у Ольги стала затекать спина, и она откинулась на сиденье, продолжая наблюдать за работой матери полулёжа, хотя угол обзора уменьшился и стало видно только половину происходящего.

Дворничиха Фатима — вот как называли маму жители дома. Именно дворничиха, а не дворник, хотя и то и другое звучит отвратительно. Ольга предпочла бы умереть, чем превратиться в существо в ватнике и резиновых сапогах, от которых за версту несёт бедностью.

Хорошо, что она сумела вырваться из порочного круга нищеты и её детям никогда не будет стыдно за своих родителей. Она сумеет воспитать их в довольстве и дать прекрасное образование: ведомственный детский садик, элитная школа, репетиторы и как итог — полное жизненное благополучие, которое получается вместе с рождением в приличной семье.

Задумавшись, Ольга упустила момент, когда мама закончила убирать мусор и сменила лопату на метлу. Заново перевязав платок, она

пристально посмотрела в сторону «фольксвагена», как будто чувствовала наблюдение. Издалека Ольге померещилось, что мама произнесла её имя.

К Новому году надо будет отправить ей почтовым переводом рублей десять-пятнадцать, решила Ольга, вспомнив, что в последний раз посылала матери деньги прошлой весной к Восьмому марта. Вместе с переводом надо будет сообщить, что вышла замуж и сменила фамилию с Жихаревой на Кострову.

* * *

Когда заварочный чай просыпался мимо чайника, а сахарница выскользнула из рук на пол, Игорь Лимарёв понял, что зверски не выспался. Засидевшись за лингвистическим анализом стихов Серебряного века, он лёг спать в шесть утра, забыв, что к девяти должен быть на кафедре и вести семинар у второкурсников. Спасибо, Марина разбудила, спасая от объяснительной записки, в которой пришлось бы писать что-нибудь удобоваримое для тонкой душевной организации декана Олега Олеговича.

Время поджимало, и Игорь заметался по квартире, перерывая кучу постиранной одежды в поисках свежих носков. Носки всё время попадались непарные, наталкивая на мысль, что чулочно-носочные изделия понадобились

пришельцам из иных миров, обладающим таинственной способностью к космическим телепортациям.

Выпив одним махом чашку чаю, он успел догнать в дверях Марину, которая уже собиралась уходить, но задержалась и, стоя одной ногой на лестничной площадке, буднично сообщила, что выходит замуж.

— Куда? — схватившись рукой за стул, Игорь подумал, что ведёт себя как человек, оказавшийся в падающем лифте.

Надеясь на шутку, он кинул быстрый взгляд на лицо сестры, но она встретила его недоумение со спокойным достоинством и кивнула на положенную на комод записку:

— Приходи к пяти вечера по этому адресу, там всё обговорим. Это сюрприз.

— Хороши сюрпризы!

Застыв соляным столбом, Игорь тупо посмотрел на закрывшуюся за Мариной дверь, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли. Если Маринка хотела его сперва ошарашить, а потом озадачить, то ей это вполне удалось.

Дорогу до университета он не заметил, а на семинаре нёс студентам несусветную белиберду, мучительно гадая, кто является Марининым избранником и в чём причина её скоропалительного решения. Выводы, которые приходили в голову, были самыми неутешительными.

На первом месте в рейтинге причин внезапного брака стояло коварное соблазнение наивной девушки, а на последнем — глупый розыгрыш, после которого он с облегчением отчехвостит Маринку по первое число.

К пяти часам вечера Игорь взвинтил себя настолько, что начал вспоминать приёмы рукопашного боя и в нетерпении потирать костяшки кулаков, как если бы уже стоял перед неизвестным противником. В голове глупо крутилась история подпоручика Чернова, вступившегося за честь сестры и убитого на дуэли флигель-адъютантом Новосильцевым.

«Клянёмся честью и Черновым», — писал о той дуэли друг Пушкина Кюхельбекер.

Дуэлянты стрелялись с трёх шагов, и оба получили смертельные ранения.

Помнится из истории, что на месте роковой дуэли мать Новосильцева построила церковь и богадельню. Церковь была взорвана, а в богадельне сейчас стоматологическая поликлиника.

Немного отрезвляло то, что Екатерина Новосильцева влюблённого сына разлучала с незнатной невестой, и если бы предвидела, к чему приведёт её спесь, то на коленях умоляла бы девицу принять руку сына. Он, само собой, не знатная дама, и если Маришкин жених окажется парнем порядочным, то препятствовать не станет. Жених! Придумают же словечко!

Ища указанный Мариной адрес, Игорь два раза обогнул станцию техобслуживания, прилепленную к заводским корпусам, а потом ошибочно зашёл в другой квартал, из которого смог выбраться только после распросов. Когда он подошёл к нужной улице, темнота сгустилась до такой степени, что едва просматривалась табличка с номером дома. Стёртые ступени узкой лестницы, бывшей прежде чёрным ходом, привели к квартире со списком жильцов на двери. Среди столбца с фамилиями, бледнея от ярости, Игорь прочитал фамилию Сосниных и снова пережил шок.

Так вот, значит, кто у нас жених! Ну Маринка, ну сестрёнка, удружила!

Игорь едва не зарычал от обиды, что его провели как ребёнка, и хотя ничего не имел против Павла, но представить его Марининым мужем не мог категорически. Вернее, не так: он не мог представить Марину женой. Куда ей замуж, люди добрые? Совсем дитя неразумное, даром что стукнул двадцать один год.

Надавив кнопку звонка, Игорь наскоро заготовил пару обличительных фраз для новоявленных молодых, но дверь распахнула очаровательная пожилая дама с серебряными волосами, убранными в гладкую причёску:

— Вы, вероятно, Игорь?

Он смешался:

— Да. Игорь Лимарёв.

— А я бабушка Павла, Екатерина Семёновна. Мы вас ждём.

Она принадлежала к той редкой породе людей, вблизи которых чувствуешь умиротворение, как если бы с мороза попал в блаженное тепло. Голубые глаза смотрели с мудрой наивностью, а милая улыбка казалась немного виноватой и растерянной.

— Вы извините, Игорь, Мариночку с Павлушей, всё произошло так внезапно.

Говоря, Екатерина Семёновна жестом пригласила его войти в комнату, где был накрыт стол, за которым сидели Павел и Марина. Хотя Игорю было не до рассматривания обстановки, он успел заметить салатницу с оливье, украшенную грибом из яйца, и тарелку с нарезанным сыром. Вытертые до блеска стеклянные бокалы придавали скромной сервировке элегантную торжественность.

Марина с Павлом не производили впечатления счастливых влюблённых: лицо Павла хранило выражение решимости, а Марина смотрела такими умоляющими глазами, что Игоря кольнуло чувство жалости.

Проклиная неловкую ситуацию, он сел на свободный стул, решив не заговаривать первым, чтобы Марине стало стыдно за свою выходку, но она крутила в руках сушку и тоже играла в молчанку.

Тишина в комнате затягивалась, но никто не осмеливался начать первым, пока Павел не взглянул прямо в глаза Игорю и не произнёс:

— Игорь, наверное, нам с Мариной следовало тебя подготовить, и я прошу у тебя прощения за внезапность, но всё получилось неожиданно для нас самих. Я обещаю, что постараюсь стать для Марины хорошим мужем. Преданным, — он говорил медленно, словно ворочая жернова во рту, но эта медлительность, как ни странно, успокоила Игоря. Те, кто поступают необдуманно, обычно тараторят напропалую, скрывая пустоту за шелухой болтовни.

А когда рука Марины, легко вспорхнув, легла на руку Павла, он обречённо вздохнул, чувствуя себя стариком, имеющим дочь на выданье. Жалко только, что сейчас не принято благословлять молодых иконой, чтоб соблюсти завет предков.

Слова, всего лишь слова, которые любой лингвист может разложить на составные части и звуки.

— И когда свадьба? — хотя напряжение понемногу спадало, Игорь не смог придать голосу сердечности, но, похоже, этого никто не заметил, потому что все сразу задвигались, заулыбались, а Марина поспешила ответить:

— Через месяц. Мы сегодня подали заявление в районный загс.

Кивнув головой, Игорь обратил внимание, что в его тарелке лежит горка салата, незаметно

положенная заботливой рукой Екатерины Семёновны. Наверное, сейчас они с ней товарищи по несчастью или, вернее, счастью.

— Спасибо, Екатерина Семёновна, честно сказать, я сегодня ничего не ел.

Она улыбнулась:

— Я тоже, — и тут же по-молодому поднялась с места, потому что раздался деликатный стук и девичий голосок произнёс:

— К вам можно? Добрый день. Я мимо проходила и решила заглянуть на огонёк.

— Светочка! Заходи, милая, присаживайся, молодец, что ты пришла! А у нас тут помолвка — Паша и Мариночка решили пожениться!

Салат остался в тарелке нетронутым, а Игорь думал, что вот так ходишь по улицам, едешь в транспорте, встречаешь сотни девушек, красивых и не очень. Но вдруг случайно открывается дверь и ты с холодком восторга понимаешь, что в неё вошла твоя судьба.

* * *

День, когда Павел сообщил о своей женитьбе, был особенным. Екатерина Семёновна всегда почитала его праздником и ходила в кладбищенскую церковь заказать молебен за здоровье рабов Божьих Павла и Киры — его матери, своей бывшей невестки.

Двадцать один год назад она тоже была в храме, молча и безнадежно стоя перед иконой Богоматери. Глядя на Младенца, прижавшегося к материнской щеке, Екатерина Семёновна вспоминала умершего три года назад Ванечку. Под негромкое пение хора на клиросе, она думала о том, что жизнь сына сгорела быстро и ярко, оставив след только в материнском сердце, которое жаждет поскорее перестать биться за полной ненужностью. Земля же вокруг казалась безлюдной и пустой, с чёрной тьмой над бездною.

Екатерина Семёновна не плакала, потому что слёзы давным-давно замёрзли в груди, царапая душу куском льда.

— Зачем мне жить? — задавала она вопрос Богу, не получая на него ответа до тех пор, пока однажды вечером на пороге её комнаты не появилась Ванечкина вдова Кира.

Екатерина Семёновна уже собиралась спать, поэтому комната освещалась одной настольной лампой возле дивана, но, несмотря на полутьму, она сумела разглядеть осунувшееся лицо Киры и измученные глаза, глядящие с мольбой и отчаянием.

После Ваниной смерти Кира осталась жить на целине, изредка посылая бывшей свекрови поздравительные открытки к праздникам. В последней строке она обычно приписывала

коротенькие сообщения о том, что жива-здорова, работы много и поездка в Ленинград не планируется.

От неожиданности, Екатерина Семёновна забыла накинуть халатик, стоя напротив двери в одной ночной рубашке. В спину дуло из раскрытой форточки, и голые плечи стали зябнуть.

— Кирочка, заходи, милая, ты, наверное, сразу с поезда?

Не поднимая глаз, Кира боком села на стул у двери, пережидая, пока Екатерина Семёновна оденется.

— Вот приехала... Мы приехали.

Она покачала в руках свёрток с вещами, который хрипловато мяукнул, выгнувшись дугой.

Екатерина Семёновна зажгла свет и протянула руки, освобождая Киру от груза:

— Кто у тебя там? Кот, что ли?

Она увидела, что Кирина подбородок мелко затрясся, выдавая нарождающиеся слёзы.

Жалко шмыгнув носом, Кира еле внятно пробормотала:

— Сын. Павлик. Ему три месяца. Я дала ему отчество Иванович, в честь Вани. А фамилия у него Соснин, как у всех нас.

Дрожащими руками она начала развязывать бязевые тесёмки, туго стягивающие ватное одеяло, но пальцы не слушались, и Екатерина Семёновна подумала, что Кира похожа

на деревце с ободранной корой, которое с трудом вырастило один зелёный листик. Но потом она перевела взгляд на малыша, и зажатое горем сердце болезненно дрогнуло, впуская в себя любовь к маленькому заморышу с посиневшими ножками и твёрдым животиком, который подпирал выступающие рёбра.

История появления Павлика на свет оказалась на редкость банальной. Всклипывая и вытирая глаза кулаками, Кира рассказала, что за ней стал ухаживать начальник геодезической партии, где она работала инженером. Сначала она избегала близких отношений, но чувство одиночества пересилило доводы разума и они стали жить вместе, как муж и жена.

А когда Кира призналась, что ожидает малыша, начальник каменным голосом сообщил, что имеет семью в Москве, разводиться не хочет и иметь детей от случайной связи не планирует.

Больше прорыдав, чем пересказав про своё горе, Кира обхватила руками стиснутые ладони Екатерины Семёновны и подняла к ней заплаканное лицо:

— Екатерина Семёновна, милая, родная, научите, что мне делать и куда девать Павлика? Если я брошу работу, мне не на что будет его кормить, а взять ребёнка с собой в экспедицию я не могу.

Вздохнув, Екатерина Семёновна пригладила растрёпанные Кирины волосы, мягкие, как

тополиный пух. С момента её приезда прошёл ровно час. За это время можно пройти пешком пять километров, или прочитать хороший рассказ, или приготовить обед. А можно решить судьбу человека, который, покряхтывая, лежит между двух подушек и выдувает пузырь из носа.

— Знаешь что, Кирочка, оставь Павлушу в Ленинграде, это будет самое разумное.

Кирины щёки полыхнули румянцем, а голос сорвался на хрип:

— В доме ребёнка? Я и сама так думала, но боялась, что вы осудите.

— Бог с тобой, Кира, ты говоришь несусветные глупости. Мне оставь.

Кира уехала через несколько дней, успев прописать Павлика к Екатерине Семёновне, поставить его на учёт в детской поликлинике и получить для него талоны в молочную кухню. Первое время она посылала письма очень часто, почти каждую неделю. Рассказывала о работе, спрашивала про сына, волновалась, как он растёт. Но постепенно письма стали приходить реже и реже, а когда Павлик из яслей пошёл в детский сад, почтальон опять стал навещать их только по праздникам.

Впрочем, ребёнок не скучал без материнской ласки, потому что у него была она, бабушка Катя, которая сейчас сидела за пианино, наигрывая

старинное рондо и перебирая в мыслях последний разговор с Павликом о женитьбе.

Когда Павел сказал: «Бабуля, я женюсь», у Екатерины Семёновны потемнело в глазах, но он добавил: «На нашей старости, Марине Лимарёвой», и она почувствовала, что может сделать вдох и выдох. Она до дрожи боялась, что Павлик назовёт своей невестой Наташу, на уровне интуиции ощущая в ней маленького изворотливого хищника с острыми коготками и крепкими зубками. Цокая лакированными копытцами, подобные девушки играючи проходят по чужим хребтам только для того, чтобы проверить их на крепость и выносливость. Марина — совсем другое дело. Со слов Павла Екатерина Семёновна составила о ней хорошее мнение, но любит ли её Павлуша? В этом Екатерина Семёновна сомневалась и поэтому, задав вопрос о любви, с особым волнением ждала ответ.

Отвечая, Павлик наморщил лоб и одним пальцем поправил очки на переносице:

— Я люблю её, бабушка, обязательно люблю. Я много думал на эту тему. Знаешь, когда со мной случилась беда, ну та, с фарцовкой, Марина одна пришла ко мне на помощь, хотя я не просил. Я даже не понимаю, как она догадалась, что у меня проблемы. А кроме того, она очень умная, добрая. С ней интересно

разговаривать, да и вообще интересно. Мы с ней словно слеплены из одного теста.

Чем больше он перечислял достоинства Марины, уговаривая сам себя, тем тяжелее становилось на душе у Екатерины Семёновны, и она понимала, что ей снова остаётся только уповать на милость Божию, вымаливая для глупого мальчика счастье взаимной любви.

Сказать правду, Павел и сам не понимал, почему сразу согласился на Маринино предложение пожениться. Что это было? Боязнь обидеть отказом? Временное помутнение разума или осознанное желание найти верную жену, как говорят, «срубить дерево по себе»?

Сразу после помолвки он всю ночь просидел на кухне, без конца разогревая чайник. Но налить себе чай забывал. Взгляд рассеянно блуждал по газовым плитам с выключенными горелками и неряшливой груде грязных тарелок на століке соседки тёті Любы. Недавно на общем собрании соседи договорились побелить потолок, и Павел подумал, что к этому времени он будет уже женат. Как там у Пушкина: «Женат и счастлив»?

Второе представлялось проблематичным.

Мысли, которые приходили в голову Павла, заставляли его то улыбаться, то растерянно протирать очки, недоумевая от собственного безрассудства. В сотый раз он обещал себе, что обязательно полюбит Марину — разве можно

не любить такую красивую и умную девушку? Он представлял себе лицо Марины со спокойными серыми глазами, но при мысли, как прикоснётся губами к её губам, чувствовал, что начинает краснеть, словно школьник. Смешно признаться, но наречённую суженую он поцеловал всего один раз, и то в щёку.

Ещё он думал, что, предложив пожениться, Марина показала себя очень храброй. Не каждая девушка решится вот так, без кокетства, откровенно признаться:

— Я давно люблю тебя, Паша.

Вспомнив разговор в парке, Павел вскочил с табуретки и подошёл к окну. Ночь была лунная, а погода морозная, поэтому деревья в маленьком скверике успели опуститься серебряным инеем. Сказочная красота.

Где-то он слышал, что муж и жена подобны рукам и глазам — когда руке больно, глаза плачут, а когда глаза плачут, то рука их вытирает. Так ли будет у них с Мариной?

Спать Павел пошёл лишь под утро, когда в кухню вплыла соседка пенсионного возраста в ночной рубашке и с чайником. Не ожидая увидеть Павла, она нечаянно саданула чайником об стол и тряхнула головой в розовых бигудях:

— Привет, Пашка. Говорят, ты теперь у нас жених?

— Да, женюсь, тётя Люба.

Широко зевнув, соседка похлопала ладонью по открытому рту и пошла ставить чайник, а он поспешил в свою комнату, заранее зная, что сегодня соседям хватит разговоров на весь день.

Ночь размышлений укрепила Павла в мысли, что полюбить человека очень просто, надо только себя заставить. Стерпится — слюбится. Но, проснувшись, он обнаружил, что ночной уверенности не осталось и следа, а в душе воцарился сумбур, от которого хотелось зарыться в одеяло и не вылезать из кровати весь день.

* * *

Обе свадьбы сыграли в ноябре. Широко отмечать не стали, а сразу после загса поехали к Лимарёвым, где Екатерина Семёновна и Анна Захаровна, Светина мама, накрыли стол.

Ещё при подготовке праздника Марина и Павел сговорились не устраивать пышных торжеств, но, когда к их паре прибавились Игорь со Светой, обсуждение пошло по второму кругу. Игорь стоял за ресторан, горячо доказывая, что раз в жизни надо завить дым верёвочкой, чтоб было что вспомнить. Но Света накрыла его руку своей, и он послушно стих, отдаваясь на милость победителей.

Любовь обрушилась на Свету так внезапно, что, засыпая, она боялась проснуться

и обнаружить, что явь оказалась сном и никакого Игоря Лимарёва в действительности не существует, а есть только серый рассвет за окном и ощущение горького разочарования от несбывшейся надежды. Игоря она воспринимала как чудо. Иначе и быть не могло, потому что, как только она увидела глаза Игоря, застывшие в немом восхищении, её словно пронзила молния, превращая сердце в кусок горячего угля.

Когда она сидела за столом рядом с Игорем, изо всех сил старалась не выказать своего смутения, но жар в груди не унимался и она чувствовала, что её выдают горящие щёки и дрожащий голос. На следующий день после знакомства Игорь пригласил Свету на свидание. Погода стояла отвратительная. Ветер мешал в промозгом воздухе снег с дождём и злорадно швырял его в лица прохожих, целясь запорошить глаза и вымочить шапки, натянутые до бровей.

— Давай зайдём в кафе, — предложил Игорь, — а то мне стыдно, что я вытащил тебя из дома в такую слякоть.

Его широкое лицо в капельках дождя выражало такое трогательное раскаяние, что Света рассмеялась:

— Пойдём, но только не в кафе, потому что туда всё равно не попасть, а в пельменную за углом. Надеюсь, там найдётся пара местечек.

Переходя через дорогу, Света заметила, что Игорь старается держаться со стороны движения, прикрывая её собой от потока машин, и это тоже прибавило к её чувству солнечную дольку из добра и любви.

В тесной пельменной в нос шибал запах разваренного теста и сизо плавающего сигаретного дыма, обволакивающего посетителей, густо оккупировавших каждый столик.

С трудом отыскав свободные места, они сели напротив бородатого мужчины с тарелкой пельменей и гранёным стаканчиком водки, от одного вида которой Свету передёрнуло.

— Замёрзла? Сейчас возьму согревающего, — пообещал Игорь, направляясь к стойке, за которой орудовала неохватная официантка с застиранной наколкой на рыжих волосах.

Сидя вполоборота, Света следила за тем, как Игорь подошёл к официантке и о чём-то негромко попросил, отчего она недовольно вздёрнула брови, резко щёлкнув кассовым ящиком.

Игорь оглянулся на Свету, и мужчина рядом с ней понимающе хмыкнул, подняв стопку, в которой вязко колыхнулась прозрачная жидкость:

— Твоё здоровье, девица-красавица!

От липкого внимания соседа по столику стало противно, но даже из вежливости Света не смогла ему ответить, потому что

сосредоточилась на подносе в руках Игоря. От того, что будет на нём стоять, полностью зависела судьба их дальнейших отношений.

Глотнув табачного дыма, она чихнула, покопалась в сумке, доставая платок, а когда подняла глаза, увидела, что Игорь кладёт перед ней большую шоколадку и ставит два восхитительных стаканчика с чёрным кофе, в котором ещё плавали нерастворившиеся крупинки порошка.

— Я обещал тебе согревающее. Получи и распишись!

От счастья, что он принёс не вино и не водку, Свете захотелось расплакаться, но окончательно Игорь покорила её тогда, когда сосед, прожевав пельмень, осуждающе бросил:

— Что ж ты, кавалер, денег пожалел на вино для дамы?

— А мы не пьём, — твёрдо отчеканил Игорь, даже не взглянув в сторону говорившего, — и вам не советуем.

Если бы Света была такой решительной, как её подружка Ира, то она, без сомнения, чмокнула бы Игоря в щёку, но вместо этого она только с благодарностью улыбнулась, успев поймать ответную улыбку, похожую на лучик весеннего солнца.

Вправду люди говорят, что любовь — великая сила, потому что, начиная со встречи

с Игорем, Светины неприятности стали постепенно рассеиваться, оставляя после себя сожаление о впустую потраченных нервах.

Буквально на следующий день ей удалось устроиться на работу медсестрой в ведомственную больницу, пускай и на другом конце города. И хотя мысль, что придётся привыкать работать без малышей, огорчала, но подбадривало то, что оклад дали почти в два раза выше прежнего, а рабочий день заканчивается в шесть часов вечера по жёсткому графику. Это значит, что спокойно можно устроиться ещё на полставки.

Одна хорошая новость притянула к себе другую, потому что, придя домой после первого рабочего дня, Света увидела в кухне трезвого папу и умиротворённую маму. Папа со вкусом ел кислые щи, и вид у него был как у пациента, перенёсшего тяжёлую операцию, но уже выздоравливающего.

Заметив Свету, он отложил ложку и стыдливо ссутулился, не смея начать разговор. Но потом всё-таки пересилил себя и неловко перекрестился:

— Прости меня, доченька. Вот тебе крест святой, что больше в рот не возьму ни капли спиртного.

Папа клялся так каждый раз после запоя, и его решимости хватало обычно на несколько

месяцев, а потом он снова срывался в пике и снова каялся, проклиная своё малодушие. Обычно обида на отца держала Свету так крепко, что она долго не могла переломить своё отношение к нему, пару дней держась холодно и отстранённо. Но сейчас, в полосе любви и радости, она хотела обнять весь мир, с ходу поверив словам отца, что больше ни-ни, и никогда.

Следом за Светой на работу устроилась мама, а потом коллектив взял папу на поруки и его восстановили на заводе, хоть и не в прежней должности, но всё же не выгнали. Так, ступенька за ступенькой, Света карабкалась вверх, называя своё недавнее состояние «ямой уныния», которое, как известно, смертный грех, потому что губит душу.

Об Ольге Жихаревой и об Эдике она больше не вспоминала, кружась в вихре своей любви по имени Игорь. А уж когда он сделал ей предложение и был назначен день свадьбы, стало вообще не до размышлений, потому что требовалось переделать кучу дел, которых по мере приближения торжества становилось всё больше и больше. Но всё же из будничной круговерти Света ухитрилась выхватить свободный день, чтобы навестить могилу батюшки Серафима.

Когда она ехала в электричке, метель била в окна с такой силой, что снег просачивался между рам, застывая на стёклах молочными

потёками. Но сойдя на платформу, Света обнаружила ясный день, вафельно похрустывающий под ногами лёгким морозцем, присыпанным свежим снегом.

Со слов мамы она знала дорогу и почти весь путь пробежала налегке, чувствуя себя такой же снежинкой, как те, что кружили в прозрачном воздухе, пахнущем соснами и деревенским дымом. На пустынной улице с запертыми калитками не было ни души, и в какой-то момент Свете показалось, что она заблудилась. Замедлив шаг, она поискала глазами кого-нибудь спросить направление, но тут выглянуло солнце и в глубине тучи огоньком просиял крест над церковью. Вот она, верная дорога! Ноги резво понесли вперёд, а в душе нарастало чувство нетерпения встречи.

«Батюшка, милый батюшка, — думала Света, обращаясь к старцу, как к самому близкому человеку, — спасибо тебе за твои святые молитвы о нас, глупых и грешных маленьких людях, недостойных даже стоять рядом собой».

Её благодарность была так велика, что представлялась ей зримо, как в обратной перспективе на русской иконе: на первом плане она, совсем махонькая и невзрачная, а на заднем плане — большой светлый лик, с которого на неё ласково взирают добрые глаза милосердного отца Серафима.

С жилищной проблемой Соснины и Лимарёвы разобрались полюбовно и безболезненно.

За круглым столом Екатерины Семёновны при полном одобрении сторон было решено, что Игорь переберётся к Свете, а Павел поедет к Марине.

Иначе не получалось, потому что Света не могла оставить отца без присмотра, а в комнате Сосниных нашлось бы лишнее место разве что для кошки, да и то неприхотливой.

Когда Павел собирал вещи к переезду, бабушка Катя сидела за пианино, рассеянно перебирая клавиши одной рукой. Из-под её пальцев ручейком текли минорные трели, наполняя комнату тихой грустью расставания с детством и юностью. Казалось, что звуки мелодии вылетают в открытую форточку, превращаясь в чёрных птиц, и садятся на заснеженных проводах вдоль улицы. На этой улице была остановка автобуса, который идёт до Маринино дома. Теперь его дома.

Павел не мог избавиться от неловкости перед бабушкой Катей. Он не хотел оставлять её одну, многократно давая себе слово звонить каждый вечер и приходить как можно чаще.

Стесняясь своей нежности, он прижимался щекой к бабе-Катиному плечу и спрашивал:

— Хочешь, мы с Мариной будет приходить каждый день?

Бабушка ерошила ему волосы, вздыхала и неизменно переводила разговор в шутку:

— Ишь, что выдумал, каждый день! А когда прикажешь мне от вас отдыхать? За двадцать один год ты надоел мне хуже горькой редьки.

И хотя фразы звучали весело, бабушкин голос становился стеклянным и ломким.

В последнее время чувство вины стало постоянным спутником Павла, обращая мысли к тому дню, когда он, не любя, согласился связать судьбу с Мариной.

Но, с другой стороны, непонятным образом, радовала предстоящая работа над собой и своей душой. Он представлял этот труд стройкой. Сначала руки по кирпичику выложат кладку. Это тяжело, нудно и долго. Но наступает день, и ты видишь прочные стены, способные защитить тебя от врага. Потом приходит время ставить стропила, и здание обретает чёткие очертания. И наконец, когда возведена крыша, ты начинаешь заниматься покраской, лепниной и всем тем, что ублажает глаз и приносит успокоение.

Понятная и чёткая мысль о внутреннем доме, который надо возвести заново, посетила Павла в момент венчания, когда прошло первое волнение и рука с кольцом перестала судорожно сжиматься. Рядом в белом платье стояла Марина,

а чуть поодаль, среди гостей, бабушка Катя. Это она настояла на венчании. Её лицо было торжественно и немного грустно, как на иконах, а в глазах он читал любовь и поддержку, бремя которых должен теперь нести он, собственной волей превратившийся из мальчика в мужа.

Первую неделю в Мариной квартире Павел чувствовал себя гостем. Он стеснялся лишний раз открыть шкаф с бельём или постирать себе носки, которые не знал где сушить. После коммунальной тесноты, отдельная двухкомнатная квартира казалась ему непозволительной роскошью.

Марина не мешала осваиваться, деликатно беря на себя почти всю заботу об их, теперь совместном, хозяйстве.

Несмотря на то что Павел ценил и уважал жену, его не тянуло быть рядом с ней каждую секунду. Почти всё свободное время он проводил за конспектами, а отправляясь на подработку, ощущал родство с котом, сбежавшим от хозяйки. Сидя на пункте «скорой помощи» в ожидании вызова, он позволял себе иногда подумать о Наташе, замечая, что с каждым днём её образ тускнеет, подобно выгоревшей на солнце фотографии. Вроде бы как силуэт еще чётко, но для того, чтобы разглядеть черты лица, надо взять в руки лупу.

Несколько раз он порывался забежать к Эдке с поздравлением. Когда Света сообщила, что

Эдька женился, да ещё не на ком-нибудь, а на пионервожатой Ольге Жихаревой, Павел едва не упал со стула от удивления. Ну Костров! Ну жучила! Он, конечно, всегда был любителем откалывать неожиданные номера, но чтоб такое...

И хотя от прошлой обиды на друга детства остался огрызок размером со свиной хвостик, часок-другой для визита никак не выбирался, тем более что неотвратимо приближалось время защиты диплома.

Дух расставания с альма-матер начал витать в университетских стенах ещё с сентября, когда преподаватели стали обращаться к выпускникам «товарищи дипломники», а в глазах младшекурсников заблестела неприкрытая зависть, круто замешанная на восхищении. Практически все разговоры между выпускниками сводились к самому животрепещущему вопросу распределения по окончании вуза. Отправить могли куда угодно: Советский Союз — страна большая. Прошлый выпуск почти в полном составе уехал на Байкало-Амурскую магистраль, а несколько троечников поехали в туркменский Ашхабад — укреплять науку на периферии. Отработать по месту назначения полагалось три года, иначе диплом будет считаться недействительным.

В группе Павла больше всех мутила воду симпатичная толстушка Женя Рыкова.

На последнем собрании группы, когда обсуждали выпускной вечер, она заявила:

— Я из Ленинграда никуда не поеду, пусть хоть меня зарежут. Я несознательная. Пускай сознательные едут. Хотя некоторые старосты прикидывались сознательными, а потом подсуетились и замуж вовремя выскочили за будущих аспирантов.

Выкрикивая обидные слова, Женя неотрывно смотрела на Марину, так что та покраснела и тихо сказала:

— Я поеду, куда дадут направление, и моё замужество здесь ни при чём.

Хоть Павел и знал, что его собираются оставить на кафедре, но не поддержать жену не мог, и повторил за ней вслед:

— Мы поедem, куда пошлют. Главное, вместе.

* * *

В этот учебный год дела и дипломные работы закрутили время такой тугой пружиной, что долгожданный день распределения свалился как снег на голову.

Ночью Марина почти не спала, а лежала, подложив локоть под голову, смотрела на спящего Павла и думала, что они прожили вместе уже почти полгода, а он так и не смог полюбить её.

Она видела, что он старается быть заботливым мужем: дарит цветы, защищает, берёт на себя домашние проблемы, но ни разу за всё время ей не удалось увидеть в его глазах нетерпеливый отблеск ожидания близкой встречи и с головой окунуться в нежную ласку его рук.

Любовь! Сколько в ней различных нюансов, неподдающихся математической логике. Конечно, можно высчитать расстояние, которое она прошагала из угла в угол, мечтая просто дышать рядом с Павлом, но как измерить путь к его сердцу, как рассчитать «количество» необходимой веры?..

В шесть утра она встала и, чтобы занять время, затеяла блины из перекишшего кефира. Тесто на кефире Марина не любила, потому что оно плохо пропекалось и было ноздреватым, но кефир в целях экономии следовало утилизировать, чтобы дотянуть до стипендии. Последней стипендии в их студенческой жизни.

Покойная мама считала студенчество лучшей порой своей жизни. Смеясь, она вспоминала туристические походы, беззаботные вечеринки со скудным послевоенным угощением и театральные постановки, которые беспрерывно ставились в их студенческом общежитии. Она и с папой познакомилась, когда они вместе играли в одном спектакле: мама изображала капризную барышню, а папа собачку-пуделя.

Дальше на свет появился Игорь, через пять лет Марина, а потом папа ушёл в другую семью и мамина радость сразу потухла, лишь изредка вырываясь наружу тонким огоньком воспоминаний о юности.

Часто говорят, что дети повторяют судьбу своих родителей, и если мама была несчастлива в браке, то детям тоже не следует ждать благополучия. Марина не желала верить досужим умозаключениям, потому что иначе получалось, что человек сам по себе примитивная погремушка, которую насмешливая судьба перекидывает из руки в руку. Конечно, можно списать всё на провидение, родовое проклятие или череду случайностей, замкнуться в своём мирке и ныть о том, как трудно жить на свете. А можно каждый день работать над собой, отодвинуть свои проблемы на второй план и подчинить жизнь интересам ближних. И тогда, как сказала Екатерина Семёновна, рано или поздно счастье обязательно влетит в распахнутую форточку.

К тому моменту, когда Павел проснулся, блины стояли на столе, а Марина была по-торжественному одета в чёрную юбку и белую блузку.

— Только пионерского галстука не хватает, — то ли с одобрением, то ли с сарказмом сказал Павел, принимаясь за завтрак.

Марина заметила, что он совершенно не волнуется перед распределением, и поймала себя

на мысли, что ей тоже совершенно безразлично, куда ехать и какой будет оклад, лишь бы вместе, лишь бы рядом, рука об руку.

На распределение они с Павлом приехали самыми последними, когда перед закрытыми дверями деканата собралась молчаливая толпа сокурсников. Хотя напряжённую тишину изредка разряжали нервные шутки, Марина подумала, что, наверно, так же выглядят новобранцы у военкомата, морально готовясь вычеркнуть из жизни два года строевой службы.

Красавец и сердцеед Вадим пальцем выстукивал по подоконнику похоронный марш, добродушный троечник и пофигист Валентин Курочкин усиленно сосал леденцы, похрустывающие на зубах новогодними льдинками, а Женечка Рыкова истерически мяла в руках жёлтый шёлковый шарфик, из края которого до полу распускалась длинная нитка обмётки.

Дверь в деканат распахнулась, когда напряжение в коридоре достигло апогея, и оттуда выглянула секретарша Мария Ивановна — сухопарая дама предпенсионного возраста с длинным носом и волчьим взглядом.

— Алексеев!

Петька Алексеев сглотнул так громко, что у него забулькало в горле, а взявшись за ручку двери, отдернул пальцы, как от раскалённого металла, и картинно перекрестился:

— Боженька, помоги.

Наверное, молитва, хоть и шутейная, подействовала, потому что через несколько минут Петька вылетел из двери с сияющей улыбкой и громко объявил:

— Ленинград, институт Крылова! Буду строить подводные лодки!

От доброго известия все сразу оживились, задвигались, как будто сам по себе вдруг заработал сломанный часовой механизм, вместо минут отсчитывающий выданные путёвки.

— Институт Крылова.

— ЦНИИ тяжёлого машиностроения.

— Оптико-механическое объединение...

С каждым новым назначением в коридоре становилось всё шумнее, и, когда очередь дошла до Павла, Марина едва смогла расслышать свою фамилию.

Перед тем как зайти, Павел коротко взглянул ей в глаза, мимолётной улыбкой давая понять, что спокоен и уверен. Марина тоже была спокойна, хотя в сердце все-таки прокрался тревожный холодок ожидания.

В памяти всплыл старый фильм с названием «Путёвка в жизнь», содержание которого вспоминалось чёрно-бело и смутно. На какой-то миг представилось, что Павел выйдет и скажет, что его отправили в Магадан или на Чукотку. Тогда она обнимет его и будет счастлива, потому

что там, в чужом месте, пусть ненадолго, но жена станет для него самым близким и родным человеком.

Короткие мысли стремительно оборвались от голоса Павла, обыденно раскрывшего секрет Полишинеля, давным-давно известный всему курсу:

— Оставили на кафедре.

Куда распределят её лично, Марине было безразлично, но всё же захотелось отряхнуться от завистливого взгляда Жени Рыковой и объяснить всем, что прекрасное назначение в престижное Объединение точной механики и оптики она не выпрашивала, а получила по итогам дипломной работы по информационным системам.

— Сильный выпуск, — сказал секретарше профессор Лузгин, когда они шли к выходу по опустевшему коридору. Распределения были вручены, и выпускники, по заведённому обычаю, убежали на свою последнюю студенческую вечеринку. Марья Ивановна угловато дёрнула локтем, поправляя зажатый портфель с монограммой:

— У вас, Владислав Николаевич, всегда выпуски сильные, а с аспирантами не везёт. То в декрет уйдут, то на производство переметнутся, где больше платят. И то сказать, на зарплату в сто десять рублей не разгуляешься. А вы с ними мучаетесь, учите, ночей не спите, инфаркт получаете.

Длинный нос Марии Ивановны осуждающе опустился вниз, как намагниченный, а рука снова вздёрнула вверх лакированный портфель.

— Ваша правда, Мария Ивановна, но что делать? Оборонка у нас всегда лучшие кадры переманивала, да и защититься на предприятии проще, особенно если направление работы перспективное. Но я возлагаю большие надежды на Соснина. Золотая голова у парня.

Он искоса посмотрел на секретаршу, словно ожидая от неё одобрения. Но она лишь иронично хмыкнула, и до выхода они дошли молча. Там их пути разошлись, потому что Марья Ивановна шла на остановку автобуса, а профессор на стоянку машин.

Садясь на водительское сиденье, он подумал, что помнит Марью Ивановну розовощёкой Машенькой и совершенно упустил момент, когда время успело превратить её в сушёную акулу. Желая, чтобы последнее слово осталось за ним, Лузгин сердито положил руки на руль, с упрямством повторив:

— Золотая голова.

* * *

— Костров? Поздравляю, папочка. Вес три килограмма, рост пятьдесят сантиметров.

— А это хорошо или плохо?

— Замечательно! То, что надо!

Когда Эдику сообщили, что у него родилась дочка, он не сразу осознал реальность.

Все девять месяцев ожидания ребёнка он старался не думать на тему отцовства. Наверное, отодвигал от себя неизбежную взрослость, как школьник с двойкой в дневнике всеми силами оттягивает момент объяснения с родителями.

Хотя жизнь лихо закрутила его в водовороте событий, порой Эдик чувствовал себя мальчишкой, замутившим очередную шалость, из которой рано или поздно сможет выпутаться, пусть даже ценой крепкой порки.

Эдик вернул трубку на рычаг, ощущая внутри сокрушительную опустошённость, словно родил он, а не Ольга.

Губы мгновенно пересохли, и, чтобы голос не трескался, он залпом выпил целый стакан воды из графина на столе у мастера, и только потом сообщил:

— Сказали: девочка, — подумав, уточнил: — Дочка.

— Понятно, что не сын, — понимающе отозвался Егорыч, но Эдику в его голосе послышалось сочувствие, которое вывело из себя:

— Дочка в сто раз лучше.

Чтобы успокоиться, он снова потянулся к воде, но на этот раз руки уже не дрожали, а мысли в голове приобретали ясность и чёткость.

Наверное, полагается что-то делать: купить цветы, написать жене записку с благодарностью, принести в роддом пакет с пелёнками, подготовленный загодя.

Осушив третий стакан воды, Эдик утёр рот ладонью и только сейчас обратил внимание, что Егорыч испарился из-за стола и стоит на пороге конторки, прикрывая собой толпу рабочих, скопившихся у дверей.

Он скользнул взглядом по улыбающимся лицам и тотчас услышал радостные возгласы:

— Поздравляем папашу!

— Держись, Костров, теперь начнутся горячие деньки!

— Не дрейфь, поставишь дочке мотор на коляску, и пусть сама катается.

— Ножки, ножки обмыть не забудь!

Эдик вспомнил, как совсем недавно он сам стоял в дверях и требовал обмывания ножек у кузовщика Петрова, который в третий раз родил сына. Сыпавшиеся дождём дружеские шутки и поздравления снимали растерянность, заполняя пустоту в душе ещё не оформившейся радостью.

В этот день он не пошёл к Ольге, а долго сидел на скамейке перед домом, пристально глядя на гуляющих детей. Папаша! Эдька Костров — папаша!

Его так тянуло поделиться новостью с близким человеком, что ноги сами привели его к телефонной будке, а пальцы наизусть набрали телефон Павла.

После нескольких гудков он услышал, что трубку сняли и самый красивый в мире Светланин голос приветливо спросил: «Алло, вас слушают, кого вам позвать?»

На осознание случившегося потребовалось несколько секунд, во время которых Эдику почудилось, что на улице сверкнула молния и началась гроза. Потом он аккуратно повесил трубку на рычаг и круто повернул к гастроному, работавшему до девяти вечера: раз мужики на работе сказали, что надо обмыть ножки младенцу, значит, он обмоет, да так, что дым пойдёт коромыслом.

Стучащий в висках пульс, казалось, вышибал из головы все мысли, кроме памяти о том проклятом дне, когда он увидел Свету. А рядом с ней стояла Пашкина бабушка Екатерина Семёновна. Вот, значит, как оно обернулось, и Света теперь отвечает на телефонные звонки из Пашкиной квартиры. Ну, Пашка, а ещё друг называется! Точнее, назывался...

Остаток вечера и ночь запомнились с трудом, и на следующее утро Эдик с трудом оторвал от подушки гудящую голову. Во рту было сухо,

ноги подламывались, а желудок болезненно сжимался от малейшего усилия.

Избегая взгляда в настенное зеркало, он потащился на кухню хлебнуть водички из-под крана, чтобы промочить горло.

Но, видимо, воду отключили, потому что новенький финский кран с трудом выдавил лишь пару капель бурой жидкости, назвать которую водой можно было только условно. Выругавшись, Эдик выбросил из вазы цветы, купленные накануне вечером, и отпил несколько больших глотков, противно отдававших запахом зелени.

Идти к Ольге не хотелось, а хотелось скорчиться под одеялом и завывать от тоски и одиночества, в котором к постылой жене добавилась ненужная дочка. Интересно, как Ольга её назовёт?

Одеваясь, он ощущал своё тело развалившимся на отдельные частицы, не имеющие центра притяжения. Собирать их в кучу, да и вообще думать не было сил, потому что внутренний взгляд не видел впереди никакой перспективы, а упирался в стену без окон и без дверей. Ассоциации со стеной вызывали в памяти день, когда каменная шар-баба дробила кирпичи на старой церкви. Было здорово, весело, радостно, и мир вокруг сиял мягкими красками счастливой осени. В те пионерские времена Ольга была всего лишь противной

пионервожатой, Пашка — лучшим другом, а Света — невзрачной девчушкой с белёсыми волосами и упрямым характером.

Оттого, что всё в жизни сложно перепуталось, тянуло снова пойти в пивную, и от соблазна залить горе Эдика удержал «фольксваген», за руль которого он садился только кристально трезвым. На рабочем месте любой автослесарь наблюдает достаточно искорёженных автомобилей с залитыми кровью сиденьями, к которым страшно прикоснуться.

Хотя путь до родильного дома занял от силы полчаса, Эдику он показался дорогой к Марсу или Венере, так далеко от жены и новорождённой дочки витали его грустные мысли. Совсем плохо стало тогда, когда Ольга показала в окно белый свёрток и радостно прокричала в форточку:

— Посмотри! Правда, наша Аглая красивая?

Аглая! Господи, помилуй, это надо же выдумать такое имя. На мгновение в нём шевельнулось чувство сострадания к ни в чём не повинной девочке, которую насмерть задразнят одноклассники. В былые времена он и сам бы не отказался дёрнуть за косичку какую-нибудь Аглайку-балалайку.

Поток возмущения выродился в злость, и, напрягая голос, Эдик привстал на цыпочки, чтобы крикнуть:

— Никаких Аглай! Слышишь?! Никаких! Шурка! Запомнила? Я назвал её Шуркой, и точка!

И хотя сразу после выписки Ольга закатила скандал по поводу имени, Эдик твёрдо держался собственной линии, называя дочку Шурка. Не привыкшая уступать Ольга не сдавалась и даже записала Аглаю в свидетельстве о рождении. Эдик говорил — Шурка, Ольга — Аглая, а ничего не понимающая малышка пока одинаково радостно улыбалась им беззубым ртом и, казалось, откликалась на оба имени.

* * *

В детстве Игорь Лимарёв считал, что самый быстрый вид транспорта — это санки. Сядешь, вцепишься руками в верёвку, оттолкнёшься от земли ногами в валеночках и летишь навстречу ветру, глотая ядрёный морозный воздух, замешанный на снежной каше. Порой на пути встречались ямки и горки, но они преодолевались без задержки, с весёлым ужасом. Ему и сейчас иногда казалось, что он катит на санках, так быстро проскакивали мимо дни, недели и месяцы. Не успел переехать к Свете, как пришла пора отправляться на летнюю стройку — зарабатывать деньги для семьи. Только вернулся — засел за диссертацию. Получил последнюю рецензию — начались хлопоты по

ожиданию малыша. Вернее, малышей, потому что им обещали двойню.

Ровно через год после свадьбы, когда Игорь отвел Свету в родильный дом, его пригласил к себе научный руководитель профессор Голованов. В университете шутили, что фамилия досталась Голованову в насмешку, потому что как раз голова была самой изящной частью его тучного, женоподобного тела. Давал о себе знать и вздорный характер профессора, приличный разве что карикатурной базарной бабе из газетных фельетонов.

То, что Голованов не смотрел в глаза, а суетливо расставлял по стаканам остро отточенные карандаши, подсказывало Игорю, что разговор будет не самый приятный. Но, откровенно говоря, ему было наплевать на Голованова, потому что все мысли вращались вокруг того, что надо срочно отменить запланированный colloquium и бежать к Свете, которую он утром отвёл в родильный дом. Благо серая кирпичная коробка роддома очень удачно располагалась на соседней улице и идти было недалеко.

Захлопывая перед его носом железную дверь приёмного покоя, медсестра в помятом халате сделала выразительный жест в сторону улицы и сказала:

— Идите, папаша, занимайтесь своими делами. Часика через три-четыре можете узнать

в справочном, как дела. А раньше вам здесь делать нечего.

— Иди на работу, Игорь, не беспокойся, — поддержала сестру Света, — я знаю, что ещё не скоро.

Она держалась молодцом, его Светик.

Глядя в спокойные глаза жены, Игорь ощутил прилив гордости, смешанной с тягучим беспокойством, от которого дрожали руки и обрывался голос.

— Как я пойду? А если я буду нужен?

Медсестра хихикнула:

— Вы, папаша, своё дело уже сделали, а теперь только мешаете. Ступайте себе с Богом.

Хотя Света и велела идти на работу, он всё-таки около часа прометался под окнами четырёхэтажного здания, толком не зная, на какой этаж увели Свету. Из окон на него смотрели женщины, и в их лицах ему чудилось какое-то тайное знание, доступное лишь матерям, которым было дозволено прикоснуться к чуду.

Год назад, в день свадьбы, февраль стоял мягкий, с оттепелями, а сегодня над городом кружила метель, щедро засыпая снегом дома и дороги. Когда Игорь почувствовал, что ноги стали как деревянные, он заскочил погреться в вестибюль, а потом помаялся около окна справочной. Видимо, сжавившись над его замёрзшим видом, регистраторша позвонила на отделение, а положив трубку, с укоризной в голосе сказала:

— Ну что ж вы, Лимарёв, панику наводите? Доктор сказала, что не раньше вечера.

Потоптавшись ещё немного, Игорь взглянул на часы, которые показывали девять утра. На десять у него была запланирована лекция, а потом коллоквиум.

В надежде прорваться на этаж, Игорь пристально взглянул в сторону боковой двери, но регистраторша, верно, умела читать мысли на расстоянии, потому что быстро сказала:

— И не думайте. Много вас таких, ушлых, папаш здесь ходит. Сказано: вечером — значит, вечером.

Решив, что до вечера тянуть не будет, а быстренько свернёт свои дела на кафедре и вернётся, Игорь припустил на остановку, успев вскочить в отъезжающий автобус. Затёртый среди толпы пассажиров, он поймал себя на мысли, что смотрит на окружающих и думает, что все они когда-то впервые появились на свет. И их мамы так же, как его Светочка, отважно шли в больницу, а мужья дрожали от ужаса и неизвестности.

Силясь представить малышкой объёмистую даму с густо-синими веками и малиновым ртом, он едва не пропустил остановку, а придя на кафедру, долго старался сконцентрироваться, чтобы прочитать лекцию. Потом он пошёл в кабинет к профессору в надежде отпроситься. Хотя

в кабинете ярко горело электричество, непогода за окном придавала всей его обстановке какой-то гнетущий оттенок, но особенно он обнаруживался на лице Голованова.

Профессор нерешительно пожевал губами и точным броском отправил в стаканчик последний карандаш:

— Вот что, Лимарёв, долго вдаваться в подробности не стану — не маленький, сам всё поймёшь, но с прискорбием вынужден сообщить, что защита твоей диссертации откладывается.

Игорь опешил:

— Как откладывается? Она же полностью готова и поставлена в план защиты!

Не вставая из-за стола, Голованов развёл руками:

— Пришлось переиграть. Но ты не беспокойся, доработай тему, ещё раз пройдишь по источникам. Повторение, оно, знаешь, мать учения.

Догадка, забрезжившая в мозгу Игоря, превратилась в реальность, когда на его прямой вопрос, кто будет защищаться вместо него, Голованов стыдливо отвёл глаза:

— Есть одна достойная кандидатура. Ты уж, друг, не серчай, будь мужчиной, уступи место даме.

— Ах, вот оно что!

Всезнающая секретарша декана не единожды намекала Игорю на пронируемость новой

аспирантки, появившейся в университетских стенах буквально с месяц назад. Говорила, что она не то дочка, не то внучка, не то племянница очень влиятельного лица в Академии наук и в аспирантках не засидится. Тогда Игорь не обратил внимания на сплетни, и, как оказывается, зря.

Теперь прощай диссертация. Не защитился в срок — будут откладывать от случая к случаю. Потом вдруг твои открытия обнаружатся в чужих научных докладах, следом устареют источники, и пошло-поехало по бесконечному кругу доработок, доделок и переделок.

Смотреть, как Голованов выкручивается перед ним ужом, Игорю было противно. Оттого, что его диссертацию незаслуженно прикрыли, он чувствовал злость, унижение и несправедливую обиду. С трудом сдерживаясь, чтобы не выругаться, он сквозь зубы сообщил, что срочно должен уйти, и Голованов обрадованно закивал головой:

— Конечно, конечно, Лимарёв, я понимаю — тебе нужно переварить новость, осознать. Иди, иди, мы с тобой потом всё обсудим.

Голованову не пришлось повторять дважды, и через несколько минут Игорь уже мчался к автобусу, унимая рукой колотящееся сердце. По мере удаления от университета, холодная ярость на Голованова с новой протезе уступала место мыслям о Свете. Дорого бы он отдал, чтобы сейчас оказаться с ней рядом и поддержать

за руку. Хорошо, если уже всё закончилось, а мальчики родятся или девочки — совершенно безразлично, лишь бы здоровенькие.

В вестибюль больницы Игорь ворвался вместе с полуденным выстрелом с Петропавловской крепости, раздавшимся из динамика трансляции.

Он нетерпеливо переждал очередь из двух папаш у окошка справочной. И почему они такие бестолковые? Спрашивают и спрашивают!

— Как Лимарёва? Сестричка, милая, пожалуйста, посмотрите!

Регистраторша подняла голову от своих записей и как-то странно повела плечом, словно в смущении:

— Вы муж?

— Муж, — в подтверждение своих слов Игорь шевельнул рукой с обручальным кольцом на пальце, — конечно муж.

Регистраторша быстро поставила росчерк на бланке и протянула бумажку через окошечко:

— Это пропуск, поднимайтесь на третий этаж, с вами хочет побеседовать главный врач.

* * *

У Игоря было такое чувство, словно ему на голову свалилась потолочная балка и прошибла череп. На третий этаж родильного отделения

он бежал на остатках сознания, понимая только то, что произошло что-то страшное и непонятное. Просто так мужей в родильный дом не пропускают.

Не зная, где кабинет главного врача, Игорь заметался по коридору, заглядывая во все двери подряд.

Там его перехватила пожилая нянечка с ведром и шваброй.

Ведро полетело в один угол, швабра в другой, а нянечка, перегородив путь, пронзительно вскрикнула:

— Мужчина, вы куда? Туда нельзя!

Её голос заставил Игоря остановиться и растерянно произнести:

— Я Лимарёв. Мне к главврачу.

— Лимарёв?

Морщины на лице женщины сбежались к губам, складываясь в озабоченную мину.

Его захлестнула новая волна отчаяния.

Обтерев руки об халат, нянечка жестом пригласила его следовать за собой и через боковой закуток подвела к узкой двери ординаторской.

— Нет сейчас главного. На операции он. А вы посидите здесь, на диванчике, подождите.

— А Света? То есть Лимарёва? Как она, где?

Дрожавшие губы с трудом выговаривали слова вопроса.

Вместо ответа нянечка постучала костяшками пальцев по косяку:

— Доктор у нас хороший, вы не сомневайтесь. Бывало, он и совсем безнадёжных с того света вытаскивал.

Игорь похолодел:

— С какого того света?

Оттого, что нянечка не отвечает, а ходит вокруг да около, ему стало совсем страшно и захотелось зажмуриться, но Игорь боялся отвести глаза от лица говорящей, как будто она была единственной ниточкой между ним и Светой.

Стараясь унять дрожь, он каменно опустил на диванчик у двери, не зная, куда деть руки:

— У кого я могу узнать, что случилось?

Похоже, нянечка решила сжалиться. Она подошла так близко, что на Игоря пахнуло запахом хлорки, и сказала:

— В операционную отвезли Лимарёву. Говорят, постараются спасти детей.

— Каких детей?

Видимо, от его непонятливости, нянечка начала терять терпение, потому что ответила скороговоркой:

— Ваших детей, если вы муж Лимарёвой. Двойню.

Немного постояв рядом, нянечка ушла, а он остался, ощущая сокрушительное одиночество, переходящее в звонкую пустоту.

В томительное ожидание вплетались образы проходящих мимо женщин в пёстрых халатиках, доносящиеся до слуха разговоры, запахи еды и хлопанье дверей в палатах. Когда в коридоре послышались шаги, Игорь вострепнулся, надеясь, что пришёл главный врач, но мимо прошагала полная женщина в ночной рубашке, и он снова впал в оцепенение. Прямо перед глазами Игоря торчала круглая дверная ручка с развороченной замочной скважиной, он смотрел на неё и думал, как мало имеет значения его незащищённая диссертация, деньги, скопленные на новый гарнитур, суета с назначением на новую должность или запланированная на будущее покупка машины.

Сейчас, около этой двери со сломанной ручкой, житейские проблемы казались пустой тратой времени и энергии, от которой в перспективе не остаётся никакого следа.

— Господи, Господи, если Ты есть, Господи, — безостановочно твердил он про себя, пока вдруг не увидел, как в закуток вошла Светина мама Анна Захаровна.

Её лицо было бледным и неподвижным, казалось, на нём жили одни глаза, наполненные спокойным и тёплым светом.

— Я всё знаю, Игорь, — подсев рядом, она взяла его за руку и стала легонько поглаживать по запястью, успокаивая как ребёнка, — как только я пришла с работы, сразу прочитала

Светину записку и прибежала в роддом. Ну, а из справочной меня пригласили сюда. Будем ждать вдвоём. Так легче.

Игорь прожил в одной квартире с Анной Захаровной целый год и не раз имел случай удивиться её поразительной внутренней силе — мягкой и одновременно нестигаемой.

— Бог помогает, — обычно отвечала она на вопрос, как удаётся удержать себя в руках, когда вокруг рушится привычный мир.

Сейчас она тоже была спокойна, лишь губы беззвучно шептали слова, и Игорь знал, что она молится за Свету и за детей, которые обязательно должны выжить.

Нескончаемые минуты ожидания взорвались от быстрых шагов невысокой женщины в белом халате.

— Вы Лимарёвы?

Он вскочил:

— Да. Я муж, вот мама.

Игорь увидел, что губы женщины тронула усталая улыбка:

— Я главный врач. Слава Богу, всё обошлось. И мама, и дети живы, правда, потребуется реабилитация и особый уход за детьми, но самое страшное осталось позади. Поздравляю, папочка, у вас два мальчика и девочка.

— Два мальчика и девочка? Так много? А сказали: двойня.

Он поймал себя на мысли, что несёт какую-то несуразицу и не знает, как закончить предложение.

От милого голоса уставшей докторши внутри Игоря лопнула какая-то преграда, сдерживающая чувства, и он неожиданно для себя заплакал.

От стыда за собственную слабость он резко отвернулся в угол, краем уха уловив разговор доктора с Анной Захаровной, в котором прозвучало слово «эмболия».

Но теперь оно звучало хоть и непонятно, но нестрашно, потому что врач — добрая и красивая — сказала, что всё благополучно.

Вспомнив горячую молитву Анны Захаровны и своё робкое лопотание о защите, Игорь поднял глаза к тёмному потолку с грязными разводами старой побелки, и ему показалось, что сквозь толщу бетона пробивается луч света.

— Господи, неужели Ты есть?

На следующий день Игорь подписал у Голованова заявление об уходе и позвонил давнему знакомому, с которым пересекался по линии строительства.

В двух словах обрисовав ситуацию дома, он спросил:

— Кирилл, помнишь, ты говорил: бросай свою науку и иди ко мне? Так вот, я согласен, — и добавил: — Лингвистикой семью не прокормишь.

Получив сразу два письма от Киры, Екатерина Семёновна удивилась. Кира писала редко, и только тогда, когда в её жизни случалось что-то плохое. Кира всегда нуждалась в поддержке, и Екатерина Семёновна не осуждала её за это, понимая, что не у всех людей есть воля стойко держаться под ударами судьбы. Она и себя не относил к сильным людям: боялась мышей, робела перед управдомом и едва не теряла сознание в кресле зубного врача. А когда однажды пришлось лететь самолётом, то во время взлёта сидела, вцепившись в поручни, и безостановочно читала молитву, чтоб отпустил страх оторваться от земли.

Но Кирочка — другое дело, она не просто слабенькая — она ведомая. Так Екатерина Семёновна называла людей, не имеющих собственного мнения. Ведомый человек вполне может выглядеть решительным: смотреть твёрдо и говорить веско и убедительно. Но наступит момент выбора, и он растеряется, начав искать поблизости того, на чью руку можно опереться.

Сначала поддержкой для Киры был муж Ванечка, а когда Ванечки не стало и родился Павлик, Екатерине Семёновне невольно пришлось взять Киру под крыло, иначе бы она совсем пропала с незаконным ребёнком на

руках. В то время на мать-одиночку показывали пальцем и недобро перешёптывались за её спиной, мол, нагуляла неизвестно где, а наши законные дети теперь вынуждены жить рядом с безотцовщиной. Не возьми Павлика бабушка, пришлось бы ему вдоволь наслушаться сплетен и болтовни, постоянно отвечая на грубости в адрес матери. Среди урагана пересудов не то что слабая веточка — Кира, а могучие деревья сломаться могут. Кира бы не выдержала, засохла и пропала.

Хорошо, что Павлик совсем не похож на мать, он сильный, самостоятельный.

Торопясь прочитать Кирины письма, Екатерина Семёновна скинула пальто на ручку кресла и распечатала конверт, судя по штемпелю, отправленный первым.

Как и предполагалось, в письме Кира рассказывала о текущих неурядицах на работе, жаловалась на сильные головные боли, от которых совсем не спит, и спрашивала, как дела у Павлика. Ничего особенного. За двадцать с лишним лет Кирины письма практически не изменились, если не считать того, что в них менялись действующие лица и адреса. Непосредственно сыном Кира интересовалась осторожно, словно больной, который боится растревожить незажившую рану. Читая сквозь строчки немую мольбу о пощаде, Екатерина

Семёновна сострадала ей, понимая, что пользуется счастьем, подаренным ей Кирой.

Второе письмо оказалось совсем коротким, но, пробежав его глазами, Екатерина Семёновна почувствовала, что должна немедленно выпить чаю и успокоиться. Забыв снять обувь, она пошла на кухню согреть чайник и, пока он закипал, стояла, смотрела в окно и вспоминала о Павлике, когда он малышом играл на кухне с соседской кошкой.

Кошка по имени Коша была полосатой как тигр и такой же злющей. По странной кошачьей прихоти, Коша позволяла себя теребить только Павлику. А когда, заигравшись, проезжалась когтями по тонкой детской ручке, Павлушка делал испуганные глаза и тихонько ойкал:

— Баба!

Ни разу в своих детских обидах он не позвал маму, а уж тем более папу.

О Павлушином отце Екатерина Семёновна знала только то, что он был начальником геодезической партии, в которой работала Кира, и имел семью в Москве, с которой не собирался расставаться.

Когда Кира привезла в Ленинград новорождённого Павлика, она плакала:

— Верьте мне, Екатерина Семёновна, я не знала, что он женат, иначе никогда... никогда... Он всем говорил, что вдовец и жена давно

умерла. Он вдовец, я вдова, вот и не смогла отказать. Пожалела.

На этом месте рассказа Кира рыдала так сильно, что пришлось капать ей валерьянку, чтобы хоть немного остановить поток слёз.

Размышления, навеянные Кириными письмами, оборвал свист чайника — Мариночкиного подарка. Хорошая девочка, дай Бог им с Павлушей счастья. Чай Екатерина Семёновна любила пить крепкий, обильно забеляя его молоком. Так, по-английски, в их семье пили чай ещё с дореволюционных времён, и этот порядок нарушался только во время войны и периоды нещадной бедности, когда растила Павлика и сидела на больничных. Чтобы успокоиться, она выпила две чашки и только потом снова взяла в руки второе письмо. Неровным почерком, Кира писала, что её разыскал Павликов отец Кирилл Аркадьевич Гущин. Он хочет встретиться с сыном, и она была вынуждена дать ему телефон Сосниных.

Через стену от соседей доносился громкий звук телевизора, судя по голосу диктора, транслировавшего новости. Обычно Екатерина Семёновна не обращала внимания на посторонние шумы, но сегодня они мешали сосредоточиться, разбивая мысли на осколки фраз.

Значит, Павлушиного отца зовут Кириллом, и на самом деле Павлик — не Павел Иванович,

как записала Кира в свидетельстве о рождении, а Павел Кириллович, да еще Гуцин.

Интересно, что ему надо от взрослого сына, и что должна сделать она? Сообщить подлецу, что он подлец, или смиренно позволить ему увидаться с Павликом? А может, sluкавить и сказать, что Павел уехал в другой город по распределению? Ведь не глупец же товарищ Гуцин, должен понять, что он персона нон грата и его не желают знать? Но имеет ли она право разлучать отца с сыном, даже руководствуясь благими намерениями? Наверное, да, потому что отец первым отрёкся от собственного ребёнка.

Но разве не заповедано в Писании прощать обиды и принимать заблудших?

Несколько раз Екатерина Семёновна порывалась позвонить Павлику, просто чтобы услышать его голос. Но каждый раз откладывала звонок, опасаясь, что не сможет сдержать чувств и передаст ему свою тревогу.

Как на грех, телефонные звонки в коридоре раздавались непрерывно, заставляя сердце Екатерины Семёновны болезненно сжиматься от тягостного предчувствия звонка Гуцина. Но в её дверь не стучали, а на вызовы отвечали голоса соседей, и Екатерина Семёновна мысленно просила, чтобы они занимали телефонную линию как можно дольше и до квартиры нельзя было дозвониться.

К концу дня она так разволновалась, что появилась одышка и стала кружиться голова, словно во время сильной качки на утлом судёнышке.

Она нуждалась во временной передышке, как голодный нуждается в куске хлеба, и, видно, муж Евгений с сыном Ванечкой на небесах заступились за неё перед Господом, потому что в коридоре раздался грохот и соседская девочка пронзительно закричала:

— Мама, мама, я разбила телефон.

Но в этот день Екатерина Семёновна волновалась напрасно, потому что Гуцин позвонил только через неделю. Когда раздался злосчастный звонок, Екатерина Семёновна только вернулась с работы и доставала из кармана ключ от комнаты. Сквозь распахнутую дверь кухни было видно, как соседка развешивает бельё для просушки, а трёхлетний малыш Васюня выруливает под ним на трёхколёсном велосипеде.

— Тётя Катя, телефон звонит, — сказал Васюня, услышав звонкую трель.

Екатерина Семёновна машинально схватила трубку и по тяжёлому молчанию на том конце провода поняла, что звонят ей.

* * *

Кирилл Аркадьевич Гуцин решил позвонить Сосниным, когда шла вторая неделя его

командировки в Ленинград. Даже сам для себя он не смог бы объяснить, почему его невыразимо сильно потянуло увидеть своего брошенного сына. Наверное, к старости стал сентиментальным, а может, потому, что в законной семье у него были одни женщины — две дочки и три внуки. Да плюс жена, давно опостылевшая до мути во взгляде.

Хотя отношения с Кирой давным-давно были резко оборваны, Кирилл Аркадьевич знал, что она родила мальчика и отправила его в Ленинград к бывшей свекрови. Удивительно, какие, оказывается, бывают на свете свекрови. Его мать чужого ребёнка на порог бы не пустила, не говоря уже о воспитании.

Себя Кирилл Аркадьевич не считал виноватым перед Кирой, разве только за то, что схитрил в начале знакомства, притворяясь вдовцом. Но чего только не сделает мужчина, чтобы приударить за дамой вдали от жены? Обычная уловка для привлечения интересной молодой женщины с потухшими глазами и стройной талией. А Кирочка в ту пору была хороша: такая чистая, незамутнённая, печальная...

Но, в конце концов, судьбу ребёнка всегда решает женщина, тем более что современная медицина располагает вполне надёжными способами избавления от сопливой обузы в мокрых пелёнках. Кира сделала выбор в пользу ребёнка,

а Кирилл Аркадьевич со спокойной совестью забыл о коротком эпизоде в своей кочевой жизни. Экспедиции и полевые сезоны менялись один за другим, и, когда внезапно стало шалить сердце, Кирилл Аркадьевич лёг в больницу немного подлечиться.

Пожилая докторша с жёсткими щетинками усиков над верхней губой констатировала предынфарктное состояние и прописала постельный режим. Вызванная врачом медсестра провела Кирилла Аркадьевича длинным коридором с серыми стенами и отворила дверь в двухместную палату с одной пустой койкой у окна. На другой, в углу, сидел лысый дедок с седой бородёнкой и, перебирая босыми ногами по полу, просматривал газету. Кирилл Аркадьевич сухо поздоровался, сразу решив для себя, что в дружбу с соседом вступать не станет и вообще сведёт общение к минимуму.

Целыми днями он полулежал на подушках, рассматривал свернутый жгутом электрический провод, бегущий вдоль потолка, и думал о бесцветной личной жизни, которую можно назвать скорее прозябанием. Отношения с женой давно стали похожи на хрупкий осенний лёд, прикрывающий тёмную полынью со студёной водой, — один неверный шаг, и пойдёшь на дно. Дочки вспоминали об отце только ради денег. Коронной фразой старшей были слова:

«Папа, подкинь денюжат», а младшая даже и не спрашивала, а брала из родительского кошелька столько, сколько считала нужным.

Ни дочери, ни жена в больницу к нему не приходили, и лишь один раз нянечка принесла полиэтиленовый пакет с передачей, в котором лежала пачка печенья и два яблока.

В отличие от него, у постели соседа постоянно кто-то толкался.

Симпатичный паренёк в умопомрачительных брюках клёш приносил свежие газеты, румяная девушка с русой косой приходила мыть полы в палате, а когда Кирилл Аркадьевич попытался её поблагодарить, та засмушалась и убежала. Ежедневно после тихого часа к соседу заявлялся осанистый мужчина в круглых очках, а ближе к вечеру в палату боком просачивались три старушки, тихие, как мышки.

Все посетители были разные и вели себя по-разному, но в их улыбках угадывалось неподдельное уважение к старику, который расцветал при каждой встрече, как бутон майской розы.

Однажды, не сумев пересилить любопытства, Кирилл Аркадьевич небрежно поинтересовался:

— Это ваша семья?

Читавший газету старичок, которого звали Петром Петровичем, оторвался от чтения и почесал лысую макушку:

— Можно сказать, что семья, — он принялся перечислять: — Парнишку в клешах, Митьку, я из плохой компании вытащил и в ПТУ пристроил. Машенька — красавица с косой — сирота, у меня живёт. Но только не я ей помогаю, а она мне. Я бы без неё пропал, старый пень. Старушки-подружки — мои одноклассницы. Вдовы все. Как не помочь бабёшкам? То гвоздь какой забить, то денег до пенсии подкинуть, то просто покалякать, чтоб с души тоску согнать. Мужчина в очках — однополчанин, мы с ним воевали под Курской дугой. Он меня с поля боя вытащил, а я его от плена отбил, а плен был хуже смерти, — он помахал рукой перед собой, словно разгоняя дым тяжёлых воспоминаний. — Так и живём за счёт друг друга. Баш на баш. Помнишь, как говорится в Писании: «Пускай свой хлеб по водам, потому что спустя много дней ты снова его найдёшь»?¹

Судя по всему, длинная речь утомила Петра Петровича, потому что он откинулся на подушки и задремал, а Кирилл Аркадьевич стал прикидывать, сколько раз он пустил по воде свой хлеб и что может поймать взамен.

Получалось, что вроде бы зла никому не делал, но и добра тоже. Жил как все, обыкновенной жизнью простого советского человека.

¹ Екклесиаст, глава 11, стих 1.

Работал, отдавал жене зарплату, голосовал на партсобраниях, ездил в отпуск на море — словом, покорно шёл по кругу, очерченному судьбой, не пытаясь вдумываться в природу вещей.

Не вписывался в тему только сын, Павел. Его бы повидать, протянуть руку, посмотреть хоть одним глазком, похож ли он на Гуциных или пошёл в Кирину породу? Почему-то представлялось, что сын должен обрадоваться, что у него нашёлся отец. Да не простой работяга или колхозник, а начальник геодезической партии, без пяти минут кандидат наук, награждённый медалью «За трудовую доблесть».

Сначала мысль о сыне промелькнула пунктирной линией, какой наносят на карте неисследованную местность. Но с каждым днём пунктир памяти прирастал новыми штрихами, всё сильнее вдавливаясь в линию жизни. Постепенно желание повидать сына превратилось в навязчивую идею, которую Кирилл Аркадьевич детально обдумывал день и ночь.

Чаще всего он представлял себе Павла полуграмотным двоечником, с трудом получившим рабочую профессию. А как же иначе? Разве могла достойно воспитать мальчика неродная бабка? Нет, конечно! Сыновьям нужна твёрдая отцовская рука, которая поддержит в нужный момент взросления и направит на нужный

путь. Это девчонкам нужна мать, а парни без отца никуда.

Воображая встречу, Кирилл Аркадьевич смотрел на свою руку, загоревшую в экспедициях, и воображал, как он протянет её Павлу и скажет:

— Здравствуй, сын.

Выходило немножко по-киношному, но всё равно красиво и, главное, благородно. Ну а дальше он заставит Павла учиться. Может быть, даже наймёт ему репетитора, чтобы подтянуть до среднего уровня. А Павел, само собой, будет ему благодарен. Это и будет его хлеб, пущенный по воде. И тогда, мало-помалу, жизнь вокруг снова затеплится. Появится сын, невестка, внуки, и будет кому принести в больницу тёплый суп и вымыть полы, ласково называя его папой и дедушкой.

По выходе из больницы, Кирилл Аркадьевич немедленно связался с Кирой и узнал координаты Павла, но сразу звонить побоялся и набрал номер только после рюмки коньяка, снявшей с языка напряжение.

— Добрый день, позовите, пожалуйста, Павла Соснина.

Женский голос с твёрдым ленинградским выговором ответил, что Павел живёт у жены и здесь застать его трудно.

Разочарование оказалось так велико, что Кирилл Аркадьевич едва не всхлипнул

и, сорвавшись на жалостный тон, попросил, как нищий на паперти:

— Ради Бога, подскажите, где я могу его найти?

* * *

Рабочий день выдался на редкость суетным: учёный совет заседал чуть не до ночи, и когда Павел вошёл в свой двор, увидел, что в окнах их квартиры не горит свет. Это было необычно, потому что Марина всегда ждала его возвращения.

Марина...

Прошедший год со дня свадьбы день за днём медленно заживлял открытые раны, оставшиеся от разрыва с Наташей. И хотя острота потери немного притупилась, боль, оставшаяся внутри, давала о себе знать бессонными ночами и выматывающими думами.

Часто он ловил себя на том, что сравнивает Марину с Наташей, воображая, как было бы, если бы руки Марины, прикасающиеся к его ладони, оказались руками Наташи, а голова, прижавшаяся к его плечу, прямо пахла Наташиным шампунем с лавандой. От этого «если» иногда хотелось завывать в голос, а однажды произошёл совершенно ужасный случай, когда автоматически вместо Маринино имени выскочило непрошеное: «Наташа».

Хорошо, что Марина не заметила оплошности или сделала вид, что не заметила. Спасибо ей за это.

Павел часто удивлялся Марининой выдержке и силе духа. В отличие от него самого, Марина представлялась выточенной из цельного куска драгоценного дерева без единого изъяна. Умная, спокойная, добрая, она имела все качества, за которые стоит любить человека. Но почему же тогда душа рвётся на части, не слыша голоса разума? Почему не исцеляется, срастаясь в единое целое из разрубленного пополам?

Когда мысли совсем заходили в тупик, а на сердце наваливалась непомерная тяжесть, Павел вспоминал Федосьин скит, в который приходилось вползать на коленях, и то чувство небывалого простора, которое жило среди тесных земляных стен.

...От вида темноты за окном Павлу стало немного не по себе.

Прибавив шаг, он не стал дожидаться лифта, а легко взбежал по ступеням, едва не ворвавшись в квартиру.

— Марина! Я пришёл! Ты спишь?

Вместо задремавшей Марины взгляд натолкнулся на брошенный посреди комнаты пылесос и приколотую на спинку дивана записку, что Света родила тройню и все собрались у Игоря. Сообщение о тройне вызвало чувство какого-то

восторженного изумления, смешанного с тревогой. Говорят, с одним малышом хлопот не оберёшься, а тут сразу три штуки, да ещё наверняка одинаковые! Ну Светка! Ну Игорь!

Звонить Лимарёвым он не стал, а купил букет цветов около остановки, и теперь при взгляде на цветы с периодичностью повторял:

— Ну, ребята, вы даёте.

Нажимая на кнопку звонка Светиной квартиры, Павел представлял весёлую суетню, наполненную смехом и разговорами, и совсем растерялся, увидев бледное лицо Игоря, который едва мог связать пару слов после пережитого волнения.

В комнате пахло валериановыми каплями и свежесваренным чаем. На полированном столе у окна комком лежали старые простыни, приготовленные для подгузников, а под лапкой швейной машинки скучала недошитая распашонка нежно-голубого цвета.

Бабуля Катя и Светины родители негромко обменивались мнениями, сидя на диване, а Марина позвякивала чашками на кухне, перемывая посуду, накопившуюся после чая.

Сунув Игорю гвоздички, Павел слегка хлопнул его рукой по спине:

— Что-то ты не похож на счастливого отца!
Тот отмахнулся:

— Да какое там. Лучше бы сам родил. Такого страху натерпелся — ты и представить не можешь. До сих пор ноги трясутся.

Приняв цветы, Игорь поискал глазами, куда их поставить, но ничего подходящего не обнаружил и рассеянно заткнул за угол зеркала в прихожей:

— Пойдём на кухню, Маришка чаем напоит.

Он протолкнул Павла в небольшую кухоньку с запотевшими окнами, центром которой был стол, накрытый зелёной клеёнкой с голубоватыми разводами.

Марина уже наливала чай, и, хотя её лицо хранило привычное спокойствие, Павел вдруг ощутил неопределённую тревогу, таящуюся в плавности и размеренности её движений. Слишком уж она была собрана, слишком сосредоточена. Заварка в чашку наливалась с аккуратностью, предназначенной для серной кислоты, а заполнение сахарницы выглядело ритуальным священнодействием. Чтобы не запачкаться, поверх синей шерстяной юбки Марина повязала Светин бежевый фартук, сливающийся цветом со скромной блузкой, которую она сшила сама вскоре после свадьбы. Оказалось, что, вдобавок ко всем своим достоинствам, Марина превосходно шьёт и вяжет, и это лишний раз повергло Павла в уныние как противоположность несовершенству чувств по отношению к ней.

Стараясь угадать её настроение, он попытался поймать Маринин взгляд, но ответной улыбки не последовало, а вместо этого Марина поставила перед ним чашку и положила бутерброд:

— Ешь, ты наверняка проголодался.

Кивком головы Павел поблагодарил жену и откусил большой кусок булки с колбасой, слушая попутно, как Игорь бессвязно пересказывает события дня, повернувшего его жизнь в другое русло.

А поздно вечером, когда Павел с Мариной шли домой, она взяла его под руку и негромко сказала:

— Паша, я очень виновата перед тобой, но будет лучше, если мы расстанемся.

* * *

Время подходило к полуночи, и город смотрел на мир тёмными окнами, похожими на полыньи, прорубленные в толще льда. Крутя позёмкой, северный ветер вздымал в воздух мириады снежинок, и они медленно вращались в колоннах света под редкими тротуарными фонарями. Казалось, земная красота силится слиться с красотой небесной, и поэтому Мариныны слова прозвучали нелепым диссонансом чудной действительности.

Павел резко остановился и посмотрел Марине в глаза. На этот раз она прямо встретила его взгляд, и в темноте улицы Павлу показалось, что на её ресницах блеснула слезинка. Среди зимней круговерти белое лицо Марины казалось вылепленным из снега.

— Марина, но почему?

Ответное молчание длилось несколько секунд. Потом, видимо справившись с собой, Марина спокойно ответила:

— Я поняла, что наш брак был ошибкой, но думаю, что ещё не поздно её исправить.

Бросив слова, подхваченные ветром, она медленно пошла вперёд, но Павел догнал и встал поперёк дороги. Он отказывался верить услышанному, поэтому взял Марину за плечи и легонько встряхнул в надежде, что её слова были не более, чем глупой шуткой:

— Марина, опомнись, у нас всё хорошо! Вспомни, летом мы собирались поехать в отпуск на море, а у Игоря и Светы теперь три ребёнка и им надо помогать.

— Я и буду помогать. Игорь — мой брат, а Света — сестра, но ты, Паша, должен идти своей дорогой. Мы останемся друзьями, а дружба бывает на всю жизнь. Так будет лучше для нас обоих, поверь мне на слово.

— Что за ерунду ты говоришь? Но почему? Что произошло?

— Ничего. Просто нам надо расстаться.

Павел стоял напротив, глаза в глаза, такой любимый, такой до боли близкий и родной, что Марина с трудом держала себя в руках, буквально выталкивая слова из онемевшего горла. Больше всего на свете хотелось сейчас прижаться лицом к его груди, обмотанной шарфом, связанным её руками, и заплакать, перекладывая на мужа часть своей тяжести. А выплакавшись, объяснить, что сегодня у них на работе проводили диспансеризацию и похожая на круглоглазую сову врач-гинеколог с сожалением в голосе сообщила, что, по её мнению, Марине стоит забыть о детях и не обольщать себя пустой надеждой:

— Должна вас огорчить, но детей у вас, Марина Дмитриевна, не будет. Заведите собачку или кошечку, говорят, помогает.

Удар был резким и неожиданным, потому что семью без детей Марина не представляла и о малыше начала мечтать почти сразу, как повесила в шкаф скромное свадебное платье. Часто, глядя на Павла, она представляла рядом с ним худенького сероглазого мальчика с угловатыми движениями и смешно оттопыренными ушами. Интересно, как Павел назвал бы сына? Наверное, Ваня, чтобы сделать приятное бабушке Кате. Екатерине Семёновне важно знать, что память живёт и продолжается, а по полу её комнаты снова топчут маленькие ножки Ванечки Соснина.

Марина вышла из кабинета без сил, словно на медосмотре из неё вынули все кости. Наверное, она выглядела ужасно, потому что начальник отдела, встретив её у окулиста, прижал руки к груди и поинтересовался:

— Марина Дмитриевна, вам плохо? Идите домой, я подпишу вам пропуск.

Домой она не шла, а тащилась, ревностно заглядывая в лицо каждой женщине с коляской. Они казались ей пришелицами из страны матерей, дорога в которую заповедана только избранным. И самое обидное, что многие из этих мамочек не понимали своего счастья, а хмурили брови, о чём-то грустили или сердито выговаривали своим малышам. Глупые, глупые, глупые! Они держали в руках непостижимое чудо и считали его обыденностью и чуть ли не тяжкой обузой.

Но если ей не отпущено стать матерью, то Павел не должен разделять эти страдания. Его порядочность не позволит ему развестись, а значит, надо сделать первый шаг и уйти самой. Павел женится ещё раз, и у него наверняка появятся прекрасные и умные дети. Только похожи они будут не на неё, а на другую женщину.

Комок горя не позволял дышать, оседая внутри лёгких болезненным хрипом. Погружённая в свою беду, Марина машинально шла привычными улицами, пропуская дорогу мимо

сознания. Как, оказывается, просто и быстро меняется человеческая жизнь. Завтракая утром вместе с Павлом, она не предполагала, что уже днём её судьба расколется надвое: до и после.

Когда Марина повернула к дому, к ней подошла девушка в модном кроличьем полушубке и без обиняков представилась:

— Привет! Ты Пашкина жена? А я Наташа.

Она была на голову ниже Марины, но удивительно хорошо сложена и пластична, как балерина. Чтобы выигрышно показать себя, Наташа горделиво вскинула голову, взметнув с плеч шёлковистую массу чёрных волос, глянцево присыпанную снежинками. Определённо, она знала цену своей красоте и не стеснялась ею пользоваться.

Наташа... Вот, значит, ты какая.

Марина безошибочно угадала в ней соперницу, пришедшую, чтобы её растоптать. Но эту радость Наташа не получит.

Сделав над собой невероятное усилие, она смогла спросить внешне спокойно:

— Здравствуйте, что вы хотите?

Наташины губы изогнула ехидная усмешка:

— Хочу передать Павлу привет.

Голос Наташи звучал слишком пронзительно, чтобы производить приятное впечатление. Однако сейчас все эти мелочи не имели никакого значения, и Марина односложно ответила:

— Обязательно передам.

Не желая продолжать разговор, она пошла дальше, но Наташа пристроилась рядом с явным намерением высказать, зачем пришла:

— Кстати, ты знаешь, что он тебя не любит и женился назло мне? Так вот, передай, что я его простила. Пусть приходит.

Марина физически чувствовала волну ненависти, исходящую от Наташи. Но среди вихря мыслей о словах врача, сказавшего самое страшное, что может услышать женщина, Наташина злоба казалась мелкой и пакостной, как вода в грязной луже.

Марина не стала отвечать и рванула на себя дверь подъезда, войдя туда как в спасительную крепость. Поднимаясь по лестнице, она почти слышала, как сидящая внутри неё беда кричит на разные голоса и ехидно смеётся, мотая из стороны в сторону чёрными волосами. Неужели эта ведьма Наташа и есть будущая мать Пашиных детей? Думать об этом было больно и страшно, но ещё ужаснее представлялось сломать Пашину жизнь, заставив его подчиниться долгу совести.

Она словно падала в пространстве и, чтобы успокоиться, едва раздевшись, взялась за пылесос с желанием вычистить из памяти чёрную тягость сегодняшнего дня. Раньше уборка всегда помогала ей прийти в себя. Ковёр на

полу был чистым, но Марина яростно возила по нему щёткой, пока она не уткнулась в Павловы тапки, забытые под диваном. Тогда Марина встала на колени и погладила их, как заблудившихся котят, с которыми предстоит скорое расставание.

За шумом уборки она с трудом смогла слышать телефонный звонок Игоря. В голосе брата слышались с трудом сдерживаемые слёзы. Света родила тройню, едва не погибла, и надо бежать к Игорю, чтобы поддержать его в трудную минуту.

Непослушными руками застёгивая зимние сапоги, Марина вдруг подумала, что, торопясь на помощь Игорю и Свете, на самом деле помогает себе, отрешаясь от собственных бед. Дойдя до порога, Марина вернулась в комнату и написала Павлу записку, откладывая тягостный разговор на поздний вечер.

* * *

Павел отказывался понимать случившееся, а на вопросы Марина не отвечала, поэтому он молча сидел на диване и смотрел на хаос, который возникал в комнате. Было видно, что у Марины всё валится из рук. Едва она положила на стол газеты, вазочка, подаренная на свадьбу, немедленно оказалась на полу.

Маринина сумка взгромоздилась на книжную полку, а карандаши с письменного стола высыпались на сиденье старого кресла, покрытого домотканым ковриком.

Когда Марина подошла к нему с охапкой постельного белья в руках, он взмолился:

— Марина, пожалуйста, сядь рядом, объясни, в чём дело!

Побледневшее лицо Марины дрогнуло, но вместо ответа она прикусила губу и сосредоточенно начала застилать диван простынёй, с тщанием разглаживая ладонью каждую складку:

— Я лягу здесь, а ты иди в спальню.

На взгляд со стороны, Марина казалась больной и измученной, словно у неё была температура под сорок. Обычно в таких случаях бабушка Катя клала ему на лоб прохладное полотенце, и он блаженно отдавался на милость её любовной заботе.

Проверяя температуру, Павел импульсивно потянулся к Марине и прикоснулся к её запястью. Она вздрогнула, но руку не отняла, а только глубоко вздохнула несколько раз, собираясь с силами, а потом медленно сказала:

— Приходила Наташа и просила передать, что она тебя простила и ждёт.

— Ах, вот оно что! И откуда узнала адрес?

Павел на миг задохнулся от волны жара, кинувшейся в лицо, и по Марининым глазам

понял, что с головой выдал свои затаённые чувства, которые он безуспешно пытался задавить весь прошедший год.

— Марина, послушай, я ни разу не обманул тебя и давно забыл думать о Наташе, — говоря, он чувствовал, что слова звучат фальшиво и неубедительно, как в плохой пьесе, но всё же не находил в себе сил замолчать. — Ты же умный человек и понимаешь, что её приход — простая случайность. Я даю тебе слово, что даже в мыслях не изменял тебе. Ты просто перенервничала из-за Светы и Игоря. Давай пойдём спать, а завтра во всём разберёмся. Зачем рушить то, что мы вместе строили целый год.

Взмахом руки Марина прервала его речь:

— Не надо, Паша, Наташа тут ни при чём. Мы ничего не строили, а только ломали. Ломали с самого начала, пытаюсь переспорить свою судьбу. Всё решено. Я понимаю, что навязалась тебе в жёны, но не хочу больше обманывать ни тебя, ни себя.

Брошенные Мариной слова не укладывались в голове, напрочь круша порядок жизни, устоявшийся со дня свадьбы.

— Но ты же любишь меня! — он вскочил на ноги и забегал по комнате, нервно собирая разбросанные вещи и наводя ещё больший беспорядок. — Я знаю, любишь! Скажи, только не ври!

— Нет, Паша. Всё решено, — как заведённая повторила фразу Марина. — Не будем больше к этому возвращаться. Завтра я соберу свои вещи и уйду.

— Как уйдёшь? Из собственной квартиры?

— Эта была наша квартира. Твоя и моя, но раз я инициатор развода, то должна уйти я.

Неумышленно брошенные слова о квартире больно укололи самолюбие Павла, и он яростно взвился:

— Ты что, меня к альфонсам причисляешь? Ещё скажи, что я на тебе из-за квартиры женился!

Охвативший его порыв гнева требовал выхода, но Павел совершенно не представлял себе скандалов с битьём посуды и выкриками обвинений в лицо. Чтобы не сорваться в штопор, за который потом будет невообразимо стыдно, он бросился в прихожую, схватил с вешалки пальто и выскочил на улицу в ледяной холод. Шапки не было, шарф остался лежать на полке, а ноги оказались обуты в домашние тапочки. Их резиновые подмётки примерзали к земле, а бортики черпали колючий снег.

— Идиотизм! Бред!

Не в силах сдержаться, Павел выругался вслух и осмотрелся. Кроме него на улице никого не было, если не считать запоздалого собачника с большой овчаркой, промелькнувшего в глубине двора. Метель, кружившая по городу

с вечера, прекратилась, и на небо выкатился лимонный диск луны, обрамлённый ореолом из чёрных облаков. Подгоняемые ветром, облака теньями летели над землёй, вызывая иллюзию, что луна тоже летит в пространстве и не может остановиться.

Желая опомниться, Павел собрал большую пригоршню снега и обтёр пылающее лицо. Ледяной компресс подействовал отрезвляюще, и к нему вернулась способность воспринимать действительность. Критически посмотрев на промокшие тапки, Павел сунул руку в карман пальто, нащупывая завалившуюся мелочь.

Оказалось, что он обладатель десяти копеек, которых вполне хватит, чтобы доехать до бабушки Кати. Но первый автобус пойдёт не раньше чем через пару часов, а вернуться домой к Марине и хотя бы переобуться его не заставила бы никакая сила.

Чтобы не замёрзнуть, он нырнул в соседний подъезд, пропахший запахом кошек, и присел на батарею, оказавшуюся на удивление горячей.

Сумбур в душе медленно приходил в равновесие, вытесняемый мыслью о Наташе. Зачем она приходила? Зачем искала?

Думать о ней не хотелось, а не думать он не мог, постепенно погружаясь в воспоминания, от которых становилось стыдно и жарко. Наташины руки, Наташины волосы, Наташин голос...

Теперь, когда он снова стал свободным, мысли о Наташе перестали представляться ему греховными, а злость на Марину побуждала вспоминать давно забытые мелочи и прощать старые обиды.

До прихода первого автобуса он успел мысленно перебрать кучу вариантов, как жить дальше. Но стоило ему бросить в автобусную кассу пятак и опуститься на промёрзшее сиденье, как глаза закрылись от тяжёлой дремоты, в глубине которой тёмными клочьями плавали неясные образы.

«Возвращается ветер на круги своя», — вспомнил он слова бабушка Кати, горько подумав, что было бы романтично причислить себя к ветру, если бы не карикатурные тапки на ногах, которые промокли и промёрзли насквозь.

Порадовавшись, что ключи от старой квартиры лежат во внутреннем кармане, он как можно тише открыл замок своей коммуналки, уже представляя, как тенью проскользнёт в свою комнату и объяснится с бабушкой Катей. Бабуля поймёт, как понимала его всегда. Поругает, расстроится, но поймёт. В конце концов, он взрослый мужчина, со своей личной жизнью.

Но, по закону падающего бутерброда, на пороге квартиры с тряпкой в руках стояла бабка Горшенина и сверлила его ехидными глазами. За последние двадцать лет жизни Павел видел её

в неизменной голубой косынке, которая и сейчас торчком вздымалась над седым затылком. Довершали картину байковый халат и бледные босые ноги, перевитые синими венами.

Выполняя свой черёд уборки, бабушка Горшенина мыла полы и оказывалась как нельзя некстати.

Мгновенно оценив накинутае наспех пальто, присыпанные снегом волосы и, главное, злосчастные тапки, старуха шлёпнула тряпку на пол и жизнерадостно заголосила во всю ивановскую:

— Ой, никак ты, Павлушка, от жены сбежал? Знала я, знала, что учёба никого до добра не доводит! Как телевизор посмотришь, так вся молодёжь только и знает что женится — разводится, женится — разводится. Тьфу, срамota! А с виду все такие приличные. То ли дело в наше время...

От зычного баса Горшениной дружно захлопали двери соседских комнат, и красному как рак Павлу только и оставалось, что безостановочно кивать головой:

— Здравсьте, Ольга Викторовна. Привет, Тамара. Да, вот, вернулся навестить бабулю. Всё хорошо.

Что хорошо, и будет ли когда-нибудь хорошо, он не представлял и хотел сейчас только тишины и чашку горячего очень сладкого чая.

* * *

Переступая порог своей комнаты, жалкий и замёрзший Павел пытался подобрать слова для объяснения с бабушкой. Вчера у Лимарёвых едва успел перекинуться с ней парой фраз. Боже, как давно это было! Перемолотый прошедшей ночью, вчерашний день казался отгороженным высоким забором. И всё из-за Маринино каприза. Именно каприза. Блажи. Ничем иным Павел не мог объяснить её дикую выходку.

Стиснув рот до боли в скулах, Павел скинул с себя пальто и присел на краешек дивана, где спала бабушка Катя.

— Баб, а баб...

Наощупь отыскав кнопку выключателя, Екатерина Семёновна включила настольную лампу и непонимающе уставилась на несчастное лицо Павла.

— Павлушка, ты? Сколько времени? Что случилось?

Страхивая остатки сна, она приподнялась с подушки, чувствуя, как душу начинает заполнять тревога.

От внезапно вспыхнувшего света Павел заморгал глазами, и эта временная заминка помогла ему отыскать слова:

— Бабуля, я вернулся домой. Мы с Мариной решили расстаться.

— О чём ты говоришь? Как расстаться?

Сердце в груди болезненно ухнуло в пустоту. Машинально Екатерина Семёновна собрала в пучок рассыпавшиеся волосы и выпрямилась, пытаюсь осмыслить сказанное. Это было именно то, чего она всё время боялась. Она слишком хорошо знала своего мальчика, и ей, как никому другому, было видно, что Павел так и не смог полюбить Марину.

— Ты обидел Марину? Вы поссорились? Объясни толком, Павел.

Резким движением он отвернулся, чтобы не мешать ей встать и набросить на себя халат.

Путаясь в рукавах, Екатерина Семёновна запахла полы и шагнула включить большой свет.

— Рассказывай, Паша.

Он вскинул голову и потёр руками колени:

— Честное слово, бабуля, но я и сам ничего не понимаю. Мы не ссорились, не ругались. Шли от Лимарёвых, нормально разговаривали, и вдруг на тебе, приехали: «мы должны расстаться, наш брак был ошибкой».

— Ошибкой, — эхом повторила Екатерина Семёновна, — ошибкой. Бывают ошибки, за которые приходится расплачиваться всю жизнь.

Чтобы успокоиться, она подошла к окну, за которым маячила пелена снега. В косых лучах

фонаря неясно проглядывал мост через речку. По нему Ванечка, а потом Павлушка бегали в школу.

Наверное, Кира тоже думала, что допустила ошибку, когда родила Павлика.

За спиной Екатерина Семёновна слышала, что Павел встал и прошёлся по комнате, мокро шлёпая ногами по половицам.

Горюй не горюй, а надо собираться и идти на работу, пытаюсь снова налаживать жизнь. Им худо, но Мариночке сейчас в сто раз тяжелее, ведь она-то любит Павлика по-настоящему, глубоко и сильно. Такую любовь нельзя не заметить. Странно всё произошло, надо бы постараться расспросить Павлика, но не сейчас. Пусть подумает, перемелет в себе события, разберётся. А там, глядишь, и наладится.

Она вдруг вспомнила, что ещё забыла рассказать Павлику о телефонном звонке его отца. Ох, как сейчас некстати его появление! Не торопя события, Екатерина Семёновна дала Павлу время переодеться, сходила в кухню поставить чайник и, только когда стала намазывать бутерброд, аккуратно сказала:

— Павлуша, я понимаю, что у тебя сейчас непростое время, но мне звонил один человек по фамилии Гуцин от Киры, — запнувшись, она поправилась, — от твоей мамы. Он говорит, что твой отец и хочет с тобой встретиться.

В полукруглом, украшенном мозаичными панно зале ресторана при гостинице «Космос» набирала силу обычная вечерняя суতোлка. В углу небольшой сцены громко играл магнитофон, стучала посуда, звенели бокалы, и слышался однообразный шум голосов.

Ради отдельного столика Гущину пришлось сунуть метрдотелю пятёрку и умоляюще шепнуть, чтоб никого к ним не подсаживал.

Пряча деньги, метр с достоинством пообещал:

— Сделаем, уважаемый. Присаживайтесь вон туда, в уголок. Это мой личный резерв.

— Ко мне должен прийти молодой человек.
Сын.

Метрдотель понимающе наклонил голову:

— Проводим. Всё будет в лучшем виде.

Круглолицая официантка с ехидными глазами и стройными ногами принесла меню и предупредила:

— Не забывайте, сегодня четверг — рыбный день.

«Ах да», — Гущин с досадой потёр лоб. В больнице он успел забыть про придумку советского общепита: по четвергам готовить только рыбные блюда. Будем надеяться, что колбаса у них всё-таки из мяса.

Вчитываться в меню пришлось два раза, но полностью признался себе, что волнуется, Гушин только тогда, когда круто посолил и без того пересоленный салат из консервированной горбуши. Кроме салата и запечённого судака он заказал ещё бутерброды с копчёной колбасой, но бутерброды тоже не лезли в горло, оставаясь нетронутыми. Заказывая спиртное, Гушин поколебался, стоит ли заказывать коньяк, но, побарабанив ногтями по карте вин, решил взять по бокалу сухого. Для разогреву. А там видно будет.

Он то и дело посматривал на часы и прикидывал, с чего начать разговор.

Старуха Екатерина Семёновна передала, что Павел готов с ним встретиться и предложила назначить время и место. К себе в гости она не звала, но это было к лучшему. На нейтральной территории всегда проще присмотреться друг к другу.

На минуту замявшись с ответом, Гушин назначил встречу в ресторане своей гостиницы. Небось, мальчику ещё не доводилось бывать в приличных местах. Пусть видит, что отцу ничего для него не жалко. Сначала, конечно, надо будет серьёзно объяснить, что в жизни взрослых мужчин бывают моменты одиночества, а рядом оказывается интересная женщина. Да-да, надо будет обязательно упомянуть, что

Кира — очень интересная женщина. Павлу это должно польстить.

Под свои утешительные мысли Кирилл Аркадьевич незаметно сжевал кусочек сыра, а когда потянулся за салфеткой, увидел, что к его столику подходит молодой человек.

Высокий и худенький парень тем не менее выглядел гибким и крепким как спортсмен. Русые волосы, очки, открытое лицо, отдалённо напоминающее лицо молодой Киры. Только одет он был неважно. Даже, можно сказать, плохонько одет. Серые потёртые брючки, синий свитер с растянутыми на локтях рукавами. И как только его в ресторан пропустили без костюма и галстука? Но ничего, это упущение в воспитании мы наверстаем.

Скомкав в кулак салфетку, Гушин стал приподниматься вверх, словно его тянули на ниточке. Все тщательно заготовленные слова мигом вылетели из головы, и он растерянно мигнул, когда молодой человек спокойно спросил:

— Товарищ Гушин? Здравствуйте. Я Павел Иванович Соснин.

От официального обращения Кирилл Аркадьевич растерялся окончательно. Неловко осев на своё место, он показал рукой на стул напротив:

— Присаживайся.

— Спасибо.

Жадно выискивая в Павле собственные черты, Гущин наблюдал, как сын неторопливо сел за стол и сдвинул очки, давая высохнуть отпотевшему стеклу.

Он подумал, что если Павел и волнуется, то прекрасно это скрывает, в отличие от него, чьи руки суетливо переключались с места на место то вилку, то салфетку.

Чтобы начать разговор, он кивком указал на стол:

— Угощайся, наверно, ты голоден. Я тут заказал кое-что на свой вкус. Хотел получше, но сегодня четверг — рыбный день.

— Давайте на «вы», — голос Павла звучал ровно, но жёстко. Так учитель ставит на место заигравшихся школьников. Он поправил очки и посмотрел в упор. Сквозь стёкла его глаза казались серыми до головокружения.

— Бабушка передала, что вы хотели меня видеть. Могу я спросить зачем?

Гущин напрягся:

— Конечно, Павел.

— Павел Иванович.

Сухой тон Павла сбивал с толку и возбуждал потаённую злость. Неужели его сын может быть таким бесчувственным? Неужели он не видит, что к нему идут со всей душой? С распахнутыми объятиями?

Ну, ничего, когда он узнает, что перед ним сидит уважаемый человек, почти кандидат наук, то заговорит по-другому.

Кирилл Аркадьевич криво улыбнулся и осушил полбокала вина, остудившего горло, как ливень раскалённую водосточную трубу. Отставив бокал, он с удовлетворением отметил, что дышать стало легче и голос приобрёл уверенные нотки.

— Дело, собственно, житейское, Павел Иванович. Я приехал в Ленинград в командировку и решил с вами лично познакомиться, — беря паузу, он ковырнул вилкой салат. — Всё-таки мы родные люди. Я мог бы вам помочь, например с учёбой. Если вы хотите учиться, конечно. Я мог бы нанять вам репетитора, подсказать, так сказать.

Нелепо получилось в рифму. Гущин поморщился, но Павел слушал внимательно, и Кирилл Аркадьевич почувствовал прилив сил. Чуть развязно он подложил Павлу на тарелку салат и наполнил бокал вином, вскользь поинтересовавшись:

— Кстати, вы учитесь или работаете?

— Работаю.

Кратко ответив, Павел снова замолчал, не притрагиваясь к еде. Он даже не взял вилку, держа руки на краю стола со сплетёнными пальцами.

— Вот видите, работаете, а надо учиться! — Кирилл Аркадьевич назидательно поднял вверх указательный палец. — Вот я, например, в ваши годы уже с отличием закончил Горный институт, а теперь собираюсь защищать диссертацию. А вы?

— Я тоже, — сказал Павел.

Гущин откинул голову и прищурился:

— Что тоже?

— Также собираюсь защищать диссертацию.

От удивления Кириллу Аркадьевичу пришлось проглотить конец назидательной речи, и он хватанул ртом воздух:

— Какую диссертацию?

Павел улыбнулся, как показалась Гущину, очень снисходительно:

— Некоторые итерационные методы решения нелинейных уравнений в банаховых пространствах.

Оглушённый сложной формулировкой, Гущин глупо переспросил:

— Каких пространствах?

— Банаховых, — Павел иронично изогнул губы и пояснил: — Это по математике. Я, видите ли, математик.

— Вон оно как... — протянул Гущин, вертя в пальцах вилку. — Вон оно, значит, как...

Ему хотелось с размаха пнуть ногой стену и завывать в голос, кляня судьбу за жестокий урок. Ведь этот парень со спокойным взглядом

Кириных серых глаз мог быть его законным сыном. Гордостью. Именно он, а не вертихвостки-дочки, которые с трудом закончили десятилетку и теперь сидят на родительской шее. Если бы тогда, двадцать с хвостиком лет назад, он не оттолкнул Киру, то жизнь сложилась бы совершенно иначе. Если бы смог понять, что главное в жизни не карьера, не значимость, не деньги, а дети, которыми можно гордиться. Но для того, чтобы они выросли людьми, надо просто быть рядом с ними. И любить. Любить и растить.

От хоровода мыслей Гущину стало нехорошо, и он снова потянулся к бокалу.

* * *

Когда Павел вошёл в зал ресторана, от запахов пищи у него закружилась голова.

Он завистливо проводил глазами официанта с подносом, на котором стояли горшочки, истекающие лавровым паром, и хмыкнул: не про твою честь, дружок. За весь день он съел капустный салатик в университетском буфете и выпил стакан чая с коржиком. Стыдно признаться, но у него совершенно не было денег, а до получки осталось ещё пять дней. Правда, он мог взять деньги у бабушки из серванта, но не стал. Лучше перебиться. На халтуре в «скорой помощи» всегда можно перекусить общественными

сушками, а на скромные обеды пришлось занять десятку у приятеля.

Когда бабушка оглоушила его сообщением о встрече с отцом, Павел досадливо поморщился:

— Только этого ещё не хватало.

Со своими бы делами разобраться, а тут новая головная боль подоспела. Назначенную встречу с объявившимся папашей он рассматривал как тягостное мероприятие, призванное лишь успокоить нервы бабушки Кати. Ради бабули он мог сделать что угодно — хоть сразиться с космическими мутантами. Пожалуй, единственное, чего бабушка не смогла сделать, это подвигнуть его на примирение с Мариной. Слышать и думать о Марине было так больно, что Павел отметал любое упоминание её имени.

В отношении встречи с Гуциным радовало единственное — что он не пришёл к ним домой. К гостю отношение всегда особое, и волей-неволей пришлось бы предложить ему чай, организовать посиделки, а он, чего доброго, взял бы и согласился. О чём говорить с незнакомым человеком и как себя вести, Павел не представлял, как не представлял и самого Гуцина.

В зале ресторана метрдотель указал ему на осанистого мужчину с благородной проседью и загорелым лицом, на котором выделялись неприятно бегающие глаза:

— Вас ждут, молодой человек.

— Спасибо.

Хотя Гущин сидел непринуждённо откинувшись на спинку стула, он явно нервничал, и Павел почувствовал своё превосходство. Сам он был спокоен, как железный арифмометр с загадочным названием «Феликс».

В детстве Павел считал своим отцом Ивана Соснина, а когда узнал правду, иногда силился представить себе настоящего отца. И не мог. Перед глазами стояла фотография Ивана, сделанная мамой Киной на рыбалке. Весёлый, в сдвинутой на затылок соломенной шляпе, Иван держал на плече удочки и беспечно улыбался в объектив.

С самого начала Павел решил, что есть вместе с Гущиным не будет. Совместная трапеза предполагает дружеские отношения, которых у него с новоявленным отцом нет и быть не может. Положив на стол сцепленные руки, он смотрел, как Кирилл Аркадьевич силится завязать разговор, и думал только о том, чтобы эта пытка наконец закончилась. Разговор не клеился. Гущин что-то лепетал и старался произвести хорошее впечатление. Павел отмалчивался и откликнулся только в конце разговора, тогда, когда Гущин с некоторой долей торжественности сказал:

— Павел Иванович, я знаю, что время не повернёшь вспять. Но я хотел бы повиниться за то, что оставил Киру и вас.

Говоря, Гущин картинно опустил голову и покаянно вздохнул. Наверное, он ждал слов примирения, но Павел спокойно ответил:

— Мне не за что прощать вас, Кирилл Аркадьевич. Напротив, я вам очень благодарен, что моя жизнь сложилась именно таким образом. Ведь останься я с вами, а не с бабушкой Катей, я вырос бы совсем другим человеком. У меня была бы другая семья и другие друзья, и жил бы я в другом городе. Мне даже подумать об этом страшно.

Чтобы обозначить конец встречи, Павел отогнул рукав и посмотрел на часы.

— Мне пора. — Он угловато повёл плечом: — Завтра рано вставать: я веду у первокурсников коллоквиум.

Мысленно отругав себя, что упомянул про коллоквиум — ни к чему объясняться с посторонними — Павел встал и, не дожидаясь ответной фразы, пошёл к выходу, мечтая о тарелке с макаронами или, на худой конец, глазунье из пары яиц. Маришка наверняка нашла бы, чем покормить мужа.

Надевая пальто, он украдкой взглянул на обручальное кольцо, которое не стал снимать из упрямства.

На улице стоял густой синий туман, напитанный снежной сыростью. На остановке около гостиницы переминались с ноги на ногу

смуглые туристы с глазами, казавшимися отлитыми из молочного шоколада. Черноволосая девушка, по виду узбечка, стыдливо потупила глаза в землю, а её пожилой спутник уважительно спросил:

— У вас в Ленинграде всегда так холодно?

— Разве это холодно? Сегодня тепло, всего минус десять, — Павлу вдруг захотелось засмеяться, как нерадивому студенту, чудом сдавшему трудный зачёт. Он только сейчас понял, что весь долгий день прошёл под знаком ожидания этой натянутой встречи. Наверное, и бабушка волнуется, ждёт, разогревает ужин.

В подкативший троллейбус он сумел втиснуться только боком, сразу оказавшись зажатым между громадным мужиком в ватнике и объёмистой дамой с воротником из песка. Когда дама колыхалась, пропахший нафталином мех елозил ему по щеке. Пытаясь вырваться из мехового плена, Павел продвинулся на шаг вперёд и тут увидел Наташу. С задумчивым лицом, опутанным шёлком волос, она казалась принцессой, случайно попавшей в загон с тиграми.

Наткнувшись на его взгляд, Наташа подняла руку, затянутую в чёрную перчатку, и приветственно пошевелила пальцами, а потом решительно стала пробираться к нему.

* * *

Если Ольге Костровой приходили на ум впечатления детства, то она передёргивалась от отвращения, стараясь поскорее выбросить из головы неприятные мысли. Но в последнее время одна из ассоциаций преследовала её особенно навязчиво.

Это был серый мешок с опилками, который стоял у матери в дворницкой для уборки с асфальта луж мазута и машинного масла. Но однажды опилки случайно окатили ведром воды, и Ольга увидела, как мешок разбухает на глазах, а потом лопается, выдавливая из прорехи трухлявую почерневшую массу.

Сейчас она казалась себе подобным мешком, готовым вот-вот треснуть и рассыпаться в крошево. Фигуру после родов разносило не по дням, а по часам, шея пряталась за вторым подбородком, а на спине постоянно выступал липкий пот, на который она уже не обращала внимания.

И дёрнула же нелёгкая решиться завести ребёнка! Дура несчастная. Будь у неё чуть больше ума и поменьше желания удержать Эдика, сидела бы сейчас в заводууправлении и накладывала резолюции пальчиками со свежим маникюром. Чтобы растравить себя ещё больше, Ольга поднесла к лицу руку и растопырила пальцы, посмотрев на коротко подстриженные

ногти с заросшими лунками. Пальцы потрескались от постоянных стирок и стали до тошноты напоминать руки матери-дворника.

Теперь в кабинете профорга накрепко окопалась ушлая инженерша из бюро приборов, а она, всевластная Ольга Владимировна, превратилась в молокозавод или дойную корову. Удивительно, каким ненасытным может быть крохотный ребёнок!

День и ночь Аглая-Шурка разевала маленький розовый ротик в поисках материнской груди, а когда криком добивалась желаемого, то сосала, сосала и сосала.

Выключив телевизор, где по экрану скакало стадо горных козлов, Ольга перенесла уснувшую Аглаю в кроватку. До следующего детского крика в запасе есть полтора часа свободного времени.

Первым делом она пошла в ванную. В тазу отвратительно пузырились перестоявшиеся пелёнки, и по ванне расползлся тошнотворный запах закишей воды и детского мыла. Для замачивания белья Ольга натирала мыло на крупной тёрке, как посоветовала врач из детской поликлиники.

Преодолевая отвращение, Ольга забросила тряпки в стиральную машинку. Стирать она всегда ненавидела, тем более что полоскать всё равно приходилось самой. Спасибо, ещё есть центрифуга, отжимающая бельё почти насухо.

«Где, скажите на милость, радость материнства, о которой визжат в книгах и фильмах?» — спрашивала себя Ольга, развешивая пелёнки над газовой плитой. У неё даже сложилось впечатление, что развёрнутая в прессе пропаганда материнства — часть огромного заговора с целью уничтожения женской половины населения.

Никогда прежде она не чувствовала себя более одинокой и несчастной. Порой ей хотелось завывать от отчаяния. Хотя нет, даже не завывать, а зарычать, проклиная тот день, когда Эдик подсел к ней в ресторане «Чайка».

Выходя замуж, она была уверена, что во время сумела выхватить своё счастье из рук той мерзавки, Алексеевой, с красивым лицом кинозвезды и приторно-нежным голосом. И хотя Эдька клялся и божился, что никогда не имел на Светку виды, Ольгу ему обмануть не удалось. Она прекрасно видела, как при упоминании о Светлане Эдиково лицо становилось восковой маской, а в глазах застывало выражение тупой безнадёжности.

В такие моменты на неё накатывала ярость: не так представлялась ей своя семейная жизнь! Совсем не так! Хотя, если задуматься, о семье в момент замужества она вообще не думала, а просто хотела получить Эдика в безраздельное владение, как иномарку или квартиру повышенной комфортности.

Осторожно открыв кухонный стол, потому что дочка просыпалась от каждого шума, Ольга достала пачку вермишели и поставила на плиту кастрюлю с водой. В последнее время вермишель с тушёнкой стала её коронным блюдом — быстро и сытно, хотя и недёшево. Банка тушёнки стоила семьдесят копеек — столько, сколько комплексный обед в заводской столовой.

О столовой Ольга теперь думала с ностальгией, мечтая хоть на полчаса оказаться за накрытым столом, вокруг которого предупредительно порхает раздатчица Зося. Воображаемый шницель с хрустящей корочкой, обложенный тушёным горошком и кубиками моркови, вызвал новый прилив неприязни к сопящей Аглае, которая надолго лишила её удовольствия питаться нормально. Ещё один минус от мнимых радостей материнства.

Чтобы хоть немножко развлечься, Ольга взяла с подоконника засаленную колоду карт и разложила пасьянс, но скоро поняла, что не отличает одну масть от другой, потому что упорно думает об одном и том же. Вчера вечером Эдик опять не пришёл домой. Обычно, когда появлялась срочная работа, он звонил и предупреждал, а вчера она позвонила сама.

Трубку взял начальник мастерской, кажется, его зовут Иван Егорович.

Ольга не стала представляться, много чести, а сразу попросила позвать мужа.

— Эдика Кострова?

По интонации голоса Ольга поняла, что Иван Егорович озадачен.

— Да, Кострова. Передайте ему, что жена звонит. Он нужен мне срочно.

Молчание на линии затянулось, а потом Иван Егорович с запинкой сказал:

— Ольга, понимаете, тут такое дело. Эдику пришлось срочно выехать к клиенту в гараж. Там авария, серьёзная поломка, машина нетранспортабельна. В общем, думаю, он закончит не скоро.

«Врёт как сивый мерин, — влёт поняла Ольга, — все мужики друг друга покрывают».

Первым порывом было одеться, вскочить в машину и поехать с разборками на станцию техобслуживания, чтобы показательно разогнать их шайку-лейку. Будь её воля, она бы их быстро в линейку построила и каждого третьего расстреляла.

Но тут закричала Аглая, и Ольге пришлось снова прикладывать её к груди, напряжённо вслушиваясь в тишину за входной дверью.

Хмельной Эдик пришёл в середине ночи, а утром, не произнеся ни слова в своё оправдание, ушёл на работу. Неужели загулял?

Когда вермишель сварилась, Ольга снова потянулась к картам и быстро раскинула колоду, вытащив червовую даму, чтобы погадать на судьбу. В гадание Ольга верила, потому что в институте

соседка по общежитию однажды очень точно предсказала ей новое знакомство и блестящую карьеру. Соседка Люда была родом из Молдавии, а это, считай, цыганка, чьё гадание самое верное.

Зря Ольга надеялась, что гадание рассеет её подозрения. Червовый валет, как назло, лёг рубашкой вверх, что считалось очень дурным знаком и вестником плохих новостей.

Ольга закусила губу, и её задрожавшие пальцы сложились в кулак, крепко пристукнувший по столу. Сейчас она ненавидела всех и вся без разбору.

Одним движением она смела карты со стола, яростно вонзив консервный нож в банку с тушёнкой. Жестяная крышка поддавалась с трудом, опасно оскаливаясь острым краем. Поворачивая банку, Ольга распорола себе ладонь, а когда из раны хлынула кровь, то жалость к себе перелилась через край.

С тяжёлой медлительностью она осела прямо на кухонный пол и зарыдала. Неужели навсегда испортила свою жизнь?

* * *

К концу второй недели со дня встречи с Наташей, Павел пригласил её в театр Ленсовета. Давали «Укрощение строптивой» с Алисой Фрейндлих в главной роли, и, чтобы достать

билет, Павлу пришлось отстоять длинную очередь. Томясь позади двух старушек в одинаковых фетровых шляпках, он вдруг подумал, что сейчас они с Наташей поменялись ролями, как в детской игре: теперь не он, а она просила любви, но Павел не торопил события и не снимал обручальное кольцо.

В театре Ленсовета они часто бывали вдвоём с бабушкой. Почему-то всегда опаздывали, прорываясь сквозь контролёров, когда начинали давать последний звонок. Швыряли пальто в гардероб и бежали в зал — пробираться на свои места, беспрестанно извиняясь перед сидящими уже зрителями. Пару раз Павел был здесь с Мариной, но Наташа пришла в театр впервые. Театральный мир казался ей особенным и праздничным. Среди дамских туалетов и замысловатых причёсок мужчины в неброских костюмах смотрелись неким дополнением к женскому реквизиту — важным, но необязательным. В гардеробе женщины сбрасывали растоптанные сапоги (их носили годами) и надевали туфельки на каблук, сразу преображаясь из золушек в королев. В воздухе витали запахи духов, шоколада и копчёной колбасы, которую на тонко нарезанных бутербродах продавали вежливые буфетчицы. Диванчики и банкетки вдоль стен были обтянуты потёртым бархатом бледно-зелёного

цвета. Бабушка всегда говорила, что в доме её родителей был точно такой же гарнитур и здесь она словно встречается с осколком прошлого.

В фойе Наташа с детским любопытством озиралась по сторонам, глядя на развешанные по стенам фотографии актёров:

— Здорово! Вот это жизнь! Я хотела бы стать актрисой. Как думаешь, смогла бы?

Говоря, она низко наклонила голову и лукаво посмотрела из-под струящейся чёлки, так что один глаз оказался закрыт прядью шёлковых волос. В красном платье из джерси, перехваченном в талии тонким лакированным ремешком, Наташа выглядела необычайно эффектно. Павел всё время ловил на ней заинтересованные мужские взгляды, а один старичок так засмотрелся, что едва не споткнулся о свою спутницу в облаке седых кудряшек.

Но странным образом мужское внимание к Наташе его совершенно не волновало. Пусть смотрят сколько угодно. Он и сам был не прочь полюбоваться её стройными ножками и изящным изгибом молочной шеи.

В антракте Павел купил Наташе пять конфет «Белочка», которые продавались поштучно.

— Это тебе подсластить спектакль.

Театр был полон зрителей, и Павел с Наташей отошли в уголок между двух кадок с пальмами. Чтобы расслышать друг друга среди шума

от множества голосов, пришлось встать совсем близко, лицом к лицу.

С кривой усмешкой Наташа рассказала о разрыве со своим парнем, откровенно признавшись, что не понравилась его матери:

— Мегера, каких поискать! Ты не поверишь, она при мне сказала Вовику, что я ему не пара.

— А он? — вяло поинтересовался Павел.

— А что он? Мямлил что-то про то, чтобы я успокоилась и постаралась угодить его маме. Представляешь?! Я буду угождать!

В возмущении Наташа развернула шоколадную конфету и отправила её в рот, со вкусом облизав кончики пальцев. Ногти у неё были длинные, как острия маленьких кинжальчиков, покрытых белым перламутровым лаком.

Павлу ничего не оставалось, как разделить негодование:

— Не представляю.

— Вот и я не представляю, чем я могу не понравиться!

Сморгнув закипающие слёзы, Наташа съела вторую конфету. Скомканные фантики она бросала в кадку с раскидистой пальмой, пока пожилая капельдинерша не сделала ей замечание. Наташа одарила её негодующим взглядом и схватила Павла за руку:

— Павлушка, я была дурой, что не ценила наши отношения. Честно признаю. Но теперь

у нас всё будет по-другому, вот увидишь. Мы будем всегда вместе.

Горячие пальцы Наташи требовательно скользили по его ладони, тянули в сторону, настаивали на пожатии, которым он должен был выразить согласие с её словами. Припадая к его плечу, она горячо зашептала:

— Давай сбежим из театра и поедem ко мне. Мамы нет дома. Посидим, послушаем магнитофон, потанцуем...

Не договорив последнюю фразу, Наташа опустила ресницы, слегка покраснев от смущения. Сейчас она была очень хорошенькой и головокружительно притягательной.

Но Бог мой! Хотя Марина и дала ему отставку, он всё ещё был её мужем и носил на пальце обручальное кольцо, надетое её руками. Забывая все мысли, в голове крутилась фраза из песенки, что «обручальное кольцо — не простое украшение», а «двух сердец одно решение». И, кроме того, Наташа бросала фантики в кадку с цветами!

Затягивая с ответом, Павел посмотрел в сторону зала и заметил, что в театре наступила тишина. Причиной её был крупный человек в тёмном костюме, который размашисто шагал по проходу, образованному для него толпой зрителей. Красивый, седовласый, он был похож на монарха, в окружении вассалов шествовавшего к трону.

— Владимиров, смотрите, сам Игорь Владимиров! — замирающим голосом пропела в толпе какая-то женщина.

Прежде Павел видел знаменитого режиссёра только на фотографиях и по телевизору. Уступая Наташе место для обзора, он слегка прикоснулся рукой к её локтю:

— Смотри, Игорь Владимиров.

Наташа, которая разворачивала очередную конфету, хрустнула фольгой, удивлённо подняв брови:

— Да? А кто это?

В её прекрасных глазах отражались огни хрустальных люстр, а на сочных малиновых губах застыл мазок шоколада. И почему только Наташина детскость раньше умиляла, а теперь раздражает?

В эту минуту Павел понял, что он любил дым. Туман, который дарит обыденным вещам сказочные очертания. Но когда дымка рассеялась, то прекрасная принцесса вдруг оказалась зелёной лягушкой из ближайшего болота. А пока он охотился за призраками, настоящая принцесса скрылась в неизвестном направлении.

Спектакль они всё же досмотрели, но к Наташе домой Павел не пошёл. Попрощавшись с ней у знакомого подъезда, он пошёл на остановку трамвая, твёрдо зная, что поздний трамвай везёт его этим маршрутом в последний раз.

* * *

— Ну что ты будешь делать с этой Маринкой! — возмущённо закричал Игорь, когда она в очередной раз отказалась отвечать о причине разрыва с Павлом. — Упёрлась рогами, как коза в забор, и твердит одно: «Не трогайте Павла. Это я во всём виновата». Раз ты виновата, ты и исправляй! Эгоистка. Думаешь только о себе, а на нас тебе наплевать. Поженилась — разженилась, всё тебе хиханьки и хаханьки. Не ожидал от тебя таких фокусов!

Сынишка Гришка, которого Игорь безуспешно пытался укачать, от грома отцовского голоса изогнулся дугой и покраснел как рак, готовясь задать рёву. Игорь затряс его с новой силой:

— Баю-бай, засыпай. Засыпай, кому говорю.

При взгляде на ребёнка, лицо Игоря приобрело выражение тревожного ожидания непредвиденной опасности. Сбавив темп, он понизил голос до полушёпота и всем телом закачался из стороны в сторону:

— Засыпай, засыпай.

Наверное, у сына были задатки будущего космонавта, потому что он сразу умиротворился и замолчал, в отличие от Игоря, распалившегося ещё больше. Маринкино упрямство выводило его из себя гораздо сильнее, чем непроходимая

тупость иных студентов. С ними он бы быстро расправился на зачёте. А тут родная сестра. Да не просто родная, а до дрожи любимая. И такие коленца откидывает!

Чтобы выплеснуть возмущение, Игорь круто развернулся к окну, едва не сорвав плечом верёвку с мокрыми пелёнками. Стиркой было заполнено всё свободное пространство, а квартира насквозь пропахла хозяйственным мылом и паром от выварки.словно в общественной прачечной, пелёнки рядами висели по всей квартире, начиная с прихожей и заканчивая туалетом. С мощностью фонтанов в Петергофском парке, малыши выдавали по несколько мокрых пелёнок каждый час, и на их обработку были брошены все свободные руки. Хотя рук в семье было предостаточно, работы всем с лихвой хватало. Марина пелёнки гладила, а Света, полулёжа в кровати, кормила одновременно двух детей. Сама она в разговор не встревала, сочувственно поглядывая то на Игоря, то на Марину. В голубом халатике, с заплетёнными в косу русыми волосами, Света выглядела юной и нежной, как старшеклассница. Даже не верилось, что теперь она многодетная мама двух мальчиков — Гриши и Валерика, и одной девочки, названной Глафирой в честь бабушки.

Разрыв с Павлом давался Марине тяжело. Она похудела, истончилась в веточку, только

глаза засинели и стали казаться огромными. Кроме того, она всё время хотела спать. Во сне к ней приходил Павел. Он садился рядом, гладил рукой по голове, и она чувствовала себя спокойной и защищённой.

Может быть, через много лет, когда они случайно встретятся на улице, она расскажет, что спала в его рубашке — старой, измятой и порванной на рукаве. Но рубашка хранила на себе частичку Павла, и Марина не смогла её выбросить. Утром, вместе с рубашкой снимая щемящую нежность, она надевала на себя маску деловой женщины и шла на работу, где её ценили за ум и собранность. Павлу принадлежали ночи, а днём Марина была холодна, спокойна и рассудительна.

Но как Марина ни бодрилась, доказывая своё равнодушие, Игоря со Светой ей обмануть не удалось. Брат знал её как облупленную, а Света была чуткой, как струнка, умеющая отражать чужую боль. Хорошо, что Игорь со Светой сейчас поглощены детьми и не остаётся времени на изматывающие выяснения отношений. Да ещё у Лимарёвых на носу переезд в новый дом, потому что родителям тройни в Ленинграде полагалась трёхкомнатная квартира без очереди. Надо паковать вещи, позаботиться о машине, сделать в новой квартире капитальную уборку. Голова кругом.

Прогладив последнюю складку на пелёнке, Марина отставила утюг в сторону и выдернула шнур. В последнее время ей казалось, что руки стали действовать отдельно от разума, выполняя любую работу самостоятельно и размеренно. Руки, ноги, туловище были её, Маринины, но душа целиком принадлежала Павлу, и неизвестно, сможет ли она вообще когда-нибудь избавиться от такой напасти, как любовь.

Как Павел, где, что с ним? Эти мысли жили в ней постоянно, словно острая боль у хронического больного. Кроме того, Павел даже не пришёл забрать свои вещи, и это давало Марине новые поводы терзать себя беспокойством о нём.

Переживая негодующие крики Игоря, Марина сжала пальцами виски и взмолилась:

— Света, прошу тебя, уйми мужа. Мне и так несладко.

— Несладко ей — слышите?! А нам сладко! — немедленно взвился Игорь. — А Пашке сладко?! Я его недавно встретил, так не узнал. Не Пашка, а сушёная воблина!

Голос Игоря дрожал от сдерживаемой ярости, вырваться которой мешал только ребёнок на руках и умоляющие глаза Светы. Волна гнева требовала движения, и он снова забегал по квартире, опрокидывая на себя вещи, пока Света не подозвала его кивком головы:

— Игорь, возьми детей, только тихо. Они спят. А мне давай Гришу.

Смешные личики, выглядывающие из одеялец, напоминали маленьких сосредоточенных гномиков, выполняющих важную работу по засыпанию. Если бы не разноцветные байковые одеяльца, Марина не различила бы, кто из них мальчик, кто девочка. Все трое были на одно лицо.

Глядя, как тугие свёртки с детьми кочуют из рук на руки, на глазах Марины начали закипать слёзы. Чтобы их прогнать, она сердито нахмурилась и тут же услышала горячий шёпот Светланы:

— Потерпи, Маришка, Господь всё устроит. Я молюсь за тебя. Ты только надейся и верь.

Знать бы ещё, во что верить. Тут не то что верить, а поговорить не с кем. Есть вещи, которыми трудно делиться с близкими, а легче рассказать чужому человеку, зная, что через несколько минут он разойдётся с тобой навсегда. А ещё можно было бы поговорить с мамой. Она бы поняла и утешила, но мамы нет и чемодан с бедами приходится тащить в одиночку.

* * *

Зимние сумерки мягко наматывали на город синий кокон, сквозь который огненными змейками ярко горели огни витрин и вывески

магазинов. Сосредоточенно глядя под ноги, по тротуару спешили редкие пешеходы. Они наверняка мечтали о чашке горячего чая под привычное бормотанье телевизора.

В отличие от прохожих, Марина не торопилась. К чему нестись сломя голову, если дома тебя ждёт только плюшевый мишка, подаренный Игорем в незапамятные времена? Мысли об опустевшей квартире нагнетали в душу глухую тоску, из которой не было видно исхода. Неспешно идя вдоль канала, Марина вспоминала маму. У воды вообще хорошо думается. Смотришь в тёмную гладь, как в старинное зеркало, следишь за течением, и мысли тоже начинают неспешно вливаться в русло реки, закованное гранитными берегами.

Вообще, о мамином детстве Марина и Игорь знали мало, потому что мама помнила себя примерно с девяти лет. Тогда её, окровавленную и босую, нашёл отряд белорусских партизан. Случилось это в июне сорок третьего года, близ Могилёва. Помнила мама только своё имя — Глаша, а кто она и откуда — молчала, испуганно дрожа всем телом.

Найденного ребёнка партизаны обогрели, подкормили и при первой же возможности отправили самолётом на Большую землю. Так она попала в детский дом, эвакуированный из Ленинграда. Дом был заполнен такими же, как

она, сиротами, успевшими хлебнуть недетского горя. Глафириной молчаливости никто не удивлялся, потому что детский мозг порой не мог выдержать того, что видели их глаза, и милосердно отключал пережитое завесой беспамятства. Глафире дали фамилию Могилёва и зачислили в третий класс, потому что читать и считать она умела хорошо, и даже знала таблицу умножения.

Несмотря на скудность питания и плохонькую одежонку военного времени, в детдоме Глашенька Могилёва расцвела, как подснежник, прорвавшийся сквозь твёрдую корку льда. Она успевала хорошо учиться, заниматься в танцевальном кружке, рисовать школьную стенгазету и даже сочинять стихи, героями которых всегда оказывались отважные партизаны, побеждающие фашистских захватчиков. Казалось, что её жизнь началась заново, с чистого листа и то страшное, чему она была свидетелем, больше никогда не потревожит и не напомнит о себе.

Память вернулась к ней лет в двадцать пять, неожиданно и отстранённо, как чёрно-белый фильм. Случилось это, когда Глафира Ивановна повезла Игоря с Маришкой кататься на речном трамвайчике. Обещанной поездки дети ждали всю неделю, и, хотя погода испортилась, Глафира Ивановна не стала отменять путешествие. Пусть малыши закаляются, а устроиться можно не на верхней палубе, а в тёплом салоне

у окна. Так они и сделали. Их судёнышко отважно разрезало носом волны, борясь со встречным ветром и косым дождём. Игорь был в восторге, а маленькая Маришка держалась двумя руками за спинку сиденья. Когда трамвайчик подскакивал на очередной волне, она зажмуривалась и улыбалась от своего весёлого детского страха.

И вот тогда, среди шумящих волн за бортом, Глафира Ивановна внезапно вспомнила дощатый забор и худенькую девочку в красном платье и байковой кофточке. У девочки были большие карие глаза и кудрявые волосы, туго заплетённые в короткую косичку с коричневой ленточкой. Рядом с девочкой стояла молодая женщина и крепко держала её руку. Опустив глаза вниз, девочка видела на ногах женщины резиновые ботинки, застёгнутые на чёрные пуговики. Кроме ног в ботинках вокруг было много других ног, обутых кто во что горазд. Она обратила внимание на тяжёлые чёрные валенки в галошах и маленькие голубые ботиночки с аккуратно завязанными шнурками. Сама девочка ни за что не смогла бы завязать такой хорошенький бантик с ровными петельками.

И все эти ноги бежали в одном направлении — к вагонам, стоящим на путях с распахнутыми дверями. Позади людской толпы слышался лай собак и короткие резкие крики на чужом языке.

Там были фашисты, которые девочке представлялись не людьми, а огромными чёрными крысами с автоматами в корявых лапах.

За свою короткую жизнь девочка уже научилась различать звуки немецкой речи и знала, что при появлении немцев лучше спрятаться подальше.

— Мы не пойдём, — сказала девочке женщина, и голос её дрогнул, — мы ни за что не пойдём. В лагере нас убьют. Надо попробовать убежать.

Таща девочку за руку, женщина стала пробиваться к забору. Со всех сторон их толкали чьи-то руки, плечи, спины и животы. Девочке стало так больно и страшно, что она заплакала.

— Тише, тише, — на миг замедлила шаги женщина, и этого было достаточно, чтобы её сбили с ног. Страшно закричав, она упала на четвереньки, и над её головой тут же сомкнулись ряды бегущих.

Девочка почувствовала, как её захватил людской водоворот и потащил за собой, увлекая прямо в распахнутые двери ближайшего вагона. Отбиваясь руками и ногами, она истошно закричала, призывая на помощь маму, но её крик тонул среди общих стонов и плача. Кто-то из взрослых приподнял её за талию и закинул в вагон, словно сломанную игрушку. Забившись в угол на кучу тряпок, девочка увидела, как со стуком закрываются двери вагона, оставляя её

одну, среди незнакомых людей, которые тоже корчатся от горя и ужаса.

Свет в вагон тѣк из зарешѣченных окошек под потолком, и она не отрываясь смотрела на эту полоску света, как зверѣк, оказавшийся в ловушке. Людей в вагоне было так много, что сначала они стояли, плотно сжавшись в единую массу, и, только когда поезд набрал скорость, стали понемногу рассаживаться, выискивая свободные клочки пола.

От ужаса и непонимания девочка, казалось, разучилась говорить и только невнятно промывчала, когда какая-то женщина в толстой вязаной кофте рывком вытащила из-под неё тряпки. Люди в вагоне не обращали на неё никакого внимания. Девочка хотела есть, пить и плакать, но словно оцепенела и замерла, подтянув колени к подбородку. Скрючившись в комочек, она задремала, обессилев от страха и голода, а когда проснулась от лязганья запоров на двери, увидела устремлённые на неё глаза.

* * *

В глазах, смотревших прямо на неё, девочка не увидела страха, которым было пропитано всё пространство вагона. Ей даже показалось, что глаза улыбались и подбадривали, безмолвно призывая к спокойствию.

По-прежнему сжавшись клубочком, она робко взглянула в ответ, увидев, что напротив неё вместо тётки в кофте сидит худощавая старушка, у которой одно плечо выше другого, а из-под простого ситцевого платка выбиваются пряди седых волос. Не говоря ни слова, старушка протянула руку и прикоснулась к голове девочки, легонько скользнув пальцами по макушке.

От неожиданной ласки по телу пробежало тепло, и она смогла спросить:

— Кто ты, бабушка?

— Федосья, — ответила старушка одними губами, потому что говорить громко было бесполезно: среди общего шума в вагоне звуки приходилось скорее угадывать, чем слышать.

Поскольку девочка вся дрожала, Федосья перебралась к ней поближе и притянула к себе, прижав к груди головёнку с косичками:

— Будет, милая, будет. Побереги слезинки-то, вишь, как они у тебя катятся, чисто скатный жемчуг.

Говор старушки был незнакомый, и девочка понимала не все слова, но они мягко убаюкивали, отгоняя прочь чувство страшного одиночества.

Горестно всхлипнув, она пожаловалась:

— Я маму потеряла. Скажи, где она? Мне надо её найти.

Девочка знала, что к взрослым надо обращаться на «вы», но Федосья была особенной, своей, родной. Ей хотелось говорить «ты», как маме или бабушке, и прижиматься лицом к её пальцам.

— Эх, дитятко, — с длинным вздохом сказала Федосья, — у нас всех здесь теперь одна Мамушка — Заступница Небесная, Её и будем просить о защите.

Высвободив правую руку, старушка медленно перекрестилась, словно делала самое важное на свете дело. Повторяя за ней, девочка тоже сложила пальцы щепотью и поднесла их ко лбу, затем к животу, а потом к плечам:

— Господи, помилуй.

Подняв голову к лицу Федосьи, она увидела, как её морщинки у губ растянулись в нежной улыбке:

— Вот и хорошо, дитятко, теперь с нами вместе будет Боженька, с Ним не страшно.

В вагоне ехали долго. От скученности тел стояла страшная духота, нестерпимо пропахшая мочой и потом. Впрочем, на запахи девочка скоро перестала обращать внимание, только иногда больно щипало глаза, которые она до красноты натирала сухим кулаком.

Время от времени поезд останавливался. Тяжёлая дверь вагона немного приоткрывалась, и на пол ставили два ведра воды, наугад

бросая в толпу несколько буханок хлеба. Тогда девочка видела, что люди могут превращаться в животных.

Однажды немец, принёсший воду, выкрикнул слово «Освенцим» и, обнажая крупные жёлтые зубы, заливисто захохотал.

Федосья не бросалась на хлеб и не рычала по-звериному, но её заботами в ладошке девочки часто оказывалась корочка хлебца, а когда она хотела пить, Федосья поила её водой с ладошки.

Казалось, что бесконечной дороге не будет конца, но, когда девочка задремала, уткнувшись в колени Федосьи, поезд содрогнулся от взрыва.

Ей почудилось, что потолок закачался и сейчас упадёт прямо на их головы. С людей спало оцепенение, и они пришли в движение, перекачивая по вагону тревожно-радостный шёпот: «Партизаны, партизаны».

Но как девочка ни прислушивалась, за стеной вагона снова всё стихло, и только глаза заметили, что стало светлее, потому что дверь перекосило на тонкую щель, в которую едва могла протиснуться рука или нога.

Щель заметили многие, и туда бросилось сразу несколько человек, но самым шустрым оказался высокий дед с иссохшейся волосатой шеей. Вытягивая губы трубочкой, дед жадно заглатывал свежий воздух, и в его щетине застревали мелкие горошинки слёз.

— Воля-волюшка, — горячечно бормотал дед, одной рукой раздирая ворот рубахи на шее. — Домой хочу.

Он плакал, и вместе с ним начинали плакать другие, потому что они только что обрели надежду на свободу, но тут же её потеряли.

Закрыв лицо руками, рыдала молодая женщина с грудным ребёнком — за всю дорогу он не издал ни звука, и девочка думала, что он уже неживой. Рядом с ней плакала тётка в вязаной кофте. Она сидела, зарыв ноги в кучу тряпок, и рвала на себе волосы. Не стыдясь слёз, всхлипывал мужчина в ватнике. Он ехал вместе с семьёй и всегда первым бросался ловить буханки хлеба.

Девочка тоже почувствовала, что на глазах закипают слёзы, но Федосья крепко взяла её за локоть и потянула за собой:

— Пойдём, дитятко, пришёл твой час.

Какой пришёл час и куда он пришёл, девочка не осознала, но покорно пошла за Федосьей прямо к щели в двери вагона. Хотя она немного отстала, ей было видно, как Федосья сказала что-то старичку на ухо, перекрестила его и он отшатнулся, уступая ей место.

Опустившись на коленки, Федосья выпростала наружу руку с раскрытой к солнцу ладонью и замерла, беззвучно шепча слова молитвы.

Девочка не понимала смысла того, что делает Федосья, и поэтому не отрывала взгляд от её

движений, тихонько ахнув, когда на руку Федосьи доверчиво опустилась маленькая птичка, а затем ещё одна. Вертя по сторонам головками с серыми пёрышками, птички сидели на пальцах Федосьи, как на ветке дерева, и весело трещали что-то на своём птичьем языке. Девочка подумала, что если бы она была птичкой, то могла бы полететь назад, к маме. Но не успела её мысль перелиться в слёзы, как по насыпи из лесу вышел могучий лось. Девочка видела такого на картинках в букваре и точно знала, как пишется слово «лось», потому что училась уже во втором классе.

Наверное, в вагоне установилась тишина, потому что девочка ничего не слышала и не видела, кроме громадного зверя, мерцающего плотным коричневым мехом. Вплотную подойдя к вагону, он тоже ткнулся носом в Федосьину руку, а потом медленно пошёл в лес, не обращая внимания на выстрелы.

Тогда Федосья резко обернулась к девочке, коротко приказав:

— Давай!

Девочка боялась, но послушаться не посмела, только мелко затрясла головой, так что косичка захлестала её по шее:

— Я туда не пролезу. Нипочём не пролезу.

— Пролезешь.

Оторвавшись от щели, Федосья с силой стала выталкивать девочку наружу прямо на

заросшую кустами насыпь, окружённую тёмным лесом, в котором водятся дикие звери. Девочка с трудом тискалась в узкую щель, плача в голос и обдирая кожу в кровь. От резкой боли в руке её заташнило. Но Федосья не давала передышки, с силой толкая её вперёд, туда, где виднелась полоса леса и белые облака на синем небе.

Издалека девочка уже слышала автоматные очереди и громкие крики немцев, кучей толпившихся около паровоза, сошедшего с рельсов.

Руку и плечи она ухитрилась пропихнуть, но нога повисла в воздухе.

— Давай, давай, милая, — снова закричала Федосья, напрягая силы, — ещё чуток! С Богом!

Девочка почувствовала, как её подняло в воздух, словно подбросило на качелях, и мир в глазах стал вращаться с бешеной скоростью.

Рвущие душу воспоминания взрывной волной давили на уши, заполняя голову тягучей болью в затылке. Чтобы справиться с чувствами, Глафира Ивановна поднялась из трюма на палубу, вдохнуть свежий ветер пополам с дождём.

— Мама, ты куда? — остановил возле трапа звонкий голос Маришки. — Мы не хотим оставаться одни.

Её Маришка была совсем не похожа на ту, другую девочку из видения, но Глафира Ивановна стремительно сбежала вниз и обеими

руками обняла детей, чувствуя, как сердце в груди бьётся острыми резкими толчками:

— Я с вами, дорогие мои. Я всегда буду с вами.

...Задумавшись, Марина не заметила, как вошла во двор, скользнув взглядом по тёмным окнам. Она знала, что Павел не вернётся, но каждый раз замечала, что на подходе к дому начинает прибавлять шаг, замирая от оглушительного разочарования.

* * *

Сразу из автопарка Игорь Лимарёв рванул в магазин за детским питанием, а оттуда уже домой. Надо, наконец, сообщить жене, что он покончил с диссертацией и со следующей недели уже не доцент Игорь Дмитриевич, а простой портовый докер. Работяга или, как любил презрительно говорить заведующий кафедрой, — раскрепощённый пролетариат.

Он оттягивал объяснение как мог — знал, что Света не одобрит, но на зарплату доцента-лингвиста троих детей не прокормить, как ни крути. Другое дело — докеры, особая каста грузчиков с заработками, достойными моряков торгового флота. Устроиться докером было равносильно выигрышу в лотерее, и Игорь знал, что, упустит он свой шанс, другой возможности не представится.

Правда, существенно беспокоила мысль, что придётся надолго оставлять Свету одну на попечение тёщи, тестя и Маришки. Это казалось дезертирством с родительского фронта, где линия обороны обозначалась пелёнками, подгузниками, рожками и бесконечным кипячением сосок.

Спасибо, будущий бригадир успокоил: работа по двенадцать часов, отбарабанил день, ночь — два дня выходные. Это Игоря устраивало, и он отнёс трудовую книжку в отдел кадров, лично проследив, как чернявая кадровичка делает запись о приёме на работу крупными школьными буквами.

Поставив точку, она склонила голову набок и с любопытством стрельнула в его сторону густо подведённым глазом:

— Не жалко менять работу?

— Не жалко, если тут такие девушки водятся, — чуть насмешливо отозвался Игорь, осознавая, что лукавит и до полной радости ему далеко, как до луны пешком. Ещё не оторвавшись от университета, он уже скучал по тишине читального зала. Книги всегда манили его тайной, заключённой в буквах и символах. Он любил держать в руках кожаные переплёты старинных фолиантов и вдыхать совершенно особый запах типографской краски, бумаги и книжной пыли.

Ну да ладно, библиотеки — библиотеками, а детям требуется нормальное питание и куча одежды. Да и новую квартиру надо чем-то обставлять. Кроватки и кухонный гарнитур из пальца не высосешь, а деньги, заработанные на летней шабашке, подходят к концу.

В магазине детского питания стояла очередь, и домой он прибежал уже к вечеру.

На улице мело. Ветер вздымал с тротуаров снежные спирали, которые искристо распались на мириады пылинок. Крепкий морозец холодил щёки, выдувая из куртки последнее тепло. Чтобы детский кефир не замёрз, Игорь засунул его за пазуху, подумав, что ещё год назад и предположить не мог, что станет довольным отцом Валерика, Гриши и Глаши.

Из всех троих полуторакилограммовый Валера был самым маленьким и самым горластым. Он мог орать всю ночь не переставая и замолкал, только если его столбиком носили на руках. Тогда его личико приобретала задумчивое выражение мыслителя, а в продолговатых голубых глазёнках появлялась томная усталость.

Григорий тоже любил поддать жару, и только Глашенька давала родителям передохнуть. Она хорошо кушала, много спала и исправно набирала вес согласно норме.

Прежде, в дородительскую эпоху, Игорь представлял отцовство сплошным набором

радостей и семейного счастья. В его мечтах щекастые малыши жизнерадостно улыбались беззубыми ртами и сладко спали в колясках, в то время как счастливые мама и папа обдумывали тактику карьерного роста или планировали летний отдых.

Их детки родились очень маленькими. Та-кими маленькими, что мягкая детская спинка целиком могла поместиться на мужской ладони, заставляя сердце трепетать от жалости и щем-щей нежности.

— Что вы, папочка, хотите? — сказала мед-сестра, выдавая в дверях роддома пыхтящие свёртки: два в голубых одеяльцах и один в розо-вом. — Тройня есть тройня. Такие малыши все мелкие. Теперь ваша задача обеспечить маме покой и стирать пелёнки.

На деле только стирать и приносить про-дукты оказалось мало. Надо было успевать бегать в молочную кухню за детским питанием, вставать по ночам перепелёвывать и укачивать, по вечерам купать, днём гулять и кормить, кор-мить, кормить.

Как-то раз Света со смехом пожаловалась:

— Мне кажется, что я превратилась в моло-козавод и ты скоро меня разлюбишь.

Глупая Светка! Она даже не представляла, до какой степени он в неё влюблён. Когда она кормила детей, небрежно перекинув за спину

растрёпанную косу, он зажмурился, чтобы не заплакать от восторга.

Дома Игоря встретила непривычная тишина, и тёща, прижимая палец к губам, вполголоса сказала:

— Раздевайся, Игорёк, иди ужинать. Сегодня уgomонились все трое одновременно. И Света заснула. Пусть поспит.

Стараясь не звякнуть бутылочками и баночками, Игорь бесшумно проскользнул в кухню, где вкусно пахло гречневой кашей. На сковороде шипели котлеты с хрустящей корочкой, а в большой кастрюле варился компот из сухофруктов — его любимейшее лакомство.

Повязав передник поверх синего домашнего платья, Анна Захаровна колдовала над миской творога. словно бы играючи, её руки скручивали толстенькую колбаску творожной массы, предназначенной для ленивых вареников.

— Анна Захаровна, Марина не забегала?

Отложив творог, тёща перевернула широким ножом котлеты и покачала головой:

— Не приходила и не звонила, хотя я её вчера приглашала на ужин. Знаю ведь, что она себе не готовит. Наверняка всухомятку бутербродами перекусывает.

«Если вообще что-нибудь перекусывает», — закончил про себя фразу Игорь, осознавая, что благостное настроение резко сменилось на пасмурное.

Он наколол на вилку котлету, но есть не стал, а так и сидел, глядя, как тёща стучит ножом по доске, рассекая творожную колбаску на ровные кусочки.

Светиным родителям он решил пока не говорить о перемене места работы — грандиозные новости первой положено узнавать жене.

Оставив ужин на потом, Игорь на цыпочках прокрался через гостиную и осторожно приоткрыл дверь спальни. Охватив малышей обеими руками, Света спала, словно птица, оберегающая своих птенцов. Розоватый ночник-грибок мягко освещал её щёку, которая была ещё бледной после большой потери крови при родах. Чтобы поднять Свете гемоглобин, Игорь ездил на рынок и покупал гранаты и телячью печень. Если бы врач сказал, что надо достать луну или, например, суматранскую каракатицу, то Игорь без колебаний отправился бы на край света.

Только бы они были благополучны, его любимые. В его памяти ещё гулял незабытый страх перед потерей, который он пережил у кабинета в родильном доме. Тот, кто стоял у черты потери любимого, хорошо знает цену счастья и цену горя.

Под его взглядом Светины веки дрогнули, и она улыбнулась. Из-за уснувших малышей она не смела шевелиться, и Игорь мягко шагнул вперёд, опустившись у кровати на колени:

— Светочка, послушай, я должен тебе сказать...

Его шёпот перебил посторонний звук, от которого глаза Светы сразу стали испуганными. Сделав паузу, Игорь услышал, как по замочной скважине корябает что-то железное, словно человек хочет открыть входную дверь, но не может.

— Это папа, — отчаяние в голосе Светы переросло в панику, — это папа опять... Игорь, что делать?

* * *

Чтобы открыть замок, Виктору Васильевичу понадобилось прицелиться. Потому что замочная скважина почему-то уменьшилась в размерах, а потом и вовсе превратилась в каплю и стала стекать на пол. Одной рукой опершись о стену, Виктор Васильевич сосредоточился и с размаху ткнул ключом в ползущую петлю, больно ободрав о стену костяшки пальцев.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Он услышал, как за спиной что-то зашелестело, и с трудом повернул голову. Чёрт действительно стоял там. Именно такой, каким рисуют его на картинках: с лохматой шкурой, с копытами, рогами и длинным хвостом. Голый розоватый хвост, как у крысы, особенно не понравился Виктору Васильевичу, и он с трудом удержал позыв к рвоте, заткнув нос двумя

пальцами: кроме отвратительного хвоста, чёрт отличался жутким запахом.

Мало того, из-за корявой ноги чёрта выглядывала острозубая мордочка химеры размером с кота. Серая, лысая тварь дрожала перепончатыми крыльями, вызывая головокружение.

Не надо было пить последний стакан! Но мужики настояли, чтоб не обижал и принял на посошок. Откуда взялись мужики, Виктор Васильевич не помнил. Вроде бы всё началось с поздравления механика, у которого нарисовался день рождения.

Поначалу он отговаривался:

— Нельзя мне, сам знаешь, могу сорваться в штопор. Да и жене обещал. Не буду!

— Ну, как хочешь. Неволить не стану.

Обиженно пожав плечами, механик отошёл в подсобку сооружать праздничный стол.

Владимир Васильевич попытался сосредоточиться на заявке в бюро приборов, но мысли уже бродили вокруг закуси, деликатно прикрытой газетой «Правда» — её приносили из красного уголка. Он вспомнил, что у механика тёща украинка и наверняка на столе будет добрый шмат сала с подкопчённой шкуркой и банка с солёными арбузами — невиданным для ленинградцев деликатесом. А под такую закусочку как не махнуть по стопочке? Самой маленькой. Чисто символически, чтоб никто не заметил, а потом — баста.

Сначала выпили по стопочке портвейна в цеху, затем продолжили за проходной завода, а потом пошли в гости. Там пили спирт и самогон. Мужики смеялись и травили анекдоты, но чёрта с химерой там точно не было. Или уже были? Наверное, были.

Стоя на четвереньках, Виктор Васильевич увидел, как по цементному полу к нему приближаются копыта с грязными раздвоенными кончиками. По хребту Виктора Васильевича пробежала ледяная дрожь, несколько отрезвившая голову. Сфокусировав зрение, он сумел рассмотреть засохшую грязь между трещин в копытах и облегающий ногу чёрта жёсткий мех бурого цвета.

Зажмурившись, Виктор Васильевич почувствовал, как внутри него заворочался какой-то комок, раздирающий грудь. Ему стало жутко.

Обжигая зловонным дыханием, чёрт нагнулся, так что его маленькие красные глазка оказались на уровне лица Виктора Васильевича. Его язык был высунут, как у собаки, а из пасти капала слюна. Сквозь спутанное сознание Виктор Васильевич понял, что это конец и бежать некуда, потому что этот чёрт — он сам.

— Не хочу, не хочу, — попытался он выговорить человеческие слова, — Господи, помоги.

Но деревенеющий язык не слушался, выдавливая изо рта нечленораздельное мычание.

Где же ключи? Домой, к жене, к дочке: они спасут...

Виктор Васильевич неистово зацарапал дверь скрюченными пальцами, и она тут же распахнулась. Чьи-то руки подняли его с пола и повели в квартиру. В прихожей со всех сторон болтались пелёнки, между которых Виктор Васильевич смутно рассмотрел заплаканное лицо жены. Он деревянно оглянулся назад в ещё распахнутую дверь на лестницу. Там было пусто и только у подоконника сидел соседский эрдельтерьер Крокодил.

Чтобы погрозить псу пальцем, Виктору Васильевичу пришлось шире расставить ноги, иначе бы он упал.

— У-у-у, злодей.

Он снова увидел жену, и его сердце затопила неистовая любовь. Когда-то давно, сто лет назад, он подхватил её на руки и пообещал:

— Так, как я, тебя никто любить не будет.

Вытянув губы трубочкой для поцелуя, Виктор Васильевич рванулся вперёд:

— Аннушка, любимая. Я пришёл.

Благодаря поддержке он не рухнул набок, а неловко повис, запутавшись головой в пелёнке. Его выпутали и, придерживая за талию, повели в комнату. Это было обидно. Больной он, что ли? Он глава семьи!

Отталкивая от себя назойливые руки, которые норовили подвести к кровати, он стал кричать:

— Пустите, я сам! Я здесь хозяин!

Но силы заканчивались, и Виктор Васильевич вдруг ослаб, словно из него выкачали воздух. Уже не брыкаясь, он позволил себя раздеть и уложить на кровать, слыша сквозь сон тихие всхлипывания и надсадный детский плач. Он бил в уши, наполняя голову металлическим звоном.

Виктор Васильевич вдруг вспомнил про жену. Надо ей сказать, что виноват, выпил и больше не будет, но его попытку перебил мужской голос, который спокойно сказал:

— Не беспокойся, Светочка, я буду с вами.

— Легко сказать «буду с вами», а сделать куда сложнее, — пробормотал себе под нос Игорь, когда тесть уgomонился тяжёлым, беспокойным сном.

Укачивая одновременно Гришку и Глашку, Игорь пересекал комнату по диагонали, постоянно наталкиваясь на угол письменного стола.

В спальне Света делала массаж Валерке, и от его отчаянных криков у Игоря сжимались губы. Чтобы скрыть слёзы, Анна Захаровна поспешно ушла в ванну полоскать пелёнки.

Игорь подумал, что если посмотреть со стороны, то дома у них полный раскардаш. Но это

раскардаш его собственного дома, за который он несёт ответственность и который он не променяет на все блага мира.

* * *

Сегодня дамочка не прошла мимо него. Застенчиво перекидывая перчатки из руки в руку, она взмахнула покрашенными ресницами:

— Простите, можно с вами поговорить? Ведь вы Павел?

Павел резко остановился, с размаху наступив в ручеёк из подтаявшего сугроба. Весна — время мокрых ботинок, и против этого закона природы всё бессильно. С залива тянуло свежим ветром, а над головой оглушительно каркали вороны, обсевшие ветки старых тополей вдоль набережной. Хотя было ещё холодно, почки деревьев уже набухали, добавляя в смесь городского воздуха терпкий аромат свежих листьев.

Идя с работы привычным маршрутом, Павел уже в который раз видел на своём пути интересную женщину в модной стёганой куртке и высоких сапогах-ботфортах. Симпатичная, голубоглазая, курносенькая. Ей было, наверно, чуть за тридцать. Взглядом бывшего фарцовщика Павел успел оценить немалую стоимость фирменных шмоток и такую же фирменную стрижку гладких волос цвета осеннего леса.

Идя навстречу, женщина смотрела ему прямо в глаза и едва заметно улыбалась, словно старому знакомому, к которому не решается подойти.

Ожидая ответа, она развернулась и прикоснулась к его рукаву, так что Павел был вынужден спросить:

— Мы знакомы?

Её губы мило скривились:

— Шапочко. Как-то нас познакомил Олег, — она назвала имя одного из случайных знакомых, о котором Павел и думать забыл, и насмешливо добавила: — Вы на меня и внимания не обратили, а я вас отметила. Я Лия.

К её внешности шло звучное, нездешнее имя. Чувствовалось в Лие что-то такое чужое, не ленинградское.

Странно. Несмотря на рассеянность, у Павла была неплохая память на лица, но эту Лию он в упор не помнил. Хотя всякое случается — не исключено, что в момент знакомства он был мыслями в совсем иных сферах.

Хитрить Соснин не стал:

— Мне стыдно, но я вас не припоминаю.

Поправив одним пальцем прядь волос надолбом, Лия засмеялась:

— Я так и поняла, иначе бы вы поздоровались первым. Я ведь вас здесь часто вижу. Наверное, живёте неподалёку?

— Да, в паре остановок отсюда. Люблю ходить пешком, — признался Павел, подумав, что для беседы надо отойти в сторону, а не стоять столбом посреди улицы.

— Так пойдёмте, — в глазах Лии заплясали весёлые искорки. — Я вас с удовольствием провожу, всё равно гуляю без цели. Голова разболелась, вот и вышла пройтись по набережной. — Картинно вздохнув, Лия потёрла виски.

На больную она была непохожа, но Павел не стал перечить, да и какое ему, в сущности, дело до случайной знакомой случайного знакомого. Хочет проводить — пусть проводит, набережная не купленная.

Огибая лужи, Лия прошла немного вперёд, уверенно выбирая направление к его дому.

Дойдя до мостика через канал, она остановилась и, подражая птице, взмахнула руками:

— Какой здесь простор, красота! Я дышу и не могу надышаться! Так бы и полетела вместе с ветром.

— Не советую, по радио к ночи обещали шторм, — серьёзно предостерёг Павел, как будто Лия уже набирала высоту.

Она шутливо нахмурилась:

— Фу, какой вы неромантичный.

— Увы, но синоптики не соврали, — Павел кивнул на небо, которое ветер успел закрасить широкими мазками тёмных облаков.

В отличие от большинства ленинградцев, он любил плохую погоду и Лия, видимо, тоже. Подняв воротник, она подставила лицо ветру и блаженно зажмурилась:

— Хорошо!

Ей пришлось подвинуться, чтобы пропустить группу туристов с фотоаппаратами в руках.

Потом Лия подошла к Павлу и уже по-свойски взяла его под руку:

— Здесь так скользко.

Как близкие друзья, они медленно пошли по гранитной набережной, знакомой Павлу до последней трещинки на асфальте.

Около спуска к воде он вспомнил, как самодельной удочкой ловил здесь рыбу, а Эдька Костров авторитетно доказывал, что в Неву иногда заплывают белые акулы и могут утащить под воду. Эдька вообще любил разные страшилки.

Приноровившись под его шаг, Лия засыпала грудой вопросов. Интересовало её абсолютно всё, вплоть до соседей в коммунальной квартире. Она оказалась смешливой и остроумной, и Павел сам не заметил, как втянулся в разговор.

Оказалось, что Лия неплохо разбирается в математике, и, когда она вскользь упомянула, что выписывает журнал «Математические труды», Павел удивлённо поднял бровь. Эта женщина, определённо, сумела вызвать его интерес.

В гости Павел не стал её приглашать, но Лия и не напрашивалась. Не доходя до подъезда, она высвободилась из-под его руки:

— Павел, я взрослее вас, поэтому позвольте мне на правах старушки... — не закончив фразы, Лия привстала на носочки и легко скользнула губами по его щеке, оставив на память тонкий аромат цветущего луга, — надеюсь, ещё увидимся!

Почему-то в этом Павел не сомневался.

* * *

Едва переступив порог комнаты, Екатерина Семёновна обнаружила маленькое чудо. Оно стояло на окне в тесном цветочном горшочке, неистово полыхая переливами алого цвета. Кактус зацвел. Ну надо же! Прямо к Пасхе.

Скинув сапожки, Екатерина Семёновна поставила на стул авоську с продуктами и подошла к окну. Вот и очередная весна пришла. В последнее время она постоянно тревожилась за Павла, и цветок кактуса показался ей предвестником грядущей радости, искоркой среди серых будней.

Опасаясь повредить нежные цветочные лепестки, Екатерина Семёновна полила кактус отстоявшейся водой из молочной бутылки и увидела в окно Павла. Тот возвращался не один, а под руку с хорошенькой женщиной.

Суетливыми действиями его спутница напоминала синичку на ветке, которая высматривает в траве лакомые зёрнышки. Хохоча, женщина запрокидывала голову так, чтобы Павел мог видеть нежный изгиб её губ, а когда хмурилась, то как бы ненароком прижималась грудью к его локтю.

В противовес женщине Павел вел себя скованно, держа дистанцию. И хотя он откликался на улыбки женщины, Екатерина Семёновна поняла, что ему совсем невесело. Он вообще очень изменился со дня разрыва с Мариночкой, и из его глаз исчезла детская наивность. Взгляд стал жёстким, спокойным, словно заледенел. С той зимней ночи, когда Павел ввалился домой в мокрых тапках, прошло всего несколько месяцев, а кажется — век пролетел.

К Марине Павел больше не ходил и в разговорах не упоминал. Лишь плечи каменели, когда она возвращалась от Светочки с Игорем. Знал, что Марина всегда там.

Екатерина Семёновна вздохнула:

— Иногда хочется покоя, но благодарю Тебя, Господи, за то, что имеем. Только бы не было войны!

На краткий миг представились закопчённые руины зданий, эвакуация, детский дом на окраине областного Вельска и молчаливая девочка с большими глазами — Глаша Могилёва. В последнее время она часто приходила на ум,

наверно потому, что Игорь со Светой тоже называли дочь редким именем Глафира. Глафира Лимарёва — звучно и необычно.

Вспомнив об ужине, Екатерина Семёновна поспешила на кухню. Скоро Павлик придёт, а у неё конь не валялся. По ходу дела она успела заметить, как Павликова знакомая повисла на его шее. Это ей совсем не понравилось: современные дамы — не то что трепетные барышни их времён. Раскрепостила советская власть женщину, да так, что дым коромыслом. Лично они с мужем поцеловались первый раз после года знакомства, а до этого называли друг друга по отчеству и на «вы». Сейчас этот архаизм выглядел наивно и трогательно, но была в тех отношениях та глубокая чистота, которая позволяла видеть сначала душу человека, а уж потом обращать внимание на тело.

На кухне, как всегда в вечернее время, все горелки были заняты, а раковина прочно набита грудой грязной посуды. На табуретке около окна остывала выварка с бельём, около которого хлопотала соседка Лида. На голове у Лиды было намотано полотенце, с которого на пол капала рыжая пена.

— Екатерина Семёновна, — Лида едва не плакала, — я красила волосы и уронила в выварку пакет хны. Что делать? Раковина занята, в ванной заседает Сергей Сергеевич. Пропало

бельё. И я пропала. Муж убьёт. Бельё всё за-
красилось, а волосы повылезают.

— Не убьёт, Лидочка, мы что-нибудь при-
думаем.

Одним движением засучив рукава, Екате-
рина Семёновна стала выгружать посуду из
раковины и составлять на ближайший стол.
Посуда была скандальнейшей соседки Махот-
киной, а стол принадлежал большому чело-
веку Сергею Сергеевичу — директору пункта
утильсырья. Должность была очень выгодная,
особенно с тех пор, как на сданную макулатуру
стали продавать дефицитные книги: за двадцать
килограмм — один том.

Рядом сквозь зубы подвывала Лида, которая
успела обварить пальцы в кипятке и выдрать
себе клоч волос.

— Сейчас, Лидуша, сейчас.

Последнюю тарелку, запачканную селёдкой,
Екатерина Семёновна даже успела сполос-
нуть, когда в кухню важно всплыла Махоткина.
Полная, сорокалетняя Махоткина была одета
в игривый розовый халатик, едва прикрываю-
щий тугие телеса, в руках она держала очеред-
ную порцию грязных тарелок.

Увидев свою посуду на чужом столе, она
широко открыла накрашенный рот и испустила
возмущённый крик:

— Где моя посуда?

— Извините, Аня, у нас форс-мажор. Идите, Лидочка, смывайтесь скорее.

Екатерина Семёновна жестом указала Лиде на раковину, но Махоткина живо перегородила дорогу, выставив вперёд руки с тарелками, наподобие метательных снарядов:

— Как это идите? Куда идите? Это кто же вам разрешил чужую посуду трогать, а ещё интеллигенция называется!

— Аня, потом разберёмся, а сейчас Лиде надо смыть голову, — попыталась увещевать Екатерина Семёновна, но это было всё равно что пытаться тушить огонь бензином.

Махоткина вошла в раж. Теперь она уже не кричала, а хрюкала, злобно взвизгивая после каждого предложения:

— Пока посуду не вымою, никого не пущу. Я первая заняла раковину, а Лидку не заставляла голову красить. Надо ей волосы смывать — пусть хоть в унитаз идёт, мне до этого дела нет. Здесь коммунальная квартира и все на равных правах!

Напирая грудью на Лиду, Махоткина отсекала её от раковины, тыча в лицо грязными тарелками. Сцена была безобразная, и Екатерина Семёновна уже собиралась встать перед несчастной Лидой как щит, но вдруг услышала повелительный голос Павла:

— Что здесь происходит? Анна Игнатьевна, немедленно прекратите скандал.

Прислонившись плечом к косяку, он с холодным спокойствием смотрел на Махоткину, и только натянутые скулы выдавали его негодование.

Казалось, что от установившейся тишины тарелки в руках Махоткиной могут треснуть напополам. Беззвучно открыв рот, она заглотила воздух, который, по-видимому, застрял у неё в лёгких:

— Я...

Павел поднял одну бровь.

— Я... — Махоткина отступила назад, — я ничего, так просто...

Резко повернувшись, она загремела посудой на столике, перекладывая её из стопки в стопку.

— Лидочка, идите мойтесь, — облегчённо сказала Екатерина Семёновна. — А ты, Павлуша, пока поголодай немножко, скоро будем ужинать.

Шинкуя капусту, Екатерина Семёновна внезапно прервалась и, опустив нож, кончиком фартука вытерла повлажневшие глаза. Она думала о том, что Павликова юность закончилась и сейчас она увидела перед собой его новое, уже мужское лицо.

* * *

Высокие арочные окна со старинными переплётами смотрелись в речку Мойку напротив особняка, откуда в последний путь вынесли великого русского поэта Пушкина. Пишут, что

в ту февральскую ночь по городу кружила метель, обволакивая дома одним белым саваном.

Сейчас тоже ночь, но сна ни в одном глазу.

Прошлёпав из ванны босыми ногами по дубовому паркету, Лия Норрис налила себе чаю и заказала разговор с Вашингтоном. Международная связь работала из рук вон плохо, потому что за время ожидания Лия успела не только выпить чай, но и сжевать пару бутербродов с докторской колбасой. Колбасу она заказывала в специальном отделе диетического магазина вместе с красной икрой и московскими калачами, отдалённо напоминающими ей амбарный навесной замок.

Соединили, когда Лия раздумывала, не намазать ли третий бутерброд.

К трубке подошёл брат. Полузакрыв глаза, Лия представила его в любимой красной рубашке навыпуск и в голубых джинсах. Широкий в кости, с квадратными плечами и благородной проседью в волосах. Копия отца.

— Привет, Стив. Как дела?

— Привет, детка! Мы начали по тебе скучать.

Лия терпеть не могла, когда он называл её деткой, но брат опередил её на десять лет и всю жизнь пользовался своим старшинством.

Сквозь тягучий говорок Стива пробивались голоса племянников и смех Джейн. С женой брата Лия всегда ладила.

— У вас барбекю?

Стив довольно крикнул:

— Да. Жарим свинину на рёбрышках, а мальчишки задумали запечь помидоров. Джейн уверена, что после их стряпни одежду придётся выкинуть.

— Хотела бы я быть с вами.

— У каждого свой бизнес, милая. Кстати, как продвигаются твои дела?

Почувствовав сквозняк из приоткрытой форточки, Лия плотнее запахнула махровый халат и подобрала под себя ноги:

— Дни напролёт просиживаю в библиотеке, как и положено усердному доктору наук. Кстати, откопала кое-что интересное по назначению Кутузова главнокомандующим русскими войсками.

— Неужели? — по голосу брата Лия чувствовала, что тот улыбается. Оба знали — линия прослушивается, поэтому приходилось болтать о пустяках, опуская главную тему разговора.

— Да. И, кроме того, купила один милый сувенир вам на юбилей свадьбы.

— Ты только не переусердствуй, детка. Сама знаешь, существуют международные правила перевозки ценностей. Ты будешь должна заполнить декларации, освидетельствовать товар в комиссии по культуре и доказать его принадлежность.

Вовремя сообразив, что брат оседлал своего любимого конька и собирается прочитать ей лекцию по таможенному праву, Лия перебила:

— Нет-нет. Всё невинно, не беспокойся. Я знаю правила игры.

Зажимая трубку плечом, она взяла с журнального столика небольшую иконку и скользнула взглядом по голубому облачению Богоматери с белым цветком в руке.

— Надеюсь, подарок тебе понравится. Джейн всегда была ценительницей прекрасного.

Он засмеялся:

— О' кей. Но ты должна признать, что самым лучшим приобретением Джейн оказался я.

Они ещё поболтали минут пять, после чего Лия положила трубку и задумчиво постучала ногтями по краю медной пепельницы с чеканным узором. Сама она не курила, а пепельницу прикупила на всякий случай, соблазнившись затейливой чеканкой грузинских мастеров.

В звонком холодном металле, казалось, жила охота к победным маршам.

После сегодняшней встречи с Павлом, названной первым контактом, давно вызревший план действий приобретал новые формы. И надо заметить, чертовски привлекательные.

Оставив в покое пепельницу, Лия прошла в спальню, но вылезать из пушистого халата не хотелось, и она легла на кровать прямо в нём, закинув руки за голову.

Из углов на потолке на неё таращились пучеглазые амуры с чересчур толстыми щеками

и пухлыми ртами. Служащая дипломатического корпуса — нынешнего арендатора — рассказывала, что до революции квартира принадлежала одной балерине, из фавориток, даже фамилию называла. Вроде бы Сущинская или Сущевская. Язык сломаешь, пока выговоришь.

Вспомнив, сколько пролилось слёз, прежде чем она научилась выговаривать жуткую букву «щ», Лия победно улыбнулась: из всех студентов их выпуска только она одна сумела добиться безупречного произношения. Профессор Буров, из русских эмигрантов, даже пригласил её на званый ужин, чтобы продемонстрировать своей матушке — какой-то там графине или княгине.

Искренне веря, что русский выучен только ради знакомства с великой культурой, старуха называла её деточкой и угощала жареными пирожками под названием беляши. Впрочем, беляши Лие понравились. Это тебе не хот-дог в студенческой забегаловке Принстонского университета.

Ну, а после университета Лиина карьера понеслась вверх, как скоростной лифт в нью-йоркском небоскрёбе. Снова учёба, теперь на физико-математическом факультете, потом курсы советологии в Вашингтоне, назначение в особый отдел и, наконец, командировка в СССР.

* * *

Остервенело выколачивая из жигулёнка прикипевшие тормозные колодки, Эдик думал, что если бы не работа и не дочка, то он, наверное бы, свихнулся.

Интересно, как сходят с ума? Начинают ловить на себе крокодилчиков или просто входят в ступор? С настоящим безумием Эдик ни разу в жизни не сталкивался, если не считать соседа Храпунова с белой горячкой. Но Храпунов допился до белочки собственными силами. Когда за ним приехала «скорая», дядя Вася повязал на живот полотенце, засунул туда пустые водочные бутылки и стал кричать, что готов броситься под вражеский танк и уничтожить его направленным взрывом.

— Сейчас дадим тебе снаряд, не беспокойся, — ласково пообещала Храпунову дородная фельдшерица, распахивая чемоданчик. Она достала шприц и скомандовала санитарам: — Держите его, мужики.

Кроме дяди Васи Храпунова доводилось ещё встречаться со странным дедушкой, правда, называть его сумасшедшим язык не поворачивался, столько доброты от него шло.

Со стариком Эдик познакомился в парке, когда вывез на прогулку спящую Шурёнку.

Погода была отличной. В воздухе пахло морем и весной. Шлёпая по лужам после дождя, Эдик прирулил коляску к скамейке, сел и вытянул ноги, пользуясь роскошными минутами детского сна. Домой идти не хотелось, он был готов провести в парке хоть ночь напролёт.

Лениво прикрыв глаза и подставив лицо ветру, Эдик наблюдал за редкими прохожими, которых по мере наступления сумерек становилось всё меньше и меньше. Когда мимо прошла группа парней с магнитофоном в руках, Эдик, забеспокоившись, что Шурёнка проснётся, стал качать коляску ногой, но почти сразу пришлось вскочить и схватиться за ручку обеими руками, потому что парней догоняли несколько хохочущих девчат.

Безудержно смеясь, они тыкали пальцами в направлении боковой аллеи. А одна из них, в лакированных сапожках и коротком красном пальтишке, деланно восклицала:

— Ой, не могу! Ой, держите меня!

Заинтересовавшись, что могло их так впечатлить, Эдик взглянул в глубь парка и увидел высокого лысого старика с седой бородой. Хотя на улице было прохладно, старик шёл в пиджаке нараспашку и резиновых дачных ботах ярко-синего цвета. Эдикова мать недавно купила похожие для поездок за грибами. Энергично сгибая руки в локтях, дед то ли делал на ходу

физкультурные упражнения, то ли разминался перед разбегом.

Дед как дед. Совсем сдурели девки — мало ли кто как одевается?

Пожав плечами, Эдик снова опустился на скамейку, но тут дед подошёл поближе, тускло посверкивая боевым орденом Красного Знамени на груди:

— Здоровеньки были!

Не удивляясь форме приветствия — на станции он всяких приветов наслушался — Эдик равнодушно кивнул:

— Здорóво, дед.

С металлическим позвякиванием дед грузно шлёпнулся на скамейку, раскрывая секрет того, что вызвало девичий смех. Видывали мы чудачков, но чтоб так! Со сдержанным изумлением Эдик метнул взгляд на странное ожерелье, висевшее на шее деда. Оно состояло из алюминиевых чайных ложек, подвешенных за просверленные черенки. Стукаясь друг о друга, ложки покачивались под запахнутыми полами пиджака на обыкновенной бельевой верёвке, завязанной бантиком. Заметив его интерес, дед довольно заулыбался, приоткрыв рот с одним зубом:

— Нравятся мои ложечки?

— Ну, как тебе, дед, сказать... — протянул Эдик, лихорадочно прикидывая, не уйти ли ему на другую скамейку.

— Так и скажи: нравится, мол. Чего стесняться? Но, вообще, ты, парень, мне не нравишься. Кислый ты какой-то, нерадостный.

Эдик насупился:

— Не с чего радоваться.

— Как это не с чего? — неподдельно удивился дед. — Дитё в коляске качаешь, а говоришь, радоваться не с чего? Эх, был бы у меня хоть сын, хоть дочка, разве бы я хмурился хоть минуточку? Всегда радуйся! От горя ничего путного не сделаешь, а от радости любое дело в руках горит. Давай-ка я тебе сыграю. Развеселю, значит.

Не успел Эдик возразить, как дед скинул с себя ожерелье, распустил узелок и снял с вязанки пару ложек.

Он объявил свой номер торжественно, с придыханием в голосе, словно представляя себя перед зрительным залом:

— Калинка-малинка!

Ложки резво застучали весёлый мотив, под который дед принялся притопывать ногами, размазывая весеннюю грязь под скамейкой.

— Калинка, калинка, калинка моя! Эх, развернись душа! — он дружески подпихнул Эдика локтем в бок. — Давай, паря, подпевай. Сразу тоска улетит. Ты красивый, здоровый, сытый, на своих ногах, а куксишься, как трухлявый гриб.

«Сейчас он разбудит Шурёнку, — обречённо подумал Эдик, — надо было бежать на другую скамейку». Он тревожно заглянул в коляску, но дочка безмятежно посапывала и, похоже, даже крепче, чем обычно.

В лице деда светилась такая неподдельная радость, от которой Эдику стало стыдно за своё уныние. Действительно, если вдуматься, ему ли жаловаться на свою жизнь? Правильно сказал дед. Хорошая работа, маленькая дочка, крепкое здоровье — что ещё надо для счастья? Но что-то в этой цепочке не срасталось, искрило, как в пробитой проводке.

Чайные ложки замерли в такт его мыслям.

— А может, ты сам поиграть хочешь? На, стучи, разгоняй тоску, коли на сердце тяжесть.

Чуть ли не силком он втиснул в руки Эдика ложки, разогретые теплом его ладоней, встал и по-военному отдал Эдику честь:

— Дарю. Бери, не стесняйся. Я этих самых ложек знаешь сколько раздал?

Глаза деда требовали вопроса, поэтому Эдик проямлил:

— Сколько?

— И не сочтёшь! Я ведь ложки на счастье ещё на фронте начал раздавать. Мы как-то раз у немцев полевою кухню отбили, ребята похватали кому что под руку попадётся — шибко голодные были, а я фашистский суп есть не мог,

ну мне вместо харчей ящик ложек достался. Я и начал на них от скуки кадрили выстукивать. Как кому придёт из тыла слёзное письмо — я с ложками тут как тут. Стук-стук — уходи тоска! Али мы не русские люди? До того как власть церковь разрушила, народ колокольными звонами душеньку тешил, а нам, грешным, ложки достались. И то хорошо. Ложка не колокол — никто не отымет. Потом я скумекал, что ложечки-то мои счастье приносят, — словно в подтверждение дед одним пальцем тряхнул своё причудливое ожерелье, и оно отозвалось жестяным блямканьем. — Ну, я пошёл! Бывай, паря. А в ложки-то стучи, не забывай.

— Не забуду. Спасибо.

Эдик взял ложки только потому, что не захотел обидеть деда-орденоносца. Но когда старик скрылся из виду, Эдик воровато оглянулся по сторонам, убеждаясь, что никто на него не смотрит, и несколько раз стукнул ложкой об ложку: «Эх, калинка, калинка, калинка моя!» И на сердце, расскажи кто — не поверил бы, стало веселее.

* * *

Света поднялась затемно, потому что закричал Гришатка. Сегодня малышам исполнялось три месяца.

Игорь спал на краю дивана, просунув руку сквозь прутья кровати. Он так приноровился к беспокойным ночам, что мог качать детей не открывая глаз, благо догадался поставить кровать на колёсики от старого кресла. Еле коснувшись губами его щеки, Света подумала: «Я так тебя люблю, что голова кружится».

Прижимая к груди чмокающего Гришку, она тихонько вышла в коридор и присела на чемодан, в который были сложены детские вещи. На горячей батарее сушились подгузники, и в байковом халатике было жарковато. Когда халат был новым, его ткань полыхала красными цветами, которые от частых стирок стали бледно-розовыми. Игорь говорил, что в этом халате она похожа на принцессу Розовой страны.

К восьми утра подойдёт грузовик, и они с Игорем поедут на новую квартиру.

Сегодня Игорь выходной, а завтра уходит работать в ночь, потому что теперь он — докер в порту. Света до сих пор не могла привыкнуть к его новой профессии. Когда Игорь сообщил, что уволился из университета и пошёл в порт на курсы докеров-механизаторов, она проплакала всю ночь, страдая от мысли, что ради неё Игорь отказался от любимой лингвистики. Эта ситуация казалась ей нестерпимой, а вынужденное решение — страшной несправедливостью.

— Так надо, — говорил Игорь. Он брал в ладони её лицо, осыпал поцелуями и утешал: — Не переживай, Светик, с лингвистикой я не расстанусь, работа в порту не мешает мне думать. Я настойчивый и науку не брошу, ты же знаешь.

И ей приходилось, скрепя сердце, соглашаться с его доводами, чтобы потом мучиться новыми сомнениями. Хотя, как ни крути, детям надо кучу одежды, без двух кроваток и двух колясок не обойдёшься, а на носу ещё и переезд на новую квартиру.

Ради помощи с переездом, Марина взяла отгул, мама обещала отпроситься с работы пораньше, а папа...

Тяжко вздохнув, Света посмотрела на закрытую дверь родительской комнаты, откуда доносилось невнятное бормотание. Что делать с папой, Света не знала. Запой следовал за запоём, причём каждый новый оказывался страшнее и длительнее предыдущего.

«Каждый человек волен сам выбрать свою судьбу, — думала она, чувствуя, как к горлу подкатывает комок горечи, — но неужели кто-то может выбрать сознательное помрачение рассудка? Какая злая сила подталкивает выпить первую рюмку?»

Иной раз, при виде бессмысленных глаз отца, Света буквально видела, как внутри него тёмной

массой ворочается отвратительное чудовище, насквозь провонявшее водочным перегаром. Искажая папин голос, чудовище гундит разные глупости, от которых хочется заткнуть уши или оглохнуть навсегда.

Мысль, что папа и они все беззащитны перед этим чудовищем, окатывала ужасом и безысходностью. Кроме того, постоянно грызло чувство вины перед Игорем за то, что он вместе с ней и мамой тащит на себе невыразимо тяжкую ношу под названием алкоголик. Получалось как в анекдоте: невеста с приданым. А приданое — хуже не бывает.

Но, несмотря ни на что, она любила папу просто за то, что он её папа, и никогда не променяла бы его на другого.

Задумавшись, Света едва не пропустила момент, когда Гришин ротик исказился в готовности к плачу.

— Баю-бай, милый, баю-бай, — поспешно вскочив, Света принялась мерить шагами прихожую — два шага вперёд, два шага назад. От монотонных движений ребёнок стал затихать, и Света поняла, что её веки тоже опускаются вниз и она спит на ходу, головой задевая за сохнувшие пелёнки. Ей вообще всё время хотелось спать, и порой она думала, что теперь не отоспится никогда в жизни. Так и будет постоянно клевать носом, когда другие люди смеются, читают

книги, ходят в кино и просто радуются жизни, отпущенной человеку как дар Божий.

В какой-то книге было написано, что пытка бессонницей считается одной из самых страшных, потому что притупляет чувства, мешая вместе сон и явь, свет и мрак.

Тёплое тельце Гришки в руках стало казаться свинцовой чушкой. Силы исчезли, Света снова села на чемодан, прислонилась головой к стенке и задремала, автоматически бормоча как заклинание:

— Баю-бай. Баю-бай.

Проснулась она оттого, что в подол халатика потёк тёпленький ручеек, а Гришенька в руках стал извиваться как червяк. Настенные часы показывали пять утра. Удивительно, но удалось проспять почти час! Целый час, огромный, как Чёрное море!

Семья ещё спала. Не слышалось и папиного дыхания. Тяжёлого, с посвистом. Тишина в квартире настораживала, поэтому Света подошла к комнате родителей и осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Мама спала, отвернувшись к стене, а место рядом с ней пустовало. Папа ушёл. Не укараулили.

Пересиливая внутреннюю дрожь, Света заметалась по квартире в слабой надежде, что папа окажется на кухне или в туалете. Пусто, пусто. Может, он пошёл покурить на лестницу?

Света знала, что это не так, но всё же убежала на площадку, в отчаянии ища глазами ссутуленную фигуру. Тоже никого.

Её скрючивала боль, словно от удара ногой в живот, и, если бы не ребёнок на руках, она скорчилась бы на коленях, прямо на затёртом придверном коврике.

Заглушая боль, Света прижалась лицом к тонкому чепчику на головке ребёнка.

— Никогда не пей, слышишь, Гришенька, никогда. Обещай маме. Ты должен вырасти в папу, а не в дедушку.

Нежный запах тельца ребёнка помог прийти в себя, и она смогла распрямиться, чтобы войти в квартиру. Наверное, отец сейчас останавливает таксистов — говорят, они почти все приторгивают водкой. Или бежит по притонам, известным всем алкашам района, но совершенно неизвестным доблестной милиции. Интересно, сколько у него денег?

Промелькнувшая мысль заставила поискать глазами сумочку, в которой лежали деньги, скопленные на переезд. Света лично поставила сумочку на подзеркальник в прихожей, чтобы не потерялась при переезде и была под рукой. На светлой столешнице комочком валялся смятый билетик от трамвая и затёртая двухкопеечная монетка для телефона-автомата. Сумочка с деньгами исчезла.

* * *

Денег в сумочке набиралась солидная сумма: Светины декретные, Игорев расчёт из университета с компенсацией за отпуск, остаток заначки за шабашку и вчерашняя зарплата из порта вместе с премией. Какая-нибудь бабуля-пенсционерка на такую сумму легко могла протянуть целый год, если не больше.

На негнущихся ногах Света бросилась в комнату, затормошила Игоря:

— Игорь, Игорёк, проснись, у нас беда.

Он вскочил сразу, едва Света коснулась его плеча. Спросонья затряс детскую кроватку и опустил руку только тогда, когда Глаша с Валериком подняли дружный рёв:

— Что случилось? Дети?

Глядя в испуганные глаза Светы, Игорь одновременно нашаривал два рожка с молочной смесью, чтобы сунуть их в требовательно раскрытые ротки. Он уже привык делать это на автопилоте, словно всю жизнь проработал нянкой в детских яслях.

— Папа... — Света кусала губы в кровь, но никак не могла выговорить слово, характеризующее его поступок. Папа и воровство не могли оказаться вместе. Папа слабый, бесхарактерный, но не вор. Не вор! Наконец она смогла подобрать

фразу и с отчаянием выпалила: — Папа взял сумочку с нашими деньгами и убежал.

— Шутишь?! Он же обопьётся насмерть!

Игоря подбросило вверх, как на батуте. В лихорадочном темпе он натянул одежду и, уже на пороге, на мгновение привлёк к себе Свету, скользнув пальцами по её волосам:

— Я его разыщу. Не волнуйся, всё обойдётся.

— Игорь!

Он обернулся.

Света стояла у кровати, обеими руками придерживая три орущих свёртка. Она была очень бледной, и за то, чтобы из её глаз исчезло отчаяние, Игорь мог перевернуть горы. Жаль, что не в его силах вернуть тестя к нормальной жизни, но представься такая возможность — руку бы отдал ради этого!

— Игорь, будь осторожен!

Чувствуя, как по сердцу прокатилась волна нежности, он сумел усмехнуться:

— Свечечка, я ведь не на войну.

В коридоре он столкнулся с тёщей, которая спешила на помощь Свете:

— Игорёк, папы нет.

— Знаю. Я пошёл его искать, Анна Захаровна.

— С Богом, родной!

Подставляя лоб под крестное знамение, Игорь снова поймал себя на мысли: наверное, так провожали на войну. Так оно и есть в нашем

мире, где идёт непрекращающаяся битва добра со злом, которой не видно конца.

В отличие от зимних месяцев, темнота на улице стояла сероватая, жиденькая, словно разведённое молоко. По инерции пробежав несколько шагов вперёд, Игорь остановился и осмотрелся. Насколько видел глаз, улица была пустынна, только кое-где в окнах загорался первый свет.

Куда же тесть мог пойти? Скорее всего, к трассе, проходящей за соседним домом.

Игорь бежал, слыша, как под ногами хрустят корочки льда на замёрзших лужах. Хотя в лицо бил ветер, он задыхался от жары в зимней куртке, первой подвернувшейся под руку на вешалке.

Пустынное шоссе утюжила уборочная машина; поёживаясь от холода, мимо профланировал хмурый собачник с большим псом на поводке. На вопрос Игоря, не проходил ли здесь пожилой мужчина, собачник отрицательно покачал головой, а пёс злобно ощерился.

Бегать вдоль дороги туда-сюда смысла ни имело, поэтому Игорь повернул к универсаму, а точнее, к пивному ларьку, около которого с раннего утра начинали кучковаться местные алкаши.

От бега перехватило дыхание, хотя Игорь всегда считал себя человеком выносливым. Наверное, дело в холодном весеннем воздухе, который разрывает лёгкие.

Вокруг злополучного ларька он намотал два круга, но зато разглядел вдали квартала тёмно-синий жилет дворника. Вот кто должен знать все значные места на вверенной территории. Чтобы не упустить дворника, пришлось поднажать и как раз вовремя, потому что пожилая тётенька с метлой уже собралась уходить.

— Подождите, пожалуйста, постойте! — запыхавшись, Игорь нагнал её у двери в парадную.

— Это ты мне, парень? — дворничиха развернулась вполоборота и смерила Игоря подозрительным взглядом с ленинским прищуром. — Чего надо?

— Понимаете, я ищу место, где можно купить спиртное.

Он понял, что сморозил глупость, когда щёки дворничихи из красных стали свекольными, а челюсть медленно поехала вниз. Перехватив черенок голика наподобие штыка, она стала медленно наступать вперёд, с явным намерением съездить ему по физиономии:

— Водки тебе, алкаш, захотелось?! Много вас здесь таких шляется! Сейчас тётя Маша покажет тебе водку.

С фантастической проворностью она сделала внезапный выпад и нацелила палку прямо в живот Игоря, рискуя пробить селезёнку.

— Нет-нет, вы меня не поняли, — Игорь поспешил оправдаться, чувствуя, как время

течёт мимо него, — я не алкоголик. Но у меня тесть пьющий и он сбежал из дома. С деньгами. Я его ищу.

Не отпуская палку, дворничиха деловито поинтересовалась:

— И много денег?

— Много. На мебель копили.

— Не повезло, значит, — женщина опустила метлу и зажала её под мышкой, — плакали, парень, твои денежки.

— Да на деньги наплевать — новые наживём, я боюсь, тесть до смерти обопьётся или погибнет по-глупому.

С объяснением он, похоже, попал в точку, потому что дворничиха сочувственно закачала головой и голос её потеплел:

— Твоя правда, парень. Упиться до смерти — это у них недолго. Вон пенсионер Картошкин с третьего этажа на прошлой неделе так загулял в выходные, что в окно выбросился. Страх и ужас! Ноги переломаны, а башка целёхонька. Я опосля асфальт замывала, так даже тротуар водкой провонял. Тьфу! Зато, когда хоронили, он как свежий огурчик в гробу лежал — и не скажешь, что алкаш. Хоть жена теперь отдохнёт. А ещё был случай, — дворничиха оперлась спиной на косяк, явно настраиваясь на задушевную беседу, но Игорь её перебил:

— Так знаете, где здесь притон, или нет?

Она вздрогнула:

— Знаю. Как не знать? Видишь ту хрущёвку? — рука дворничихи описала круг.

— Вижу.

— Дуй туда. Второй подъезд, пятый этаж. Адресом не ошибёшься. Только ты, парень, того, поберегись. Лучше бы тебе за милиционером сбегать. А то Женька Лютый пьяный очень дурной. По-настоящему его фамилия Лютиков, но все Лютым кличут.

— Некогда мне милицию вызывать — жена с тещей извелись. Спасибо за помощь.

— Ну-ну, потом благодарить будешь.

Дворничиха нехотя взялась за мусорные вёдра и поплелась в подвал, а Игорь рванул в указанном направлении.

* * *

Не переводя дыхания, Игорь взметнулся на последний этаж. Дворничиха не обманула, да и ошибиться было трудно: одна из дверей на лестничной площадке выглядела словно нечаянно уцелевшая после атомного взрыва. Некогда её полотно было обито чёрным дерматином, но обшивка давно износилась, а об оголившееся дерево опытные посетители тушили окурки: обгоревшие хабарики присосались тучными гроздьями. Оставалось только удивляться, как

эти умельцы не сожгли квартиру вместе с домом в придачу.

Вырванный с мясом звонок ошетинился оголёнными проводками, и, когда Игорь весомо постучал в дверь, из глубины квартиры про-рокотал сиплый бас:

— Входи, не заперто!

Дверь подалась со скрипом, приоткрывая вход в тёмное пространство с тусклой лампочкой на витом шнуре. В ноздри ударил тяжёлый дух грязных тел, перегара, протухших продуктов и всех тех нечистот, которые могут гнездиться в бомжатниках. Крошечный коридор был загромождён пустыми бутылками до такой степени, что приходилось выбирать, куда наступить. Из двери слева на полу распластались чьи-то ноги в рваных носках и доносился натушный храп, перемежающийся с поросычьим повизгиванием.

Пытаясь определить местонахождение хозяина квартиры, Игорь заглянул в кухню, затянутую сизым маревом от папирос. Голос шёл оттуда. Игорь разогнал рукой дым и увидел сидящего за столом мужчину в красных семейных трусах и чёрной майке. Майка висела на хозяине балахонном, открывая жилистую шею, поросшую редкими рыжими волосами, и тощие плечи, усыпанные веснушками. Скращенные в лодыжках голенастые ноги покоились на проножке сломанной табуретки, а рука рылась в трёхлитровой банке,

выуживая со дна солёный помидор. Помидор в очередной раз выскользнул из пальцев, мужчина витиевато выругался и спросил:

— Ты кто, мужик? Чё надо? Зачем пришёл?

— Я ищу Алексеева, Виктора Васильевича, знаете такого?

— У нас Василичей нет. Петруха есть, Жулян есть, Катька-обжорка есть, а Василичей не привечаем, — мужчина сделал ещё одну попытку достать помидор, а когда она снова провалилась, с досады плюнул в банку и только тогда поднял глаза на Игоря: — Что застыл столбом? Проваливай, пока цел. Сказано: нет Василичей — значит, нет. И точка.

Показывая, что разговор окончен, он слегка пристукнул кулаком по столу, едва не опрокинув банку на пол.

— Не уйду, пока не осмотрю квартиру, — сказал Игорь.

Хотя было противно до омерзения, он старался говорить спокойно, не ввязываясь в словесную перепалку.

Мужчина почмокал губами в воздухе, посасывая невидимый окурок, и зашарил по столу в поисках пачки папирос. Хотя его пальцы ходили ходуном, в них чувствовалась сила и цепкость:

— Катись отсюда колбаской, пока тебя на ремни не нарезали.

Разговаривать дальше в таком ключе смысла не имело, и Игорь повернулся, чтобы мельком проверить спящих и найти тестя, но тут краем глаза усмотрел знакомую сумочку, небрежно брошенную под стол с расстёгнутым замком.

Он сам покупал Свете эту сумочку на первую годовщину свадьбы. Все ноги сносил по магазинам. Присоветовала подарок знакомая аспирантка, съездившая по путёвке в Таллин. Поглаживая жатый лак пузатого приобретения, Маруся похвасталась:

— Последний писк моды в почти заграничной Прибалтике.

Раз сумочка здесь, значит, и тесть недалеко.

Нагибаясь за сумкой, он перехватил насторожённый, совершенно трезвый взгляд мужчины и внезапно всей кожей почувствовал нешуточную опасность.

— Не трожь, сволочь. Не ты положил — не тебе и брать, — глаза хозяина налились кровью. Говоря, он нарочно повышал голос, доходя до крика.

«Чтобы разбудить собутыльников», — понял Игорь. Он молниеносно выпрямился и отступил к стене, опасаясь получить удар сзади.

Всхрапнув, как конь, мужчина отлягнул табурет и в одно мгновение оказался рядом, тяжело сопя в лицо перегаром и табаком. Нож с кухонного стола молнией сверкнул над головой Игоря.

Хотя теснота пространства не оставляла места для размаха, Игорь всё же сумел перехватить запястье, стараясь отвернуть от себя острё.

Они возились молча и страшно, как в последнем бою. Игорь был сильнее, мужчина не уступал ему в проворности. Нанося удары свободной рукой, противник словно обезумел в своей слепой ярости и уже мало походил на человеческое существо, рождённое женщиной.

Извернувшись ужом, Игорь локтем блокировал горло, успевая периферийным зрением контролировать ситуацию на входе. Он понимал, что один против нескольких не устоит, но твёрдо осознавал, что без тестя отсюда не уйдёт.

Откуда нарисовался ещё один боец, Игорь не понял. Он возник за спиной внезапно, словно спрыгнул с потолка. Одной рукой зажимая в углу обладателя ножа, Игорь сконцентрировался, чтобы отразить ожидаемую атаку, но не успел даже двинуть плечом, как на него обрушилась непроглядная тьма, сквозь которую пунктиром прорвался скулящий вой:

— Не трогайте его — это мой зять! Пощадите, мужики, лучше меня убейте!

* * *

Накануне вечером Павел опять встретил Лию. Сменив спортивную куртку на длинное

зелёное пальто с широким воротником, она легко могла бы сыграть иностранку в шпионском фильме или украсить собой обложку журнала «Работница» как образчик красоты современных советских женщин, шагающих в ногу с модой.

«Роскошная дамочка», — сказал бы друг Эдька — ярый ценитель женской прелести. Закрученные в спираль события последнего времени легко вытеснили старые обиды, и Павел уже без горечи думал, что надо бы Эдьке позвонить, поздравить с женитьбой да поболтать по душам. Вот только время никак не выкраивалось.

Теперь Лия держала на поводке маленькую серую собачку с выпуклыми глазами и трясущимися лапками. Животина взирала по сторонам, ошалев от страха, и при каждом шорохе испуганно жалась к ногам хозяйки.

— Познакомься, Павел, это Розалия, — Лия кокетливо улыбнулась и пошутила: — Взяла себе для охраны. А то одной гулять страшно.

Охранница из Розалии была никудышная, потому что, обнюхав ногу Павла, собака не притворно завывала, и Павел подумал, что любая кошка наверняка повергла бы её в глубокий обморок.

— Фу, Розалия, свои! Ах, какая хулиганка! — притворно всплеснула руками Лия, подхватывая Розалию под брюшко. И хотя трястись на руках

хозяйки собачонка не перестала, зато начала показывать зубы. — Павел, а вы любите животных?

Он предпочёл промолчать про то, что с Розалией навряд ли подружится (лучше уж ручная крыса, чем такая припадочная собака), и согласно кивнул:

— Люблю. Правда, у меня их никогда не было. Мы с бабушкой живём в коммунальной квартире, а там царит соседский кот. Смешной такой, рыжий.

За ничего не значащей болтовнёй они незаметно дошли до его дома, а потом, сделав ещё круг по кварталу, присели на скамейку у детской площадки.

От Лии горьковато пахло сигаретами, и Павел заметил, что, разговаривая, она имеет привычку как бы невзначай касаться его руки. Не сказать, чтобы контакт с ней был ему неприятен, но события он не форсировал и вёл себя достаточно сдержанно. По крайней мере, бабушка, иногда поглядывавшая в окно, могла быть им довольна.

Павел не торопился уходить домой, потому что вечер стоял необыкновенно хороший — прозрачный, словно хрустальный. В пене облаков золотой рыбкой плескалась луна, иногда выныривая, чтобы разбрызгать лучи на крыши домов. Мимо по мостовой проходили парочки, и Павел чувствовал, что завидует их счастью

и хочет так же идти за руку с любимой и молчать тем молчанием, которое красноречивее любых слов.

Стуча каблучками, мимо пробежала девушка с мимозой в руке. Цыганки пучками продавали эти цветы недалеко от метро. Знал бы о встрече с Лией заранее, можно было тоже порадовать её тонкой веточкой с жёлтыми пушистыми шариками. И почему женщины так любят цветы?

Спал он как убитый и проснулся оттого, что бабушка трясла его за плечо:

— Павлуша, вставай скорее, звонила Света, у Лимарёвых беда.

Сон улетучился в один момент, и подробности Павел выяснял уже на ходу:

— Что стряслось?

— Игорь пропал!

— Как пропал?! Куда? Когда?

— Я в подробностях не поняла, а сразу бросилась тебя поднимать. От мужчины будет больше толку.

Бабушка держала наготове его свитер, который Павел натянул уже в дверях, мельком глянув на циферблат часов. В универ надо было к одиннадцати, а сейчас девять утра.

Успеет отпроситься.

Он мчался к Лимарёвым так, что ноги постанывали в коленях, а в ушах свистел ветер.

Дальнейшие события замелькали с бешеной скоростью, спрессовывая в единый комок памяти бледное лицо Светы, горе в глазах Марины, тихие слёзы Анны Захаровны, метания по району и телефонные звонки в милицию, больницы и морги и даже в вытрезвитель.

Напасть на след Игоря и Виктора Васильевича не удавалось.

В райотделе милиции молодой парнишка в свеженькой форме лейтенанта сказал Павлу и Марине, что дела о пропаже людей возбуждаются по истечении трёх суток, а напоследок утешил:

— Да вы не волнуйтесь, по опыту предполагаю, что ваши мужики забурились куда-нибудь в тёплую компанию и бухают напропалую. Завтра проспят и явятся, как миленькие, — он постучал пальцем по журналу регистрации. — К нам каждый день родные с заявлениями приходят, а потом просят, чтоб дело не заводили. Ждите, граждане, ждите.

— Я не могу ждать, Паша, я с ума сойду, — тихо сказала Марина, когда они вышли на улицу и стояли во дворе между милицейским газиком и группой постовых, ожидавших начальника. — С Игорем не должно ничего случиться. Он сильный, умный, правда? Он не может умереть, в двадцать семь лет не умирают, — она поднесла руку ко рту, чтобы не дать страшным словам вырваться наружу.

Внешне она казалась поразительно спокойной, как бывало всегда в критической ситуации, но Павел знал, чего стоит такое самообладание.

— Конечно, мы не будем ждать, ты права. Мы сейчас поднимем всех друзей и начнём прочёсывать район. А у нашего аспиранта Юрки есть дрессированная овчарка.

Павел взял Марину за руку, стукнувшись своим обручальным кольцом о её кольцо, и перехватил благодарный взгляд, в котором смешались одновременно тревога, боль и горечь:

— Спасибо, Паша, ты настоящий друг.

Неужели только друг? В его душе как будто свеча потухла. Боже, как же он по ней соскучился! Так бы и обнял, зарылся лицом в волосы, черпая силу в её близости. Особенно сейчас, когда они так отчаянно нуждались друг в друге.

Но он не смел пользоваться случаем, а Марина держалась хоть и по-дружески, но отчуждённо. Если бы она дала повод, хоть самый маленький, крошечный повод к нежности!

* * *

Холод пробирал до костей, сковывая тело ледяным панцирем, а над головой сиял круг солнца ослепительно белого цвета. Две фигуры, маячившие у горизонта, стояли против света, но

всё же он знал, что одна из них — мама. Другой силуэт принадлежал тоже женщине, невысокой, сторбленной, с одним плечом выше другого. Непонятно откуда, в памяти всплыло старинное имя Федосья. Какая Федосья, откуда? Ах да, в Рябиновом был Федосьин скит. Но почему она рядом с мамой?

Он потянулся навстречу маме, но Федосья преградила ему путь:

— Ещё не время.

От сухонькой руки Федосьи, выставленной вперёд, распространялось тепло, постепенно разогревавшее его изнутри. Почувствовав, что может двигаться, Игорь попробовал шевельнуть веками и почти сразу же услышал радостный возглас:

— Очнулся, доктор, он очнулся!

Очнулся? Игорь пошевелился, чтобы посмотреть, кто очнулся, но его удержали за плечи:

— Лежите, больной, вам нельзя двигаться. У вас черепно-мозговая травма. Радуйтесь, что живы остались.

Сознание возвращалось медленно, пульсируя в висках давящей болью. Сквозь дурноту действительность виделась в кровавом мареве, но всё же он сумел разглядеть лицо Светы и шевельнул разбитыми губами:

— Я нашёл папу.

Света была очень бледной, почти такой же, как халат, застёгнутый у ворота на одну пуговицу, а наскоро подобранные волосы, закрученные в пучок на затылке, растрепались непослушными прядями.

— Я знаю. Папа в соседнем отделении на травматологии, — по её щекам бежали дорожки слёз, а глаза от света из окна казались похожими на звёзды.

— Где я?

— Ты в больнице, Игорёк. В хирургии. Тебя сильно избили, — Света не удержалась и заплакала в голос, вытирая слёзы подолом медицинского халата, — мы тебя искали, искали. И Марина, и Павлик, и все знакомые. И даже посторонние. Но никак не могли найти, потому что не было никаких следов. А Павел привёл друга с собакой. Мы думали, может, она найдёт. Но собака только скулила и уводила проводника к автобусной остановке. А ночью папа сумел выбраться из той квартиры и приполз в милицию. У него нога сломана и рёбра. Он указал место, где тебя искать. Их уже всех арестовали, тех бандитов. Ты здесь три дня лежишь. — Найдя руку Игоря, она уткнулась в неё лбом и с отчаянием прошептала:

— Ты прости меня, Игорь. Это всё из-за меня, из-за моего папы.

Хотя язык был совсем сухим и говорить удавалось с трудом, Игорь её поправил:

— Нашего папы. Ты забыла, что у нас всё общее. И родители тоже. Лучше скажи, как дети. Где они?

— Малыши с мамой и с Мариной. Они меня в больницупустили. Я не могла уйти от тебя. Умерла бы, наверное.

— А кормить? — Игорь забеспокоился: — Гришка ведь только грудь берёт.

Поднявшись со стула, Света подоткнула край одеяла и стала расправлять ладонью складку простыни с пятнами крови, а потом тихо сказала, словно признаваясь в страшном преступлении:

— Нечем мне детей кормить, Игорёк. У меня молоко пропало. Но ты не волнуйся: мама им овсяный отвар делает, а Маришка в молочную кухню ходит, я домой часто звоню. Мне доктор разрешает пользоваться телефоном в ординаторской. Я же всё-таки медсестра.

От разговора Игорь устал и снова погрузился в дремоту, перемежая сон с явью. Просыпаясь, он видел тусклый свет настенного светильника и склонённую голову Светы, которая беззвучно читала молитвенник.

Три прошедших дня, пока Игорь был без сознания, показались ей огромной воронкой, в которую утекала вся её прежняя жизнь.

Слова врачей пугали своей прямоотой: если организм Игоря не справится... если не заработают почки... если он не придёт в себя...

Горячей молитвой она отгоняла от себя эти страшные «если», заставляя надеяться только на лучшее.

— Господи, смилуйся. Не оставь меня, Божия Матушка. Только на Вас упование моё.

Перед операцией доктор сразу предупредил, что в придачу к черепно-мозговой травме у Игоря разрыв селезёнки, и если он останется жив, то исключительно благодаря чуду.

Опять прозвучало проклятое «если», и Света едва не взвыла от горя и ужаса.

Доктор был немногословен:

— Вы же медик, поэтому не буду вас обманывать — вопрос стоит серьёзно. Ваш муж потерял много крови, — доктор сверился с анализами и вздохнул.

Отвечать Света не могла, а только кивала, как заведённая, спрятав в карманы дрожащие руки.

Доктор крикнул сестру накапать Свете вальерьянки и дежурно поинтересовался:

— У вас дети есть?

— Есть. Трое: Глаша, Гриша и Валерик.

Она увидела, как седые брови врача дрогнули в немом удивлении.

Он положил ей руку на плечо, легонько сжав пальцы в знак поддержки, и голосом, полным решимости, пообещал:

— Сделаю что могу. И что не могу — тоже сделаю.

Выписали Игоря только через месяц. Выйдя на больничное крыльцо, он зажмурился от яркого солнца, гладившего щёки тёплой ладошкой. Крепко поддерживая его под локоть, рядом стояла счастливая Света, а внизу, под эстакадой, махали руками Марина и Анна Захаровна, в окружении детских колясок.

Жизнь снова входила в обычную колею со своими радостями и горестями.

* * *

Утром в университетской столовой замкнуло проводку, и вальжная буфетчица Марь Иванна приколола на дверь бумажку: «Закрото по техническим причинам».

Окинув крикливо подведёнными глазами стайку студентов и преподавателей, она встряхнула огненными кудряшками и со злорадством провозгласила:

— Диета вам всем!

Павел давно подозревал, что в университете главенствует именно Марь Иванна, а не декан и даже не завхоз.

Народ, подошедший к открытию столовки, разочарованно расходился, на ходу обсуждая варианты доступного перекуса. Павел вспомнил, что у него в столе завалялась мятая пачка тридцать шестого чая, а кипятильник можно

стрельнуть у кого-нибудь из женщин. Его с детства интересовал вопрос, почему чай называется «№ 36»? Но тайна осталась неразгаданной и до сей поры.

У лестницы Павла догнал доцент Семибратов с их кафедры и состроил постную мину:

— Без завтрака я скончаюсь, — он трагично скрестил руки на груди, — я с женой в ссоре, и она меня второй день морит голодом. Воспитывает. Кстати, ты, говорят, разводишься? — Семибратов сделал вид заговорщика и подмигнул. — Нашего холостяцкого полку прибывает.

По лоснящейся физиономии Семибратова было размазано такое любопытство, что Павла подмывало, как в школе, щёлкнуть ему по носу.

Он резко остановился:

— Кто говорит?

— Да все! — Семибратов обрисовал руками окружность. — Наши дамы болтали в преподавательской. И сплетничают: твою Марину видели с мужичком.

«Нет, я ему сейчас точно вмажу», — подумал Павел, едва сдерживая ярость.

Он очень болезненно относился к упоминаниям о Марине. Не отболело ещё, не отмерло.

Когда они вместе с Мариной искали Игоря, у Павла вспыхнула было мечта о примирении. Но Марина отметала любые формы сближения. Говорила сухо, смотрела в сторону, и вообще

всем видом давала понять, что между ними всё кончено.

С тех пор прошло целых два месяца, но чувство утраченной надежды крепко держало за горло. А теперь этот хмырь Семибратов лезет со своими неуместными разговорами. Надо же выдумать: Марину видели с мужчиной! Интересно, кто он такой? Наверное, сослуживец или случайный знакомый. Как Лия.

Приобретя собаку, Лия стала встречать его ежедневно, и потом они медленно шли вдоль канала, непринуждённо болтая обо всём на свете. Иногда он думал, что нравится Лие: иначе зачем она касается его руки и смотрит в глаза долгим взглядом, в котором плавится весеннее небо? Но когда Лия предложила заглянуть к ней в гости, Павел под благовидным предлогом отказался. Гулять на виду у прохожих, да ещё с Розалией на поводке, — это одно, а в гости, вдвоём в пустую квартиру, — это серьёзно. Так и до греха недалеко, а пока обручальное кольцо ещё на пальце — он муж. Пусть брошенный, но муж.

Не желая продолжать беседу с настырным Семибратовым, Павел свернул в первую попавшуюся аудиторию и сел за последний стол.

Впереди него весело щебетали о чём-то две девушки — беленькая и чёрненькая. Чёрненькая всё время хихикала, а беленькая рисовала в конспекте смешные рожицы.

У окна группа студентов рассматривала какую-то книгу, судя по возгласам, фривольного содержания, а у доски маячил высокий парень с жидкой бородёнкой и уныло расчерчивал мелом круг на сектора.

Подумать только, что всего год назад он был на этой стороне баррикад, то бишь кафедры, а сейчас сам читает лекции.

Переживая, когда Семибратов удалится на безопасное расстояние, Павел неторопливо протёр очки и уже начал подниматься с места, как увидел, что к нему бежит секретарша Ларочка.

Она окончила школу всего год назад и отчаянно мечтала поступить на восточный факультет, стать переводчицей, ну а пока коротала время и приобретала связи, стуча на пишущей машинке и строя глазки мужской половине профессорско-преподавательского состава кафедры математики.

Пухлощёкая Ларочка с губками бантиком считалась любимицей всех пожилых гранд-дам. Наверное, своей наивностью она напоминала им о комсомольской юности, тем более что комсомолкой была образцово-показательной и пристёгивала комсомольский значок даже к газовому платью.

При виде Павла Ларочкины глаза едва не вылезли из орбит, и она с придыханием затараторила:

— Павел Иванович, вот вы где! Я всю кафедру обегала, пока вас нашла. Счастье, что Семибратова встретила: он подсказал, где вас искать!

От Ларочкиного напора Павел слегка оторопел и попытался сообразить, с чего такая поспешность. Но Ларочка тут же раскрыла все карты:

— Меня послал завкафедрой и просил передать, что вас срочно ждут в отделе кадров.

— Кто ждёт?

Ларочка пожала плечами и всплеснула своими кукольными ладошками:

— Понятия не имею! Но сказали — немедленно! Одна нога здесь — другая там.

Выпалив сообщение, Ларочка уставилась на ботинки Павла, словно ожидая, что они вдруг превратятся в сапоги-скороходы и побегут по назначению.

До отдела кадров он дошёл быстро, гадая, зачем мог понадобиться. Паспортные данные не изменились, трудовая книжка в порядке, орденов и медалей не имеется, алименты не платит. Как говорится в заученной анкетной формуле: не был, не имел, не привлекался.

Прежде чем войти, он ради вежливости пару раз стукнул в дверь:

— Можно? Приглашали?

Застывшая над бумагами кадровичка оторвала взгляд от изучения какого-то списка и показала рукой на дверь смежного кабинета:

— Проходите, Соснин, вас ждут.

Официальный тон её голоса выдавал напряжение, и Павел шестым чувством догадался, что многое в его жизни будет зависеть от предстоящего разговора.

* * *

Прежде Павел никогда не переступал порог помещения, куда его направила кадровичка. Мало того, он никогда бы не догадался, что за простой серой дверью может скрываться шикарный кабинет с чёрной кожаной мебелью и полированным столом красного дерева. Судя по гнутым массивным ножкам в форме львиных лап, стол остался от той эпохи, когда университет ещё именовался Императорским.

За столом вольготно расположился мужчина средних лет с приплюснутым носом и обширными залысинами, прикрытыми редкими волосами песочного цвета. Скромный серый костюм подчёркивал невыразительные черты лица с бритой до синевы матовой кожей на щеках.

Опершись локтями на стол, мужчина курил сигарету в чёрном мундштуке и стряхивал пепел в хрустальную пепельницу.

При виде Павла он немного привстал, указывая рукой на кресло напротив себя:

— Присаживайтесь, Павел Иванович.

Поскольку мужчина не представился и не объяснил цель встречи, Павел молча опустился в кресло, ожидая продолжения. Глубоко затягиваясь сигаретой, незнакомец откровенно не спешил завязать беседу и рассеянно поглядывал на портрет Брежнева, который явно не вписывался в старинную обстановку.

Докурив сигарету, он крепко пригасил окурок и с нажимом проговорил:

— Давайте знакомиться. Меня зовут Андрей Сергеевич Рогачёв, я представляю Комитет госбезопасности.

— Слушаю вас, — медленно сказал Павел, чувствуя, что от удивления его речь потекла в тембре заезженной пластинки. В мозгу всплыли старые грешки с фарцовкой, и от этого сразу стало тревожно.

— Нет, это я вас слушаю, — с нажимом произнёс Рогачёв и уставился в лицо Павла, навешивая на разговор тяжёлую паузу, — надеюсь, вы будете со мной откровенны.

— Конечно, — сказал Павел, сразу решив, что не станет врать и изворачиваться, а за связь с Колькой-фарцем ответит по полной, и будь что будет.

Губы Рогачёва одобрительно дрогнули. Он покрутил в пальцах мундштук и сунул его в нагрудный карман пиджака, а когда заговорил, то в голосе прозвучали задушевные нотки:

— Павел Иванович, поскольку вы характеризуетесь как очень перспективный учёный, можно сказать, будущее советской науки, и академик Лузгин дал вам высочайшую оценку, то спрошу напрямик: что вы можете рассказать о вашей связи с гражданкой Соединённых Штатов Норрис?

Рогачёв явно нёс какую-то дичь, и Павел выпрямил спину от возмущения:

— Норрис? Соединённые Штаты? Это ошибка! Я в глаза не видел ни одного иностранца и не знаю никаких Норрисов.

— Да будет вам, любезный Павел Иванович! Вы каждый день гуляете с Норрис и её собачкой. Как же имя псины? — делая вид, что припоминает, Рогачёв щёлкнул пальцами: — Ах да, Розалинда.

Павел оторопел:

— Лия? Вы говорите о Лие? Но она же русская, этого не может быть!

Он говорил, но получившая толчок мысль уже один к одному складывала разрозненные обрывки впечатлений в целостную картину, в памяти мелькали Лиины наряды, тонкий запах явно дорогих духов и нездешнее построение фраз, казавшееся милой особенкой.

Уже договаривая фразу отрицания, Павел знал, что кагэбэшник сказал правду и Лия — иностранка. Переваривая свалившуюся на голову информацию, он уставился на сцепленные в замок руки и горячо сказал:

— Да, я знаю Лию Норрис, хотя и не догадывался, что она гражданка США. Но даже если и так, то быть американцем не преступление!

— Само собой, не преступление, — словно защищаясь, Рогачёв выставил перед собой раскрытые ладони, — но согласитесь, когда представительница... э... — он подобрал слово, — недружественной державы начинает крутиться вокруг перспективного учёного, то это беспокоит органы государственной безопасности. Причём, заметьте, не просто представительница, но очень привлекательная представительница!

От гнусного намёка на близкие отношения Павел вспыхнул до корней волос:

— Мы с Лией только друзья, и, вообще, я женат!

— Павел Иванович, — голос Рогачёва растёкся мёдом, — неужели вы думаете, что нам неизвестно ваше семейное положение и то, что ваш брак с Мариной Дмитриевной превратился в номинальный. Не будьте наивным младенцем — мы знаем всё о вас и ваших близких, — его взгляд внезапно стал жёстким, а добросердечная интонация сменилась на сухой тон. — Я официально прошу вас тщательно припомнить все ваши встречи с Норрис и пересказать мне их содержание. Иначе... — он не стал уточнять, что произойдёт в случае отказа, но его пальцы выразительно сложились в решёточку.

— Вы мне угрожаете? — Павел напрягся, готовясь отразить любую атаку.

— Боже упаси! Предупреждаю. Чисто подружески. Вы мне нравитесь, Павел Иванович. Не бойтесь неприятностей для себя, так подумайте о Екатерине Семёновне. Каково ей будет снова терять близкого человека.

Выражение лица Рогачёва подобрело, но на его мягкосердечность Павел больше не покупался и старался быть сдержанным, хотя очень тянуло нахамить.

— Андрей Сергеевич, мне решительно нечего вам рассказать, потому что мои разговоры с Лией не представляют никакой ценности.

— Ну, об этом не вам судить, — вставил реплику Рогачёв.

Но Павел не дал себя сбить.

— Мы разговаривали о собаках, о кошках, о погоде, об уроках математики в школе и о великих математиках прошлого. О Рене Декарте, например. Вы знаете, например, что он переработал математическую символику Виета? Наверняка знаете, и весь мир знает. Вы поймите, моя работа не секретная, какой смысл иностранной державе интересоваться моей скромной персоной? На режимном предприятии работает моя жена Марина, но как вы уже знаете, мы с ней живём отдельно и отношений не поддерживаем.

— Стоп, Павел Иванович! — Рогачёв слегка прихлопнул ладонью по столу и, достав из кармана мундштук, придвинул к себе пачку сигарет, лежащую рядом с пепельницей. — Вижу, вы меня не понимаете.

— Нет, я вас прекрасно понимаю, — снова заершился Павел, — и спасибо за предостережение, но можете не сомневаться, что у меня не было, нет и не будет никаких деловых отношений с Лией Норрис.

— Хочу надеяться, — Рогачёв задумчиво размял сигарету, одним движением оторвав от неё фильтр. — Можете пока идти, Павел Иванович, но наш разговор с вами не закончен. И ещё, — он иронично посмотрел на поспешившего вскочить Павла, — подписки о неразглашении я с вас не беру, но вы понимаете, что о нашем разговоре не должна знать ни одна живая душа. Подчёркиваю — ни одна!

— Само собой, даю вам слово!

Продолжая про себя нажимать на каждое слово, Павел с неожиданной силой хлопнул дверью кабинета, отчего кадровичка вздрогнула и пролепетала:

— Всё хорошо, Соснин?

— Лучше некуда!

Возвращаясь на кафедру, он то сжимал, то разжимал кулаки, мучительно размышляя, как ему теперь вести себя с Лией и, вообще, как быть.

Ежедневно приходя на работу, Марина делала вид, что её жизнь протекает благополучно: интересная работа, брат, племянники — полон рот счастливых хлопот. Племянниками она особенно гордилась и даже приколотла фотографию тройни над своим рабочим столом. Прижавшись друг к другу, как птенцы в гнёздышке, малыши беззаботно таращили любопытные глазёнки в объектив и вызывали умиление всего отдела информационных систем.

В конце рабочего дня Марина всегда приветливо желала сослуживцам доброго вечера и бежала на троллейбус возле проходной. В салоне, переполненном заводчанами, она некоторое время по инерции улыбалась, но по мере приближения к дому с лица сбегали краски оживления и она становилась самой собой — одинокой, несчастной и смертельно влюблённой в своего собственного мужа. Пока мужа.

Марина попыталась зажать свои чувства в кулак.

Обычно от непрошенных мыслей спасала возня с Игоревыми малышами и помощь Свете по дому, но сегодня тоска накатила с такой неистовой силой, что Марина поняла — если она хоть краем глаза не увидит Павла, то не сможет дышать. Ноги сами понесли по привычному

маршруту, сотни раз исхоженному вместе с Павлом. Зазеленевшая аллея тополей вывела к небольшой круглой площади. Прошлой осенью Павел купил здесь мороженое в вафельном стаканчике. Шутливо борясь за первенство, они по очереди откусывали сладкие кусочки и смеялись. Стояли холода, от мороженого першило в горле, но в ту минуту она была счастлива.

Вообще, странная штука — человеческие желания. Пробегашь в суете по жизни, мечтаешь, расстраиваешься, ждёшь, думаешь — нет счастья! А оглянешься назад — да вот же оно! Было! Было!

На светофоре Марина пропустила поток машин и побежала к станции техобслуживания.

Растрескавшийся пяточок асфальта на пригорке был усеян битым стеклом и обрывками газет.

Отсюда маленький Павел смотрел, как взрывали храм.

— В этой церкви, оказывается, бабушка Катя венчалась, представляешь! — Павел говорил, а она слушала вполуха, изнывая от желания поцеловать его глаза, блестящие от детских воспоминаний. — А ещё там была какая-то икона с красивым названием. Вроде бы «Неувядаемый цвет», бабуля верит, что она помогает в семейной жизни!

Милая, милая Екатерина Семёновна! Марина так и не нашла в себе силы объясниться

с ней по-честному и рассказать правду о том, как бегала по врачам, получая выстрел за выстрелом в упор:

— Случай сложный, и детей у вас никогда не будет. Пока медицина бессильна, а чудес на свете не бывает.

Да и надо ли объясняться? Пусть бабушка Катя считает её предательницей или распутницей. Так будет лучше для всех.

От бывшего храма Марина свернула в переулок, прошла через мостик и встала за газетным киоском, откуда открывался обзор на дом Сосниных.

Пожилая усатая киоскёрша с папиросой в углу рта ловко щёлкала мелочью, отсчитывая сдачу покупателям. Несколько раз она подозрительно косилась на Марину, а потом высунулась по пояс из окошечка и строго сообщила:

— Сегодня поступила свежая «Работница» с выкройками. А ещё осталась «Крестьянка». Тоже с выкройками и со схемой вязания берета. Брать будете?

Журналы «Работница» и «Крестьянка» пользовались большой популярностью. Особенно женщины гонялись за выкройками модной одежды, которые прилагались к каждому журналу.

Поэтому Марина не стала отказываться от предложения киоскёрши:

— Сколько с меня?

— Рубль двадцать.

Стараясь задержаться у киоска подольше, Марина послушно зазвенела мелочью, а когда сложенные журналы перекочёвывали к ней в сумку, она заметила Павла.

Высокий, лёгкий, он шёл вдоль набережной, словно сотканный из света и воздуха. Хотя между ними было большое расстояние, Марина чётко видела всего Павла, до последней складки на брюках, до комочков грязи на подошвах коричневых ботинок. Как хотелось прикоснуться к нему! Только прикоснуться, чувствуя, как тепло от его тела пробежит по пальцам рук и растает глубоко в сердце.

От щемящей душевной боли Марина неуклюже сгорбилась, по-бабьи прикрывая рот рукой.

— Павел, Павлик, — она захлёбывалась собственным шёпотом, и Павел остановился, словно услышал. Но только не её. Расширенными глазами Марина увидела, как к нему подошла молодая женщина с собачкой на поводке и не принуждённо взяла под руку.

Стиснув враз вспотевшие ладони, Марина напрягла зрение, стараясь рассмотреть его спутницу. Неужели всё-таки Наташа, которая съест его и не подавится? Но рядом с Павлом, оживлённо щебеча, шла совсем незнакомая женщина с волосами цвета красной меди.

— Всё правильно. Так и должно быть. Можно радоваться, что он успел меня забыть, — твёрдо сказала Марина сама себе. — Крах старого — это всегда начало нового.

Впрочем, от разумных размышлений легче не стало. Марине понадобилось время на то, чтобы прийти в себя и собраться с духом. Медленно бредя к остановке, она не захотела смешиваться с толпой людей у светофора, а пошла вдоль дома, держась рукой за стенку. Мимо неё спешили люди. Они несли портфели, хозяйственные сумки, авоськи, набитые картошкой из овощного магазина. Женщины везли коляски с младенцами, и весёлой стайкой бежали подростки в школьной форме: мальчики в синих костюмах, а девочки в коричневых платьицах, чёрных фартуках и белых гольфах.

Она старалась не думать о Павле, и это почти удавалось, потому что в голову проник навязчивый рефрен, который она повторяла до самозабвения:

— Что ни делается — всё к лучшему.

Пройдут года, время залечит раны и расставит события по своим местам. Павел женится, заведёт детей и будет счастлив, а она посвятит свою жизнь семье брата.

Дойдя до угла, Марина опустила руку, заметив, что ладонь, касавшаяся стены, стала чёрной от грязи. Механическими движениями

она нашарила в кармане платок и начала яростно стирать черноту, едва не упустив момент, когда к ней подошла полненькая девочка лет семи. На кудрявых волосах соломенного цвета чудом держался маленький красный бантик, в тон розовой кофточке и синей плиссированной юбочке.

— Тётяшка, — голос девочки срывался на всхлипывания, — тётяшка, помогите. Они сказали, что понесут его топить.

— Кого топить?

Девочка прижала к щекам пухлые ладошки, и её тёмные глаза налились ужасом:

— Котёнка.

* * *

Марина растерялась. Она понятия не имела, что можно предпринять для спасения утопающего котика и как успокоить ребёнка, но ситуация требовала немедленного разрешения. и она спросила:

— Где твой котёнок?

— Там, там!

Цепко схватив Марину за рукав, девочка потянула её в подворотню, заставленную штабелями пустых ящиков. Старые, новые, с проломанными досками и сияющие свежей древесиной, ящики громоздились до уровня подслеповатых окон второго этажа, больше похожих на бойницы.

Штабелей было такое неимоверное количество, что у Марины невольно вырвался возглас удивления:

— Откуда столько?

Не переставая бежать по лабиринту из тары, девочка коротко объяснила:

— В ларьке за углом бутылки принимают, поэтому ящичков много. Мы с подружками тут в прятки играем. Если с умом спрятаться, то никто не найдёт.

Она вывела Марину к бетонному забору с узким просветом между двумя блоками и мигом юркнула на ту сторону:

— Давайте, тётенька, залезайте ко мне. Скорее! Скорее!

От нетерпения девочка приплясывала на месте, и её тоненькое подвывание грозило вот-вот сорваться на рёв.

Марина мгновенно оценила взглядом ширину лаза:

— Я тут не протиснусь!

— Тётенька! Ну, пожалуйста! Если ты не спасёшь котёнка, мальчишки его замучают!

— Не протиснусь!

— Ну, тётенька!!! Он же маленький!!!

Господи, что же делать?!

На миг Марина застыла в раздумьях, но тут же очнулась от оцепенения и сунула девочке свою сумку:

— На, поддержи, а я за ящиками.

По ходу дела она разорвала о железяки новые капроновые чулки и измазала носки туфель в какой-то вязкой гадости наподобие мазута, но зато построила пирамиду из ящиков. Вроде бы устойчивую, но это ещё предстояло проверить. Она представила себя со стороны и подумала, что цирк по ней плачет.

Её пьедестал с грохотом развалился как раз в то мгновение, когда Марина переваливалась через забор. Надо было спешить, но она успела оценить, что находится на заброшенной стройке, вполне пригодной для съёмок эпизода о налёте вражеской авиации.

Под ногами хрустело крошево асфальта, перемолотого гусеницами трактора, который теперь безжизненно застыл, как будто упёршись в бетонный блок, пугающе зияли окна заброшенной бытовки-вагончика с промятой крышей, кругом валялись корявые обломки бетона, ошестинившиеся кусками ржавой арматуры.

Марина вопросительно посмотрела на девочку:

— И где твой котёнок?

Та с жалким видом пожалала круглыми плечиками:

— Мальчишки сюда побежали. Они тут. Точно тут, надо только поискать.

Легко сказать «искать», если, насколько видит глаз, на стройке ни души, зато не счесть укромных уголков, где можно творить любые чёрные дела.

Поскольку после мазутной бани Маринины туфли уже ничего не боялись, она смело двинулась вперёд, зорко просматривая открытое пространство. Сзади, по-старушечьи причитая, семенила девочка, которая в своём нежно-розовом наряде на фоне развалин выглядела пирожным в куче гнилой картошки.

— Мальчишки здесь, тётенька. Они здесь, верьте мне. У них главный заводила Славка из третьего «Б», он всегда животных мучает, к нему домой даже милиционер приходил.

— Помолчи, не шуми!

Марина взяла девочку за руку, и та понятливо кивнула, стараясь ступать тише мыши.

Храня безмолвие, они пошли по направлению к бытовке, оскалившейся тёмным дверным проёмом. Оставив девочку на улице, Марина заглянула внутрь, но бытовка была пуста, если не считать дохлой вороны, валявшейся посреди пола.

Где-то далеко, за пределами стройки, шумел город, но сюда его гул почти не доносился, и от этого становилось не по себе, словно на заброшенном кладбище. В своей ладони Марина чувствовала дрожащую руку девочки. Той было страшно, и она держалась за Марину с бесконечным

детским доверием. Пройдя несколько шагов, они останавливались и слушали тишину, надеясь расслышать мельчайшие шорохи.

Слабое мяуканье раздалось внезапно, из-за кустов, выросших на куче мусора.

— Котёнок, — не своим голосом завизжала девочка, — тётенька, бежим.

Вырвав руку, она стремглав кинулась на звук, так что Марина за ней едва поспевала.

Успев отклониться в сторону от упругой ветки, Марина перескочила через деревянные носилки для раствора и очутилась рядом с девочкой возле котлована, доверху заполненного коричневой водой. На противоположной стороне маячили трое вихрастых парнишек, одетых в одинаково грязную школьную форму.

Они выглядели совсем мелкими, и, если бы девочка не сказала, что один из них, Славка, учится третьем классе, Марина приняла бы их за дошколят.

— Отдай котёнка, Славка, — сложив руки рупором, на высокой ноте выкрикнула девочка, — видишь, со мной тётенька, она вам сейчас уши надерёт.

Рты мальчишек поползли в презрительной усмешке, а самый юркий и тощий пацан плюнул себе под ноги и выразительно растёр плевок носком ботинка:

— Пусть сперва догонит.

— Догонит, она знаешь как быстро бегают!

Мальчишка снова сплюнул, а потом сунул руку за пазуху и достал пищащий серый комочек размером с Маринину ладонь:

— Лю-лю-лю!

Он высунул язык и запрыгал на одной ножке, держа на весу несчастного котёнка, который уже не сопротивлялся, а безвольно висел, как пушистая тряпочка.

— Лю-лю-лю, — подхватили его приятели. Оттянув уши руками, они наморщили лбы, корча рожи, и сразу из детей превратились в отвратительных чертенят.

«Сейчас я их догоню и прибью», — подумала Марина, задохнувшись от ярости. Бегала она хорошо, на юношеский разряд, и разобраться с главным сопляком могла бы на раз, тем более что хорошая тряска за шкурку ему бы точно не помешала.

Уловив её настроение, мальчишки кинулись врассыпную.

Закусив губу, Марина в один момент преодолела половину расстояния, вынудив Славку с котёнком отпрыгнуть назад:

— Не догонишь, не догонишь, — понимая, что пахло жареным, он ещё дразнился, но уже не так уверенно, — не догонишь.

Расстояние сокращалось стремительно. Ещё миг, и Славке не поздоровилось бы. Но он оказался хитрее, потому что, доведя ситуацию

до критической, отчаянно размахнулся и с криком: «Забирайте своего котёнка», швырнул его в середину котлована.

Негромкий всплеск воды ударил Марине в уши разрывом снаряда. Уже не размышляя, она повернула назад и без колебаний ступила в холодную воду, провалившись по пояс.

Отчаянно колотя лапками, котёнок сопротивлялся мутной воде изо всех сил, какие ещё остались в измученном маленьком тельце. Тараща глаза, он лихорадочно заглатывал воздух, словно понимая, что это последние вздохи в его очень короткой жизни.

— Всё, дорогой, кончились твои мучения.

Подхватив котёнка, мокрая и дрожащая Марина выбралась на твёрдую почву. Мальчишки бесследно испарились, а ждавшая её девочка в розовом дрожала от испуга так, что клацали зубы.

— Тётенька, вы живы?

— Жива, — ответила Марина, чувствуя себя мокрой и грязной курицей, — на тебе твоего котёнка, неси скорее домой, а то он простудится. — Её и саму колотило от холода, а мысль о том, как в таком виде добираться до дома, приводила в полный ужас.

Но девочка не спешила забирать спасённого. Она спрятала руки за спину, и её нахмуренные брови выдали нешуточную озабоченность:

— А котёнок не мой, тётенька. Он просто котёнок. Мне мама не разрешает домой животных приносить, говорит, что от них одно беспокойство. Вы ведь его возьмёте, тётенька, правда?

— Правда.

Больше Марина не нашлась что ответить. Прижимая к себе дрожащее живое существо, она думала, что когда тебе плохо, очень плохо, то всегда найдётся тот, кому хуже во сто крат.

* * *

Со дня беседы с кагэбэшником прошло две недели, а Павел никак не мог решиться на откровенный разговор с Лией. Не то чтобы боялся, а не мог подобрать слова. Глупо сказать: так, мол, и так, Лия, я знаю, что ты американка и прошу объяснений по этому поводу. А почему, собственно, она должна оправдываться? Можно подумать, что в США живут не люди, а сплошные шпионы, вооружённые до зубов ядерными боеголовками.

Но как Павел ни старался судить независимо, его отношения к Лие дали резкий крен в сторону настороженности. Теперь он по-новому вслушивался в её безупречную русскую речь, выискивая языковые шероховатости, а когда Лия начинала беззаботно щебетать о пустяках, подозревал в словах скрытый смысл. От этой двусмысленности на душе становилось муторно,

как часто бывало в фарцовочный период. Тогда Павел поспешно прощался и уходил домой, ловя себя на мысли, что предпочёл бы вообще не встречать Лию на своём пути.

Артист в нём, видимо, умер, не успев родиться, потому что Лия немедленно уловила его колебания и в один из вечеров, когда он изобразил спешку, крепко взяла его ладонь маленькой, но твёрдой ручкой с наманикюренными пальчиками:

— Павел, нам необходимо очень серьёзно поговорить. Прошу тебя, не отказывайся, — никогда прежде она не говорила с ним таким тоном, полным решимости, сквозь которую прорывались нотки тревоги. — Только давай встретимся не на виду у всех... Я буду ждать тебя на остановке автобуса.

Давая согласие на свидание, он понимал, что с точки зрения Комитета государственной безопасности поступает в корне неправильно, но тем не менее ровно в восемь часов вечера прибыл на свидание.

Стоял июнь. Белые ночи вступали в свои права, окрашивая улицы мягким солнечным светом, который падал на город сквозь рваную сетку сиреневых облаков. В новом облиии дома казались декорациями к чудесному представлению, затеянному великой и вдохновенной фантазией. Впрочем, так оно, наверное, и было: разве могло смертное создание вылепить из

воды и камня музыку под названием Санкт-Петербург?

Автобус запаздывал, и толпа пассажиров на остановке собралась нешуточная. Впереди всех стояла обширная дама с двумя кошёлками в руках, позади — седой старик в чёрном костюме и резиновых сапогах. Оспаривая первенство на вход в автобус, дама со стариком не давали людям выйти, пока подоспевшая на помощь кондукторша не развела их руками в стороны:

— Проходите, граждане, проходите. Не задерживайте движение.

Вскользь подумав, что работа кондуктора — не самый лёгкий хлеб, Павел окинул взглядом остановку, разыскивая Лию. Он очень удивился, когда обнаружил, что та уже пришла и незаметно стоит в стороне. На ней была надета блёклая серая кофточка и прямая юбка, явно купленная в обычном советском магазине. Глядя перед собой усталыми глазами, Лия держала в руках авоську с бутылкой кефира и ничем не выделялась из общей массы ленинградцев, спешащих домой с работы. Пройдёшь мимо такой женщины и не заметишь.

Хотя бутылка кефира невесть какая тяжесть, Павел взял у неё из рук сетку:

— Привет, давай помогу.

— Спасибо! — Лия просияла, словно он предложил ей романтическую прогулку вокруг лунного кратера. — Пойдём скорее.

Уверенно ступая на полшага вперёд, она повела его в глубь проходных дворов, то и дело меняя направление.

На этих улицах Павел был чужаком и с любопытством глазел на низкие своды толсто-стенных арок, запутывавших переходы от дома к дому. Здесь царили тишина и покой, нарушаемые только стуком каблуков и мяуканьем подвальных котов.

Иногда Лия оглядывалась, чтобы убедиться, что он идёт позади, и тогда её глаза вспыхивали улыбчивой радостью.

Наконец, когда Павел окончательно запутался в пространстве, Лия свернула в очередной двор и распахнула малозаметную дверь чёрного хода.

Лестница оказалась на удивление чистой, с горшками герани на окнах и новенькими резиновыми ковриками перед одинаково серыми дверями. Лия привела его на третий этаж в шикарную квартиру с окнами на Мойку, как раз напротив последнего дома Пушкина.

— Проходи, я здесь живу.

В прихожей они замешкались, пережидая секунды возникшей неловкости. Павел протянул Лие сетку с кефиром, и она схватилась за неё, как за точку опоры:

— Я на кухню — кофе сварю, а ты подожди минутку в комнате. Мы будем одни, потому что

я отдала Розалию на выходные дочке давних знакомых. Она давно просила поиграть с собачкой.

Чувствуя себя последним идиотом, подавшимся на вражеские провокации, Павел шагнул в комнату и осмотрел обстановку, явно импортного происхождения. Посреди комнаты стоял мягкий диван с небрежно переброшенным через спинку пледом в мелкую зелёную клеточку, а на журнальном столике тусклым хрусталём мерцала широкая ваза, похожая на салатницу, которую им с Мариной подарили на свадьбу однокурсники.

Память о Марине резанула болью. Павел поспешно подошёл к окну, затянутому плотным тюлем. Панорама из окна открывалась прекрасная.

Вдоль по Мойке неторопливо шёл речной трамвайчик, направлявшийся в сторону его дома. Скоро он прошлёпает винтами мимо бабушки Кати. Сейчас, наверно, она сидит и перебирает ноты, тревожась о пропащем внуке с нескладной личной жизнью.

Когда квартира наполнилась ароматом кофе, Павел услышал за спиной лёгкие шаги.

— А вот и я. Заждался?

Он резко повернулся на голос Лии. За несколько минут она успела переодеться в белые брючки и лёгкую тунику, затканную серебряными нитями, вполне подходящую для наряда феи

ветра. И как это у женщин получается меняться по сто раз на дню!

С извиняющейся улыбкой Лия поставила на стол подносик с двумя чашками кофе и мороженым, а потом лёгким движением провела рукой по волосам, разметав по плечам и без того перепутанные пряди:

— Наверное, ты должен спросить, к чему был мой маскарад с переодеванием? Ответ прост: я не хотела, чтоб нашу встречу заметили чужие глаза.

Сев в кресло напротив Павла, она придвинула к нему поднос с кофе, но сама чашку не взяла, а нервным жестом покрутила кольцо на пальце:

— Я полагаю, ты хочешь о многом меня спросить — я всё тебе объясню. Хотя думаю, кое о чём ты догадываешься или тебе помогли догадаться, — вскинув голову, она пристально посмотрела Павлу в глаза и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Прежде чем начать разговор, я должна сказать, — её слова на миг оборвались, — чёрт, как же это сложно, — оставив в покое кольцо, Лия затеребила кулон на шее, — я должна признаться в одной вещи. В общем, я люблю тебя, Павел.

Не ожидая такого поворота событий, Павел едва не опрокинул на себя чашку с кофе и поспешно поставил её на поднос, дабы заполнить повисшую паузу каким-нибудь движением.

Наверное, он должен был откликнуться на её слова или хотя бы отреагировать репликой, но он потрясённо молчал, лихорадочно подбирая в уме слова отказа, на случай если Лия примет активные действия. К его облегчению, лепетать всякий извинительный вздор не пришлось, потому что Лия вдруг резко поднялась и вышла из комнаты, оставив его переваривать известие в одиночестве.

Вернулась она с покрасневшими глазами, села на прежнее место и сказала уже другим, спокойно-доверительным тоном:

— Это была лирика, не относящаяся к делу, но надеюсь, ты поймёшь, что вся куча глупостей, которую я натворила, была связана именно с тобой. Дело в том, что я американка, — она бросила на Павла испытующий взгляд и подытожила: — Берусь утверждать, что это ты знаешь.

Не в силах солгать, он утвердительно кивнул, предпочитая не вдаваться в подробности.

— Так я и думала, — она напряжённо откинулась в кресле, скользнув пальцами по подлокотникам дрожащими пальцами. — Я знала, что тебя разыщут соглядатаи из Большого дома. Теперь ты волен встать и уйти, я тебя пойму. Я знаю, что русским запрещено общаться с иностранцами.

— Лия, не говори ерунды, — сказал Павел, — то, что ты американка, не меняет моего отношения к тебе.

— Правда? — она произнесла это с такой радостью, что Павел невольно улыбнулся.

— Конечно, правда, я сужу о людях по их поступкам, а не по национальности.

Он подумал, что его слова звучат немного напыщенно, но зато честно.

— Спасибо, Павел, — у Лии вырвался вздох облегчения, и она уже свободно потянулась за чашкой кофе, в которой таяло пушистое облачко мороженого. — А теперь, когда я открыла перед тобой все карты, хочу, чтобы ты подумал над переездом в США.

Час от часу не легче! Павлу показалось, что выбравшись из одной ледяной полыньи, он сразу прыгнул в другую.

— Лия, о чём ты говоришь! Куда я поеду, зачем?

— Как зачем? — Лия развела руками. — Чтобы быть свободным, конечно. Чтобы тебе не советовали там, — она ткнула пальцем в направлении потолка, — с кем дружить, кого любить и кого ненавидеть. Или тебе нравится, когда за тобой следят?

— Не нравится, — признал Павел.

Воспоминание о беседе с кагэбэшником всплыло в памяти так явно, что он поморщился.

Лия ухватила за его слова:

— Вот видишь! Не нравится! А у нас в Америке — демократия. Говори что хочешь, общайся

с кем хочешь, и никто, даже сам президент, не вправе покуситься на твою свободу. А кроме свободы ты получишь первоклассную базу для занятия наукой. Я надеюсь, ты не станешь возражать, что научные открытия принадлежат всему миру? Какая разница, где сделали свои открытия Хельге фон Кох или Эйнштейн: теперь фрактальная кривая Коха и теория относительности — общее достояние.

«Надо же, знает фон Коха», — машинально отметил про себя Павел, как будто поставил галочку в зачётке студента.

Лия тем временем с горячностью продолжала:

— Но одно дело иметь в своём распоряжении карандаш и бумагу, и совсем другое — мощную лабораторию с современной вычислительной техникой. Ты представить себе не можешь огромный масштаб того, что делается в Америке ради чистой науки. Америка — страна возможностей!

Стоит тебе только пожелать, и ты увидишь Голливуд и поедешь жить в Кремниевую долину, где концентрируются лучшие умы человечества! Причём, заметь, живут они не в коммунальных квартирах с общей кухней, а в отдельных коттеджах со всеми удобствами. Неужели ты не хочешь, чтобы твоя бабушка на старости лет жила в комфортных условиях и не моталась по урокам, зарабатывая на хлеб и молоко, за которыми надо ещё стоять в очереди?

Воодушевившись, Лия разругалась как наливное яблочко, совершенно забыв, что несколько минут назад её голос срывался, а руки не находили себе места.

Легко вскочив с кресла, она бросилась к письменному столу и вывалила на колени Павла целую кучу глянцевых проспектов с яркими обложками:

— Вот, смотри, — это Калифорния, Стэнфордский индустриальный парк. Здесь университет, здесь лаборатории, здесь завод, а вот это — дома, где живут учёные, — указательный палец Лии играючи коснулся фото с пряничным домиком, увитым густым плющом. — Скажи «да», и всё это станет твоим.

Взывая к разуму и чувствам Павла, она возбуждённо принялась объяснять, что если он согласен, то она постарается максимально быстро организовать переправку на новое место жительства через третью страну, например Чехословакию или Польшу.

Будто бы невзначай, Лия прикоснулась ладонью к его руке и слегка сжала пальцы:

— Подумай хорошенько, я предлагаю тебе возможность полностью изменить жизнь к лучшему. Ты оставишь здесь неприятности, непонимание, горе и начнёшь строить судьбу с чистого листа. Знай, второго шанса вырваться отсюда у тебя не будет!

Глядя в изумлённые глаза Павла, Лия говорила и чувствовала, как вдохновение делает её пластичной, словно сама она скульптор своего тела. Заготовленный накануне текст захватил её, подобно волне, которая подхватывает пловца и обращает его в частичку безбрежного океана. Если ради дела понадобилось бы сделать сальто-мортале, она бы легко справилась с этой задачей. Захваченная в плен вымышленными страстями, Лия и сама начинала верить в то, что любит единственно Павла, а не Пата Лоусона — второго секретаря консульского отдела — истинного янки и заядлого бейсболиста.

От искусственной любви к Павлу её щёки горели самым настоящим румянцем, а в глазах сверкали бриллианты подлинных слёз.

Театр Лия любила всей душой, и её брат искренне удивлялся, почему она со своими способностями не стала штурмовать Голливуд, а предпочла унылую работу в департаменте.

И в колледже и в университете сокурсники постоянно выбирали её произносить речи для высоких гостей. Есть в мастерстве актёра какая-то магия, огонёк, способный воспламенить даже такого хладнокровного человека, как Павел, который слушает её словно замороженный. И любой другой мужчина на его месте давно

бы кинулся с утешениями, жарко шепча слова любви, от которых она могла расплавиться, как шоколадка в пинте горячего молока. А этот — нет, сидит, стиснув в пальцах пустую чашку от выпитого кофе, и молчит.

Вялая реакция Павла слегка раздражала Лию, но в то же время приводила в азарт, как в спортивном состязании — кто кого. Хотя если задуматься, то призы получают они оба: Павел — право на проживание в самой демократичной стране мира, а она — многочисленные бонусы за вызволение от коммунистического режима перспективного молодого учёного.

Эпопею переправки Павла на Запад она подробно опишет в книге с говорящим названием «На Запад в будущее». Над названием она думала всю прошлую ночь и даже набросала короткий план первой главы. Такая книга точно возглавит список бестселлеров и принесёт кучу гонораров и море известности. Это будет взрыв в прессе! Фейерверк из интервью и фотоподборок.

Обладая живым воображением, Лия уже читала будущие заголовки:

«Молодой советский учёный сбежал на Запад!», «Социализм не смог задушить стремление к свободе», «Кандидат на Нобелевскую премию вырвался из железных объятий коммунистов».

Хотя нет, математикам не присуждают Нобелевскую премию. Но Павел и без Нобеля легко

сможет заработать миллионы, чтобы жить как нормальный человек, а не как придаток коммунистической морали.

В верности определения коммунизма как ада на земле Лия убедилась на личном опыте.

Поскольку она привыкла доверять только собственному мнению, то постаралась максимально вжиться в образ советской женщины, одетой в немыслимые тряпки, от которых нормальная американка погрузится в глубокую депрессию.

Для эксперимента над собой, в первый же день по приезде в Ленинград, Лия отправилась в центральный универмаг для дам под названием «Пассаж». Слегка ошалев от нищенского выбора, она купила себе жуткую серую блузку, по уверениям продавщицы — лидера продаж, страшненькую шерстяную юбку и, конечно, нижнее бельё. Oh, my Lord! От увиденного в отделе конфекциона, Лия на миг позабыла русский язык, а выражения, которые приходили ей на ум, вслух произносить не принято.

— Ты неподражаема, — сказал Пат Лоусон, когда Лия вживую продемонстрировала ему свои покупки. Привстав в кровати на локоть, он лениво отхлебнул глоток вина из высокого бокала. — Я всегда подозревал, что у русских женщин свои секреты обольщения, но и предположить не мог, настолько волнующе они выглядят.

Воспоминания подхлестнули фантазию, и Лия картинно взметнула руки к потолку:

— Павел, ты очень интересный мужчина! У нас, в Америке, ты каждый день будешь видеть красивых, прекрасно одетых женщин, а не усталых работниц с фабрик и заводов! Ты будешь ходить на приёмы, ездить по всему миру...

— Лия, позволь, — негромкий голос Павла оборвал поток фраз, и Лия покорно замолчала, — если ты говоришь, что любишь меня, то как отнёсёшься ко всем тем прекрасно одетым женщинам, которые будут виться вокруг моей персоны?

«Переиграла!» — Лия закусила губу, но тут же нашлась что ответить:

— У нас в Америке свобода, и этим я хотела тебе показать, что мы люди широких взглядов. Хотя, конечно, я буду тебя страшно ревновать! — Она потупилась, напуская на лицо смятенное выражение. — Просто я не знаю, какие доводы ещё привести, чтобы ты согласился на моё предложение. Оно идёт от всего сердца, от всей любви. Поверь! Поверь мне, Павел! Паша... — Лия встала и сомнамбулически двинулась к Павлу, полузакрыв глаза от бушующей страсти. Её руки искали его руки, а губы призывно улыбались в обещании радости.

Сообразно своему богатому опыту, Лия была уверена, что под таким напором Павел не устоит и задуманное пойдёт по её сценарию.

Но руша тщательно продуманные планы, Павел продолжал спокойно сидеть в кресле, хотя, видимо, немного опешил.

Перестраиваясь по ходу действия, Лие пришлось менять тактику. Не дойдя до Павла нескольких шагов, она бессильно рухнула на диван и зарыдала, перемежая всхлипывания жалобными выкриками:

— Прости, прости, я потеряла голову и сама не знаю, что делаю. Я глупая, да? Скажи, я глупая?

— Ты очень умная, — Павел наконец сделал то, что она ожидала, и пересел к ней на диван, полуобняв за плечи, — не плачь, пожалуйста. Я не хочу быть причиной твоих слёз.

В порыве благодарности Лия обвила его шею руками, обдавая жаром своего тела:

— Спасибо, любимый, я не тороплю тебя с решением, но прошу обдумать моё предложение. Хочешь, я встану перед тобой на колени?

Скользя руками по плечам Павла, она стала медленно опускаться вниз и почти коснулась коленями пола, когда Павел рывком поставил её на ноги:

— Нет! Лия, не надо! Ты хорошая, красивая, добрая. Но пойми, я сейчас не готов к близким отношениям. Я слишком много потерял за последний год и не хочу новых потерь.

— Да-да, я понимаю, — стоя вровень с ним, Лия касалась щекой его щеки, чуть-чуть

запрокинув голову вверх, на случай если он захочет поцеловать.

Она снова вошла в роль, добавляя в голос призывную хрипотцу:

— Я буду ждать, Паша! Верить и ждать! Позволь мне хотя бы помечать о том дне, когда мы с тобой вместе сможем поехать куда только пожелаем. Увидеть Рим, Ватикан, Флоренцию, побродить по улицам Парижа. Уверю, ты полюбишь Париж, а я покажу тебе мои любимые ресторанчики. Французы чудесно готовят рыбу.

Пытаясь заглянуть Павлу в глаза, Лия увидела, что он не слушает, а смотрит куда-то вбок, на длинный полированный комод. Буквально вчера домработница поставила на комод два новеньких подсвечника, купленных в антикварном на Садовой улице. Может статься, это подсвечники его бабушки?

Лия озадаченно оглянулась, проследив за взглядом Павла. Но он смотрел не на подсвечники, а на маленькую иконку, предназначенную в подарок брату.

«Богородица с цветком», — как называла её про себя Лия.

Не зная, куда приткнуть сувенир, домработница прислонила иконку к стене между подсвечниками.

Успев подумать, что Павел, оказывается, ещё и святоша, Лия невзначай припала к его

груди, не оставляя надежду сломать оборону. Но Павел вдруг резко отстранился, и его глаза стали колкими, как кусочки льда:

— Извини меня, Лия. Не могу ничего объяснить, но надеюсь на твоё понимание, — он опустил голову и сделал шаг к двери. — Вообще, нам не надо больше встречаться. Никогда. И в Америку я не поеду.

— Павел, послушай, Павел, может быть, я плохо объяснила, — Лия забыла, что надо строить из себя влюблённую курицу, и говорила резко, почти зло. Но её слова падали в пустоту, потому что Павел уже открывал входную дверь, взмахнув рукой на прощание:

— Не обижайся, я недостоин твоей любви.

— Само собой, недостоин, баран упёртый, — пробормотала Лия, наблюдая в окно, как фигура Павла скрывается в переулке между домами. — Два месяца работы коту под хвост.

* * *

Когда Павел бежал от Лии, ему в голову пришла старая истина, что ничто на свете не происходит бессмысленно. Даже в мелочах, и больше всего именно в мелочах.

Сегодняшнее озарение было связано с очками, теми, что у него сейчас на носу. Павел даже остановился, снял очки и покрутил их за

дужки, радуясь, что накануне ухитрился с размаху сесть на старые. Под весом его тела оправа устало хрустнула, и Павел расстроенно сказал бабушке, что придётся тащиться в оптику. Хотя денег до полочки оставалось в обрез, новые очки оказались кстати, потому что в последний год зрение резко упало и давно просило заменить стёкла на более сильные.

Если бы не новые очки, в которых можно разглядеть даже крылья у мухи, то он ни за что не увидел бы иконку на комодике у Лии. Икона была та самая, вернее, такая же, какую он запомнил прошлым летом в Федосьином скиту. Совершенно точно, икона, оказавшаяся рядом в сложный момент жизни, — это не картинка, не символ, а знак судьбы — напоминание. Не он ли, стоя на коленях в тесной землянке, просил у Федосьи прощения и заступничества? Вот она и пришла на помощь, да так, что ход вещей сразу стал ясен, словно по сказочному блюдечку покатилося наливное яблочко.

Но самое главное, что вдруг окатило Павла с головы до ног, было чёткое осознание любви — яркой и сильной, как сполох пожара.

Он окончательно понял это, когда Лия стояла совсем близко, кружа голову страстным шёпотом. Казалось, протяни руку и возьми. Именно в этот момент, взглянув на икону, Павлу остро, до холода в затылке, захотелось

оказаться рядом с Мариной, спокойной и чистой, словно водная гладь. Он явственно понял, что не нуждается ни в Наташе, ни в Лие, ни в симпатичной аспирантке Ларисе, имевшей на него серьёзные виды. Марина! Только она одна — его законная жена, его радость и счастье, что бы ни случилось.

Ему подмывало детское озорство сложить руки рупором и выкрикнуть на всю улицу: «Марина!!!» Или написать мелом на асфальте: «Марина + Павел = любовь». И пусть люди знают, что он любит. Вот сейчас, прямо сию минуту, он разыщет Марину и скажет ей главные слова, которые ещё не произнёс ни разу.

Сунув руки в карманы, Павел решительным шагом направился к остановке автобуса.

Час пик давно закончился, поэтому в полупустом салоне автобуса ему удалось сесть к окну, глядя на карусель знакомых улиц. Хотя он мог назвать на этом маршруте любую остановку и с закрытыми глазами описать рядом с ней каждый дом, вплоть до трещинки на фасаде.

Если бы его попросили охарактеризовать Ленинград одним словом, то Павел сказал бы «скала», настолько незыблемым выглядел величавый покой ночных улиц с гулкой площадью, над которой царил Ангел с крестом, прикованный к гранитной колонне. Только почему Ленинград? Так город можно было назвать днём

среди деловой суеты и автомобильного шума. А под покровом ночи, сбрасывая корку времени, он снова становился Санкт-Петербургом, таинственным и блистательным.

Ночью бульвар Профсоюзов превращался снова в Конногвардейский бульвар, Красноармейские улицы в Роты, а проспект комиссара Майорова вспоминал, что он Вознесенский.

Когда Павел подходил к дому Марины, он почувствовал, как сердце в груди гулко застучало в такт шагам. Уходя после разрыва отношений, он не взял ключи от квартиры и сейчас долго нажимал кнопку звонка.

— Марина, открой, Марина!

Никого. Наверное, Марина заночевала у Игоря.

Стукнув себя по лбу, что не догадался позвонить им сразу, Павел побежал к телефонной будке.

Хотя Игорь и Света переехали в новую квартиру недавно, им не пришлось стоять годы в очереди на телефон.

— Дали свободный номер как родителям тройни, — торжественно провозгласила Света, когда диктовала бабушке Кате семь заветных цифр. Павел помнил их наизусть, и пусть часы отсчитали одиннадцать вечера, нетерпение увидеть Марину было так велико, что он рискнул позвонить.

Трубку взял Игорь и сразу же радостно закричал:

— Пашка, пропащая душа! Молодец, что позвонил, богатым будешь, мы со Светой только что тебя вспоминали. Совсем ты нас забыл, приехал бы, повозился с малышами, поел блинов с мёдом. Марине подарили банку отменного гречишного мёда с собственной пасеки.

— Мёд — это хорошо, — подхватил лёгкий тон Павел, моментально настраиваясь на позитив, хотя и несколько тревожный. — Обязательно заскочу на днях. А сейчас позови, пожалуйста, Марину, я хочу сказать ей пару слов.

От глубокой паузы на том конце провода у Павла похолодело в груди, а объяснение только усилило тревогу:

— Марина взяла отпуск и уехала искать работу. Вот, котёнка нам подбросила присматривать, Тешка зовут, от утешения.

Павел сглотнул комок в горле:

— Куда уехала?

— Паш, ты извини, но я дал слово молчать. Мне очень жаль. Честно. Я с Маришкой едва не поссорился из-за её фокусов. Но Маринка, ты же знаешь, упрямая. Если что-то вобьёт себе в голову, то её ничем не остановишь. — Голос Игоря звучал затаённой болью. — Ты подожди её, Паша, не бросай. Пусть передурит. Она ведь любит тебя, очень любит.

— Не брошу, я тоже её люблю, — потянувшись к рычагу повесить трубку, Павел задержал руку на весу и снова поднёс к уху. — Игорь, ты слушаешь?

— Да.

— Знаешь, отдай его мне.

— Кого? — не понял Игорь.

— Котёнка. Тешку. Я сейчас за ним приеду.

Из телефонной будки Павел снова побежал к остановке, едва успевая на отходящий автобус.

От Лимарёвых, наевшись блинов и поговорив по душам, шёл домой уже пешком. Его душу согревал теплом пушистый комочек, шумно возившийся за пазухой. Тараща любопытные глазёнки, Тешка пару раз пытался вырваться на волю, а когда Павел снова запихивал его за рубаху, возмущённо пищал и пускал в ход острые коготки.

Город не спал, качая в белой ночи ветками цветущей сирени на Марсовом поле. На Невском проспекте былолюдно и шумно, а ближе к Коломне людской ручеёк постепенно иссякал, разбиваясь на отдельные капельки.

— Ничего, малыш, не грусти, разыщем твою хозяйку. Она упрямая, а я ещё упрямей и больше от своего не отступлюсь. Разыщу, прижму к себе, и никуда она не вырвется, будет сидеть за пазухой, как ты.

Павел говорил с Тешкой со всей серьёзностью, потому что это был не простой котёнок,

а Маринин котёнок, который с этой ночи стал общим, можно сказать, совместно нажитым хозяйством. И Марина обязательно отыщется, даже если для этого придётся отправиться в странствие в железных сапогах. Но сначала надо обязательно съездить в Рябиновое, к Федосье.

Хорошо, что подошёл срок летнего отпуска и не надо отпрашиваться и придумывать веские причины. Чемодан — вокзал — Рябиновое, а там знакомой тропочкой через Федосьин луг к скиту, поклониться Федосье, чтоб помогла им с Мариной, да поддержать в руках иконку, которая отвела сегодня от него большую беду.

Эх, знать бы, куда уехала Марина. Но, главное, Игорь сказал, что она его любит.

— Любит, любит, любит, — на все лады граяли с деревьев галки вслед Павлу, когда он шёл назад по длинной аллее.

— Уехала, уехала, уехала... — срываясь с поводков, гавкали на галок два пса неопределённой породы.

— Любит, любит, любит! — не отступались от своего птицы.

* * *

Утренняя прохлада проникала в спальню из открытого настежь окна. Сквозняк, щекотавший ноздри, милосердно прерывал тяжёлый сон,

который асфальтовым катком плющил грудь Виктора Васильевича. Света с Игорем переехали, дети не шумят.

Семь часов утра, а дворник уже перестал скрести метлой по асфальту, уступая место пешеходам, торопящимся к остановке автобуса. Раньше, в своей прежней жизни, Виктор Васильевич не задумывался, сколько счастья может принести обычное раннее утро, сулящее день, полный чудес и радости.

Обязательно радости, потому что человеческому существу даровано чудо — жить, дышать, любить и верить. Так мало, и так бесконечно много. Но для того, чтобы это осознать, довелось как следует вывалиться в грязи, чуть не сломать жизнь своих детей и перекорёжить свою собственную.

Едва Анна Захаровна ушла на работу и в квартире стало тихо, Виктор Васильевич подтянул к себе костыли. Он брился позавчера, поэтому неуверенно провёл рукой по щеке, словно решая, идти в ванну или оставить всё как есть. Кожа под пальцами провисла вялой складкой: за время, проведённое в больнице, он похудел на двадцать килограммов с гаком, но если бы представилась возможность, то был рад вообще испариться, чтобы не смотреть в глаза дочери и зятю, который из-за него стал инвалидом.

Подгибая ногу в лангете, Виктор Васильевич проковылял к иконам и мешком повис на костылях, перенеся тяжесть тела на опоры:

— Господи, спасибо Тебе за мою сломанную ногу. И за вразумление спасибо, Господи. Ни капли больше в рот не возьму, только прости меня, Господи, за жизнь бестолковую.

Втягивая воздух, показавшийся вдруг жидким, Виктор Васильевич всхлипнул, не опасаясь быть увиденным. В присутствии жены он стеснялся плакать, как ребёнок у колен родителей.

Говорят, к Богу приходят. Виктор Васильевич к Нему полз, волочился, тащился — не как к последней надежде, а как к единственной. Больше у него ничего не осталось.

Нога болела нестерпимо.

Три месяца назад, когда он добирался до милиции за помощью, раздробленная кость прорвала кожу и торчала наружу, пачкаясь в грязи и крови. Из-за вспыхнувшей инфекции операция следовала за операцией, а рана гноилась и покрывалась тёмной коркой. Жена прикладывала к свищу тампоны с лекарством, а он закрывал лицо руками и выл от стыда.

Телесная боль на время вытесняла боль душевную, но стыд грыз постоянно, не отступаясь ни днём ни ночью. Спасала только молитва, которую он бормотал, как умел.

— Господи, спасибо Тебе, Господи.

Он всегда только благодарил — так делала его мать, когда получала от отца письма с фронта.

Света и Игорь с внуками переехали на новую квартиру, жена работала, и в свободное время Виктор Васильевич бродил по квартире из угла в угол, как раненый зверь в клетке, и предавался воспоминаниям, раскладывая свою жизнь в три коробочки памяти: детство, юность и зрелость.

Коробочка «Детство» была яркого зелёного цвета, словно лягушонок, которого он поймал у пруда своего дома в вологодской деревне. Лягушонок прохладно щекотался внутри закрытых ладошек, и Витёк заливисто хохотал, пока мама не приказала выпустить малыша на волю. Мама тоже смеялась, запрокидывая к солнцу кудрявую голову в жёлтом платке с вышитыми цветочками. Она была весёлой, его мама. А потом началась война.

Отец сразу уехал в райвоенкомат, а вскоре вернулся домой на полчаса, чтобы собрать вещмешок. Витёк не видел, как отец прощался с матерью, потому что, ошалевший от впечатлений, мотался с ватагой мальчишек от избы к избе. Не каждый день война начинается, тут надо держать ухо востро и не пропустить главного.

По деревне гулял бабий вой. У околицы собрались девки, но не шутовали, как обычно, а тихо перешёптывались, вытирая слёзы кто

рукавом, а кто подолом. Зарёванную Марьяшку Лисицину двое подружек вели под руки, потому что на завтра была назначена её свадьба и во дворе Лисициных Марьяшкин отец уже сколотил длинные столы, а мать невесты наварила ведро холодца.

Потом его разыскала соседская девчонка и дёрнула за рубаху:

— Беги домой, окаянный, батька твой уходит.

Виктор Васильевич до сих пор чувствует прикосновение жилистых рук, больно схвативших его под рёбра, чтобы поднять для поцелуя. И ещё голос, сухой, чуть надтреснутый от волнения:

— Вырасти хорошим человеком, сынок, не осрами нашу фамилию.

В зелёной коробочке памяти есть потайное отделение. Там спрятан день, когда вместо письма почтальонша принесла серую бумажку — похоронку. Случившееся тогда оказалось настолько страшным, что память сама заменила этот день чистым листом, на котором записана только дата маминой смерти, и эта запись опять взлетает криком тётки, которая перехватила его плечи и стала теснить за калитку:

— Не ходи туда, Витька, не ходи! Мамка твоя руки на себя наложила!

Затем в коробочку поместилась сельская школа и житьё у тётки Поли — папиной сестры.

Чтобы помочь тёте Поле, Витёк пошёл работать в колхоз на ферму: навоз вычищал, бидоны с молоком ворочал, а чуть что надо починить-привинтить, доярки бежали к нему:

— Подсоби, Витенька, пусть ты и небольшой, а мужичок.

Работа на ферме была хоть и при молоке, но колхозникам доставалось лишь несколько глотков, и то не каждый день, да и то сказать — сами не брали. Ведь вся продукция шла в район на молокозавод, а оттуда на фронт и в голодный Ленинград. Им нужнее.

Добрая тётка жалела его, едва ли не больше своих дочек, и, провожая в Ленинград с аттестатом зрелости, прошептала:

— Не осрами, Витюшка, папкину память, а за мамку молись.

Перед уходом он долго стоял у берёзки на кладбище:

— Мама, мама, зачем ты ушла, и почему ты так ушла?

А потом, сняв заплечный мешок, положил на мамину могилу кусочек сахара из выданных на дорогу запасов. Жалко, не взял крупки посыпать. О той оплошности Виктор Васильевич сокрушался до сих пор.

Взмахнув рукой на прощанье, он склонил голову и зашагал по тележной колее, не

оборачиваясь на прошлое. Коробочка детства захлопнулась, открывалась коробочка юности.

Память о юности была бережно запакована в голубой цвет. Таким запомнилось небо над озером, когда он, студент-технолог, признался в любви голубоглазой девушке Анечке. Он налегал на вёсла, а Аня сидела на корме. Опустив вниз руку, она пропускала воду сквозь растопыренные пальцы и вся лучилась, то ли от счастья, то ли от солнечного света.

Порыв ветра сильно качнул лодку, Аня схватилась за борт, а Виктор набрался смелости прошептать:

— Сильнее, чем я, тебя никто любить не сможет. Выйдешь за меня?

Застенчивое «да», прозвучавшее в ответ, оглушило Виктора перезвоном свадебных колоколов. Он был уверен, что впереди его ждёт безбрежное счастье, глубокое, как Анины глаза.

И действительно, крошечка за крошечкой, коробочка юности наполнялась счастливыми событиями, главным из которых было рождение Светочки — аленького цветочка.

Жену Аню Виктор Васильевич любил до дрожи, сослуживцы его ценили и уважали, а к десятой годовщине свадьбы профком выделил молодому технологю отличную двухкомнатную квартиру в заводской новостройке.

Вот оно, счастье под мирным небом. Разве не ради него погиб отец?

Как и когда память начала заполнять коробку зрелости, Виктор Васильевич не заметил. Но коробочка та была мрачного чёрного цвета, а из распахнутого нутра скалилась отвратительная химера с бутылкой водки в костистых лапах. Иногда химера трансформировалась в чёрта с кровавыми глазами. Издеваясь, чёрт говорил голосом погибшего отца:

— Не осрами нашу фамилию, сынок.

Химера появилась не сразу. Сначала она ютилась в самом дальнем уголке коробки вместе с маленькой стопочкой водки перед ужином — чтобы снять напряжение трудового дня. Что значит капля алкоголя в день? Ерунда, сущая безделица. Затем к ней добавилась вторая стопка — перед обедом. Исключительно для аппетита. Потом ежедневная выпивка стала необходимостью, и он пытался оправдать её, измышляя всякие веские причины.

Постепенно химера, созданная собственными руками, разрасталась, наливалась плотью и оттачивала зубы.

Тогда он начал с ней бороться — завязывал, брал себя в руки, погружался в любовь жены и дочери. Аню и Свету химера боялась и на время пряталась, пока он снова не выпускал её на волю. Буквально вчера жуткое видение,

разбуженное совестью, оказалось настолько реальным, что Виктор Васильевич едва не разбил костылём зеркало, целясь попасть в проклятую образину. После он долго, до испарины, клал поклоны перед иконой, а в сердце изувеченной птицей билась слабая надежда, что его всё-таки простят.

* * *

Поочерёдно укачав тройняшек, Света подошла к батарее и стала снимать с них высохшие подгузники — за ночь они опять обратятся в объёмный мокрый ком. Аккуратно расправляя каждую складку, Света раскладывала их стопкой на письменном столе, застланном байковым розовым одеялом. На столе было удобно пеленать малышей и взвешивать на весах, которые покоились на широком подоконнике.

Поскольку деньги на переезд пропали, из мебели на новую квартиру поехал раскладной диван Светы и рабочий стол Игоря с приложением в виде настольной лампы голубоватого стекла. Стулья купили самые дешёвые, а кухонную мебель почти даром отдала соседка. Деньги на детские кровати подарили друзья, но в самое сердце поразила Марина, немислимыми путями доставшая стиральную машину с центрифугой.

— Чтобы стирка не выматывала все силы, — сказала она Игорю, поскольку ему чаще всех выпадало заниматься пелёнками.

Раньше двух часов ночи Игорь и Света спать не ложились, если можно назвать сном беспрестанное вскакивание то к Грише, то к Глаше, то к Валере. Кроме того, приходилось ночью ходить на кухню и разогревать на водяной бане бутылочки со смесью, потому что к пяти утра «бригада Ух», как называл детей Игорь, настоятельно требовала кормления.

— Видишь, как удачно я ухитрился ввязаться в драку и попасть в больницу, — частенько замечал жене Игорь, перепелёнывая малышей со сноровкой опытной кормилицы, — ведь если бы мне не дали больничный на полгода, то ты бы осталась с разнузданной оравой карапузов один на один.

Шутил он с таким самодовольством, что Свете начинало казаться, будто муж специально позволил себя искалечить, дабы подольше отдохнуть дома. Хотя трудно сказать, что проще — крутиться с тремя горлопанами или вкалывать на производстве. Рабочий день родителя не имеет ни начала, ни конца.

Свете и Игорю хотелось побыть вдвоём, без детей, а среди суток свободными оказывались только два часа после полуночи. Космическое время, когда размывается граница между вчера

и сегодня. Дети спят, тихонько поскрипывает паркет под осторожными шагами, шумит чайник на плите, а по дому плывёт блаженное затишье перед приступом очередного рёва.

Обычно в это время Игорь садился на диван полистать книжку, а Света пристраивалась рядом и клала голову ему на колени, ручейками рассыпая по плечам золотистые пряди волос.

В этот момент Игорь чувствовал, что владеет всем золотом мира и почти зримо видел, как вокруг них колыхнется невесомый полог, сотканный из нитей счастья. В этот миг он думал, что ничего другого в жизни ему больше не надо и всё, о чём когда-то мечталось, у него уже есть. Мешали спокойствию только две вещи: тревога за Марину и нехватка денег для большой семьи. Правда, с нехваткой денег он был настроен разобратся на этой неделе, а Маринка...

Мысли о Марине занозами застряли в мозгу, он даже сам не заметил, как сказал вслух:

— Хоть бы Павел её нашёл.

Света сразу отреагировала:

— Марину?

— Конечно, Марину, кого же ещё? — поймав руку жены, он коснулся губами ладони, глухо сказав в эту живую преграду: — Видеть не могу, как она мечется из угла в угол. И ведь ни словечка о том, в чём причина их ссоры. Сама извелась, Пашку извела, я скоро умом из-за неё тронусь.

А эта бессмысленная идея уехать? Разве можно убежать от самой себя?

Он притянул Свету к себе, и она покорно села к нему на колени:

— Знаешь, Игорь, надо было тебе рассказать Павлу, где искать Марину. Может, он бы её перехватил в дороге, пока она не сожгла за собой все мосты. Потом обратного хода в Ленинград не будет. Выпишут из квартиры, и всё.

— Да не мог я сказать!

Забыв, что спят дети, он повысил голос, и Света предостерегающе подняла палец, который он немедленно поцеловал:

— Тише!

— Не мог я сказать, — Игорь снова перешёл на шёпот, — Маришка с меня слово взяла. Я Павлу намекал, намекал, куда она подалась, едва ли у себя на лбу не написал, но он, по-моему, не уловил сути.

Закусив губу, Света расстроенно вздохнула:

— Да, непонятно, какая кошка между ними пробежала. Я осторожно Марину выпрашивала, думала, она по-женски горем поделится, но она молчит, как каменная.

— Может, Пашка приударил за какой-нибудь знойной аспиранточкой? — предположил Игорь, баюкая Свету на коленях, хотя при движении появилась одышка и в позвоночнике стало горячо.

— Да что ты, Игорёк, даже думать так не смей! Не похоже это на Пашу. Кроме того, я заметила, какими глазами он на Маришку смотрел, когда мы тебя искали, — словно она на другом берегу стоит, а он не может переплыть реку. Только мне тогда было всё равно, — пережитое больно кольнуло Свету в сердце. Игорь всем телом почувствовал, как оно пустилось в галоп, обдавая жаром щёки.

Он потёрся подбородком о её плечо и легонько дунул на прядь волос возле виска:

— Светка, прекращай переживать. Всё хорошо, я с тобой.

Порывисто качнувшись, она прижалась к его груди:

— Мне стыдно сказать, но я так и не могу простить его.

Хотя Света не произнесла имени, Игорь сразу понял, что речь идёт об отце, и крепче прижал её к себе, стараясь оградить от волны душевной боли.

— Убеждаю себя, уговариваю, а не могу.

На Светином лице появилось страдальческое выражение, и Игорь видел, что она собирает силы, чтобы не заплакать.

— Мы ведь с мамой долго терпели пьянки, очень долго. И каждый раз прощали и верили, — она, взглянув на свои колени, запахнула полы халатика. — После запоя отец всегда обещал

исправиться и иногда держался очень долго. Однажды не пил целый год. Я радовалась и думала, что больше он никогда не прикоснётся к спиртному, но в день моего выпуска из медучилища папа попал в вытрезвитель и запой пошли по новому кругу. Только сейчас я поняла, что мы с мамой жили в постоянном страхе и напряжении: какой отец придёт? Когда? Трезвый или пьяный? Я ведь очень люблю папу, но моя любовь выгорела внутри. Там только пепел. Пустыня. Я даже пожалеть его не могу. Особенно после того, как ты из-за него чуть не погиб.

— Виктор Васильевич больше не будет, — сказал Игорь с уверенностью в голосе, — вот увидишь. Ты не думала, что это наше, — он замялся с определением, — происшествие — лучшее, что могло с ним случиться?

Удивившись необычной постановке вопроса, Света изумлённо подняла брови, и Игорь поспешил объяснить свою мысль:

— Говорят, бойся своих желаний, они имеют обыкновение сбываться. Мы же все хотели, чтоб Виктора Васильевича отворотило от пьянства?

Света кивнула:

— Ну да.

— Вот его и отворотило, как будто повернули ручку выключателя. Был алкоголик — стал трезвенник. Видимо, иного пути, кроме кардинального, не нашлось.

— Но не через тебя! Пусть через меня, через маму!

— А почему нет, Света? Ты сама говорила, что ничто не посылается просто так. Может быть, я встретился с тобой в том числе и для того, чтобы спасти его!

— Может быть, — Света всё-таки заплакала, уткнувшись лицом в его плечо, не утирая слёз. Чтобы остановить плач, Игорь бережно поставил её на ноги и повёл в спальню:

— Пойдём, Светочка, надо успеть поспать. До кормления осталось всего три часа.

Он сам снял с неё халатик и заботливо подоткнул одеяло, чтоб не продуло из окна. А когда жена заснула, пошёл к детям и опёрся о спинку кровати, долго вглядываясь в круглые мордочки с зажмуренными глазками.

— Спице, милые, папа позаботится, чтоб вы не знали нужды.

* * *

Игорь не стал говорить Свете, что собирается отказаться от инвалидности и устроиться учителем в школу. Пусть будет сюрприз, хотя, наверное, посоветоваться стоило. Правда, советуйся не советуйся, но тяжёлый физический труд на время приходится отставить в сторону, а деньги для пропитания трёх смешных ротиков

требуются постоянно. Мебели в квартире кот наплакал, скоро придёт зима и малышам надо будет покупать шубки и валеночки, а Света каждый день прикидывает, как сэкономить на питании.

Тщательно обдумав создавшееся положение, Игорь достал диплом, приложил характеристику из университета и пошёл в роно — районный отдел народного образования.

Приёмный день у заведующей роно начинался с десяти часов утра, но сегодня всегда пунктуальная Тамара Евгеньевна опоздала на пять минут, потому что утром дочка надела её новые колготки. Обнаружив пропажу, Тамара Евгеньевна рассвирепела не на шутку. Поведение Лены становилось совершенно невыносимым. Резкими движениями Тамара Евгеньевна стала выбрасывать из ящика комода вещи на пол. Где-то на дне должна лежать невскрытая упаковка — подарок подруги. Гнев распирает её изнутри, волнами ударяя в голову. Мысленно она уже проговаривала бьющие наотмашь слова, которые вечером выскажет в лицо дочери.

Лена сорвалась с катушек, когда поступила в институт и завела новых друзей, а до этого была тише воды, ниже травы. Тамара Евгеньевна воспитывала дочь в строгости, жёстко контролируя каждый шаг. Проштрафилась — изволь

переписать два параграфа из учебника или вымой пол — у нас свобода выбора. Чаще Лена выбирала пол, и Тамара Евгеньевна недовольно отмечала, что нынешняя молодёжь совсем не хочет учиться, не то что послевоенное поколение, которое истово стремилось к знаниям. «Мы жили впроголодь, но были ответственными и целеустремлёнными, а вы распущенные эгоисты без чести и совести», — заученным монологом звучало в душе Тамары Евгеньевны, пока руки распечатывали целлофан упаковки и натягивали колготки на ноги.

Попавшаяся под руку кофта чуть было не попала в лицо мужа, который вошёл в комнату с чашкой кофе и бутербродом.

— Тома... — неизвестно, о чём он хотел спросить, но быстро ретировался, предпочитая не попадать под раздачу.

Глянув на него исподлобья, Тамара Евгеньевна презрительно поморщилась. Она всегда считала мужа тряпкой, неспособным крепко, весомо хлопнуть кулаком по столу и призвать дочку к порядку. В их доме мужчиной была она — целеустремлённая, бескомпромиссная и решительная.

Второпях Тамара Евгеньевна натянула дорогой, но скромный пиджак, сшитый у хорошего портного, и поправила институтский значок на лацкане. На приёме она должна выглядеть

безупречно, чтобы соответствовать важной должности советского руководителя.

Когда Тамара Евгеньевна размашисто прошагала в кабинет через приёмную, там уже набралось порядочно посетителей. Женщины с тревожными лицами, само собой, были родительницами, пришедшими упрашивать за своих беспутных чад. Вспомнив про дочь, Тамара Евгеньевна настроилась разобраться с мамашами без сантиментов. Детей нельзя распускать, это она, как мать и как педагог старой закалки, знала точно.

Пара тоненьких девушек наверняка учительницы, которые не справились с вверенным участком работы и теперь хотят перевода в спокойные школы. Нет, миленькие мои, отработаете положенные три года после института тьютельница в тьютельку. Мы, в своё время, с малолетними преступниками закалку получали. И ничего, справились, не дезертировали с педагогического фронта.

Уже закрывая за собой дверь кабинета, Тамара Евгеньевна заметила молодого мужчину с весёлыми глазами и коротким ёршиком каштановых волос. Поскольку он не вписывался в обычную схему приёма, Тамара Евгеньевна решила принять его последним и глазами указала на него секретарше Евдокии Семёновне.

Та, как всегда, ухватила указание на лету, немедленно принявшись упорядочивать очередь:

— Не волнуйтесь, товарищи, Тамара Евгеньевна всех примет.

Выждав минут десять, чтобы дать начальнице раздеться и передохнуть, она обратилась к заплаканной женщине в голубом болоньевом плаще:

— Пройдите, пожалуйста, и постарайтесь не задерживать очередь. Вас много, а Тамара Евгеньевна одна.

Очередь из посетительниц казалась нескончаемой, и к концу приёма у Тамары Евгеньевны заболела голова, но зато домашние заботы отступили на второй план. Ответственная работа хороша тем, что не даёт мысли сосредоточиться на бытовых неурядицах.

Выпроводив девушку, которая оказалась не учительницей, а воспитательницей, и пришла просить служебную комнату, Тамара Евгеньевна со вздохом выбралась из-за стола и немного прошлась по кабинету. Плечи давили бетонной балкой, а шею сводило судорогой.

— В санаторий пора тебе, матушка, — с тоской сказала она себе, доставая из сумочки таблетку анальгина. Санаторий был несбыточной мечтой, туда она собиралась уже который год, но никак не могла собраться.

Нажав на кнопчку телефонного селектора — спасибо учителю по гражданской обороне — Тамара Евгеньевна вызвала секретаршу:

— Много ещё народу?

— Последний.

Значит, сейчас войдёт молодой мужчина, которого она оставила на закуску.

Чтобы выглядеть достойно, Тамара Евгеньевна поправила причёску, подкрасила губы и снова уселась за стол:

— Приглашай.

* * *

Когда заведующая роно, словно вбивая ногами сваи, промаршировала через приёмную, Игорь заметил, что к симпатии она не располагает. Неприязнь вызвал колкий взгляд, каким она окинула очередь, и презрительное выражение лица с крепко стиснутыми губами и застывшими скулами. Этаким тип женщин-солдафонов, привыкших отдавать приказы и не терпящих компромиссов. Впрочем, первое впечатление часто оказывалось неправильным, и он постарался настроиться на позитивное общение, тем более что чувствовал себя независимым. Школ в городе много, где-нибудь да найдётся место учителя, не в этом, так в другом районе.

По мере продвижения очереди, оптимизм Игоря постепенно гас, потому что приём шёл медленно, а женщины, попадавшие в кабинет, выходили с понурым видом и покрасневшими глазами. Видимо, зава была крутой на руку.

От нечего делать он исподволь разглядывал секретаршу с худым, подвижным лицом и пытался угадать, сколько ей лет. Получалось то тридцать, то пятьдесят. Лицо вроде молодое, а голос квакает, как у беззубой старухи. Да ещё странная манера складывать губы трубочкой, словно собралась просвистеть мелодию.

От секретарши мысли перекинулись к Свете, которая сейчас собирает малышей на прогулку. Он сказал, что идёт по делам, а когда она в ответ улыбнулась и пожелала удачи, то понял, что провести жену не удалось и она видит его насквозь.

Из задумчивости Игоря вывел голос секретарши, которая со стуком положила телефонную трубку на рычаг:

— Проходите, молодой человек.

Оглядевшись, Игорь понял, что остался в приёмной один. Это его порадовало, потому что давало возможность побеседовать обстоятельно и неспешно. Хозяйка кабинета сидела за столом, устало потирая висок двумя пальцами. При виде его, она прервала массаж и указала рукой на кресло:

— Присаживайтесь. Что у вас?

Игорь улыбнулся:

— Добрый день, Тамара Евгеньевна. Я к вам по поводу работы. Хочу устроиться учителем словесности.

— Русского и литературы, — уточнила она, и в её глазах промелькнула искра заинтересованности, — ну что ж, учителя всегда нужны. — Взгляд Тамары Евгеньевны изучающе прогулялся по лицу Игоря, соскользнув на стол, куда он положил диплом с характеристикой. — Если вы приезжий, то предупреждаю сразу — лимитной прописки для учителей у нас нет. Для воспитателей детского сада — пожалуйста.

— Я местный. Неподалёку живу, поэтому и обратился к вам. Хотелось бы работать в своём районе.

— Понимаю. Но вообще мужчины в учителя редко идут, да ещё на специальность русский-литература.

Тамара Евгеньевна развернула диплом и долго вглядывалась в каждую строчку, словно выискивая признаки искусной подделки.

— Есть опыт педагогической работы? И где работали прежде?

— Да, я работал в университете на кафедре, — уточнил Игорь, — аспирант. Само собой, приходилось читать лекции. А потом перешёл докером в порт.

Взгляд Тамары Евгеньевны остекленел, а в голосе зазвенела медь жёсткого вопроса:

— Вас что, выгнали из университета?

— Ну, почему же выгнали? Я сам ушёл, потому что у меня родились тройняшки, а на

зарплату аспиранта детей не прокормишь. Из порта приходится увольняться поневоле, потому что получил травму и пока не могу работать физически.

— Ах так. Понятно.

Тамара Евгеньевна в раздумье постучала корочкой диплома об стол, и Игорь подумал, что такое лицо бывает у парикмахера, когда он прикидывает форму будущей причёски.

Потянувшись за характеристикой, она погрузилась в чтение, изредка шевеля губами, а потом положила лист на стол и тщательно разгладила его ладонью:

— Здесь написано, что много лет вы были бессменным организатором и руководителем стройотряда.

— Всё верно, — подтвердил Игорь, недоумевая, почему завроно заинтересовал именно стройотряд. Стройотряды были обычной практикой всех вузов и не могли никого удивить.

— Значит, в строительном деле понимаете? Как оно там называется... — Тамара Евгеньевна сделала взмах кистью руки, подсказывая себе жестами, — штукатурка, кладка, цементирование.

Он удивился ещё больше:

— Да, опыт кой-какой имеется.

— Хорошо! — Тамара Евгеньевна положила руку на его диплом, как на воинскую присягу, и торжественно сказала:

— Игорь Дмитриевич, то, что я вам предложу, проходит не по ведомству районо, но, как говорится, в одном котле варимся. В общем, меня попросили подыскать кандидатуру для директора строительного профтехучилища на шестьсот учащихся, — она выразительно подняла брови, — с соответствующей зарплатой! Как вы оцените такой вариант?

Игорь, которого было трудно выбить из седла, растерялся не на шутку. ПТУ? Строительное? Да это почти что колония для малолетних преступников, если не сказать хуже, потому что в колонии есть надзиратели, облечённые реальной властью, которых не смеют ослушаться, а в ПТУ только педагоги и воспитатели.

Кварталы, осчастливленные наличием ПТУ, или путягой, местные жители обходили стороной, а самой страшной карой для школьников считалась угроза отправить их в ПТУ.

Правда, среди профессионально-технических училищ тоже была своя иерархия. Попасть в училище при телевизионном заводе считалось престижным даже среди отличников и хорошистов. Суровой дисциплиной и качественным обучением славилось училище метрополитена, но строительное... Строительные ПТУ стояли на самой нижней ступени этого по-своему упорядоченного мира, потому что туда шли отпетые двоечники,

которых, как говорилось в шутку, «ни одна тюрьма не возьмёт».

Поигрывая карандашом в руках, Тамара Евгеньевна ожидала ответа, а Игорь не знал, что сказать. Лихорадочно взвешивая за и против, он искал, но не находил плюсов, чтобы решиться взвалить на себя столь тяжкую ношу. Работы он не боялся, но сказанное «да» полностью оторвёт его от семьи в то время, когда он особенно ей нужен.

Господи, что же делать?

Пока он тянул время, Тамара Евгеньевна стала проявлять нетерпение. Зажимая карандаш между пальцами, она простучала на столе дробь, особенно отчётливую в тишине кабинета.

Вскинув голову, Игорь встретился взглядом с портретом Ленина, чья ласковая улыбка показалась ему тошнотворной. Он перевёл глаза на окно, в котором качались пряди берёзовых ветвей, и вспомнил, как ночью доказывал Свете, что ничего не посылается просто так, без глубинного смысла, который, может быть, пока нам не ясен. Если так, то это предложение дано ему с умыслом и надеждой.

«Если не я, то кто?» — убеждение в высшей воле прочно оформилось в его душе и Игорь утвердительно кивнул:

— Соглашусь, пожалуй. Надо брать. что дают.

Черканув на бумаге адрес и телефон, Тамара Евгеньевна протянула Игорю записку:

— Вот координаты, Игорь Дмитриевич, вам там будут рады, а я предупрежу, чтоб вас ждали.

Вложив записку в диплом, Игорь откланялся, а Тамара Евгеньевна взялась за телефон:

— Ирина Фёдоровна? Герасимова беспокоит. Радуйтесь — нашла я вам человечка на прорыв. Крепкий парень, русист, с опытом организационной работы, — переждав ответные возгласы, разрывавшие мембраны в трубке, добавила: — Вы его только сразу не пугайте. Ну, не рассказывайте, что с прошлым директором произошло. Сам потом узнает. Авось, на этот раз обойдётся.

* * *

И снова вокзальная сутолока, поезд дальнего следования и взмах рукой на прощание бабе Кате:

— Не скучай, скоро вернусь.

В ответ она перекрестила его сквозь оконное стекло и медленно пошла по перрону: маленькая, худенькая, седенькая. Самый родной человек на свете.

Когда Павел узнал историю своего появления у бабы Кати, то обмер от ужаса: а что, если бы она не оставила его у себя? Пожалела бывшую невестку с младенцем, приютила на время, может быть, отдала последние деньги,

а потом проводила на вокзал, поцеловала в щёку, и его жизнь покатила бы по другим рельсам.

Да и много ли найдётся людей, способных, как бабушка Катя, бескорыстно тянуть груз в виде существования непослушного мальчишки, под завязку набитого капризами и фокусами?

Каждому человеку Бог посылает ангела по имени мама. Его ангела звали бабушка Катя, и сейчас она, наверное, уже садится в автобус, чтобы выйти на пару остановок раньше и немного постоять напротив развалин бывшей церкви с дивным названием Неувядаемый цвет.

В разгар сезона летних отпусков в вагоне поезда яблоку было негде упасть. На каждой полке общего вагона сидело по несколько человек. С новыми пассажирами добавлялось количество баулов и чемоданов, и, чтобы переместиться по проходу, приходилось прыгать через препятствия горным козлом. Провожающие шумно прощались, а уезжающие суетливо готовили билеты.

Соседка по купе, разогнав по углам своих малышей — серьёзного мальчика и хулиганистую девочку, выставила на столик коробку с варёными яйцами и две бутылки молока. Напротив читал газету хмурый дедушка с трясущимися руками. Каждый раз, когда кто-то проходил мимо него, он опускал газету и бубнил, что в стране нет порядка, а молодёжь забыла

про уважение. На Павла дедуган поглядывал с подозрением милиционера, поставленного на охрану городской новогодней ёлки. Не спилит ли супостат лесную красавицу?

Чтобы не стеснять соседей, Павел забрался на верхнюю полку и стал смотреть в окно.

Меняющиеся пейзажи завораживали то буйной красотой, то тихой скромностью. Озёра, леса, перелески, небо, окаймлённое серыми валками облаков. От движения вперёд возникало необыкновенное чувство полёта над миром, как если бы он был птицей или ветром, способными подняться до небес и осмотреться окрест.

Завтра к полудню, если повезёт, попутка привезёт в Рябиновый. Кинуть вещи в Дом колхозника и напрямик в Федосьин скит, а потом обратно в Ленинград на поиски Марины. Даже если она решит уехать, то в любом случае вернётся за вещами и для оформления документов на выписку или бронь, если определится на Север.

В конце концов, залогом неизбежной встречи у них с бабушкой поселился нахальный кот Тешка с замашками будущего крысолова!

Главное сейчас — найти её и объяснить, что каждый шаг, который сделан, даже самый глупый и неверный, всё равно был шаг к ней.

Под перестук колёс о Марине думалось, словно она ехала рядом, но на минутку отошла

в сторону. Сняв очки, Павел закинул руки за голову, представляя запах её волос, раскиданных ночью по подушке, и то, как она смеялась от радости, и то, как прямо держала спину, стараясь пересилить беду с Игорем.

Когда за окном стемнело, он задремал, но во сне не перестал разговаривать с Мариной, что-то доказывая, уверяя и упрасывая. В ответ она улыбалась, и от её улыбки в груди становилось горячо, словно от жара костра.

Колхоз «Рябиновый», как и два года назад, качал ветками рябин вдоль дорог и рассыпался птичьими звонами, перекликающимися с журчанием реки и собачьим лаем.

Вместо попутки от поезда в колхоз и обратно ездил новенький уазик, за рулём которого важно восседал старый знакомец Жорка-электрик, растолстевший до окружности колобка из русской народной сказки.

Увидев Павла, он с криком восхищения свесился из окна машины:

— Кого я вижу! Павло! Привет строителям! А я теперь из электриков в шóферы переквалифицировался. Работёнка непыльная, и колёса всегда наготове под мягким местом.

— Привет!

Устраиваясь на сиденье, Павел почувствовал, как его волной захватывает предчувствие близкой радости. И природа, и дорога, и даже

Жорка с шарообразными щеками казались ему близкими родными, встречавшими его после долгой разлуки.

Уазик бодро подпрыгивал на колдобинах, но децибелы, изрыгаемые двигателем, не шли ни в какое сравнение с Жоркиным дискантом. Его рот, по обыкновению, выдавал пулемётные очереди новостей, не прерываясь ни на секунду. За время поездки Павел успел узнать, что сам Жорка женился, что коровники стоят новёхонькие, а дочка председателя сбежала из колхоза и теперь живёт в Москве, зато собака колхозной поварихи оценилась волчатами и в клуб привезли заграничный фильм «Высокий блондин в чёрном ботинке».

— Клёвый фильм! Ты смотрел?

Отрицательный ответ Павла потонул в рёве мотора, но Жорка суть ухватил, коротко посоветовав:

— Зря. Посмотри. Животик надорвёшь.

По его лицу расплылось такое блаженство, что Павел не удержался прокомментировать:

— Мой живот и без кино лопается от смеха.

Не спрашивая адрес, Жорка лихо подрулил к Дому колхозника и на прощание, как клещами, стиснул пять:

— Спасибо тебе, друже! Вернёшься в Ленинград — всей вашей бригаде привет передай, кланяется, мол, вам Жорка-электрик.

Удивлённый такой горячностью, Павел усмехнулся:

— За что спасибо? Мы ведь коровники не бесплатно строили.

— Да не за коровники, — махнул рукой Жорка, подмигивая круглым глазом, похожим на совиный зрак, — за девок!

— За девок? Так мы к ним и близко не подходили, — Павел не мог взять в толк, что имеет в виду Жорка, а тот ещё раз подмигнул, теперь другим глазом, и пояснил:

— То-то и оно, что не подходили. Все невесты в целости в колхозе остались. А дай вы слабину, за такими работающими парнями, да городскими, любая деваха бегом бы побежала. Теряя эти... как их? Тапочки!

— Ах, вот ты о чём!

— А то! Теперь, как я оженился, можешь браконьерничать сколько хочешь. Если парни ноги не переломают.

Щёлкнув пальцами по рулю, Жорка заливи-сто всхотнул и завёл машину:

— Бывай, Павло, да запомни — утром машину в восемь утра подаю. Стоянка у столовки.

* * *

Дом колхозника располагался на пригорке, недалеко от поселкового кладбища. Посмотрев в низину, можно было разглядеть распахнутые

руки крестов и скорбный памятник павшим в виде ажурного обелиска, сваренного из железнодорожных рельсов.

— Всегда на верхушке памятника голубка сидит.словно её за лапки привязали, — сказала дородная дежурная, заметив взгляд Павла. — Видать, чья-то душенька в родную сторонку прилетела. Сюда и зайцы часто прибегают, а зимой стадо кабанов приходило. Сели кругом, как собаки, посидели и ушли. Будто поминки справили.

Кивнув головой с тугим начёсом, дежурная задумчиво повозила пальцем по журналу приезжих:

— Куда же вас определить? Ума не приложу. У нас всего пять комнат: в четырёх из них комбайнёры из «Рассвета» опытом делятся, а в пятую три дня назад девушка заселилась. Симпатичная, — она кинула острый взгляд на Павла, который уже хотел откланяться, и вскинула руку: — Хотя, постойте, если устроит раскладушка в подсобке, то могу помочь. А нет — отправлю на квартиру к бабе Любаше. Она нас часто выручает.

— Я за раскладушку, — поторопился согласиться Павел, — мне только ночь переночевать.

— Ну и ладненько.

Оставив пост, дежурная вывела его на улицу и отомкнула дверь в отдельное помещение, совсем не похожее на подсобку. Видимо, комнатка

постоянно использовалась в качестве резерва главного командования, потому что раскладушка была застелена чистым бельём, а на маленьком столике с приставленной табуреткой голубел букет люпина.

— Располагайтесь, Павел Иванович. Другому бы не стала угождать, но вас я помню. Вы к нам со строительной бригадой приезжали. Оформлять документы не буду, тем более что всё равно места нет. Не запишешь же вас в номер вместе с девушкой, — она смешливо прикрыла рот рукой. — А председателя я после в известность поставлю. Он разрешит.

«Сказала — как рукой по голове погладила, — с благодарностью подумал Павел, — вот что значит деревня: два года прошло, а люди в лицо помнят. Разве можно сравнить это бесхитростное гостеприимство с суетой большого города?»

Бросив в угол рюкзак, он переобулся в резиновые сапоги и сразу же двинул в сторону леса, на Федосьин лужок.

Разомлевшая от жары улица встретила его распахнутыми окнами, туго затянутыми белой марлей — от комаров. В крапиве у заборов лениво копошились курицы, в тени колодезного сруба валялся рыжий пёс с написанным на морде блаженством. Солнце стояло ещё в зените, медленно передвигаясь над лесом, застывшим в ожидании ветерка.

Тропинку, по которой пришлось дважды пробежать с грузом икон, Павел помнил наизусть и ничуть не удивился, заметив, что по опушке Федосьиного луга вышагивает длинноногий аист. Как говорили местные, вокруг Федосьи завсегда зверьё толчётся.

У родника он зачерпнул студёной воды и пил до ломоты в зубах, чувствуя, как скользит внутри ледяной холод. За осинником — орешник, за орешником — овраг.

Дорогой Павел думал, что не смог бы чётко сформулировать, зачем идёт в Федосьин скит и, вообще, зачем снова приехал в Рябиновое. Сентиментальность? Глупая надежда? Любовь или нечто большее и глубокое? Наверное, его вело упование. Чтобы найти Марину, хотелось снова ощутить силу и ясность ума, которая пришла к нему, когда он в первый раз прикоснулся к чуду, простому, как сухая хлебная корочка.

За два прошедших года папоротник у входа в скит разросся густым кустарником. Выбрасывая вверх пышные султанчики зелени, он словно нарочно скрыл от чужих глаз бревенчатый накат землянки и деревянный щит, сколоченный взамен двери.

Там, внутри подземелья, лежала великая тайна связи Бога и человека, доступная любому из смертных, кто отречётся от себя и пойдёт за Ним.

Это было сродни выходу в открытый космос, и, берясь за ручку двери-крышки, Павел понял, что волнуется. Зная высоту землянки, он на коленях вполз в тесное пространство, на какое-то время ослеплённый темнотой после яркого солнечного света. Жадно вдыхая воздух, он впитывал знакомый дух земли, перемешанный с запахом коры и дерева. Здесь, справа, стоял пустой гроб. Протянув вперёд руку, Павел наощупь поискал стенку домовины. Рука наткнулась на грубую доску. Потом он стукнулся локтем о стоящий сбоку столик и только тогда зажёл фонарь, предвкушая встречу с иконами.

Но икон не было. Не веря своим глазам, Павел отчаянно зашарил по стенам лучом фонарика. Мечущийся свет тщетно пересекал пространство, выхватывая плотную серую паутину и перепутанный клубок корней, проросших сквозь бревенчатый накат потолка.

— Матушка Федосья, как же так! — не замечая, что говорит вслух, закричал Павел, одновременно ужасаясь тому, кто способен на такое кощунство, и тому, что он сам два года назад почти совершил это невероятное преступление.

Свыкаясь с неизбежным, он потёр рукой лоб, чувствуя сокрушительное опустошение. Ему не хотелось шевелиться, и мысли, сначала разрозненные от обиды, мало-помалу потекли в новое русло, наполняя душу умиротворением.

Как ни странно, но ограбленный и разорённый скит не утратил силы веры, некогда обитавшей в его стенах. Она жила здесь, как птица в своём гнезде, которая если и улетает, то всегда возвращается.

Павел негромко попросил:

— Господи, помоги мне вернуть Марину.

Ответом ему была тишина, разбавленная звуком собственного дыхания. Покаянно опустив голову на грудь, Павел вновь замер, думая о непостижимой женщине со старинным именем Федосья.

От дум его отвлёк резкий звук за спиной, и Павел понял, что кто-то откидывает крышку скита. Он резко обернулся, прищурясь от бывшего в глаза света, и увидел, как дверной проём заполнил тёмный силуэт. Инстинктивно отшатнувшись в сторону, чтобы уступить место вошедшему, он негромко спросил:

— Кто здесь?

* * *

Это было невероятным, но в тесноте скита, упираясь своими коленями в его колени, сидела Марина! Настоящая, растрёпанная, чуть запыхавшаяся, с круглыми от изумления глазами и полуоткрытым ртом. Парусиновые брючки,

бордовая футболка, накинутая на плечи штор-
мовка с оторванной пуговицей у ворота.

Павлу показалось, что его грудь сейчас взор-
вётся от бешеного стука сердца, заполнившего
звуком всё свободное пространство.

— Марина! Ты как здесь? Откуда?

От потрясения он едва мог говорить и только
глупо смотрел на Марину. Чтобы проверить,
что это не бред, он протянул руку и коснулся её
щеки, мокрой от слёз.

Она не отстранилась, а крепче прижалась
к его ладони, дрожа всем телом.

— Паша! Я не могу поверить? Этого не
может быть!

— Я... вот... понимаешь... — говоря, Павел
задышался от невозможности разом высказать
всё накопленное и выстраданное. В голове
теснился сумбур, сквозь который чудом сумело
пробиться наружу нелепое объяснение:

— Приехал случайно, понимаешь, у меня
отпуск. Думал, куда бы поехать? А здесь мы уже
были. Коровники строили, ну и вот...

«Я несу бред, — думал он, — надо остано-
виться и сказать, что люблю её и что приехал
сюда ради неё в надежде обрести утраченную
уверенность».

Но вместо нужных слов снова выскочило
небрежное:

— А ты как здесь оказалась, Марина? Игорь сказал, что ты уехала.

Даже в темноте он увидел, как она побледнела, вцепляясь руками в полы накинутаго на плечи штормовки.

— Так это тебя Игорь надоумил, где меня искать?

— Нет! Что ты, он ни звука — скала, вернее, могила. Нет, лучше скала. Просто сказал: «Маришка уехала искать работу». И всё.

Исподволь он завладел её рукой и крепко стиснул, подумав, что добровольно её от себя не отпустит.

— Вот я и уехала, — Маринин голос дрогнул, — я давно хотела уехать. Понимаешь, нам нельзя жить в одном городе. Я долго думала, что делать, чтобы быстрее отвыкнуть от тебя, и решила сменить обстановку. На новом месте...

— ...приснись жених невесте, — подсказал Павел.

В ответ Марина бледно улыбнулась:

— Сначала я хотела завербоваться на Север или поехать на БАМ, но Игорь узнал, что в Рябиновом нужен учитель математики.

— Будешь работать учителем?

От вероятности, что Марина успела устроиться на работу, он похолодел. Но она с ноткой разочарования сказала:

— Оказалось, я опоздала буквально на один день, и к ним по разнарядке прислали выпускницу из местных — симпатичную девушку. Вроде бы дочку бухгалтера. Она рассчитывала остаться в городе, а её распределили сюда.

Я уже собралась уезжать, но какая-то старушка в магазине рассказала про скит. Вот я и решила прогуляться напоследок — не будешь же целый день сидеть в номере.

Маринины губы сложились в грустную улыбку, от которой у Павла в душе словно шлюз открылся.

— Марина, я люблю тебя! — сказал он с горячностью. — Прости, что я не сразу это понял. Был рядом с тобой и не задумывался ни о чём. Я спал, ел, работал, а ты ушла, и мне стало ничего не надо. Понимаешь — ничего. Словно я по пустыне иду. Богом клянусь — я люблю тебя. Без тебя меня нет, потому что ты моя половина, моя душа. Я целый, только если ты рядом. Не убегай больше, прошу.

Ему надо было выговориться, и фразы лились почти безостановочно, грозя превратиться в бессвязную речь.

Он увидел, как свободной рукой Марина закрыла лицо, и замер. Сердце камнем ухнуло вниз, хотя он старался не подавать вида.

Неужели они повстречались для того, чтобы навсегда расстаться?

— Паш, — сорвавшееся слово вспорхнуло лёгкой бабочкой и, сложив крылья, упало. — Паш, я не могу быть с тобой. Я ушла, чтоб дать тебе построить новую жизнь. У меня детей никогда не будет.

Она яростно тёрла глаза рукой, снова и снова, пока они не превратились в подобие болотных топей.

— Детей? — он отказывался верить своим ушам, не понимая, как какие-то мифические дети, которых ещё и в проекте нет, могли послужить причиной её бегства. — Детей? Всего-навсего?

— Родные дети не «всего-навсего», а нормальная семья, — сердито возразила Марина.

— А мы с бабушкой разве не семья? Скажи? Ведь бабушка мне не родная. А потом у нас есть племянники, целых трое: Глашка, Гришка и Валерка. И ещё кот.

Указательным пальцем он вывел в воздухе круглую морду с острыми ушками.

Марина удивилась:

— У тебя есть кот?

— Ну да, твой, то есть наш кот. Тешка теперь у нас с бабушкой живёт. Я его забрал от Игоря. Он уже успел выкопать бабушкину герань и разбил вазу, которая на шкафу стояла. А ещё мне пришлось купить соседке новые тапки. Угадай почему?

По тому, как обмякли плечи Марины, Павел понял, что веский аргумент в виде кота достиг цели. Коротко вздыхая, она как будто пила воздух мелкими глотками, не в силах вымолвить ни слова.

— Паша, я так тебя люблю, что мне сказать об этом страшно. Но, соглашаясь с тобой, я не уверена, что поступаю правильно.

Марина говорила беглым полушёпотом, и он жадно ловил каждый звук её голоса.

Восхищение, любовь, радость и надежда кипели внутри него, как в огромном котле.

подавшись вперёд, Павел упёрся лбом в её лоб, и они долго молчали, переживая обрушившиеся на них огромное счастье, которое непонятным образом умещалось в тесном пространстве Федосьиной кельи.

Уже успокоенно, Павел привлёк Марину к себе и пробормотал:

— Глупая, посмотри вокруг, где мы встретились. Какое тебе ещё нужно доказательство того, что нам на роду написано быть вместе?

Его благодарность Богу, милостивому и вездесущему, была столь велика, что глаза щипало от слёз. Он ждал чуда, просил чуда, и оно явилось! Ну не чудо ли?

Спиной Павел упирался в стенку гроба и, чтобы Марина могла лучше рассмотреть землянку, зашарил по земле в поисках фонарика.

— Сейчас я тебе посвечу. У меня тут фонарик. Я уронил его, когда тебя увидел.

Всхлипнув, но уже с чувством счастья, Марина тоже пошлёпала ладонью по земле, исследуя окружность.

— Я что-то нашла, но это не фонарик. Какая-то деревяшка.

— Я тоже нашёл. На, держи.

Он отдал ей найденный обломок дерева и наконец дотянулся до фонарика.

Павел боялся отпустить Марину, словно она могла взмахнуть крыльями и улететь, поэтому действовал лишь одной рукой, другой прижимая её к себе.

— Смотри!

Он показывал келью благоговейно, с не постижимым чувством соприкосновения с тайной.

— Здесь висели иконы, а здесь, в гробу, Федосья спала.

По опыту своих прежних посещений, он знал, что вопреки всем законам природы время имеет здесь свойство замедлять свой ход. И оно действительно остановилось, зависнув в полутьме земляной капсулы.

Когда Павел с Мариной выбрались наружу, солнце клонилось к закату, розовыми лучами плескаясь в серой озёрной воде, разрисованной листьями кувшинок и лилий.

На накренившейся сосне с вывороченными корнями выстукивал бодрую дробь красногрудый дятел. На миг прервав работу, он с неудовольствием посмотрел вниз, но решил не отвлекаться и снова погрузил клюв в дерево, рассыпая вокруг себя звуки упорной лесной стройки.

* * *

Боже мой, как он тосковал без запаха её кожи, без лёгкого дыма волос, скользящих по щеке, без хрустальной глубины глаз! Любовь — что больше этого может быть даровано человеку?

Павел с трудом заставил себя оторваться от Марининых губ и посмотрел на часы. Седьмой час, пора поторапливаться.

Они стояли возле ивы, на сучок которой Павел пристроил вещи, и совсем забыли о времени.

— Пойдём, скоро стемнеет, — он вспомнил про свой гостиничный номер в кладовке и улыбнулся, представляя, как удивится дежурная, узнав, что Марина его жена.

— Скажи, это ты та девушка из города, которая поселилась в Доме колхозника?

Всё ещё под властью поцелуя, Марина не сразу поняла, о чём речь.

— Да, наверное, я. В других комнатах живут комбайнёры или трактористы, не помню точно. Сегодня они всю ночь спорили о бригадном

подряде и, мне кажется, даже подрались. Но какое это имеет значение?

Дом колхозника, просроченный билет на поезд, рябины Рябинового существовали сейчас в другом измерении, где-то далеко за гранью вселенной. А здесь были только Федосья, лес, скит и Павел. Навсегда её Павел. «Мой» — как любя говорят в деревнях.

Она смотрела на него и не могла наглядеться, а каждый его жест отпечатывался в памяти небывалой, сумасшедшей радостью, кружащей голову.

Закинув рюкзак за плечи, Павел протянул ей обе руки, и Марина подалась навстречу, только сейчас замечая, что прижимает к себе обломки дерева, найденные по полу возле гроба.

Она совсем забыла про них. Проследив за её взглядом, Павел тоже удивился:

— Что это?

— Не знаю, деревяшки какие-то. Мы подбирали их в темноте.

— Давай посмотрим.

Осколки дерева в её руках полыхнули небесной голубизной. Расколота на две части икона играла красками, мягкими, как шёпот ветра в листве ивы над озёрной гладью.

— Твоя половина и моя половина.

Перевернув обломки, Марина сложила их вместе, и они слились воедино, словно срослись, рассечённые еле заметной трещинкой. Взгляд

Богоматери, смотревшей с иконы, был кроток и нежен, а глаза Младенца Христа мудры и полны печали.

Синее на голубом и голубое на белом. Тусклое золото риз, плавные линии рук, словно покачивающиеся на волнах уточки, и скромный цветок в тонких девичьих перстах Богородицы.

Икона, которую Павел прежде уже держал в руках, была в точности как в квартире Лии. Именно она отрезвила и уберегла его от необдуманного поступка.

Это совпадение поразило его до глубины души, но ещё большее потрясение он испытал, когда Марина вполголоса прочитала слова, красной вязью написанные на голубом фоне, справа от лика.

— Неувядаемый цвет.

И снова в памяти пролетел каменный шар, с размаху крушивший старые стены, купол, с грохотом рухнувший вниз, и стайка голубей, неприкаянно круживших над могучими руинами.

Всё равно ты победила и осталась жить, церковь Неувядаемый цвет.

Подняв глаза на Марину, он встретил её взгляд с дрожащей на ресницах слезинкой, и, когда она заговорила, голос звенел от волнения:

— Бабушка Катя рассказывала, что перед иконой «Неувядаемый цвет» молятся о семейной жизни.

Сложенная из половинок икона в руках Марины была как две души, навсегда спаянные воедино. Надежда, любовь, вера и верность — вот то, что цветёт вечно, не давая увянуть роду людскому.

В Рябиновое Павел с Мариной возвращались почти затемно.

Павел подумал, что вблизи Федосьиного луга стоит остеречься, дабы не столкнуться нос к носу с каким-нибудь резвым мишкой или стадом кабанов на выпасе.

Замедлив шаг, он остановился и обнял Марину:

— Переждём немного, здесь зверей полно. Я сам неподалёку с лосями столкнулся. Местные говорят, что звери ходят Федосью искать, она их сюда кормить ходила. Жорка-электрик рассказывал, что Федосья во время войны пропала без следа. Думают, что погибла, раз обратно не вернулась, а где погибла и как — никто не знает. Поразительно — сколько лет прошло, многие люди забыли, а животные помнят.

Обняв его за шею, Марина прильнула к его плечу:

— Представляешь, я ведь только сегодня про Федосью услышала, а почему-то чувствую, что между нами существует странная связь, будто бы она мне не чужая. Я поняла это, когда к скиту подходила. Даже имя Федосья кажется родным,

много раз слышанным. Не знаю, как тебе объяснить, — Марина немного помолчала, — словно Федосья мне прежде во сне снилась, или мама в детстве рассказывала, а я забыла. Я когда к ски-ту подошла, то долго войти не решалась, сидела на камне, думала, вспоминала. Мелькают в мозгу какие-то образы, выступают из тумана, кажется, вот-вот поймаешь мысль за ниточку. И ничего. У меня даже затылок заломило, отчего это? — она недоумённо пожала плечами. — В Рябиновое я раньше не ездила, деревенских родных нет. Точнее, не знаю. Мама ведь детдомовская была, а про прежнюю жизнь ничего не помнила. Врачи сказали: шок от пережитого. Ей и фамилию в детском доме придумали — Могилёва. Потому что её в войну партизаны под Могилёвом нашли ободранную, окровавленную. Видимо, мама родом из тех мест. Хотя кто знает? А Федосья — здешняя, по фамилии Скворцова. Старушка в магазине сказала, что она горбатенькая была, одно плечо выше другого. Не понимаю, что нас может объединять?

Смотри, она и «Неувядаемый цвет» нам подарила, — Марина провела рукой по завёрнутой в платок иконе и предложила: — Давай в Ленинграде купим другую икону, взамен этой, и вернём её Федосье. Поищем по комиссионкам, или в Лавре закажем, наверняка там есть иконописцы.

— Давай.

Целуя жену, Павел заглянул ей в глаза, наполненные светом счастья:

— Моя.

— Твоя, — откликнулась она эхом.

Обнявшись, они медленно двинулись вперёд, туда, где над рябиновыми шапками качался молодой месяц и плыли кораблики облаков. Завтра с утра на поезд — и домой. То-то бабушка Катя обрадуется!

* * *

К директорству в строительном профтехучилище Игорь приступил в середине августа, когда общежитие стало постепенно наполняться учащимися, а в учебном корпусе преподаватели лихорадочно готовили классы и оптом закупили учебники.

Административной работы накопилось так много, что он едва успевал есть, спать и помогать Свете. Утешало только то, что днём в их квартиру забегала тёща, а вечерами на вахту заступали Марина с Павлом.

Он же мотался с объекта на объект, подписывал бумаги, вникал в бухгалтерию и пытался навести порядок с кадрами, которые разбегались из училища подобно тараканам от дуста.

Едва нашёл учительницу математики, как на стол легло заявление об уходе от географички,

а учитель физики пригрозил, что отработает только первое полугодие.

Забежав к Игорю подписать ведомость на наглядные пособия, он сердобольно посмотрел на скопившуюся кучу бумаг на столе и елеинно пропел:

— Жалко мне вас, уважаемый Игорь Дмитриевич! Уж очень горячо вы взялись за дело. Так и сломаться недолго. Ученики у нас тяжёлые, неблагодарные, вредности повышенной, а жизнь — она, знаете, одна. Вы ещё человек молодой, с запасом силы, а мне, старику, нервы дороже. Накануне учебного года вас подводить не стану, но после каникул не обессудьте. Жду место мясника в гастрономе. Работа творческая, материальное обеспечение прекрасное, ответственности никакой.

Насчёт старика физик кокетничал, потому что на нём можно было дрова возить, но как бы то ни было, замену учителю требовалось искать, и быстро. Не успеешь оглянуться, как зима придёт вместе с новыми заботами.

Оснащённая тугой пружиной дверь ПТУ захлопнулась с грохотом, не уступавшим по силе пушечному выстрелу. Подумав, что пружину надо заменить, Игорь круто обернулся и поморщился. Боль в висках накатывала волнами. Чаще всего она возникала от резкого поворота головы, поэтому он старался разворачиваться

всем корпусом, не двигая шеей. Но постоянно забывал о предосторожности.

Врач при выписке из больницы предупредил, что последствия черепно-мозговой травмы могут остаться навсегда, но Игорь ему не верил. Недосуг всю жизнь остерегаться и прикидываться инвалидом — поболит и перестанет. Если становилось совсем худо, до тошноты, то Игорь шёл в ванную, мочил полотенце горячей водой и клал себе на затылок. От этой нехитрой процедуры боль вроде бы отступала, хотя механизма её действия понять он не мог.

Боль вообще вела себя загадочно, не замутняя разума. Когда на второй день его директорства в кабинет ворвалась взлохмаченная завхоз, он почти сразу сумел уяснить суть дела.

Тщедушная Татьяна Марковна толкала кулачком в спину упирающуюся девушку, на голову выше её.

— Вот, полюбуйтесь, Игорь Дмитриевич, на нашу Собакину.

От последнего тычка завхоза Собакина отмахнулась как от надоедливой мухи и шумно плюхнулась на стул, старательно изображая на лице смертельную скуку. Внешне девочка выглядела перезрелой матроной — с крутым начёсом на макушке и ярко покрашенными губами, бросавшими вызов фиолетовым теням на веках. Если бы не ясные глаза и детские руки с обкусанными

ногтями, Игорь дал бы ей не меньше тридцати. Держалась девчушка в соответствии со своим имиджем, расположившись с таким расчётом, чтобы он не забыл полюбоваться её коленками.

Пытаясь отвлечься от сверлящей боли в голове, Игорь вопросительно посмотрел на Татьяну Марковну, ожидая разъяснений.

Та подбоченилась правой рукой, картинно воздевая левую к потолку:

— Застукала красавицу на третьем этаже, когда она в окно вылезала.

— Как вылезала? — не поверил Игорь. — С третьего этажа?

— Ну да! — Татьяна Марковна засунула руки в карманы и просверлила Собакину взглядом. — Она у нас и не такое отчебучивала. Отчислить её надо.

— Не-а, не отчислите, — вступила в разговор Собакина, — у нас всеобщее среднее образование, а в стране дефицит маляров-штукатуров. И в окно я не вылазила, а просто села подышать свежим воздухом.

— Подышать, как же! Курила, небось. А меня увидела и пачку в окно выбросила.

— Ну и курю, а вам-то что? Я своим здоровьем сама распоряжаюсь.

— Видали, как рассуждает? Совсем обнаглела, — покраснев лицом, взвилась Татьяна Марковна, — я тебе покажу, как отвечать старшим!

— Ну, покажите, покажите! Что вы мне сделаете? Степухи не лишите — у нас гособеспечение, из общаги не выселите. Нажалуетесь, чтоб двойку за поведение закатали? Да и пожалуйста. Моей мамаше всё равно.

— Стоп! — прекращая перепалку, Игорь предупредительно выставил вперёд ладонь, и завхоз резко замолчала на полуслове, а Собакина сердито засопела. — Татьяна Марковна, вы идите, а мы тут разберёмся.

— Разбирайтесь, Игорь Дмитриевич, — зло сощурила глаза Татьяна Марковна, — но я вам откровенно скажу: вы у нас человек новый и ещё не знаете, что Собакина в ПТУ первая заводила. Колония по ней давно плачет.

Дождавшись, когда завхоз вышла, Игорь перевёл взгляд на Собакину. От движения глаз боль в виске усилилась, зато Собакину стало видно особенно чётко, как в фокусе точно выставленного объектива.

Хотя Собакина ответила дерзким взглядом, её закаменевшие плечи выдавали напряжение, а детский рот, размалёванный красной помадой, нервно подрагивал.

— Как тебя зовут? — протянув паузу, спросил Игорь.

Собакина растерянно заморгала синими ресницами:

— А вам зачем? — замкнувшись, она надула губу, но потом всё-таки ответила: — Лена.

— Леночка, значит, — сказал Игорь и усмехнулся.

Даже сквозь гудящую головную боль ему было смешно представить, как Лена Собакина в боевом раскрасе ползёт по подоконнику третьего этажа. Хотя, конечно, безобразие.

— Леночка? Меня так никто не называет, — в голосе Собакиной послышался звон битого стекла, и Игорь с изумлением увидел, как из уголка глаза на щёку поползла тёмная дорожка мокрой туши.

Лена Собакина честно пыталась справиться со слезами, растирая глаза кулаком до тех пор, пока краска для ресниц окончательно не размазалась по лицу. Вид чёрно-синих кругов с глазами в центре и небрежные мазки помады по подбородку напрашивались на полотно смелого модерниста. Рисовал же Пикассо рот возле уха, а тут куда живописнее.

Возможно, в другое время это повеселило бы Игоря, но сейчас его сердце сострадало несчастному ребёнку, который в состоянии зарыдать от одного ласкового слова.

Игорь не стал мешать ей хлюпать носом, а молча протянул носовой платок и отошёл к окну, сквозь которое хорошо просматривался квартал с двумя детскими площадками и унылой

серой стекляшкой типового магазина. Надо будет нанести визит к завмагу и договориться, чтоб учащимся не продавали спиртное и сигареты.

Не оборачиваясь, он услышал, что Собакина затихла, и только тогда подошёл к столу и сел напротив.

— Успокоилась?

— Ага, — перестав ломать из себя бывалую, она ребячьим жестом надула губу домиком, разом превращаясь в беззащитную девочку.

Поддавшись жалости, Игорь едва не погладил её по голове, чтобы утешить как маленькую, но вовремя одёрнул себя и вздохнул:

— Значит, так, Лена, я прошу тебя больше в окна не вылезать и вообще не показывать плохой пример первокурсникам. Собери волю в кулак, продержись до окончания. Ты ведь в этом году заканчиваешь?

Он спросил наугад, но Собакина утвердительно кивнула:

— Ага.

— Ну, вот видишь, скоро начнёшь самостоятельную жизнь и станешь совсем взрослой. Знаешь, это очень трудно — проснуться взрослой, как птенцу вылезти из скорлупы. Открываешь глаза, а вокруг большой и непонятный мир, и надо не ошибиться и не попасть в лапы хищника. А эти злобные хищники, которые норовят сожрать и косточек не оставить, — часто мы

сами и наши поступки. Подумай об этом, борись за свою судьбу. Девушка с такими красивыми глазами, как у тебя, обязательно должна стать счастливой.

Договаривая последнюю фразу, Игорь увидел, как глаза Лены Собакиной, которым он беззастенчиво польстил, стали шире и быстро замигали, снова наливаясь слезами.

подавшись всем телом вперёд, Собакина с видом заговорщика оглянулась по сторонам и быстро пролепетала:

— Игорь Дмитриевич, вы того...

— Что того? — спросил он так же шёпотом, поддерживая её тон.

Собакина облизнула губы и выпалила:

— Берегитесь Сашку Ладыгина, а то случится как с тем директором, что был до вас.

Чтобы переварить информацию, полученную от Лены Собакиной, Игорь вышел из кабинета и размашисто зашагал на спортплощадку — проверить инвентарь. Ему не хотелось видеть никого из своих подчинённых, которые почти целый месяц строили из себя дурачков и молчали о самом главном.

Сейчас, когда кусочки мозаики сложились в одно целое, ему стали ясны недомолвки завуча, выразительные вздохи завхоза и соболезнующие переглядывания преподавателей. Люди, которые, наверно, считали себя порядочными,

оказались мелкими трусами, а раздолбайка и двоечница Лена Собакина — прямым и честным человеком.

Гнев на молчунов заливал его с головы до пяток. Чтобы немного разрядиться, Игорь скинул пиджак и несколько раз подтянулся на турнике, хотя врач настоятельно рекомендовал не допускать физических нагрузок. Отвыкшие от нагрузки мышцы рук упруго напряглись в предплечьях, но в голове прояснилось и мысли стали приходить в систему.

Отойдя от турника, Игорь сел на скамейку и окинул глазами учебный корпус в три этажа.

Коробка кирпичного здания ничем не отличалась от своих собратьев по типовому проекту Государственного комитета профессионального обучения. Скучно, серенько и уныло — ничего особенного, если не считать, что внутри этих стен обосновалась шайка разбойников, главарём которой был ученик сварщика Сашка Ладыгин, и на предыдущего директора свалилась бетонная балка и перебила ему позвоночник.

* * *

Из кабинета директора Лена Собакина вышла с голубыми от туши щеками и опухшими веками. Носовой платок, который дал Игорь Дмитриевич, промок насквозь и выглядел так,

словно им чистили ботинки. Притулившись на подоконник, Лена запихала платок в карман юбки и посмотрела по сторонам, проверяя, не видит ли кто её позор.

Жёлтые стены коридора сливались с дощатым полом, покрашенным густо-коричневой краской. И пол, и стены, и табличка кабинета директора мелькали в глазах подобно карусели, на которой ни разу в жизни не довелось кататься.

Выросла Лена в деревне со странным названием Нижняя Чарочка, куда мать привезла её из города в годовалом возрасте. Соседки за глаза называли мать гулящей и гордились наличием законных мужиков, хотя те пили горькую, а порой гоняли благоверных вдоль деревенской улицы с криком: «Убью, шалава!»

Когда после восьмилетки Лена собралась в Ленинград, мать отговаривать не стала — все ехали, но коротко всплакнула и предупредила:

— В подоле не приноси. Лучше в детский дом сдай, мне ещё один рот не потянуть, и так едва на ногах стою.

Чтобы до Лены лучше дошло, мать демонстративно задрала на табуретку голую ногу с узлами фиолетовых вен под коленкой и махом опрокинула в рот стопку — для сугреву. Она работала обходчицей на железной дороге и с недавнего времени сильно мёрзла.

На материнское напутствие захотелось ответить грубостью или завизжать от обиды, но жалость к матери пересилила:

— Не привезу, не бойся. Я обратно ни за что не вернусь.

Куда ехать поступать, Лена уже знала, потому что зимой в поселковую школу приезжал агитатор из Ленинграда и уговаривал восьмиклассников идти не в девятый класс, а записываться к ним, в строительное профтехучилище. Сулил бесплатное питание, обмундирование, койку в общежитии и стипендию — целых пятнадцать рублей в месяц.

— А кроме того, — соловьём разливался агитатор, — вы, ребята, приобретёте замечательную профессию строителя или сварщика. Подумайте — вы будете строить новые города, возводить дома и осваивать новую технику. А кроме того, вы получите лимитную прописку и очередь на жилплощадь.

Строить, возводить и осваивать Лена совершенно не мечтала, но степуха в пятнашку целковых в придачу к ленинградской прописке подталкивала её к железнодорожной кассе. Те ребята, кто поумнее, ехали поступать в техникумы. Некоторым десятиклассникам повезло попасть в вузы, ну а двоечникам и неудачникам была проторена дорожка в ПТУ.

Из деревни далёкий город представлялся Лене волшебной страной, сверкающей россыпью золотых огней вдоль широких улиц, покрытых ровной коркой асфальта. Городские ходят в туфельках, а не чапают по грязи в резиновых сапогах, чтобы купить в сельмаге десять буханок хлеба на корм порося. Вода в доме там льётся из крана и в туалет зимой можно ходить не надевая валенки. Кроме того, в мечтах Ленинград был наполнен симпатичными парнями всевозможных мастей. Это тебе не деревенские мальчишки, у которых на уме одни мотоциклы. Хотя с одноклассником Витькой Мухортовым она даже на спор целовалась после танцев в сельском клубе.

Ленинград Лену Собакину закружил, оглушил и заморозил. Сразу по приезде она ходила по улицам, открыв рот и спотыкаясь на каждом шагу. У витрин универмагов на Невском проспекте впадала в глубокий ступор и в продуктовых магазинах едва не теряла сознание при виде залежей дефицитных сосисок на прилавке и батонов докторской колбасы, сияющей розовыми срезами. И всё это великолепие можно было купить! К ним, в Нижнюю Чарочку, сосиски никогда не завозили, а лишь иногда выкидывали на прилавок докторскую колбасу областного производства.

Постояв в очереди за толстой тёткой в красной кофте, Лена потратила рубль тридцать и купила себе полкило сосисок в тонком целлофане.

Сосиски туго выпирали из бумажного свёртка и пахли так сокрушительно вкусно, что она свернула в первый попавшийся двор, разорвала упаковку и впилась зубами в нежное мясо. Почти не жуя, она глотала сосиску за сосиской, по-щенячьи подвывая от наслаждения. Вот что значит жизнь в городе! С того дня Лена уяснила для себя, что настоящее счастье пахнет сосисками и прозрачно хрустит целлофаном.

За первым днём городской жизни последовал второй, в который она получила койку в общежитии на девичьем этаже. Его коллективное хозяйство составляли одна кухня на десять комнат, два разбитых унитаза и душ с открученными ручками.

Хмурая комендантша пояснила, что ремонт в общежитии исправно делают каждый год, но учащиеся всё разламывают заново, потому что силы много, а ума мало.

В тесной комнате кроме Лены жили ещё три девочки с последнего курса. Они носили мини-юбки, ярко красились и тайком от дежурного учителя с шиком курили болгарские сигареты.

Городская жизнь затягивала её, как водоворот, от которого холодеют колени, а в душу проникает бесшабашная лихость: ого-го, я всё могу! Всего и делов, что поднырнуть — и в сторону.

С первой стипендии Лена обзавелась мини-юбкой и за три рубля купила в театральном

магазине набор грима для лица. Грим был дешевле, чем косметика, а сиял на щеках и веках куда ярче.

К зиме она уже легко могла обмануть подозрительную вахтёршу на проходной и беззастенчиво соврать учителям или мастеру производственного обучения. А после того как пришлось дать в зубы одной тихоне из их группы, к Лене Собакиной намертво прилипла кличка Собака.

Собака так собака. В глубине души, Лена даже гордилась, что её боялись, принимая страх в глазах одноклассниц за уважение. Но особенная гордость пронзила её, когда на перемене к ней подошёл сварщик Сашка Ладыгин, небрежно кивнув:

— Будешь одной из наших?

Плюгавый Сашка, ниже её на голову, выжидательно смотрел бутылочно-зелёными глазами с белой точкой, застывшей посреди зрачка. Потом Лене долго снились его глаза варёной рыбы, и она натягивала одеяло на голову, чтобы спрятаться.

В ПТУ Сашка слыл не просто верховодом, он был некоронованным царём, наделённым властью казнить или миловать. Числиться в его команде считалось верхом почёта, и Лена, поймавшись для видимости, очертя голову бросилась во все тяжкие.

Среди преподавателей Сашка считался неприкасаемым. Лена собственными ушами

слышала, как мастера советовали друг другу ставить Ладыгину хорошие оценки, чтобы не связываться. Прежний директор попытался прижать ему хвост, и что вышло? Просто так балки с крыши на голову не валятся. Приехавшая комиссия охала:

— Несчастный случай, несчастный случай!

Знаем мы эти случаи. Не бывает в жизни случаев.

Достав из кармана зеркальце, Лена поплевала на директорский носовой платок и подтёрла потёки туши под глазами, уничтожая следы рёва.

«Разнюнилась, как корова, — подумалось ей с тягостной злостью. — И наговорила с три короба. И всё из-за того, что директор назвал Леночкой. Подумаешь, Леночка!»

Обхватив плечи руками, она свернулась комочком, пытаясь вытолкнуть из головы разговор в кабинете. Наверняка этот Игорь Дмитриевич такой же гад, как все остальные взрослые.

Но вертевшиеся в голове бранные слова звучали неубедительно, потому что внутри неё уже проклюнулось малюсенькое зёрнышко добра, подаренное вместе с носовым платком.

* * *

Скамейка на спортивной площадке ПТУ сияла свежей краской, но чья-то рука успела

нарисовать на спинке сердце и нацарапать вечное «Оля + Вася = любовь».

Игорь провёл пальцем по надписи, думая о Лене Собакиной и обо всех других девочках на вверенной ему территории. Большинство из них приехали из сёл и деревень. Смешные, с показным ухарством, малокультурные, они были всего лишь детьми, скрывающими свою растерянность за нелепой раскраской. Едва дождавшись окончания восьмого класса, девчата вереницей тянулись в города, оставляя за спиной мам, пап и привычный уклад жизни, как правило несладкой. Однажды гадкие утята обязательно превратятся в прекрасных лебедей, но пока приходится думать о самом насущном — как защитить их от группы Сашки Ладыгина или, как было написано в анкете, комсомольца Александра Матвеевича Ладыгина, семнадцати лет, уроженца города Ленинграда?

С чего начинать? Где искать подсказки? На кого опираться, если все учителя стыдливо отводят глаза и старательно делают вид, что происходящее в ПТУ их не касается?

Мысли плавали, как хлопья пены в осенней Неве, кружась и пропадая в тёмной воде.

Подбадривая себя самого, Игорь хлопнул ладонями по коленкам:

— Да, Игорь Дмитриевич, подростки — это тебе не бригада шабашников, где дисциплина

определяется рублём и коллективной ответственностью.

Он услышал, как гравий за спиной захрустел под чьими-то шагами, и оглянулся, успев ухватить взглядом высокую женщину, худую, как спица. Она была очень бледной, с большими чёрными глазами на фоне восковой кожи. Чёрная юбка, чёрная кофта, чёрные туфли.

Игорь подумал, что она похожа на вестника смерти. Но, когда женщина заговорила, её нежный голос с певучим выговором прозвучал разительным контрастом мрачной внешности:

— Здравствуйте, вы новый директор вместо Глинского?

Игорь встал:

— Да, я. Меня зовут Игорь Дмитриевич.

— А я Глинская. Роксана Аветисовна.

Игорь подобрался, чувствуя себя немного растерянно. Пригластительным жестом он указал на скамейку:

— Присаживайтесь, очень приятно познакомиться.

Благодарно кивнув, женщина села.

Игорь обратил внимание, что у Глинской не было сумки, значит, она, скорее всего, пришла пешком или живёт неподалёку. Не принуждая гостью к разговору, он присел рядом, ругая себя за то, что только сегодня удосужился узнать о несчастном случае со своим предшественником.

Закопавшись в кучу документации, окунувшись в суету перед новым учебным годом, он упустил главное — человеческую судьбу.

То сплетая, то расплетая нервные пальцы, Глинская молчала, а потом обвела рукой пространство вокруг и тихо сказала:

— Когда Олег сказал, что его назначили директором ПТУ, я была категорически против. Плакала, просила его отказаться и уехать жить в Армению. Я родом из Еревана, и у нашей семьи хорошие связи в министерстве образования. Без работы бы мы не остались.

Роксана Аветисовна надолго замолчала, глядя вниз на камень, по которому медленно полз муравей.

Хотя на улице стояло летнее тепло, Игорь заметил, что её знобит. Чтобы поддержать разговор, он хотел спросить, чем может помочь, но она угадала его вопрос и быстро сказала:

— Нет-нет, я пришла не за помощью, мне ничего не нужно. Я молода, здорова, детей нет. Я иногда прихожу сюда, посидеть, подумать, вспомнить Олега.

Вы знаете, мы очень нелепо поженились. Олег ухаживал за моей подругой, и она вроде бы отвечала ему взаимностью. Но накануне свадьбы вдруг взяла и сбежала с проезжим офицером. Прямо как в водевиле. Ресторан заказан, гости приглашены, родители в предынфарктном

состоянии. Вот я, будучи ближайшей подружкой виновницы конфуза, и приняла огонь на себя. Предложила Олегу: давай, женись на мне вместо Люси. А потом потихоньку разведёмся. А он взял и согласился. Сначала для видимости мы вместе поехали в свадебное путешествие в горы. Олег был альпинистом и не мог отстать от своей группы. И там, в горах, когда мы стояли на вершине, можно сказать, парили над миром, на нас вдруг обрушилась, нет, не лавина, а любовь.

Мы были так счастливы, так счастливы! Позже Олег отправил Люське на Дальний Восток корзину фруктов за то, что она вовремя сбежала.

Мы прожили вместе десять лет, но, если честно, я считала бы себя счастливницей даже за один день замужней жизни с Олегом. Думала: некрасивая, замкнутая, — кому нужна? А Олегу оказалась нужна.

Личные воспоминания медленно, исподволь раскрашивали щёки Роксаны Аветисовны робким румянцем, какой бывает у смущённой девушки. Было видно, что ей тяжело говорить и горько вспоминать, но держать боль в себе ещё труднее. Её тянуло выговориться, и Игорь слушал, не перебивая. Он почти реально ощущал, что рядом с ними на скамейку незаметно присаживается ещё одна душа. Наверное, правильно говорят: пока помнят и любят — смерти нет.

Когда голос Роксаны Аветисовны оборвался, Игорь спросил:

— Роксана Аветисовна, что я могу для вас сделать?

На лбу Глинской появилась морщинка, соскользнувшая к переносице. Она прижала руку к груди и повернула разговор в неожиданное русло:

— Игорь Дмитриевич, я пришла к вам с предложением: возьмите меня к себе учителем физики. Памятью Олега, я обязана помочь поднять ПТУ на ноги.

— Физики? С удовольствием возьму, — он неподдельно обрадовался. — У меня как раз физик уходит.

От того, насколько своевременно прибыла помощь, Игорю даже жарко стало. Буквально полчаса назад он сидел, перебирал варианты, как укрепить педагогический коллектив надёжными людьми, работающими с интересом и любовью к детям, и на тебе — первого человека ему уже прислали.

Роксана Аветисовна бледно улыбнулась:

— Я в курсе — физик ещё при Олеге собирался взять расчёт, а на днях я его в гастрономе встретила с топором в руках. Сказал, стажирруется на мясника. И, кроме того, Игорь Дмитриевич, вам надо на кого-то опереться. Я отлично представляю, каково руководить вязким коллективом.

«Вязкий»! Игорю понравилось определение того, что он чувствовал при общении с подчинёнными. Вызывала уважение и сама Роксана. Она выражалась точно, словно пули отливала, и Игорь подивился силе её духа. Это было сродни тому, как в войну женщины шли на заводы, чтобы стать к станку на место погибшего мужа.

В порыве благодарности Игорь пожал ей руку, оказавшуюся на удивление тёплой и крепкой:

— Мы справимся, обязательно справимся. Если не мы, то кто?

Когда, распрощавшись с Глинской, Игорь вошёл в кабинет, он обнаружил, что совершенно забыл о головной боли, мучавшей его с самого утра.

Дёрнув себя за мочку уха, он сунул в стакан с водой дорожный кипятильник, чтобы попить чаю, и взял со стола личное дело Ладыгина. Наверное, настало время познакомиться поближе.

Прихлёбывая обжигающий чай, он позвонил Свете, просто чтобы услышать её голос, без которого жизнь теряла всякий смысл.

* * *

Погода начала ухудшаться, едва Света вытащила детей на прогулку.

Солнце стремительно закатывалось за наползающую тучу, которая, казалось, утыкалась

животом в антенны на крышах домов. Вездесущий ветер проскальзывал в водосточную трубу, чтобы пропеть там свою монотонную песню, воробьи и голуби прятались под застреху.

— Скоро начнётся шторм, — заметил Свете румяный старичок с круглой бородкой, — напрасно вы, девушка, на прогулку собрались.

— Пожалуй, — горестно согласилась Света и всё-таки решила гулять, пока не пойдёт дождь.

Возвращаться домой не хватит сил.

С того дня, как Игорь оформился на работу и дети целиком пали на Светины руки, дни замелькали с космической скоростью. Порой она даже не понимала, утро на дворе или вечер, живя от кормления до кормления и от прогулки до прогулки.

О сборах на улицу Света не могла думать без содрогания. Чтобы одетые дети не сопрели от крика, Света сначала полностью одевалась сама. Теперь надо было усыпить бдительность малышни, и Света принималась весело распевать про косолапого мишку, которого тюкнуло шишкой в лоб. Почему-то заслышав именно эту песню, Глафира и Григорий впадали в глубокую задумчивость, а Валерка начинал гулить.

Начало положено! Ласкающими движениями Света принималась поглаживать Глашкин животик, а едва та наивно расслаблялась, быстро-быстро натягивала на неё прогулочные

ползунки, пинетки и кофточку. Когда дело доходило до чепчика, Глашка соображала, что её жестоко обманули и подавала голос. Гришка с Валеркой немедленно подхватывали рёв сестры, мальчишек Света одевала уже впопыхах, сдувая с лица растрёпанные волосы, вперемежку с горячим потом. Колясок было две. В одной валетом лежали парни, в другой вольготно описывала круги Глаша, недовольно поглядывая из-под коротких ресничек.

Вниз по лестнице — десять ступеней каждый пролёт. Бегом вверх, бегом вниз. Тяжёлая коляска стучит по ступеням, руки трясутся, дети орут.

После всего пережитого ноги подкашивались от напряжения, и скамейка у подъезда казалась немыслимой роскошью. Но присесть удавалось редко, потому что приходилось качать попеременно то одну, то другую коляску.

— Хотела много детей? Получила! — шутила Света сама над собой, когда становилось совсем невмоготу. — Надеюсь, внуки за меня отомстят.

Воистину велика людская неблагодарность: плачем, молимся, просим «Господи, дай», а когда Он щедрой рукой отсыпает, то, оказывается, готовы впасть от этого в отчаяние.

В круговерти будней Света порой забывала причёсываться, наскоро заплетая косу растрёпанными прядями, и вообще ощущала себя

толстой, старой и безобразной. И за что только муж любит?

Боже мой, сколько раз она сама лично учила молодых мамочек обращению с малышами! Рассказывала о радостях материнства, авторитетно обосновывала режим прогулки, рассуждала о правильном питании, поясняла, как необходимо укладывать спать. Оказывается, советовать то, что не испробовано на собственной шкуре, легче лёгкого. На практике выяснилось, что дети пузыри пускать хотели на умные советы учёных-медиков и действуют по своей методе, хитро продуманной так, чтобы держать родителей в постоянном тоне.

Обычно краткий миг отдыха выдавался через полчаса после начала прогулки, когда на глазки малышей начинало наползать сонное выражение, а ножки переставали выделять в воздухе замысловатые кренделя.

Пять минут блаженства. Света откидывалась на спинку скамейки и тупо наблюдала за полётом птиц. Думать она была уже не в состоянии.

Игорь уверял, что был бы счастлив неотлучно сидеть с детьми, но провожая мужа на работу, она читала в его глазах облегчение оттого, что он имел возможность вырваться из их маленького мирка, наполненного пелёнками и криками.

Коротко передохнув, Света подставила ладонь к небу, проверяя зарождение дождя. Ветер

задувал в коляски, тормоша задремавших детей за пухлые щёчки.

Она развернула коляски и стала подкатывать их ближе к подъезду, как вдруг зацепилась взглядом между домами за нелепую фигуру мужчины с палочкой в руках. Папа!

Трость он ставил далеко вперёд, а потом мелкими шажками подтаскивался к ней ближе и ближе. Пройдя дистанцию, снова взмахивал тростью и снова преодолевал отмеренное. Маленький, жалкий, больной человек.

Света почувствовала, как сердце стиснуло, словно стальными клещами. Зачем он пришёл? Сейчас не время и не место для разговора, на который банально не хватает душевных сил. С тех пор как Игорь попал в больницу, она всеми силами старалась избежать разговора с отцом. К чему слова и выматывающее выяснение отношений, если истина и без этого лежит на виду. Попросту говоря: докатился, допился, достукался.

Папа увидел, что его заметили, и заторопился навстречу. Теперь он почти бежал, с видимым усилием балансируя всем телом.

— Папа, я помогу! — не выдержав, Света отпустила ручку коляски и рванулась навстречу, чтобы подхватить его под локоть. Трость отлетела на асфальт, а отец вцепился в неё двумя руками, как утопающий за соломинку, ловя глазами её взгляд:

— Светочка, доченька моя любимая! Прости Христа ради!

Он шумно перевёл дыхание и сморщился от боли и напряжения в ожидании её ответа.

Папа! Пальцами Света чувствовала тепло отцовской руки, словно время повернуло вспять, в ту страну, где она была маленькой девочкой, а папа Витя — самым лучшим в мире папой.

Ей стало трудно дышать, но одновременно она почувствовала, что в сердце растаял яростный гнев, вымораживающий душу всё последнее время.

Вскользь прикоснувшись губами к колючей щеке, она наконец с чистым сердцем смогла выговорить то, о чём думала с тяжёлой мукой:

— Я тебя простила, папа.

— Правда?

— Правда!

Он как-то сразу весь подобрался и побледнел, а глаза стали прозрачными, как подтаявшие льдинки. Казалось, промелькнул один миг сострадания и всепрощения, а рядом стоял уже другой человек, говоривший с твёрдой решимостью в голосе. И когда отец пообещал, что больше никогда не возьмёт в рот спиртного, Света безоговорочно ему поверила.

Они стояли около колясок, и Света машинально потряхивала ту, что с мальчишками, а папа стал качать Глашеньку, жадно

вглядываясь в сонную мордашку с круглым ротиком.

— Она похожа на счастливого котёнка, правда?

Умиротворение, разливавшееся по его лицу, смягчало заострившиеся во время болезни черты. Помолчав, отец кивнул на малышей:

— Я виноват не только перед тобой, мамой и Игорем, я виноват и перед внуками, хотя пока они мало что понимают. Им стыдно было бы иметь деда-пьяницу, а уж какой позор я вам с мамой принёс, и выговорить не могу. На коленях бы, кажется, полгорода прополз, чтобы грехи замолить.

Веришь, Света, я каждый день радуюсь, что меня в такой мясорубке перемололи, иначе бы совсем пропал. И не жизни жалко, а души. Черно там было, как в пекле. Душа погибала. Я как будто бы в болоте лежал: понимаю, что наверху свет, а выплыть не могу. Кричу, руками двигаю, а меня всё глубже и глубже засасывает. Страшно это. Не дай Бог никому! И ведь сам, добровольно, в это чёртово болото полез — никто не заставлял, — защищая коляску от резкого порыва ветра, отец распростёр руки над Глашенькой как раз в тот момент, когда она открыла глазки.

И снова вверх по лестнице с двумя малышами в руках, пока папа дежурил внизу с Глашей.

Потом бегом вниз за дочкой. Всех в комнату на диван. Раздеваться и менять подгузники. Да куда же запропастились сухие? Описанное в ванну — замочить.

Папа медленно поднялся и вошёл в квартиру, когда она уже металась по кухне, растворяя в тёплом кипятке молочную смесь.

Доведёнными до автоматизма движениями Света размешивала детское питание и слушала, как в комнате папа что-то рассказывает малышам. Обыденное явление — дедушка разговаривает с внуками, эка невидаль, жизнь идёт своим чередом.

Чтобы слёзы не капали в кастрюлю, она то и дело вытирала глаза кухонным полотенцем, подбирая слова, чтобы порадовать Игоря.

* * *

Эдикова смена подходила к концу, когда включился динамик и на всю ремзону загремел голос начальника Ивана Егоровича:

— Костров, немедленно пройди ко мне в кабинет!

Упрямо мотнув головой, Эдик взял в руки отвёртку и пробурчал себе под нос:

— Доделаю и пойду.

— Костров, ты что, оглох? Костров! — не унимался Иван Егорович.

— Ступай, Эдка, не тяни резину, — сказал мастер Михеев. Он поправил круглые очки, похожие на блюдца, и укоризненно взглянул на Эдика, — не слышишь разве, как Егорыч надрывается? В последний раз он так орал, когда Колька Жарков на новенькой шестёрке двигатель запорол. Не иначе как на тебя какой-нибудь клиент в суд подал. Ты вспомни получше, с кого за ремонт лишние деньги содрал?

Эдик отложил отвёртку и посмотрел на Михеева:

— Да вроде у меня всё в порядке. Ни с кем не цапался, брака не допускал.

— Костров, в последний раз повторяю! — включённый по полную мощность динамик грозил взорваться.

— Да иду я, иду!

До конторки Эдик прошагал под прицелом сочувствующих глаз, а Колька Жарков дурашливо пропел: «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”».

Конторку начальника — стол, два стула и тумбочка с чайником — трудно было назвать кабинетом, но Иван Егорович любил именовать её именно так.

Сам Иван Егорович стоял с микрофоном в руке, перехватив его так, словно собирался метнуть Эдику в голову.

— Вызывали, Иван Егорович?

Тут же Эдик подумал, что задал нелепый вопрос — само собой, вызывали, но надо же было что-то сказать.

— Садись, Костров, и рассказывай, как ты до такого докатился?

Согнутым пальцем Иван Егорович подолбил по листочкам бумаги на столе, чётко отпечатанным на машинке. Палец был перепачкан в машинном масле и оставил на белой бумаге жирный серый след.

— А что это? — хотя в животе зашевелился неприятный холодок, Эдик старался держаться непринуждённо. — Неужели Клюкин жалобу накатал? Так я ему объяснил, что задержка из-за того, что сальники вовремя не подвезли.

— Да нет, не Клюкин, а баба твоя, — сбавив тон, Иван Егорович повесил микрофон на крючок и сел напротив. Его брови сурово сошлись к переносице, а глаза впились в лицо Эдика.

Тот недоумённо повёл плечом:

— Какая баба? Да мне бабы сто лет машин не пригоняли. Я и не упомню, когда в последний раз для женщины машину делал!

Иван Егорович подпёр кулаком щеку:

— Не ломай комедию, Костров. У тебя одна баба — законная жена Ольга. И она написала жалобу в партком. Про то, что ты, комсомолец Костров, разламываешь семью — ячейку социалистического общества, обходишься с женой

грубо, являешься домой выпивши и, мало того, — рот Ивана Егоровича пополз в усмешке, — не выполняешь супружеских обязанностей.

Эдик почувствовал, как в лицо бросилась краска, и ему стало жарко. Оттянув вниз ворот спецовки, он зло сощурился:

— Приду домой — убью.

— Ты что, сдурел? И думать не смей! — загремел Иван Егорович. — Заваришь кашу, а мне — расхлёбывай. Я и так на ковре у парторга стоял, глазами хлопал, как двоечник. Мямлил, какой ты хороший слесарь и всё такое. А убьёшь — я что буду говорить? Да меня от работы отстранят. Я ведь должен что?..

Эдик поднял опущенную голову:

— Что?

— Вызвать комсорга. Кто у нас комсорг? Букин?

Эдик кивнул.

— Ну вот, значит, вызвать Букина, дать ему писульку твоей жены и потребовать, чтоб тебя расчехвостили на собрании в хвост и в гриву, да ещё строгача влепили, чтоб неповадно было. Я тут с ним нюни, понимаешь, развожу, по душам беседую. А он — убью! Я тебе убью! — Иван Егорович внушительно помахал кулаком перед Эдиковым носом. — Будешь читать, что твоя Ольга пишет?

— Не буду!

Из кабинета начальника Эдик вылетел со скоростью взрыва кислородного балона.

Бушевавшая в нём обида переливалась в слепую ярость, хотелось размахнуться и от всей души вклепить Ольге выпрошенную оплеуху.

Женился на свою голову, захотел честным быть!

Когда он переодевал спецовку, руки ходили ходуном. Эдик запутался в одежде, со злости сплюнул, и тут увидел, как из кармана звякнули на пол две алюминиевые ложечки.

Дедушка в парке! Как же он мог забыть о нём? Присев на корточки, Эдик подобрал ложки и легонько стукнул их друг о друга. Сухой звук напоминал о сломанной ветке дерева или о щелчке затвора в пистолете.

«Застрелиться, что ли? Эх, калинка-малинка! И где были мои мозги в тот злосчастный день, когда я подсел за Ольгин столик в ресторане?» — подумал Эдик, понимая, что обида на Ольгу оборачивается обидой на собственную дурную голову. — Захотел иметь квартиру и иномарку, вот теперь и расплачивайся по полной программе. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Сам выбрал свою судьбу, никто не заставлял».

Встречаться сейчас с Ольгой представлялось выше его сил. Но дома ждала Шурёнка, и Эдик нехотя сел за руль «фольксвагена». Будь он неладен!

По дороге домой Эдик сделал крюк и притормозил около Пашкиного подъезда. Он не заглядывал сюда два года и теперь с тоской смотрел на знакомые стены бледно-жёлтого цвета и перекошенную скамейку возле старой клумбы. На этой скамейке они с Пашкой однажды сожгли в консервной банке найденную на улице шерстяную варежку. Ох и ругала же их бабушка Катя!

Из кабины «фольксвагена» детство представлялось далёким и ярким, как улетевший в небо воздушный шарик. Хотел развеяться, забыться, а получилось только хуже. Может, и вправду ложками постучать?

Эдик выехал со двора, когда вокруг машины начали кучковаться местные мальчишки. Два пацана пристроились вплотную к двери, а мальчишка, стриженный наголо, осмелел настолько, что постучал в стекло и попросил:

— Дяденька, прокати до угла.

Отказать пацанам мешала мужская солидарность, поэтому Эдик со вздохом открыл заднюю дверцу:

— Залезайте, оглоеды, только ноги как следует отряхните.

Под радостное повизгивание мальчишек он решил, что не будет связываться с Ольгой и выяснять отношения: сам виноват, сам и будет расхлёбывать, иначе какой он мужчина после

этого? Да и Шурёнку со счетов не спишешь, а дети не должны видеть родительских ссор. Это Эдик знал чётко.

* * *

Когда-то давно, ещё в школе, Игорь понял, что если не можешь исправить ситуацию во всей полноте, действуй поэтапно, вылезая из ямы ступенька за ступенькой.

Одной из ступенек, выводящих наружу, была проблема с Ладыгиным, о котором поведала Лена Собакина. Всхлипывая и подвывая, она сказала, что Сашка Ладыгин очень хитрый и старается сам ничего не делать, а раздаёт указания своим друзьям. Все учащиеся ПТУ у них в подчинении, и если они заставят кого-то из ребят отдать им стипендию, то тот безропотно отдаст. Те, кто пытался сопротивляться, оставались без зубов. Одному мальчишке даже нос сломали, и приезжала милиция. Но милиция ничего не сделала, потому что свидетели якобы видели, как мальчишка сам упал.

А ещё, если Сашке или его друзьям понравится девчонка из общежития, то пиши пропало. Хочешь не хочешь, а будешь бегать по его указке как миленькая.

Когда слухи о Ладыгине дошли до прежнего директора Глинского, он вызвал Сашку к себе

в кабинет, и все слышали, как директор кричал, что не позволит позорить ПТУ. А на следующий день Олег Афанасьевич пошёл на стройку, где группа Ладыгина проходила практику. Что там случилось, никто не видел, но на директора упала бетонная балка. Хотя комиссия признала гибель директора несчастным случаем, все в ПТУ уверены, что без Ладыгина тут не обошлось.

Часто воспроизводя в уме разговор с Собакиной, Игорь пытался сообразить, с какого бока приступить к делу.

Идея вызвать Ладыгина на ковёр представлялась ему совершенно бесперспективной. Ждать, когда гопкомпания нахулиганит или, того хуже, сотворит непотребное, казалось преступным. Чтобы посоветоваться со специалистом, Игорь заглянул в инспекцию по делам несовершеннолетних. Но симпатичная тётенька-капитан с кудрявыми волосами и малиновыми губами в тон милицейским петлицам бессильно развела руками:

— Сигналов на вашего подопечного нет, на учёте у нас он не состоит, разбирайтесь сами, уважаемый директор. Милиция подключится только в случае социальной опасности для общества.

Но, несмотря на трудности и отсутствие опыта, Игорю удалось привести систему воспитания

в ПТУ в относительное равновесие. Для этого он применил золотое правило бригады сезонников: дурить некогда, если мало свободного времени и много жёсткой дисциплины.

Вопрос о перестройке работы педагогического состава он поднял на первом собрании. В просторном методкабинете было светло и солнечно. С портрета на стене равнодушно и густоброво взирает увешанный орденами Брежнев. Вдоль стен отсвечивали стёкла шкафов, забитых методической литературой, а над входной дверью красовалось огромное мозаичное панно, изображающее сноп пшеницы — работа учеников прошлого выпуска.

Преподаватели сидели разделившись на два лагеря — учителя справа, мастера производственного обучения слева. Стенка на стенку.

Игорь встал и обвел глазами собравшихся.

Учительница истории с подчёркнутой тщательностью красила губы. Мастера-отделочники вполголоса обсуждали футбольный матч «Зенит» — «Динамо Киев». Математичка слащаво улыбалась и буравила его взглядом. Страдающая одышкой химичка решала кроссворд, а раскрасневшаяся завуч Ольга Альбертовна громко стучала карандашом по столу, но её никто не слышал.

Хотя царившее равнодушие возмущало, Игорь догадывался, что оно проистекает не от

жестокосердия — люди элементарно устали от невозможности нормально работать. Это был замкнутый круг, из которого они должны вырваться все вместе.

Найдя поддержку в глазах Роксаны Аветисовны, устроившейся около окна, Игорь выдержал паузу, пока в зале не наступила звенящая тишина.

— Коллеги, — он смотрел на всех поочередно, видя, как под его взглядом вянет их нарочитая беззаботность, — мне очень неприятно, что о проблемах в нашем профтехучилище я узнал от случайных людей. Хотя, может, это и правильно. Непредвзятое суждение со стороны имеет свои преимущества.

Его прервал глубокий вздох, исходящий от завуча Ольги Альбертовны, и она покаянно пробормотала:

— Мы не хотели вас пугать, Игорь Дмитриевич, боялись, что вы откажетесь от директорства и мы останемся без руля и без ветрил.

Подтверждая слова завуча, математичка активно закивала, а учительница истории взяла со стола салфетку и нервно стёрла с губ свежую краску.

Игорь скупно улыбнулся:

— Понятно. Приму за истину. Итак, что мы имеем? Разболтанный коллектив учащихся, которым верховодит кучка хулиганов, разнесённое

в щепы общежитие и учителей, делающих вид, что ничего не случилось.

— А мы за свою жизнь опасаемся, — тонко выкрикнул с последнего ряда мастер отделочников, отличавшийся косой саженью в плечах и богатырским ростом. — Не все любят воевать.

— Воевать не любите, говорите? — Игорь вышел вперёд и встал перед рядом стульев, на которых сидели учителя. — А придётся воевать, дорогие товарищи педагоги. Только не за место в соцсоревновании и не за отраслевые премии, а за детей, брошенных на произвол судьбы.

Учительница химии заёрзала на стуле, и её лицо налилось краской:

— Это не мы бросили детей, а нам их бросили из школ. Сбыли, как залежалый товар, то, что себе негоже. Натё, дорогие учителя, наше чадушко, учите его, воспитывайте. А мы полюбujemy на конечный результат.

— И что из того? — Игорь резко развернулся в сторону говорившей. — Да, ни для кого не секрет, что наши ученики не сахар. И вы это знали, когда шли работать не в школу, а в профтехобразование.

— Здесь зарплата лучше, — сказала историчка.

Скомкав салфетку, она положила на колени закрытый блокнот и постукивала по нему пальцами с ярким маникюром.

— Вот и будем бóльшую зарплату отрабатывать, — жёстко сказал Игорь. — Давайте проанализируем первоочередные меры по укреплению дисциплины, составим усиленный график дежурств по общежитию и разберёмся с классным руководством. Хочу предупредить сразу, что несогласные работать не щадя сил могут подать заявление на увольнение. Пусть мне будет непросто, но я найду замену на освободившееся место. Сам лично я буду вести уроки русского и литературы. — Чтобы дать возможность осознать его речь, Игорь взял паузу. — Товарищи, я знаю, как тяжело вам работается. Поверьте, знаю. Но если мы сейчас не соберём силы для главного удара, то развал будет продолжаться.

Игорь понимал, что его категоричный тон произвёл на учителей и мастеров неприятное впечатление, но лучше сначала закрутить гайки, а потом постепенно их раскручивать. Закалённый металл не сломается, а бракованные детали должны уйти в переплавку.

И всё же разговор на собрании оставлял осадок излишней сухости, а ведь он хотел поговорить о детской душе, которую ранит лживое общество с разрушенными идеалами. Буквально на днях Света дала ему прочесть строчки из письма, написанного архимандритом Иоанном Крестьянкиным.

«...Первая ступень к любви — жалость. Пожалейте детей, которых Вы учите, ведь они искалечены от младенчества взрослыми, которые ничему не научили их и не научат, не имея к этому ни желания, ни понятия. Несчастные дички, готовые на погибель...»¹

Именно так Игорь и думал: ступенька за ступенькой, шажок за шажком, но надо идти вперед и заново воссоздавать разрушенное. Иначе никак.

* * *

По возвращении из Рябинового, Павел заметил, что время ускорило свой бег, махом перескакивая от месяца к месяцу. Потеряв и снова обретя друг друга, они с Мариной наслаждались семейной жизнью, сотканной из блеска любимых глаз, прикосновения рук, душистого чая перед сном и еженедельных походов к бабушке Кате. Бабулино лицо лучилось покоем, и это тоже добавляло золотую монетку в общую копилку их радости.

Если человек счастлив в семье — он вообще счастлив. Если он несчастлив в семье — он везде несчастлив.

В самом конце сентября, отчаянно скучая без Марины, Павел съездил в командировку

¹ Письма архимандрита Иоанна Крестьянкина.

в Свердловск, а в октябре его неожиданно вызвали в отдел кадров на беседу с майором Рогачёвым. При виде Рогачёва у Павла возникло состояние, называемое дежавю, потому что представитель органов госбезопасности сидел в том же самом костюме, той же позе и с тем же самым мундштуком в зубах, как и при первой встрече.

Только на этот раз он обошёлся без предисловий:

— Ну что, Павел Иванович, вижу, вы не последовали нашим советам и не прекратили отношений с гражданкой США Норрис?

Плохо скрытая угроза в голосе, видимо, предназначенная для давления на собеседника, только разозлила Павла, и он со злостью в голосе ответил:

— Ваши источники плохо работают. В последний раз я видел Лию Норрис несколько месяцев назад и больше не встречался с ней даже мельком.

— А у меня совершенно другие сведения, — продолжал нажимать Рогачёв. Чтобы пуще нагнать страху, он приподнялся со стула, опершись на стол руками с растопыренными пальцами. — Я знаю, что вы опять сошлись с Мариной Дмитриевной, и задаю себе два вопроса: зачем и почему?

«Это безнадежно», — с тоской подумал Павел.

Рогачёв вызывал стойкую неприязнь и отвращение. Указательным пальцем Павел сдвинул очки на нос и посмотрел поверх стёкол. Теперь на месте рогачёвского лица он видел розовый надувной мяч, который ткни зубочисткой — и останется пшик.

Глядя в лицо-мячик с круглой дыркой рта посредине, он твёрдо сказал:

— А знаете, Андрей Сергеевич, я могу избавить вас от дальнейших хлопот, — он с трудом припомнил имя майора, но память не подвела. — Я сейчас пойду и напишу заявление об уходе, а потом мы с женой уедем куда-нибудь в глушь или на БАМ, куда Лия Норрис заведомо не доберётся. Вас такой вариант устраивает? Вы этого от меня добиваетесь?

Он чувствовал за плечами безоговорочную поддержку Марины и поэтому ничего не боялся. Даже мысленно, вдвоём с ней он был вдвое сильнее.

Уехать, бросить всё, как кость собакам, и жить спокойно, без наглых вторжений в личную жизнь.

Несмотря на снятые очки, Павел заметил, что майор сначала покраснел, а потом побледнел и опустил обратно на стул.

— Будем считать наш разговор завершённым, Павел Иванович. И да, заявление об увольнении писать не надо. Не для того государство

вас учило, чтобы вы разбрасывались своими знаниями. До свидания!

Делая вид, что Павел его больше не интересуется, майор демонстративно взял телефонную трубку.

Павел не отказал себе в дерзости выразительно сказать «прощайте».

Хотя победа осталась за ним, неприятное чувство от встречи с майором преследовало ещё несколько дней. Но потом подоспела следующая командировка, а вскоре выпал первый снег. Его навалило много и сразу.

Казалось, только что стояло восхитительное лето, а глядь, в дверь уже стучит Дед Мороз с полным мешком подарков. Дед Мороз был настоящим и выглядел воплощением заветной детской мечты: в богатой шапке и красной бархатной шубе, красиво оттенявшей белоснежную бороду, волнистыми локонами стекающую на грудь.

— Вы к нам?

Открывший дверь Павел подумал, что Дед Мороз ошибся адресом, но Дед громогласно кашлянул и вальяжно провёл рукавицей по бороде:

— К вам, к вам. Ты ведь мальчик Павлик Соснин?

— А-а-а-а, да! Я!

По выразительной усмешке Деда Мороза Павел понял, что выглядит глупо, но согнать с лица недоумение не получалось.

Страхнув с руки варежку, Дед Мороз направил на него указательный палец:

— Стишок выучил?

Павлу стало весело. Он суматошно постарался вспомнить хоть одно детское стихотворение, но кроме плачущей Тани на ум ничего не приходило. После минутной заминки он нашёл выход:

— Марина знает!

Он оглянулся на жену, которая успела выйти из кухни и встала рядом с ним, вытирая перепачканные мукой руки:

— Игорь!

— Предательница, — в голосе Деда Мороза зазвучала горькая укоризна. — Пашка мне уже чуть стих не рассказал, а тут ты со своими разоблачениями.

Свободной от мешка рукой Игорь оттянул вниз бороду на резинке и подмигнул:

— А что, ребята, неплохой костюмчик?

— Тебе идёт, — поддержала брата Марина, — где достал?

— В театральном прокате. Костюмерше шоколадку пришлось дарить, чтоб вниманием удостоила. Там сейчас жуткая очередь.

Игорь шагнул в прихожую и присел на табуретку тяжёлым движением очень уставшего человека:

— Замотался до одури, — снимая напряжение, он пошевелил плечами и с видимым

облегчением снял роскошную шапку с меховой опушкой. — Маришка, дай попить. Раздеваться не буду, спешу на работу, — он принял от Марины кружку с компотом и жадно выпил. — Я здесь случайно оказался, дай, думаю, похвастаюсь обновкой. У нас в училище скоро новогодний бал — я буду Дедом Морозом.

— А Снегурочкой кто? — поинтересовалась Марина.

Вытерев губы, Игорь отдал ей кружку:

— Не сыпь мне соль на раны, сестра, напоминая о супружеском долге. Светулю назначить Снегурочкой, увы, не могу. Но долго взвешивая внешние данные исторички и биологички, я в итоге отмёл оба варианта и выбрал себе внучку из учащихся. Лену Собакину. А это образцы подарков. Как вам? — ссутулившись над мешком, Игорь распустил горловину и показал картонные фонарики с конфетами, украшенные нарисованной ёлочкой.

Павел удивлённо поднял брови, а Марина всплеснула руками:

— Игорь, ты с ума сошёл! Это же для дошколят!

— Знаю, что для дошколят, — Игорь снова оттянул бороду, звучно щёлкнув резинкой по подбородку. — Но, понимаешь, когда я листал личные дела, то понял, что почти у всех наших учеников не было детства. Такого, знаешь, тёплого,

домашнего. С шариками на демонстрацию, ёлкой, сладким подарком Деда Мороза и чтобы от пере-
еденных конфет потом начинало тошнить, — он
посмотрел на Марину круглыми глазами и почти
просительно произнёс: — Пусть побалуются. Они
же ещё дети. А дурят потому, что не знают, чем
себя занять: учёба заканчивается в три, а потом
они слоняются без дела, разнося в клочки обще-
житие. Нравственного стержня нет. Платформы,
с которой народ столкнули в семнадцатом.

Вручив Павлу и Марине по новогоднему
подарку, Игорь встал и нахлобучил шапку:

— Пошёл работать. Внизу машина ждёт.

Он мимолётно перехватил Марину за талию,
чмокнул в щёку и заметил:

— Не берусь угадывать, что произошло, но
ты просто светишься изнутри.

* * *

— Сожрала Кострова эта баба вместе с ко-
стями и не подавилась. Говорил я ему не пу-
таться с Ольгой, а найти себе молоденькую
душечку-пампушечку. Так ведь нет! Все мы
задним умом крепки, — в сердцах заметил на-
чальник автомастерской Иван Егорович, когда
Эдик снова ушёл на перекур.

Закинув в рот леденец, Иван Егорович сдул
пыль с рукава синего халата, который носил

вместо спецовки, и покачал головой. Самому ему врач курить запретил, и поэтому Иван Егорович с ревнивой завистью отслеживал перекуры подчинённых.

Эдик Костров бегал на улицу уже третий раз за день, и все ремонтники знали, что курить он не будет, а усядется на ящике и станет смотреть на грудку кирпичей, оставшихся от прежней церкви.

Что он мог там разглядывать? Бог знает!

В этот раз Эдилов перекур явно затягивался, тем более что график ремонта горел, а уже приближался конец года и на летучке Иван Егорович строго-настрого приказал не портить отчётность.

Последнее время Эдик и без Егорычева нытьё ходил сам не свой, а всё потому, что не выдержал и разыскал Свету.

Чтобы узнать Светин адрес, он, переборов робость, подошёл на улице к её матери и представился школьным другом. Наплёл про встречу одноклассников, шутил, чувствуя себя клоуном, и улыбался так, что скулы сводило.

Анна Захаровна была до головокружения похожа на дочь, а когда она сказала, что Светина фамилия теперь Лимарёва, а не Соснина, он едва удержался, чтоб не завопить от удивления. Оказывалось, что Светин муж не Павел, и напрасно он костерил Пашку на все лопатки, припечатывая предателем.

Мужа Светланы звали Игорем, а троих детей Глашенькой, Гришенькой и Валерочкой. Трех! Тройня представлялась Эдику в виде трёх собственных дочек Шурёнок, но со Светланиными прозрачными глазами и золотистым пушком на голове.

Шурёнка-Аглая была черноволосой и кареглазой — в него. Дочку он любил и жалел. Не повезло бедолаге с родителями, которые только и делают, что играют в молчанку. Со Светой он бы не ссорился — пылинки сдувал.

Вызнав Светин адрес, он после работы поехал в Купчино. Встречаться не планировал — слишком больно, хотел просто постоять и посмотреть на окна, в которых, само о том не зная, пребывает немыслимое счастье. Но неожиданно у подъезда он увидел Свету и успел вовремя отойти в тень автофургона, припаркованного около дома.

Толкая перед собой коляску, она шла рядом с плечистым мужчиной в не по-зимнему лёгкой куртке. Он нёс в руках двоих малышей и говорил Свете что-то весёлое, отчего она смеялась, а потом поднялась на цыпочки и поцеловала мужа в щёку. Если бы Эдику в тот момент всадили нож в спину, он бы не заметил удара, чувствуя себя зверем, загнанным в гибельный тупик.

...Энергичным движением стряхнув с плеч зимнюю мозглость, Эдик пошевелился и вспом-

нил, что сегодня ничего не ел, если не считать бутерброд, подсунутый Серёгой из шиномонтажки. Он нехотя встал и пошёл обратно в ангар, наполненный звоном, шумом и запахом бензина.

Чтобы оттянуть возвращение домой к Ольге, решил было попроситься на сверхурочную, но Иван Егорович словно разглядел его мысли на расстоянии, потому что захлопнул конторку и подошёл вплотную:

— Вот что хочу сказать тебе, Костров, — Иван Егорович насупился, — бросай дурить! Мало тебе одной жалобы от Ольги? Хочешь, чтоб из комсомола исключили и в разряде понизили?

— Да я не дурю, командир, — Эдька попытался осклабиться своей коронной усмешечкой, но почувствовал, что она получилась жалкой и нескладной.

— Не дуришь? Хорошо. Тогда объясни мне, почему ты в последнее время бродишь чернее тучи, а по вечерам тебя жена разыскивает? Между прочим, мне пришлось соврать, чтоб прикрыть твой вертлявый хвост.

— Спасибо, больше не повторится.

— Не верю я тебе, Костров! Без души говоришь, словно собака отбрёхиваешься. У тебя, постой ещё минуточку, дочка годовалая! Хочешь не хочешь, а должен блюсти семью. Ведь только твоя дурья башка виновата, что ты влип по самые уши.

Продумывая, как бы поделикатнее послать Егорыча куда подальше, Эдик усердно застукал киянкой по металлу, но Иван Егорович не смутился:

— Ты не увиливай от ответа, Костров. То, что ты классный автослесарь, мне и без твоей демонстрации известно. Лучше скажи, что делать собираешься?

— Ясно что! Жигуль, — свободной рукой Эдик указал на машину в очереди, хотя прекрасно понимал, о чём идёт речь. И дёрнула же нелёгкая Егорыча читать морали именно сейчас, когда привычная боль, сорвавшись с цепи, безжалостно выгрызает все внутренности.

Кинув на Егорыча хмурый взгляд, Эдик вновь жажнул киянкой, вкладывая в удар своё недовольство. Он постарался отключиться от навязчивых слов мастера и остервенело рихтовал капот жигулёнка-копейки до тех пор, пока Егорыч не убрался восвояси.

Хотя к окончанию рабочего дня Эдик вымотался до дрожи в руках, домой ноги не шли. Немного поколебавшись, он повернул к гастроному и у знакомой продавщицы Гали купил бутылку трёхзвёздочного коньяка.

Пышногрудая Галка с крепким начёсом на блондинистых волосах была к нему явно неравнодушна. Выдавая покупку, она усиленно моргала глазами, а потом таинственно прошептала:

— Ещё и горилка есть, с перцем, а в пятницу завезут дефицитный ликёр «Старый Таллин».

Он мрачно скривился:

— До пятницы ещё дожить надо.

Бутылка за пазухой лежала приятным грузом, тягуче булькая при каждом шаге.

Зарядив с самого утра, зимняя морось к вечеру усилилась, обещая перерасти в дождь, а если к утру намёрзнет гололёд, то в автомастерской начнётся праздник — День жестянщика.

Раньше Эдик обожал погоду, обеспечивающую твёрдую прибавку к зарплате. А сейчас он продрог, иззяб и думал только о том, как найти укромный уголок, отвинтить пробку и влить в себя пару капель обжигающей жидкости.

Желанный глоток удалось сделать забившись в какую-то парадную, насквозь пропахшую кошками. Из батареи на ботинки капала ржавая вода, растекаясь грязной лужицей под ногами. Спиртное согрело его изнутри, но на душе легче не стало, только внезапно в мозгу возникло название «Неувядаемый цвет». Что это? Откуда?

— Зимой и летом одним цветом, — пробормотал он, поднося к губам бутылку для следующего глотка.

Хлопок входной двери этажом выше выгнал Эдика на улицу с редкими прохожими, целеустремлённо двигавшимися в одном направлении. Подчиняясь стадному чувству, он

пошёл вслед за ними и скоро оказался вблизи вокзала, сиявшего огнями сквозь белую сетку ледяного дождя.

«А, уеду! — пришла ему в голову шальная мысль, которая с каждой минутой становилась всё осознаннее и желаннее. — Сяду в поезд, и тут, куда глаза глядят. Ищи ветра в поле! Здорово это я придумал! — Эдику стало так весело, что он захихикал, представляя, какое лицо будет у Ольги от его фортеля. — А ничего! Пусть побесится. Женила на себе — терпи. Пусть знает, что я человек независимый — захочу, и уеду!»

Стараясь ступать твёрдо, он подошёл к билетным кассам и просунул в окошко скомканные деньги:

— На все.

— Вам куда?

Толстая кассирша показалась ему похожей на Ольгу. Она таращила глаза и непонятливо переспрашивала какие-то глупости.

— Туда, — Эдик наугад ткнул пальцем в карту, — до последней остановки.

Проснулся он оттого, что ноги тянуло куда-то вниз, а голова неприятно стучала затылком о твёрдую поверхность.

С трудом распрямляя затёкшее тело, Эдик сел и с удивлением обнаружил, что едет в пустой электричке. За окнами стояла непроглядная тьма.

— Как же я здесь оказался?

Чтобы прийти в себя, он несколько раз помотал головой, в которой вроде бы стало немножко проясняться, по крайней мере, из памяти ещё не выветрилась продавщица Галка с бутылкой коньяка. Дальнейшее вспоминалось нетвёрдо и какими-то толчками.

Крепко растерев уши руками, Эдик прошёл в тамбур и вышел на первой же остановке.

Он даже не успел ничего сообразить, как электричка закрыла двери и уехала, а он остался стоять на крохотной платформе посреди леса, тонувшего в снежной шубе. Единственная лампочка освещала сетчатую надпись с названием «63 км». Моросить перестало, и ядрёный морозец уже расчистил небо для россыпи ярких звёзд, перепоясанной голубым полотном млечной дороги.

Хмель выветрился практически мгновенно, едва только Эдик посмотрел на часы и до него дошло, что электричка была последняя. Следующая пойдёт только утром.

* * *

В тщетной надежде разглядеть человеческое жильё Эдик закрутился по сторонам.

По ту сторону платформы — лес, по эту сторону — бор, а посередине пролегла стрела железной дороги.

— Но кто-то же ездит на этот проклятый шестьдесят третий километр? — задал себе вопрос Эдик.

Чтобы отыскать следы тропки, он спустился по железным ступенькам вниз и обнаружил, что лесенка утыкается в огромный сугроб, успевший покрыться глянцевой корочкой тонкого льда.

— Кранты! — непроизвольно выскочило наружу давно забытое словечко из детства. В школе он любил щеголять им перед девчонками.

Вернувшись на платформу, Эдик немножко попрыгал и постучал ботинком о ботинок, чтобы сохранить остатки тепла. Судя по ощущениям, здесь, за городом, наверное, градусов пятнадцать ниже нуля.

Как там было сказано продавщице Галке: «Не доживу до пятницы?» Похоже на правду.

Шесть-семь часов на морозе в джинсах, нейлоновой куртке, осенних ботинках и без шапки — это верная смерть, и помочь тут может только другой человек или чудо. Людям взяться вроде неоткуда, а в чудеса он перестал верить в первом классе, когда разглядел под шубой Деда Мороза обыкновенные синие треники с дырой на коленке.

Подмораживало знатно. Застегнув куртку доверху, Эдик захлопал руками по бокам, что оказалось совершенно бесполезно. Завтра утром, а может, даже днём или вообще через неделю его

труп найдут случайные пассажиры или путевые обходчики. Он представил себе, как усатый путеец для проверки потрясёт его труп за плечо, а потом увидит белое лицо, засыпанное снегом, и громко выругается, ухитряясь вложить в одно слово гнев и жалость.

Согреваясь, он прыгал на месте, покуда не выдохся, а потом до изнеможения отжимался от ограждения платформы. Когда ноги превратились в деревяшки, а пальцы на руках потеряли чувствительность, Эдик вспомнил, что у него есть сигареты и зажигалка. Зажигалка! Можно развести костёр и переждать ночь.

На миг его облило потоком радости, которая тут же исчезла, едва взгляд упал на толстый слой снега, укрывающий полосу отчуждения. До леса придётся ползти по пояс в снегу, а выкопанный хворост наверняка окажется влажным.

Но другого выхода добыть растопку не оставалось, и, перед тем как ступить в снежный вал, Эдик судорожно сглотнул.

Прежде ему не раз доводилось попадать в передряги, а однажды в армии их рота вплавь преодолевала водную преграду в виде норовистой речки Воньги. Тогда он чуть не утопил автомат и не утонул сам. Но рядом всегда были наготове крепкие руки друзей и отборные команды старших по званию, которые подбадривали солдат не хуже ременной плётки.

А здесь, кроме леса, на него смотрели только звёзды, да издалека доносился какой-то глухой звук, похожий на волчий вой.

Надо ползти, шевелиться, двигаться, иначе смерть — осознавало тело Эдика, потому что сам он думать не мог: казалось, будто мозги тоже сковал смертельный холод.

В сугроб он бухнулся как в прорубь и некоторое время стоял столбом, чтобы не увязнуть ещё глубже. Потом стал понемногу выползать, двигаясь по направлению к лесу.

В кромешной тьме, наедине с природой, он осознавал себя мелкой вошью, прожившей бесполезную вшивую жизнь.

«Господи! Господи! Господи!» — колоколом бухало в голове при каждом движении.

Он не шёл, а плыл, разрезая руки острыми краями наста, но снежный покров не давал теплу выйти наружу, и мало-помалу Эдик стал замечать, что разогревается. Пару раз он проваливался по грудь, хватая ртом комочки снега. Теперь, когда руки и ноги оттаяли, остро захотелось пить. Хорошо бы горячего чая с сахаром и лимоном, а ещё лучше — большую чашку кофе с пенкой, присыпанной тёртой корицей. Такой кофе подавали в столовке около дома, но теперь аромат кофе казался нереальным миражом, появившимся, чтобы судорогой свести желудок.

Интересно, когда люди научатся ценить малые малости, из которых состоят так называемые скучные будни?

Последний бросок к лесу Эдик сделал на остатках сил, но зато руки уверенно наткнулись на сбитые ветром ломаные ветки. Бороздя животом снег, он сумел нагрести хворост на небольшой костерок и, о счастье, при свете зажигалки увидел на одной ветке несколько сухих листьев на растопку.

В морозном воздухе щелчок зажигалки прозвучал как выстрел, и спасительный огонёк бодро побежал по ветке, рождая в душе надежду на спасение. Но радость оказалась недолгой, потому что мокрая древесина гореть отказывалась, хотя Эдик упорно поджигал её снова и снова.

Когда бензин в зажигалке стал заканчиваться, Эдик посмотрел на часы, с удивлением обнаружив, что прошло всего два часа, растянувшиеся для него в целую вечность. Ради передышки Эдик откинулся на спину и стал смотреть на звёзды, негромко разговаривая вслух:

— Света, ты знаешь, что я люблю тебя и хочу быть с тобой. А я поменял тебя на Ольгу. Прости меня, умоляю, прости, — чтобы не заснуть, он силился представить перед собой тех, с кем желал бы встретиться.

Вместо луны над головой ему виделось лицо Светы, озарённое тихой улыбкой, как тогда,

когда они гуляли по осеннему парку. Прислушавшись к себе, он с удивлением осознал, что в данную минуту мысли о ней не приносят столь сокрушительной боли, какая терзала с момента разговора со Светиной мамой. Наверное, чтобы убедиться в недостижимости Светы, надо было воочию увидеть её рядом с мужем и детьми — счастливую и смеющуюся. Чужую жену, далёкую, как Полярная звезда, что висит на конце ковша Малой Медведицы.

Ещё он бы с удовольствием хлопнул по плечу Пашку и сказал:

— Извини, друг, я был неправ. И вообще вёл себя как свинья. Мне стыдно, что я не дал тебе денег в долг, а купил на них цветной телевизор. Хочешь, я его разобью? — Поскольку воображаемый Пашка не стал отнекиваться, Эдик твёрдо пообещал: — Даю слово — если вернусь домой, то первое, что сделаю, это расколочу телевизор. В честь нашей дружбы. Ольгиных воплей будет — вагон. Но я всё равно возьму молоток и устрою салют победы. Хотя, нет. Ломать не буду. Отдам соседке с первого этажа. Знаешь, от Надьки недавно сбежал муж и бросил её с двумя детьми. А Надька — баба хорошая, бьётся одна на нескольких работах. Как думаешь, правильно я рассудил? Молчишь? Молчание — знак согласия.

Лёжа на спине, Эдик совсем закоченел, но продолжал оттягивать момент, когда надо

перевернуться и начать двигаться. Широко раскрыв глаза, он заметил, как на лицо плавно упала одна снежинка, потом вторая, третья.

Снег пошёл, скоро всё запорошит, а он ещё не рассказал Шурёнке, как её любит. Но если для разговора со Светой и Пашкой моментально нашлось что сказать, то для Шурёнки нужные фразы никак не подбирались. Всё, что приходило на ум, получалось корявым и назидательным. Наверное, надо начать так:

— Дочка, через много лет, когда ты станешь взрослой, я расскажу, как твой папка, по-глупости, едва не замёрз насмерть. Но выжил, потому что думал о тебе и не мог оставить тебя сиротой. Ты ещё маленький человечек, Шурёнка, и не представляешь, что иногда бывает тошно — хоть в петлю лезь. Но главное, не надо отчаиваться, потому что в мире всегда найдётся ради чего жить.

От разговора со Светой, Шурёнкой и Пашкой сразу стало веселее. Сквозь ледяную дрему Эдику даже показалось, что он услышал в ответ Пашкин голос, который странно и чётко произнёс:

— Неувядаемый цвет.

Где-то он уже это слышал.

На него словно повеяло теплом и летом, а вокруг лежал не снег, а расстилалось поле белых ромашек.

Перевалившись на бок, Эдик свернулся комочком, зажал руки между коленок и стал представлять, как летом возьмёт Шурку и поедет за город, куда-нибудь в Псковскую область. Там много красивых мест, и, побродив по лесу, они обязательно найдут ромашковое поле, залитое солнечным светом.

Синее на голубом и голубое на белом, а ещё золотой нимб, как солнце.

Где-то он уже это видел.

Эдик подумал, что пора начинать копать себе берлогу, когда откуда-то сверху на него навалилась тяжёлая шевелящаяся груда.

* * *

— Эй, парень, как ты здесь оказался?

Разлепив глаза, Эдик заморгал от резкого света электрического фонарика и увидел склонившуюся над ним густую чёрную бороду.

— Здравствуй, Дедушка Мороз, — зубы сцепились так, что говорить удавалось с трудом.

— Он ещё и шутит, — в голосе мужчины послышалось удивление. — Силён, однако. Фу, Барса, свои, — незнакомец отвлёл рукой лохматую собачью морду и быстро сорвал с себя мохеровый шарф, повязав его Эдику наподобие платка. — Дай я тебя закутаю, и пойдём.

— Куда?

— Да здесь недалеко. Давай, опирайся на меня, вылезай и ложись на санки.

Одной рукой он подтащил Эдика вверх за воротник куртки и помог ему взгромоздиться на короткие детские саночки, какие Эдик недавно присмотрел для Шурёнки. Сам мужчина шёл на лыжах и, кажется, был очень силён, потому что санки с тяжёлым грузом скользили по насту почти без остановок. Рядом раздавалось дыхание собаки Барсы. Высунув язык, она неуклюже проваливалась в глубокий снег и передвигалась вперёд мощными рывками, похожими на бег огромного зайца.

Хотя Эдик попытался посмотреть, куда его везут, снег сливался в глазах в длинный рулон белой ткани без конца и без начала. В конце пути санки остановились перед избушкой, которую стоило бы назвать голубятней, если бы она была на крыше дома.

— Приехали. Сам дойдёшь?

— Дойду, — проскрипел Эдик, но встать не мог, как ни старался.

Одним рывком взвалив Эдика на закорки, мужчина толкнул ногой дверь и втолкнул его в маленькую комнатку с заиндевевшими стенами. Когда он клал Эдика на кушетку, старые пружины ржаво скрипнули и в такт им недовольно взвизгнула собака.

— Давай, отогревайся, я сейчас затоплю и чай поставлю.

Кроме кушетки, в углу комнаты стояла буржуйка, у окна грубый стол, покрашенный коричневой краской, два стула и полка, служившая одновременно для книг и для посуды.

Мужчина взял со стола зелёный эмалированный чайник и вышел наружу, но скоро вернулся с чайником, полным снега, и охапкой поленьев.

Буржуйка растопилась почти мгновенно, волнами распространяя сухое тепло, щекотавшее ноздри. Эдик чихнул, а мужчина одним движением сбросил на пол овчинный полушубок и подошёл к кушетке. Он выглядел лет на сорок. Капитанская борода и вязаный крупными косами свитер придавали ему слегка богемный вид человека искусства.

— Потерпи, парень, надо тебя растереть, иначе обморозишься. Ты, наверно, с электрички сюда попал?

Едва размыкая рот, Эдик невразумительно промычал что-то вроде «да», чем заслужил понимающий кивок хозяина:

— Я так и догадался. Скажи спасибо Барсе, это она тебя нашла, иначе...

Он не стал продолжать, потому что конец фразы был ясен и без лишних слов.

За разговором хозяин ловко расстёгивал Эдику куртку и расшнуровывал ботинки, а ставив джинсы, удивлённо цокнул языком:

— Чудо какое-то: по всем законам жанра ты должен был уже превратиться в мраморную статую, а ты, похоже, не сильно и обморозился. Видать, в рубашке родился. Уши только совсем белые, сейчас мы их, родименьких, оживим.

Две широкие ладони в грубых варежках броском обхватили голову Эдика, и через пару-тройку минут он уже заходился в крике от дикой боли, насквозь прошивающей тело раскалёнными иглами. На его вопли собака немедленно разразилась сочувственным лаем, через который к Эдику долетало бормотание хозяина:

— Так. Хорошо, раз больно, значит, хорошо.

Чтобы дать передохнуть себе и Эдику, Александр Петрович ослабил хватку, с удовлетворением отметив, что уши из белых стали красными, правда, с фиолетовым отливом. Не беда. Пройдёт. В этот миг он чувствовал себя посланцем судьбы, выдернутым из города лишь для того, чтобы спасти человеческую жизнь.

Ведь если задуматься, то так оно и есть, потому что он, Александр Петрович Чугуев, сейчас должен был спать в гостинице славного города Брянска, а не рыскать по ночному лесу с собакой и санками.

В штате многотиражки завода металлоизделий он числился главным редактором и по совместительству репортёром, отвечающим за основной репертуар. Поэтому, когда вчера

секретарша передала приказ срочно явиться к директору завода, Александр без возражений оставил в печатной машинке недописанную передовицу и поднялся этажом выше в кабинет начальства.

Директор явно нервничал, хватаясь рукой то за телефон, то за лоб, то за сердце, и то, что он сказал, Александру очень не понравилось.

— Александр Петрович, у меня к вам срочное поручение, — он замялся, — дело очень деликатное, можно сказать, секретное.

Сделав вид, что он весь внимание, Александр переместился к столу и опустил в кресло:

— Слушаю вас, товарищ директор.

— А, бросьте формальности, — вялый взмах директорской руки подсказывал, что дело совсем худо.

Прежде чем высказаться, директор задумчиво пожевал губами, словно проверяя, на месте ли вставная челюсть, а потом пододвинул к Александру какую-то бумагу:

— Вот, полюбуйте! Из канцелярии нашего министерства мне переслали копию письма от анонимных работников брянского ресторана «Лесная поляна». Якобы, подчёркиваю, якобы, — директор промокнул платком пот над верхней губой, — мы с директором брянских смежников устроили пьяный дебош и приставали к официанткам.

— А вы не устраивали? — осторожно поинтересовался Александр.

Неопределённо покрутив рукой в воздухе, директор сощурился:

— Нет, конечно. Может, пошумели немного, но в пределах разумного. И потом, брянцы снимали ресторан целиком, посторонних не было и свидетелей, стало быть, тоже.

— А персонал?

— Персонал не в счёт, — он пожал плечами, — их работа стряпать и подавать, а не следить, как люди отдыхают.

— Но кто-то же написал письмо?

— То-то и оно. Пока у меня есть связи в канцелярии, письмо попридержат, но если поступит второе или угроза выльется в фельетон, то беды не миновать.

Короче, поезжайте-ка вы в Брянск, покрутитесь там в ресторане, на заводе у смежников, и организуйте хорошую, крепкую статью о наших достижениях и о завистниках, которые хотят помешать нам выбиться в лидеры по отрасли. Статья должна быть готова уже завтра к вечеру, потому что послезавтра может оказаться уже поздно. Ну а если вычислите анонима, то выделю квартиру из директорского фонда. Ступайте домой, соберитесь. Самолёт в Брянск в шесть вечера, проездные возьмёте у секретарши, место в гостинице вам забронировано.

* * *

Обещание отдельной квартиры за услугу директору окрыляло, поэтому собираться в командировку Александр бежал как наскипидаренный. Он старался не думать, что дело жареное, с душком, тем более что брезгливость брезгливостью, а решение жилищной проблемы дорогого стоит. Тот, кому никогда не сыпали в суп стиральный порошок, не поймёт, какое счастье не видеть на кухне пьяную соседскую морду и иметь возможность шлёпать ночью до туалета в одних трусах.

Когда Александр собирал чемодан, за стеной его комнаты бурно собачились соседи Орлецовы, а в коридоре навзрыд плакала их дочка — пятнадцатилетняя Оля.

— Олюша, я уезжаю, вот тебе ключи, поживи у меня пару дней и приглядывай за Барсой.

Смахнув слёзы, Оля с благодарностью кивнула:

— Спасибо, дядя Саша, вы меня всегда выручаете.

Он почувствовал себя героем:

— Да, вот тебе и Барсе на питание.

Протянув Оле десятку, Александр с чистой совестью вышел на лестницу. Если в Брянске повезёт, то Орлецовы скоро растворятся в туманной мгле и будут являться только в ночных кошмарах.

Стоянка такси — напротив дома, до авиарейса три часа, как говорится: на старт, внимание, марш — время пошло.

Неизвестно, что дёрнуло вызвать лифт, хотя обычно он спускался с третьего этажа пешком, но с резким скрипом кабина почти сразу застопорилась.

— Здравствуйте, приехали, — Александр негромко выругался и подёргал дверь, но её заклинило капитально.

Сдерживая нарастающую тревогу, он утешил себя, что скоро мимо пройдёт кто-нибудь из соседей и вызовет лифтера. Минуты утекали как вода в песок.

Время от времени Александр стучал в дверь ногами, кричал в пространство: «Эй, кто-нибудь! Вызовите лифтера!» Спасение из заточения совпало по времени с моментом, когда колёса самолёта должны были оторваться от взлётной полосы.

На всякий случай, вдруг повезёт и самолёт задержится, Александр метнулся в аэропорт.

— Следующий рейс через два дня, — сказала симпатичная дама в справочном бюро. — Аэрофлот делает три рейса в неделю — в понедельник, четверг и пятницу.

На железнодорожном вокзале его тоже ожидала неудача, и Александр позвонил своему другу Леониду — заядлому автомобилисту.

— Лёнь, выручай, довези до Брянска — на кону квартирный вопрос.

— Даже так?

Весёлый, говорливый Лёнька мигом примчался на помощь, и надежда в душе Александра расправила сломанные фортуной крылья. Но на выезде из города мечта о новой квартире вышла в тираж, потому что Лёнин москвичонок был в лоб атакован горбатым «запорожцем» очень почтенного возраста.

На этом неприятности не закончились. Вернувшись домой затемно и позвонив директору с извинениями, Александр услышал, что с завтрашнего дня он может быть свободен как вольный ветер.

Чтобы обдумать ситуацию, Александр выпил три чашки кофе подряд, а потом сообщил Ольгухе, что приглашение пожить остаётся в силе, а он сейчас берёт Барсу, лыжи, санки и отправляется на дачу. Из электрички он вышел на две остановки раньше, чтобы успокоить нервы долгой пробежкой. Через десять километров его ожидала списанная на дрова сторожка путевого обходчика, купленная в прошлом году за пять бутылок водки. Таким образом путь Александра скрестился с путём спасённого парня, который сейчас стонал под его руками.

Так больно, как сейчас, Эдику ещё никогда не было. Глотая ртом воздух, он чувствовал, что

с него с живого содрали кожу, а сверху полили крутым кипятком. Наконец мучения закончились, и Эдик натянул на голое тело старое ватное одеяло.

— Спасибо. Я Эдик.

— А я Александр.

Александр пересел на стул и тяжело опустил вниз уставшие руки с набухшими венами.

— Как тебя угораздило попасть в такую переделку?

— Да, фигово было. Настроение — жуть, — двумя пальцами Эдик осторожно прикоснулся к уху, словно проверяя, на месте ли оно, — вообще не соображал, что делаю. Знаешь, как бывает, когда белый свет не мил.

— Знаю. Мне сегодня не слаще. Отдельная квартира накрылась шляпой, с работы уволили, друг из-за меня машину разбил.

— Машину починим, не сомневайся, — пообещал Эдик, обрадованный, что может отплатить за добро, — я на станции техобслуживания работаю автослесарем, бесплатно сделаю всё в лучшем виде. Я тебе жизнью обязан. Скажи своему другу, чтоб завтра пригонял.

— Правда? Вот здорово! А я журналист заводской многотиражки. Был.

— Никогда не видел настоящего журналиста.

Александр налил кружку чая и протянул Эдику:

— Выпей горячего.

— После твоего растирания у меня и так костёр внутри. У Кострова — костёр, — Эдик даже смог улыбнуться, когда у него на коленях оказалось блюдо с маковой плюшкой.

На некоторое время они замолчали, звучно прихлёбывая чай и приглядываясь друг к другу, а потом внезапно заговорили оба сразу, торопясь перебрать в памяти события этого необыкновенного дня.

Александра тянуло выговорить обиды, а Эдик давно не чувствовал такого душевного подъёма, как сейчас. Ему хотелось петь, дурачиться и смеяться, как прежде, когда рядом был друг Пашка, а маленькие бедки ограничивались стоянием в углу или двойкой в дневнике.

Мысли о Пашке потянули за собой свежее воспоминание об этой ночи. Он глянул на Александра:

— Знаешь, когда я понял, что засыпаю, то стал разговаривать вслух сам с собой. Понятно, что ответа не ждал, и вдруг слышу голос своего товарища — Пашки, я тебе про него рассказывал: «Неувядаемый цвет». Не знаю, с чего бы это, но мне стало так тепло, как будто я у печки погрелся. Я после лежал и повторял про себя как попугай: «Неувядаемый цвет, неувядаемый цвет», наверно, потому и не замёрз до смерти.

— Странно, что ты упомянул это название, — сказал Александр, — я тоже думал о нём

буквально на днях. Дело в том, что я писал статью о шефстве над молокозаводом, ну и покопался немного в истории. Так вот, рядом с заводом, стена к стене, стояла церковь с таким названием — Неувядаемый цвет.

Рот Эдика раскрылся, а потом захлопнулся:
— Так ведь это моя, моя церковь!

От возбуждения он не смог усидеть на кушетке и вскочил, начав беспорядочно натягивать на себя одежду.

— В каком смысле твоя? — не скрывая изумления, спросил Александр.

— А во всех! — горячо начал Эдик, но вдруг осёкся, со стыдом понимая, что самым жгучим воспоминанием о церкви оказывалось то, в котором он с восторгом смотрел, как рушатся её стены. — Во всех, — повторил он уже тише. — Я родился на соседней улице, рядом стояла моя школа, а сейчас я работаю на её месте. Там даже груда руин осталась. Вот, — он засунул руку в карман джинсов и показал Александру осколок кирпича, размером с ноготь. — Вчера на перекуре у меня вывалилась из кармана монетка, а я заторопился и подобрал её вместе с осколком. Сунул и забыл, а сейчас вспомнил.

Он крепко сжал ладонь, словно опасаясь, что кирпичный осколок растает подобно льдинке, и подвёл итог своей жизни:

— Дураком я был. Круглым дураком.

* * *

От усталости и хронического недосыпания Игорь заснул в машине по дороге на работу — как камень в воду бросил. Прикрыл глаза на секунду, а открыл уже на стоянке. Шея затекла, висок ломило болью, а шапка Деда Мороза сползла на ухо. Трое детей дома и шестьсот ребят на работе — это тебе не кот начхал, и маленьких бедок, и больших — не один кузовок наскребётся.

За рулём горбатого «запорожца» сидела Роксана Аветисовна, взявшая на себя роль добровольного помощника по подготовке новогоднего праздника.

— У нас в Армении такие таратайки не уважают, — словно бы извиняясь, сообщила она Игорю, — но мы с Олегом на другую машину не скопили.

С началом работы в ПТУ Роксана Аветисовна постепенно оттаивала от своего горя, и, только когда в поле зрения попадал Сашка Ладыгин с компанией, её лицо словно бы сковывала ледяная корка.

Предпраздничная суэта наступала на ПТУ девятым валом. Приближались контрольные за полугодие, на носу зимние каникулы, а тут ещё новогодний вечер.

Но Игорь считал, что коллектив учащихся должен быть спаян не общежитскими

вечеринками с дешёвым портвейном, а весёлым общим праздником, наполненным добрым юмором и дружным смехом.

— Приехали?

— Приехали, Игорь Дмитриевич.

Роксана Аветисовна понимающе улыбнулась и помогла упаковать костюм Деда Мороза в картонную коробку.

В ПТУ они явились к окончанию занятий, когда учащиеся гурьбой высыпали на улицу, заполнив широкое крыльцо и пологую лестницу с заново отремонтированными ступенями. Все, и парни и девушки, были одеты в одинаковые синие болоньевые куртки, выданные согласно приказу по отрасли.

«Как из сиротского приюта», — подумалось Игорю. Лучше бы выделили деньги на одежду непосредственно в учреждение, и можно было бы найти варианты поразнообразнее. Например, договориться со швейной фабрикой или со швейным ПТУ на взаимозачёте: мы вам ремонт — вы нам красивый пошив.

Он сделал для себя зарубку в памяти — обязательно написать докладную записку в министерство и попробовать выбить фонды, хотя бы в виде эксперимента. Вдруг выгорит? С первого дня директорства таких идей у него накопилась целая куча, и некоторые он стал осуществлять на свой страх и риск. Силами учащихся столовая

преобразилась в уютное кафе, в актовом зале заработал маленький кинотеатр, а на девичьем этаже в общежитии обосновалась портниха со швейной машинкой и девчонки стали хорошеть на глазах.

Говорят, дурной пример заразителен, но и энтузиазм тоже. Мало-помалу Игорь стал замечать, что учителя опоминаются от равнодушия, начиная активно включаться в работу. Особенно порадовал преподаватель по технике безопасности, когда предложил организовать, кто бы мог подумать, танцевальный кружок!

— А ведь получается у нас сдвинуть дело с мёртвой точки, как думаете, Роксана Аветисовна? — спросил Игорь. — Сухая статистика гласит, что с сентября у нас не было ни одного случая вопиющего хулиганства. И в общежитии относительный порядок — все заняты делом.

— Дай Бог, Игорь Дмитриевич.

Учащиеся постепенно расходились по сторонам, высвобождая проход. Сдав коробку с реквизитом на руки завучу, Игорь быстрым шагом прошёл в кабинет к груде бумаг на письменном столе, которые множились в геометрической прогрессии.

Отчёты, ведомости, табеля, планы — если в чём-то человечество и преуспело, так это в изобретательстве новых форм отчётности.

В рекреации он увидел Лену Собакину.

Прислонившись к подоконнику, она держала свёрнутый в трубочку сценарий праздника, и в глазах, щедро подведённых фиолетовым карандашом, плескались испуг и тоска.

— Игорь Дмитриевич, — всегда бойкий голос Собакиной дрожал как заячий хвост, — Игорь Дмитриевич, я не могу быть Снегурочкой, я боюсь.

— Лена, не зли меня. Иди к Татьяне Марковне и померяй костюм. Я его только что привёз.

Имя завхоза подействовало на Собакину наподобие бодрящего укола, и она воинственно вскинула голову:

— К завхозике не пойду! Хотя на куски меня режьте.

— Ножики закончились. Иди, Лена. Я спущусь через час, и мы с тобой пройдемся по роли.

Собакину Игорь выбрал Снегурочкой не случайно, зная, что она признанный лидер девичьей половины учащихся. Пойдёт она — потянутся остальные девушки, а уж где девушки, там и парни.

В кабинете он допил утренний стакан холодного чая, позвонил домой — просто так, чтоб услышать Светин голос, — и сел разбираться с текучкой.

В ночь накануне новогоднего бала Игорю поспать не довелось, потому что у малышовой гвардии резались зубы. Глашенька температурила,

Гришка поносил, а Валерик фонтаном срыгивал всё, что выпивал из бутылочки. Утром, когда прибыло подкрепление в виде тёщи с тестем и Игорь сдал вахту, он чувствовал себя как цыплёнок под колёсами гусеничного трактора.

Но, на удивление, усталость бесследно испарилась, едва он переступил порог училища и осмотрел вестибюль, за ночь преображённый в зимнюю сказку. Группа отделочников во главе с мастером Лидией Михайловной потрудились на славу. Впору было телевидение вызывать или снимать новогодний фильм.

Да, не перевелись мастера на Руси!

Посредине вестибюля на круглом постаменте серебрилась белая берёзка, осыпанная голубыми блёстками. На тонких веточках посвёркивали стеклянные сосульки и каскадом спускалась вниз яркая гирлянда из разноцветных лампочек.

Дверь, ведущая в коридор, была преображена во вход в ледяную пещеру, и если бы Игорь сам лично не добывал на заводе пенопласт, то с первого взгляда не понял, почему не тают в тепле наросты снежных сталактитов и сталагмитов.

Придётся не поскупиться и премировать всю группу поездкой в Киев. Инициатива и труд должны иметь материальное подкрепление.

Хотя до начала праздника оставалось несколько часов, радостная атмосфера уже

разливалась в воздухе. В коридорах шушукались нарядные девушки с ёлочным дождиком в причёсках, а оживлённые парни гомонили громче обычного и украдкой приглаживали длинные патлы, отпущенные по последней моде.

Оглядев взбудораженные лица ребят, Игорь поискал глазами Ладыгина. Засунув руки в карманы, он, по обыкновению, стоял в кружке своих прихлебателей и покачивался с носка на пятку.

Впервые познакомившись с личным делом Саши Ладыгина, Игорь подумал, что в детстве мальчишка наверняка выглядел сусальным купидоном. Он и сейчас был очень хорошеньким — невысокий, крепенький, ладненький, с русыми волосами, расчёсанными на прямой пробор.

Почувствовав на себе взгляд Игоря, Ладыгин обернулся, и его брови взлетели вверх, придавая лицу презрительное выражение. Миг, и он снова отвернулся, но его глаза сумели передать волну ненависти, от которой Игорю стало холодно.

— Тяжёлый мальчик, — незаметно подойдя сзади, констатировала учительница химии Мария Николаевна. — Все учителя ждут не дождутся, когда он выпустится. И ведь, заметьте, из хорошей семьи. Отец военный, а мать — главный бухгалтер на заводе. Можете себе представить: у полковника сын пэтэушник.

— Могу, — сказал Игорь, — я и сам работал докером.

— Ну, вы себя не сравнивайте, Игорь Дмитриевич, разные бывают у людей обстоятельства. Да, впрочем, что это я о Ладыгине? Мне надо торопиться в зал, я обещала Татьяне Марковне нарядить Снегурочку — вашу протеже. И что вы нашли в этой Собакиной?

— Наверное, человека, — ответил Игорь.

— Может быть, — слегка покраснев, протянула Мария Николаевна, — и знаете, наверное, вы правы.

* * *

Костюм Снегурочки из голубой парчи с белоснежной опушкой понизу делал Лену Собакину похожей на сказочную царевну. Но самое большое потрясение ожидало, когда она надела кокошник, отделанный жемчужными бусами.

— Мама дорогая!

Обмирая от восторга, Лена покрутилась на каблучках, с удивлением обнаружив, что её движения сами собой стали плавными и величавыми, как в танце.

Неужели чернобровая красавица с гордой осанкой — не артистка и не киношная Алёнушка, а Лена Собакина из деревни Нижняя Чарочка?

От вида красавицы в зеркале ей даже курить расхотелось, и она поймала себя на мысли, что

можно отдать начатую пачку сигарет Машке Родькиной.

Стоящие рядом подружки Светка, Машка и Наташка застыли как заворожённые.

— В умат! — выразила общее мнение Машка, сверля глазами жемчужную роскошь. — Дай померить.

— Не дам! Директор сказал — носить аккуратно.

— Директор, директор, — очень похоже передразнила Машка, — ты, Собака, с ним уже совсем по фазе сдвинулась.

В привычной одежде Лена нашлась бы что ответить, так чтобы зубы лязгнули. Но наряд с кокошником странным образом мешал задать трёпку, и она вскользь подумала, что сигарет Родькиной не видать как своих ушей. При каждом движении голубая парча сверкала на изгибах, отливая серебряными нитями, а голова чувствовала тяжесть кокошника. Сказать «отвали, Родькина, а то в глаз получишь» значило разрушить хрустальную сказку, в которой она оказалась по воле Игоря Дмитриевича.

Она Снегурочка, а он — Дед Мороз!

При мысли об Игоре Дмитриевиче у Лены начинали дрожать коленки, а голос понижался на несколько тонов, пока из горла не начинал выходить хриплый шёпот. Чтоб голос не подвёл на празднике, она специально купила десяток яиц

за девяносто копеек. В магазине были первой категории, по рубль пять, но пятнадцать копеек на пороге не валяются. Морщась от отвращения, Лена выпила яйца сырыми и несколько раз проговорила вслух свою роль, начинающуюся со слов:

— Здравствуйте, дорогие хозяева. Принимайте нас с дедушкой к себе в гости...

И пусть Сашка Ладыгин кривится сколько захочет и цедит сквозь зубы, что предателей будет размазывать по стенке. Пусть только попробует, гад ползучий, она тоже не лыком шита.

На часах до начала праздника оставалось совсем чуть-чуть, и Лена, умиловившись, решила, что успеет дать девчонкам по очереди покрасоваться в кокошнике.

В то время как Лена наряжалась Снегурочкой, Александр Ладыгин, по кличке Лода, прошёл в мужской туалет, закрыв дверь на защёлку. От возбуждения перед задуманным его слегка потряхивало, и он постоянно облизывал сохнувшие губы.

Устроившись на подоконнике, он достал несколько спичечных коробков и высыпал спички на пол. Из форточки дуло, но по спине тёк едкий пот.

— Сволочи, — прошипел он вслух, обращаясь к своему отражению в длинном зеркале над рядом умывальников, — сейчас вы у меня попрыгаете, Дед Мороз и Снегурочка.

Вытянув губы трубочкой, Ладыгин в знак презрения попробовал доплюнуть до раковины, но брызги слюны попали на подбородок и это привело его в неистовство.

— Гады, гады, гады!

Жаль, что нельзя повалить нового директора на пол и отпинать ногами в тяжёлых ботинках. Он яростно возненавидел его, во-первых, за наведённую в ПТУ железную дисциплину, а во-вторых, потому, что вообще не выносил мужчин, в глубине которых угадывалась спокойная сила, способная подчинить себе большинство. Хоть автогеном их режь, а своего добьются.

Прежний директор был совсем другим, каким-то нервным, дёрганым, кричал всё время, вызывал на ковер. Не зря его балкой пришибло. И хоть сам Ладыгин к той роковой балке не имел никакого отношения, слухи о мести директору поощрял. Пусть боятся.

Зато с этим директором надо разобраться собственноручно, давно пора сбить с него спесь.

Дымовая шашка, тайком позаимствованная из отцовского арсенала, была отдана на откуп корешам. Колька Мишкин в нужный момент запулит её под ёлку. А сам он решил усилить эффект и пугануть директора по-крупному, а с ним заодно и прихлебательницу Ленку Собаку, переметнувшуюся в стан врага. Чтоб не гавкала.

Пошарив в спортивной сумке, он извлёк оттуда клочок ваты и ещё один спичечный коробок, перетянутый аптечной резинкой. Хорошо иметь папашу-охотника: нужные материалы всегда под рукой.

Когда спичечные коробки оказались наполненными ватой, обильно пересыпанной порохом, Ладыгин удовлетворённо вздохнул. Стук в дверь подтолкнул его поторопиться, и лесенка из засунутых в коробок спичек получилась неровной. Да и ладно, лишь бы загорелась и бомбочка взорвалась как надо. Завершил оснастку моток изоленты.

Он был уверен в том, что делал, да и вообще не привык сомневаться в своих действиях.

— Настоящий мужик должен всех держать в кулаке, — любил приговаривать отец, правда, если не могла услышать мама. Матери папаша боялся, и стоило ей вытянуть лицо в преддверии скандала, как отец становился тише воды, ниже травы.

В дверь уже не стучали, а колотили ногами, рискуя выворотить дверную коробку:

— Открывай, кто там закрылся!

— Обождёшь! — стук мгновенно затих, и Ладыгин понял, что пацан, ломающий дверь, узнал его по голосу и испугался. — Ну, то-то!

Спичечные коробки перекочевали в карман, где уже дожидалась зажигалка, накануне вечером доверху заправленная бензином.

В коридоре Ладыгина с головой накрыла громкая музыка, бившая из динамиков тугими волнами. Алла Пугачёва была в ударе, и, повинуясь бодрому ритму, его ноги тоже стали шагать по-особенному, пружинисто, вроде как даже подтанцовывать. Он скользнул взглядом по окнам, на которых колыхались бумажные снежинки на ниточках. Девчонки в общаге вырезали их чуть не целый месяц. Безмозглые курицы.

Говорят, за снежинки директор пригласил к девкам парикмахершу — сделать праздничные причёски.

Пробегая мимо кабинета директора, он криво усмехнулся.

Ребят кругом было много, и по пути в актовый зал пришлось продираться сквозь толпу, хотя спешить уже не имело смысла. На первом ряду в центре пустовало его личное место, занимать которое никто не смел. Вытягивая шею, он увидел, как подружка Ленки Собакиной подобострастно махнула рукой и поторопила:

— Лода, давай скорей, скоро начало.

* * *

«Бог мой, будь моя воля, я обязал бы всех русских женщин носить кокошники», — подумал Игорь, когда увидел Лену Собакину в костюме Снегурочки. Голубоглазая, нежная,

она была дивно хороша собой. И куда только подевалась вульгарная пэтэушница, крепко пропахшая табаком и дешёвыми духами?

— Здравствуй, внученька! — он поправил дедморозовскую шапку и, распахнув объятия, направился к Снегурочке.

Она испуганно вздрогнула, стараясь не смотреть в зал, битком набитый зрителями:

— Здравствуйте, Игорь Дмитриевич!

Её слова утонули во взрыве хохота, а Игорь сквозь зубы прошипел:

— Собакина, мы же с тобой репетировали. Я твой дедушка!

Лена шумно сглотнула и уставилась на него, как кролик на удава. В её глазах застыла тихая паника.

— Говори: «Здравствуй, Дедушка Мороз!»

— Здравствуй, Дедушка Мороз! — послушно повторила она голосом механической куклы и снова замолчала.

— Лена, возьми себя в руки! — Игорю самому была смешно, а зал вообще умирал от хохота. — Ну же, Лена, скажи что-нибудь, вспомни роль!

— Со-ба-ки-на! Со-ба-ки-на! — хором скандировали из-за занавеса Баба Яга — вахтёрша тётя Дуся и Северный ветер, которого играл порывистый юноша из группы монтажников.

Выручила ситуацию оленья упряжка, составленная из четырёх бойких первокурсниц.

Вихрем промчавшись по сцене, олени увезли с собой Снегурочку за кулисы, где её поджидала завхоз Татьяна Марковна с решительным выражением лица и сложенными в крендель руками.

Она-то и спасла положение, потому что Собакина мигом очнулась от ступора и пулей метнулась на сцену:

— Здравствуй, Дедушка Мороз!

Смирившийся с мыслью, что концерт придётся вести одному, Игорь недоумённо почесал в бороде:

— Здравствуй, внученька, где тебя носило?

— Северный ветер меня подхватил, дедушка, — демонстрируя остроумие, вывернулась из положения Собакина.

Дальше спектакль покатил как по маслу. В положенных местах зал хлопал, смеялся и подпевал. А когда подарки были розданы и Северный ветер сдул со сцены Бабу Ягу, Дед Мороз весомо стукнул посохом оземь:

— А теперь, дорогие учащиеся и преподаватели, прошу всех в физкультурный зал на танцы.

Танцы! Танцы!

Испокон века эти слова действовали на молодёжь магически.

В свою бытность аспирантом, Игорь делал лексикографический анализ терминополья «Народные танцы» на материале русского

и английского языков. Эх, было времечко золотое! А сейчас он просто смотрел, как аленькими цветочками вспыхивают лица девушек и распрямляются плечи юношей, и чуть-чуть завидовал бьющей через край юности.

Физкультурный зал украшали маляры, поэтому его стены преобразились в настоящую картинную галерею, где по голубым стенам неслась белоснежная тройка из ватмана (её приклеили на хозяйственное мыло), а окна затеняли бирюзовые мазки гуашевых красок.

В углу стояла наряженная ёлка, правда небольшая, чтоб не мешать танцующим.

Гвоздём убранства и сюрпризом от Дедушки Мороза были зеркальный шар, подвешенный к потолку, и гирлянды самой настоящей цветомузыки, приобретённой благодаря хитрым манипуляциям с ведомостями по хозяйственным расходам.

Когда Игорь в костюме Мороза вошёл в зал, свет уже выключили и вокруг плескались радужные переливы разноцветных ламп. Дробясь на осколки, они блёстками рассыпались по потолку и звёздами падали вниз на танцующих ребят. Зрелище было завораживающее.

— Дедушка Мороз, вставай к нам в круг! — позвала Игоря завуч Ольга Альбертовна.

Одетая в зелёное кримпленовое платье, украшенное серебряными бусами, она достойно

соперничала с новогодней ёлкой и находилась в прекрасном настроении.

— К нам, Дедушка Мороз!

— Нет, к нам! У нас Снегурочка!

Со всех сторон к Игорю тянулись девичьи руки и звучали весёлые голоса.

Шагнув наугад, он вписался в хоровод, дружно топающий под бойкую песенку о барабане, который был плох, но которому повезло с барабанщиком.

Кружился хоровод, кружилась Лена Собакина в костюме Снегурочки, кружились завуч и Роксана Аветисовна. Мастер сварщиков обнимал за плечи двух ребят из своей группы, и все трое дружно кивали головами, беседуя о чём-то своём, насущном. У окна две девушки вплетали друг другу в волосы струйки золотой мишуры. Недалеко от ёлки Игорь увидел Ладыгина, смотрящего в одну точку где-то на потолке. Щуря глаза, он загадочно улыбался, и у Игоря в душе ворохнулось нехорошее предчувствие.

Машинально отвечая на улыбки и шутки, он чувствовал непомерную усталость от бессонной ночи и длинного-длинного дня, которому пока не видно конца. Пора незаметно улизнуть в кабинет, выпить чашку чаю и позвонить Свете.

Дальнейшее запомнилось в замедленной проекции, потому что реальные события пронеслись в доли секунды. Обязанности Деда

Мороза поглощали внимание без остатка, поэтому Игорь упустил момент, когда из-под ёлки повалил дым, пышными клубами окутывая пространство зала. Кто-то в глубине зала истошно закричал: «Горим! Пожар», и вся толпа шарахнулась к двери, а Игорь — к ёлке. Оглушительно играла музыка. В общем шуме и визге отчётливо слышались голоса учителей и чей-то плач. Раздался звон разбитого стекла. Огня не было, и гарью не пахло. Сообразив, что горит дымовая шапка, Игорь на ходу скинул с себя шапку и в стремительном броске метнул её на источник опасности. В то же время какое-то невероятное чутьё подсказало ему поднять глаза вверх, чтобы ухватить взглядом несколько огненных точек, кувыркавшихся в воздухе.

Визг и шум нарастали. Кто-то сильно толкнул его в спину, и Игорь с размаху упал на колени, точным движением рук пригасив дымовуху.

Совсем близко от себя он увидел отчаянно бледное лицо Лены Собакиной и существующую как бы отдельно от тела улыбку Лоды. Но уже в следующее мгновение от напора толпы Ладыгин полетел ему прямо в руки, под падающие сверху огненные комочки. Вращаясь огненными мельницами, они с неизбежностью приближались.

Обезумев от страха, Ладыгин распахнул рот и завизжал так истошно, что его крик заставил всех замереть на месте:

— Нет! Не хочу!

Одновременно с криком Лоды, Игорь с недюжинной силой вырвал ёлку из кадки с водой и отбросил её в направлении окон, от которых уже отхлынула толпа ребят.

Тело действовало, повинуясь мышечной памяти, порой опережая осознание опасности. Сердце билось в бешеном ритме, с каким он ловил бомбочки в подставленную кадку с водой, где они с шипением потухали одна за другой.

В мелькании лиц он видел, как Ольга Альбертовна и Роксана Аветисовна раскинули по сторонам руки, живой цепью защищая ребят от опасности. К ним проталкивались учителя-мужчины.

Последняя бомбочка с шумом взорвалась у самой воды, подняв вверх фонтан брызг.

Игорь опомнился от тишины, наступившей в зале, и перевёл взгляд на ребят, испуганно жавшихся вдоль стен. Слава Богу, кажется, никто не пострадал — кроме ёлки, костюма Деда Мороза и гордости Лоды, который стоял на четвереньках посреди зала и безудержно икал. Позади него маячил его закадычный друг Колька Мишкин с безумными глазами, выражавшими ужас. Мишкин находился в таком глубоком шоке, что Игорю пришлось потрясти его за плечо:

— Ты кинул дымовую шашку?

Полуоткрыв рот, но не выдавив ни звука, Мишкин кивнул.

— А бомбочки?

Колька отрицательно затряс головой, отчего его плечи заходили ходуном, а потом вытянул палец и указал на корчащегося на полу Ладыгина:

— Сашка.

Под перекрёстными взглядами устремлённых на него глаз Ладыгин закрыл лицо руками и зарыдал.

— Да, натворили вы дел, — коротко сказал Игорь Ладыгину с Мишкиным, потому что серьёзный разговор предстоял впереди.

— Милицию надо вызывать и в тюрьму сажать! На пожизненное! — Игорь узнал голос завхоза Татьяны Марковны. Расталкивая толпу ребят в стороны, она пробиралась к месту событий подобно разъярённой фурии:

— Игорь Дмитриевич, вы живы?

— Да жив я, жив! Вроде все живы.

Он обвёл взглядом ребят и учителей, а потом наклонился и поднял за шкурку Ладыгина, трясущегося, как подтаявший свиной холодец:

— Пойдём, герой, побеседуем. И ты, Мишкин, с нами.

Волоча за собой Ладыгина и Мишкина, Игорь думал, что нет хуже без добра и сейчас на виду у всех власть Ладыгина пала навсегда,

а в ПТУ должна начаться другая эра, построенная на добре и взаимопомощи.

* * *

В это лето северный ветер свил гнездо вблизи Балтики и совершал ежедневные налёты на город, с целью испытать выносливость жителей. Утром, выходя на работу в футболке, приходилось брать с собой кофту, а надевая кофту, стаскивать её через пять минут.

— Зима-лето, попугай, наше лето не пугай! — кричала мальчишке растрёпанная девчушка в красном платице. Она стояла в сквере на краю песочницы, заваленной грудой свежего песка. На песке угнездился мальчишка в панамке и усердно прорывал туннель при помощи жестяной консервной банки. Чтобы казаться сердитой, девчушка смешно нахмурила брови, развернув губы вареником.

Не оставшись в долгу, мальчишка скорчил ей страшную рожу и с криком рванул к молодой женщине на лавочке:

— Мама, а Лариска обзывается!

— Ну и не женись на ней тогда, — насмешливо сказала женщина и подмигнула Павлу.

Он улыбнулся в ответ, хотя ноги подкашивались от страха, потому что Марина лежала

в родильном доме, а он шёл на встречу с врачом, принимавшим роды.

Мысли о том, что может сказать врач, точили его с того момента, как Марина кинула в окно записку с коротким сообщением. До этого она писала, что всё хорошо, даже отлично, девочка родилась здоровенькой, ровно три килограмма, пятьдесят сантиметров. Правда, роды были трудными и Марина мучилась больше суток.

Уже накинув куртку, Павел недолго постоял перед иконой, взятой из скита Федосьюшки, с надеждой глядя, как цветёт беленький цветок в руках Богородицы.

— Господи, пусть всё будет хорошо!

Боязнь опоздать неумолимо гнала вперёд, и он пришёл почти на час раньше, а потом долго сидел в коридоре, стараясь унять нервную дрожь.

— Всё будет хорошо, всё будет хорошо.

Перед тем как пройти к кабинету, Павел два раза переспросил в справочном бюро о состоянии матери и ребёнка, но ничего тревожного не услышал. А может быть, всех молодых отцов вызывают? Или не всех?

Врачом оказался пожилой мужчина с раскосым разрезом глаз. Его смуглое лицо казалось выструганным из куска тёмного дерева и выдавало уроженца Крайнего Севера. Звали доктора вполне по-русски Валентин Петрович, правда,

фамилия была замысловатой, чукотской или эвенкской — Павел не разбирался. На тонкой цепочке под халатом Павел смог рассмотреть золотой крестик. И хотя Валентин Петрович перехватил удивлённый взгляд на крест, лицо его осталось бесстрастным.

— Прошу, заходите, товарищ Соснин.

— Павел Иванович, — автоматически подсказал Павел.

— Очень приятно познакомиться, Павел Иванович.

Доктор рукой указал ему на диванчик, а сам взял стул и сел напротив, словно заранее готовясь к утешению. От такой рокировки сердце у Павла оборвалось и покатилося куда-то вниз, а во рту моментально пересохло.

Видимо, угадав его состояние, доктор дружески улыбнулся:

— Да вы не волнуйтесь, Павел Иванович, ничего экстраординарного я вам не скажу. Но должен предупредить о некоторых проблемах, — он сделал паузу, показавшуюся Павлу бесконечной. — Как вы знаете, ваша жена настрадалась в родах. У ребёнка было неправильное прилежание, и он шёл боком. Мы очень долго не могли исправить положение, стоял вопрос об экстренном кесаревом сечении, и, слава Богу, мы справились с ситуацией, но, возможно, у вашей девочки одно плечо будет выше другого.

Врач замолчал, а Павлу на миг почудился запах рябины и далёкий голос женщины, скороговоркой говорящей подруге:

— Одно плечо у неё было выше другого.

«Федосья! — молнией промелькнуло в голове. — Конечно, Федосья!»

Поразившая мысль оказалась настолько сокрушительной, что Павел схватился рукой за лоб, сбив на сторону очки:

— По-иному и быть не могло!

Он произнёс это вслух, заметив, как врач посмотрел на него с явным состраданием:

— Не убивайтесь так, Павел Иванович. Возможно, дефект исправится при помощи массажа, а если нет, то у нас в Ленинграде великолепные специалисты по детской ортопедии. Ваша дочка обязательно вырастет красавицей. Кстати, вы с женой уже выбрали ребёнку имя?

В ответ Павел улыбнулся:

— Федосья.

Ему показалось, что узкие глаза врача стали шире.

— Неужели? Оригинально! Впрочем, старорусские имена, говорят, вошли в моду.

— Знаете, доктор, в нашем случае мода здесь ни при чём, — задумавшись, возможно ли объяснить словами чудо, которому они обязаны появлением дочери, Павел помедлил. — Просто в далёком скиту до войны жила одна женщина,

Федосья. Долго рассказывать, но, словом, она нам с женой очень помогла. Можно сказать, спасла.

Он не надеялся, что доктор поймёт суть, но неожиданно Валентин Петрович поддержал разговор. Встав, он заложил руки за спину и подошёл к книжной полке, на которой стояло фото величественного мужчины с бородой и в очках.

— Я тоже назван в честь моего спасителя — доктора Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Точнее сказать, переименован. Так велика была благодарность моих родителей.

— Это он? — Павел с любопытством взглянул на фотографию, отметив про себя, что человек на ней больше похож на священника, чем на врача.

Его догадка немедленно подтвердилась, потому что Валентин Петрович сказал:

— Войно-Ясенецкий больше известен как архиепископ Лука.

— Да что вы говорите? — Павел так удивился, что встал со своего места и тоже подошёл к портрету. — Я думал, что архиепископ — это священник.

— Да, священник. Архиепископ Лука и был замечательным врачом, профессором хирургии, на моё счастье сосланным на Крайний Север. Когда он приехал в наш стан из трёх семей, я погибал. И как сейчас понимаю с высоты своего

опыта, вылечить меня мог только совершенно выдающийся врач.

Можете себе вообразить Туруханский край двадцатых годов? Дикие места, зима, застывший Енисей, бедная изба, которую архиепископ сперва принял за кучу навоза. Кругом ни души на сто вёрст. Даже шамана и того нету. И вдруг открывается дверь нищей хижины и входит светило медицины. Откуда эта помощь для умирающего ребёнка? Чьей рукой она послана и для чего? — Валентин Петрович снял шапочку и провёл рукой по жёсткому ёжику коротких волос. — Вот ведь как бывает: для одного ссылка — беда, а для другого — радость. Всё уравновешено.

Идя домой, Павел думал над словами доктора и приходил к выводу, что тот прав и мироустройство — это миллиарды сообщающихся сосудов и нервов, идущих от единого сердца, и пока оно бьётся, будет живо человечество. Остановится сердце — и настанет вечная тьма.

...Когда Марина и Павел называли дочку Федосьей, знакомые иронично щурились, а некоторые крутили пальцем у виска. Зато Игорь от имени племяшки был в полном восторге.

— Чудо, а не имя! — он упоённо повторил его несколько раз, наслаждаясь переливами звуков, и спросил: — Кстати, вы знаете, что Федосья переводится с греческого как «Богом данная»?

Укачивавшая дочку Марина подняла голову и посмотрела на Павла:

— Нет, не знали. Но это чистая правда!

* * *

Очередь к причастию ленточкой вилась от входной двери, круто заворачиваясь за колонны. Женщина впереди хотела пропустить Екатерину Семёновну раньше себя, но та отказалась, хотя ноги слушались плохо, а в глазах плыл голубоватый туман с запахом ладана. Выйдя из церкви, она посидела на скамеечке в парке, пока не замёрзли ноги, утопающие в снежной пороше. Вот и снова зима. Бегут годы, тикают внутренние часы, отсчитывая мгновения от горя до горя и от радости до радости.

Около мусорной урны копошилась стайка нахохленных воробьёв. Выклёвывая из-под снега невидимые крошки, они зябко подпрыгивали, но не сдавались.

Вдалеке, срезая угол к остановке, гуськом тянулись прохожие. Две женщины волочили вдвоём огромную коробку с цветным телевизором. Их лица светились таким искренним счастьем, что губы Екатерины Семёновны дрогнули в невольной улыбке.

«Будьте как дети», — сказал Христос.

Она вспомнила, как её мальчики, Ванечка с Павликом, так же сияли от новой игрушки.

Особенно Ванечка, он вообще был очень открытым малышом: счастье до слёз и беда до слёз.

Через дорогу от парка виднелось грязно-жёлтое здание бывшего Никольского рынка. До революции здесь собирались извозчики, желающие наняться на работу в Петербурге, поэтому тротуар всегда был запружен гомонящей толпой мужчин с витавшим вокруг запахом махорки и дёгтя.

Няню, молоденькую деревенскую девушку, тянуло сюда как магнитом, и при каждом удобном случае она водила воспитанницу на прогулку именно в этот сквер, переживший не одну эпоху.

Екатерина Семёновна вспомнила, что около третьего дерева от входа девочкой упала и разорвала чулок, а в глубине парка, на перекрёстке дорожек, её впервые робко поцеловал будущий муж. Но это было уже в тридцатом году, полном надежд и чаяний на лучшее.

Натягивая перчатки, Екатерина Семёновна подумала, что декабрь нынче выдался мозглый, но холод пока не лютует и вполне можно обойтись осенним пальто. В новое, купленное Павлом и Мариной, влезать не хотелось: к обновке приходится привыкать, а поношенная вещь кажется близким другом, с которым немало пережито.

Напоследок Екатерина Семёновна полюбовалась на золотые купола в обрамлении серых облаков и неспешно пошла домой, но вдруг остановилась, поражённая внезапным ощущением какой-то особенной, весенне-пасхальной радости. Она нарастала исподволь, поскрипывая свежим снежком под каблуками и рассыпаясь вокруг искорками прожитой жизни.

Под напором памяти каждая искорка вспыхивала как свеча, освещающая давно забытое и милое.

Ярче всех горели свечи в память мужа Евгения и сына Ванечки. В мыслях Екатерины Семёновны их свечи сливались в одну, полыхающую ровно и сильно.

— Гори-гори ясно, чтобы не погасло, — прошептала она, смахивая с лица налипающие снежинки.

Сегодня тоска о Жене и Ванечке была легка, как падающая с неба белая пороша, похожая на крылья Ангела.

Постепенно Екатерина Семёновна прибавляла и прибавляла шаг, замечая, что спина выпрямляется, а походка становится упругой и сильной, как в молодости. Дойдя до гастронома, она решила зайти и купить торт, потому что вечером обещали заглянуть Паша с Мариной и крошечной Досенькой и Лимарёвы. Их тройняшкам скоро исполнится два годика.

Невероятно забавные, как пингвинята, малыши называли её бабой и доверчиво лезли на руки. Причём все трое сразу.

Праздник продолжился, когда продавщица в кондитерском отделе заговорщицки понизила голос и сказала:

— Если немного подождёте, то сможете купить коробку зефира в шоколаде. Только что подвезли дефицит.

— Зефир в шоколаде! Спасибо, милая. Мой внук его обожает!

— Мой тоже!

Довольная продавщица занялась следующим покупателем, а Екатерина Семёновна пошла к кассе, чтоб, как только выставят товар, сразу выбить чек.

Домой она пришла с полной сумкой и, переступив порог, встретилась с глазами мужа, смотрящими с фотографии.

— Женечка, я сегодня такая взбаламученная, словно ожидаю твоего возвращения. Помнишь тридцать пятый год, когда ты с Ваней ездил на неделю в деревню, а я оставалась дома? Я тебе прежде никогда не говорила, а теперь признаюсь, что каждый день ходила на вокзал и проверяла, не изменилось ли расписание поездов. Я очень боялась, что вы приедете, а я не смогу вас встретить. Глупо, да? Ты улыбаешься, Женя? — она подошла ближе к фотографии,

чтобы ещё раз рассмотреть любимые черты, которые знала наизусть. Перед визитом в фотоателье она сама лично подстригала мужа старыми ножницами, и даже сейчас всё время сожалела, что один висок выше другого, а зачёсанная набок чёлка лежит неровно.

Рядом с фотографией Ванечки Екатерина Семёновна по-деревенски положила на блюдечко зефирку:

— Ванечка, я буду думать, что увижу тебя вечером и налью тебе чаю с мятой, как ты любишь. Ты знаешь, одна ученица подарила мне целый пакет сушёной мяты. Очень трогательный знак внимания.

Как обычно бывает в декабре, сразу после полудня в комнату стали заползать мягкие сумерки. Оренбургский платок из невесомого снега за окном навевал мысли о музыке, под которую она кружилась с Женей в первый вечер после свадьбы.

Платок был Жениным подарком на свадьбу, и за покупку он отдал месячное жалование в Институте растениеводства. Пуховое кружево нежно укутывало плечи, едва не доставая до пола. Помниться, она пошутила, что платок одновременно и свадебное платье и фата.

Им аккомпанировала Женина кузина Соня.

Интересно, вспоминал ли Женя свою свадьбу, умирая на замороженной земле в северном

Ивдельлаге? За столько прошедших лет его могилу не раз покрывала снежная фата.

Сев за пианино, Екатерина Семёновна положила руки на клавиши, и по комнате полилась мелодия Шопена. Она называлась «Грусть и радость» — то, из чего сплетается нить человеческих судеб. Руки уверенно брали нужные ноты, вызывая к жизни тени дорогих людей, любивших её и любимых ею доселе. Ванечка, Женя, Соня, погибшая в блокаду от голода, пропавшие в революцию мама и папа, нянюшка Лёка, сосланная в Астрахань, расстрелянный по приговору тройки дядя Рома. Она молилась за них, и Господь отвечал на молитвы, даруя душе светлую память. Слава Богу за всё.

Звуки лились, дробились, переплетались, рассыпались колокольчиками, и, когда пальцы взяли последний аккорд, её сердце остановилось вместе с музыкой.

* * *

Следующая весна прилетела в Ленинград на крыльях балтийского шторма и три дня вволю бесчинствовала, затопляя каналы потоками талой воды, вперемешку с городской грязью. Почерневший лёд на Неве треснул и рассыпался на осколки, напоминающие груды битого стекла.

«Как и моя жизнь», — подумал Эдик с лёгкой горчинкой грусти.

Он сидел на ящике с песком и катал в пальцах незажжённую сигарету, вспоминая первый разговор с Павлом после размолвки. Об Ольге, которую он больше не считал женой, думать не хотелось.

Павлу он позвонил сразу же, как только отнёс соседке обещанный телевизор. Ох и поорала Ольга, когда поняла, что импортный телевизор «сони» отдан бесплатно, а не продан с наценкой.

— Совсем сбрендил! Милицию вызову, в психушку закатаю! — были, пожалуй, самыми мягкими из тех слов, которые вылетали из её уст.

Жена кричала, визжала, топала ногами, а Эдик смотрел на неё и не понимал, откуда на свете берётся сила, которая толкает людей на глупости и подлости. И как же он раньше мог мириться с совершенно чужой женщиной рядом? Спать с ней в одной постели, вместе есть, ходить гулять и, мало того, изредка считать, что с женой ему повезло.

Чтобы поговорить с Павлом спокойно, Эдику пришлось выбежать на улицу к телефонной будке. Монетка-двушка нашлась сразу, а новый номер Пашкиного телефона можно спросить у бабушки Кати. Набирая номер, он едва ли не пел.

Но трубку взял сам Павел и деревянным голосом сообщил, что бабушка Катя умерла.

— Как умерла? Не может быть! Я же видел её совсем недавно! Я шёл с работы, а она навстречу.

Слова, которые просились наружу, слиплись во рту снежным комом. Но Павел угадал невысказанное и ответил:

— Знаешь, Эдка, когда мы нашли бабушку, у неё было очень спокойное лицо, словно она заснула и видит хороший сон, — его голос дрогнул, и Эдик услышал, как Павел несколько раз глубоко вздохнул. — Мы с Мариной верим, что бабуля умерла счастливой. Жаль только, что не можем отпеть её в той, нашей церкви, где твоя станция. В ней бабушка венчалась и сына крестила.

«Наша церковь», — Эдик отметил, что Пашка произнёс те же слова, которые, словно ножом, вспороли его душу в зимнем лесу.

Засунув сигарету обратно в пачку, Эдик бросил взгляд на груды кирпичей, оставшихся от церкви. Хотя верхушка пирамиды уже растаяла, основная масса лома была погребена под кучей подтаявшего снега, обильно политого мазутом и машинным маслом. Между двумя кирпичами клубком торчал засаленный пук использованной ветоши — Эдик припомнил, что сам забросил его туда ещё осенью. Неужели это и есть часть

того, что прежде называлось дивным именем Неувядаемый цвет? Но, собственно, почему называлось?

Сломав сигарету пополам, Эдик забросил её в мусорный бак и подошёл к кирпичам, чтобы убрать комок ветоши. Когда ветошь отправилась вслед за сигаретой, ему показалось необходимым расчистить с кирпичей кучу снега, и он взялся за лопату.

Слежавшийся пластами снег Эдик относил к пожарной площадке, вываливая на мокрый асфальт. Надо будет потом полить его из шланга, и солнце быстро довершит начатую работу.

— Эй, Костров, никак у тебя субботник? — весело сказал в спину начальник Иван Егорович. — Так-то лучше, чем сидеть бирюком, губы дуть.

И правда, лучше. Эдик почувствовал, словно это не с руин, а с него самого отпадает налипшая корка грязи, обнажая сидящего внутри маленького мальчика с любопытными глазами и хулиганистым характером. Если бы с детства знать да если бы верить, разве такой была бы сейчас его жизнь?

С того дня вместо перекуров Эдик стал планомерно разбирать кирпичи и аккуратно складывать их в углу территории.

Первое время мужики на станции делали круглые глаза и крутили пальцем у виска, а потом привыкли, хотя и безобидно подтрунивали:

— Небось, медаль хочешь заработать или в дворники готовишься.

Эдик отшучивался:

— Это я разминаюсь вместо спортзала.

Часто он уходил с работы самым последним, чтобы меньше бывать дома, к которому его привязывала только Шурёнка, смешно топтавшая толстыми ножками. Эдик млел, когда дочка забиралась к нему на колени и прижималась к щеке круглой мордахой, по обыкновению вымазанной в чём-то липком. Интересно, почему дети всегда пачкаются?

С Ольгой отношения совершенно разладились, и Эдик перешёл спать на диван в большую комнату. Туда же, к нему под бочок, перебралась Шурёнка. Сворачиваясь в комочек, она требовала:

— Папа, поезд.

Повинуясь Шуркиной команде, он начинал пыхтеть как паровоз, а Шурёнка тоненьким голоском ему подтягивала:

— Ту-ту!

По выходным Эдик брал дочку, и они ехали в Павлу: Марина приняла Эдика радушно, а маленькая Федосья одинаково радостно улыбалась всем, кого видела.

Однажды, когда Шурёнка закапризничала, Марина предложила Эдику уложить её спать в спальне.

— Не хочу бай-бай, — тут же завела Шурёнка, моргая сонными глазами, похожими на чёрные пуговицы. — Буду тут.

— Пойдём, дорогая, я тебе про поезд расскажу.

Обещание игры примирило с жизнью, и дочка позволила отнести себя на кровать, покорно протянув ногу, чтобы снять колготки. Мягкие Шурёнкины пяточки тепло пахли мылом, и Эдик поочерёдно пощекотал их мизинцем, обмирая от нежности.

Укладывая дочку, он присел рядом на стул и стал легонько поглаживать её по волосам:

— Баю-бай, баю-бай, поскорее засыпай. Придёт серенький волчок и утащит за бочок.

Ему было спокойно и уютно в полумраке этой маленькой комнаты с задёрнутыми портьерами. Круглое большое зеркало на стене отражало розоватые обои с неброским рисунком, на тумбочке стоял будильник с двумя звонками над циферблатом, а в углу на самодельной полочке стояла маленькая икона.

Синее на голубом и голубое на белом, а вокруг золотой нимб, как солнце.

Воспоминание о шестьдесят третьем километре, на котором он замерзал, вспыхнуло так ярко, что на Эдика пахнуло ледяным холодом. Невольно поёжившись, он вопросительно взглянул на вошедшего Павла:

— Бабушкина иконка?

Павел отрицательно покачал головой:

— Нет, это мы с Мариной нашли в Вологодской области. «Неувядаемый цвет» называется.

— «Неувядаемый цвет»? Как наша церковь? — Эдик удивлённо поднял брови, сясь отыскать связь. — Кстати, может быть, ты знаешь, откуда у церкви такое странное название?

— Конечно, знаю. Бабушка не раз говорила, что официальное название церкви было церковь Святой Троицы, но там хранилась чудотворная икона «Неувядаемый цвет» и в народе закрепилось именно это название.

— Вот оно что, — протянул Эдик, думая, как иногда всё складывается один к одному, не оставляя лазейки для сомнений.

Он хотел расспросить Павла подробнее, но тот указал пальцем на дверь и, чтоб не разбудить Шурку, тихо сказал:

— Пошли чай пить, познакомлю тебя с Мариным братом Игорем и со Светой. Ты ведь помнишь Свету Алексееву?

Глаза Эдика метнулись обратно к иконе, с немым криком: «Помоги!»

Ноги сразу стали ватными, под стать языку, которым Эдик с трудом выговорил:

— Помню.

* * *

В гостиной Сосниных было шумно, весело и многодетно. Каждый взрослый держал по одному ребёнку, а те с любопытством крутили головами по сторонам и пускали пузыри, словно соревнуясь, у кого больше.

Света с малышом в голубых ползунках стояла у окна. Тёмно-синее платье в мелкий белый цветочек сидело на ней безупречно, а светлые волосы на фоне окна блистали чистым золотом. Когда Эдик вышел из спальни, она обернулась столь стремительно, что у него упало сердце. Так оборачиваются, когда хотят броситься навстречу. Но Света осталась стоять неподвижно, и только в глазах засияла улыбка:

— Эдик! Рада тебя видеть! — она перевела взгляд на мужа. — Игорь, познакомься, это мой одноклассник Эдик Костров. Помнишь, я тебе говорила, что он лучший друг Паши?

— Конечно, помню. Я всё помню, что ты мне говоришь!

Взгляд, которым обменялись Света и Игорь, вызвал у Эдика колющую зависть к супружеской жизни. Не бестолковой, как у него, а такой, когда муж и жена неразделимо соединены в одно целое.

Перекладывая малышку в розовых ползунках в левую руку, Игорь протянул Эдику ладонь для рукопожатия:

— Говорят, ты здесь тоже с дочкой? Как звать?

— Шурёнка.

— Хорошее имя — Александра, — Игорь на минуту задумался, — с греческого можно перевести как «надежда» или «оберегающая».

От Игоря веяло силой и спокойствием, а в зеленоватых глазах искрилось затаённое веселье.

«А хороший мужик, этот Игорь», — незаметно сам для себя подумал Эдик, чувствуя, как его былая ревность дала трещину.

Всё ещё с каменной спиной он уселся на стул так, чтобы не встречаться глазами со Светой, но сам то и дело смотрел в её сторону, подмечая каждое движение. Став мамой, она похорошела ещё больше, но в то же время стала казаться какой-то нереально далёкой, как будто он видел её не рядом с собой, а в перевёрнутый бинокль. От этого сразу стало легче дышать, и он постарался включиться в общий разговор.

Игорь увлечённо рассказывал про своё ПТУ. Забывшись, он начал жестикулировать, и тогда малыш на его руках зафырчал, как котёнок. Света недовольно сдвинула брови:

— Игорь, потише!

— Прости! — он примирительно чмокнул малыша в макушку. — Так про что я говорил?

— Про строительную практику, — подсказала Марина.

Она кормила Федосью-Досю из бутылочки, но тем не менее слушала брата с повышенным вниманием, и от Эдика не укрылось, что иногда её взгляд становился тревожным.

Павел тихонько сказал на ухо:

— Когда Игорь принял директорство в ПТУ, у него были большие проблемы с налаживанием дисциплины, а один учащийся в Новый год едва не устроил поджог.

— Ничего себе! — Эдик стукнул кулаком по ладони. — Хотя, знаешь, не удивляюсь: когда я учился в ПТУ, мы тоже такое отчебучивали!

Его голос прозвучал так громко, что оборвал разговор, и все посмотрели на него, а Игорь сказал:

— Я много думал: что я должен сделать, чтобы у учащихся была идея, линия жизни? Они не понимают, ради чего живут люди, потому что кругом видят один обман, и начинается он с самого детства — с октябрят. Им, к примеру, вдалбливают в голову, что они должны любить дедушку Ленина. А зачем маленькому ребёнку любить Ленина? Он им кто? Он им зачем? Пусть любят маму и папу, а не мумию в Мавзолее.

— Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, — сказала Света.

Марина усмехнулась:

— Я помню, как мы в четвёртом классе мечтали поскорее стать пионерами. А когда нас приняли, то ходили гордые, даже пальто не застёгивали, чтоб было видно наглаженный красный галстук на груди. А потом начались бессмысленные пионерские собрания, сборы макулатуры, которая год валялась под дождём, выговоры от учителей, отскакивающие от нас как от стенки горох. Она передразнила: — «Ты же пионерка, Лимарёва, как ты можешь жевать булочку на уроке?» К шестому классу мальчишки уже ходили в мятых пионерских галстуках, а в седьмом начали прятать их в карман.

— Игорь прав, идеи не было. Вернее, была и есть, но пустышка. Спроси нас сейчас, хотим ли мы строить развитой социализм? — сказал Павел и посмотрел на Эдика. — Ты хочешь?

Эдик пожал плечами:

— Не знаю. Я хочу нормально жить. А при коммунизме или капитализме — мне всё равно. Главное, чтоб за горло никто не хватал и не указывал — о чём мне думать.

— Вот, — поднял палец Игорь, — именно! А мы детей туркаем идеологией по приказу свыше. Получаем директиву за директивой. То требуют организовать комсомольский прожектор, то устроить комсомольский зачёт, то собрать подписи в защиту Анжелы Дэвис, то ввести ленинские уроки. Нравственности надо

учить, а мы учим обману. Ведь никто же из ребят, да и из нас, не хочет сдавать этот проклятый комсомольский зачёт, но вынужден идти на него и врать, что спит и видит, как бы поскорее стать настоящим коммунистом.

А надо учить детей доброте и вечным заповедям, благодаря которым смогло выжить человечество. А вырастут, к чему стремиться — к бутылке? Идеалов нет, интересов нет, зарплата копеечная, а чтобы заработать на нормальную жизнь, приходится ловчить.

— Ты, конечно, правильно всё говоришь, но не забудь, что большинство твоих учащихся — дети своих родителей и к тебе они уже приходят искалеченными, потому что ничему хорошему их не научили, — возразил Павел.

— Но кто-то же должен их воспитывать, — сказал Игорь, — им и так досталось непростое детство. Вы бы видели, сколько было радости от новогодних подарков с конфетами и мандаринками! Одна девочка даже заплакала.

— Тяжело тебе, Игорёк, — посмотрела на брата Марина и поставила на окно пустую бутылочку с натянутой соской. — Уснула Досенька, пойду её в кроватку положу. — Бесшумно встав, она обогнула комнату и, проходя мимо Игоря, добавила: — Дай Бог, чтоб ты справился с такими трудными детьми.

Игорь вскинул голову:

— Стараюсь, хотя, действительно, у меня много упущенных ребят, к которым не знаешь как подступиться. Верите, некоторые с младших классов пьют и курят.

— В церковь бы их сводить да с умным батюшкой побеседовать, — негромко, но весомо сказала Света, и Эдик моментально вспомнил день, когда ломали церковь, а Света с такой же интонацией ответила Ольге, что церковь нужна не Богу.

В этот миг его словно в сердце что-то толкнуло, и он сказал:

— А я начал руины разбирать, которые от церкви у молокозавода остались.

* * *

Старый дом около станции техобслуживания доживал последние дни перед капремонтом. Со временем его пятиэтажная коробка вросла в асфальт до первого этажа, жалобно глядя на мир сквозь растрескавшиеся окна.

Дом многое видел на своём веку, а в двадцатые годы носил на своей стене кумачовый лозунг «Смерть буржуям». Правда, висел лозунг недолго, однажды испарившись вместе с обильной росой на клумбе, давно заросшей сорняками. Жильцы догадливо хмыкали и указывали пальцами на окно под крышей, где обреталась подёнщица Маруська Кривая.

У Маруськи не было одного глаза, который она выколола себе в малолетстве, улепётывая от пьяного батьки, но зато была дочка Верка — тощий недокормыш с длинным носом и золотушными щеками. Работа в ту пору в городе не сыскивалась днём с огнём, а Верку приходилось кормить и одевать, поэтому подспорье в виде куска красного ситца пришлось весьма кстати.

Шестьдесят лет прошло, а Вера Савельевна до сих пор помнит красную юбку, украшенную буквами «рть буржу» и красную косынку, которой досталась надпись «ям». В новом наряде она в первый раз прошла мимо церкви, вместо того чтобы зайти на службу.

— И не уговаривай, Бога нет, — обмирая от собственной дерзости, ответила она матери, когда та собиралась на литургию.

— Ах ты бесстыжая, — мать взвилась чуть не до потолка, и её лицо от гнева некрасиво сморщилось.

Долго не раздумывая, она схватила голик, принявшись больно охаживать по спине голыми прутьями:

— Я тебе покажу — нет! Я тебе покажу — нет!

Материнские руки не отличались особой силой, поэтому вырвать веник оказалось проще простого:

— Не смей бить, а то уйду от тебя в коммуны на вагоноремонтном заводе, меня давно туда

зовут! И вообще, я комсомолка, а комсомольцам в Бога верить не положено!

Со вздохом Вера Савельевна кинула взгляд на угол, куда зашвырнула злополучный веник, и посмотрела в окно, где прежде стояла церковь.

Неувядаемый цвет — вот как называлась церковь, на которую глядели их окна. Этаж пятый — видно всё сверху, как на ладошке. Сейчас там станция техобслуживания. Церковь была открыта почти круглосуточно. Вдовый настоятель — отец Матвей — приходил рано, а уходил затемно. Он был высокий, костлявый, с тяжёлыми жилистыми руками, много трудившимися на своём веку. Мамаша рассказывала, что когда перекрывали купол собора, то отец Матвей работал на верхотуре как простой мастеровой, а после штукатурил стены, нисколько не чураясь испачкаться в извести.

Он жил неподалёку, и если был дома, то ставил на окно зажжённую лампадку, чтобы прихожане могли найти его в любое время дня и ночи.

В день, когда отца Матвея арестовали, Вера собиралась на первомайскую демонстрацию.

Стоял звонкий весенний день, такой же, как сегодня. На поленнице дров во дворе самозабвенно ворковали сизые голуби. Их в городе развелось великое множество. И где брали пропитание, если в стране голод? Запах прогорклого

заводского дыма смешивался с запахом лопнувших тополиных почек и свежей берёзовой листвы. Вера упруго шагала по мостовой и гадала, с кем придёт на демонстрацию комсорг Миша Воскобойников — с Машкой или с Любкой?

Любка — девчонка хорошая, боевая, хотя и страшненькая, а Марья очень безыдейная. Говорят, её видели в шёлковых чулках и с накрашенными губами, как старорежимную барышню. Стыд и позор!

Когда мимо промаршировала рота краснофлотцев с полосатыми треугольниками тельняшек, стук начищенных ботинок прозвучал в ушах дивной музыкой. Сердце забилось тревожно и радостно. Спеша вослед морякам, Вера прибавила ходу, едва не столкнувшись с отцом Матвеем.

Он шёл меж двух солдат с винтовками за плечами и выглядел очень расстроенным и бледным. Хотя в церковь Вера давно не ходила, но с батюшкой здоровалась, поэтому по привычке быстро сказала:

- Здравствуйте, отец Матвей.
- Благослови Бог, Верушка!

Остановившись для ответа всего на мгновение, он тут же получил толчок в спину, и Вера с ужасом осознала, что отец Матвей арестован.

Чтобы остановить рвущийся наружу возглас, она приложила к губам ладошку, и в этот момент

отец Матвей занёс руку для крестного знамения. Неизвестно, что там подумали конвоиры, но один из них резким движением скинул винтовку с плеча, нарочно или нет, выбив из рук отца Матвея тугой узелок с вещичками. Застыв наподобие соляного столба, Вера наблюдала, как руки батюшки торопливо сгребали с мостовой содержимое узелка: золочёный на престольный крест, раскатившуюся варёную картошку и несколько просвирок.

Со стороны дома к отцу Матвею побежали несколько женщин, а два мужика замедлили шаг и остановились чуть поодаль. Вере было страшно и стыдно. Хотелось что-то сказать отцу Матвею, который всегда называл её Верушкой, но язык словно прилип к нёбу.

— Давай, поп, вперёд, не задерживайся, — красноармеец с ружьём зло ощерился, и батюшка покорно выпрямился, глядя перед собой взором, в котором читалось полное отрешение от мира.

Окружившие отца Матвея женщины без боязни кричали на конвоиров, стыдили, плакали и просили благословения. Не отходя от священника, они шли за ним толпой, пока улица не сделал поворот, скрыв их из виду.

Сцена ареста отца Матвея рисовалась с мельчайшими подробностями.

Вера Савельевна подумала, какая интересная вещь — память: иной раз не вспомнить

случившееся минуту назад, а события давних лет возникают в мыслях чётко и ясно.

Прикрыв глаза, она снова представила себя стоящей посреди улицы. Прохладный ветер раздувал юбку и красную косынку на голове. Не ту, сшитую из сташенного со стены лозунга, а уже другую — крепдешиновую, подаренную на заводе к пятнадцатой годовщине советской власти. Двадцатилетняя Вера была передовицей производства и никогда не оставалась без поощрения от завкома.

Если бы не уговор с девочками надеть на демонстрацию красные косынки, Вера не нашла бы потерянное отцом Матвеем, потому что увидела это, когда косынка планером слетела с головы под ноги. Косынка лежала у самого края тротуара, а чуть поодаль, у подвального окна дома, валялось небольшое Евангелие в потрёпанном кожаном переплёте.

Чувствуя, как в сердце ворохнулся холодок, Вера протянула руку и быстро завернула книгу в косынку: «Отдам отцу Матвею, когда вернётся обратно».

Но отец Матвей не возвратился. С тех пор в церкви служили разные батюшки, которые открывали храм только по праздникам. С годами батюшки приходили всё реже и реже, и однажды на церкви появилась вывеска: «Склад».

С медлительностью черепахи — опухли и болели ноги — Вера Савельевна подошла

к серванту и выдвинула ящик, проведя пальцами по лоскуту ткани, выцветшему за шесть десятков лет.

Отдать сохранённое некому — детей не нажила, друзья в Бога не верят, а соседи по коммуналке с видимым нетерпением ждут, когда освободится её комната. Повздохав, Вера Савельевна опять переместилась к окну и задумчиво посмотрела на парня, разбирающего кирпичи на станции техобслуживания. Который день уже копошится и копошится. Наверняка потом подгонит грузовик и увезёт себе дачу строить. Совсем стыда у людей нет, всё норовят стащить, что плохо лежит. Одно слово — несуну!

* * *

Спустя месяц, серым июньским утром Вера Савельевна собралась в районную поликлинику. Номерок к врачу она получила ещё вчера, отстояв длинную очередь в регистратуру.

После выхода на пенсию визит к врачу воспринимался как маленький праздник, который немножко подцветит однообразные коммунальные будни. Сначала надо будет померять давление в боксе — хорошо бы у медсестрички Людочки, а то Валентина слова доброго из себя не выдавит. Затем она сядет в очередь у кабинета терапевта и вдоволь поговорит с соседями

по диванчику. Намедни по телевизору доктор Юлия Белянчикова советовала регулярно проверять желудок, и надо бы расспросить, к какому врачу лучше попасть.

Переваливаясь по-утиному, Вера Савельевна открыла зонт и медленно двинулась вдоль забора станции техобслуживания.

Парень, разбирающий кирпичи бывшей церкви, снова был там. Чтобы рассмотреть его поближе, Вера Савельевна нарочно остановилась напротив, энергично стряхивая с зонта редкие капли мороси. То ли карими глазами, то ли коренастой фигурой, но он напомнил ей бывшего мужа, который бросил её после пяти лет совместной жизни.

— Потому что невенчаные, — ехидно говорила мать, — без свадьбы только мухи женятся.

А какие в тридцатых годах были свадьбы? Привела мужика и живи — гражданский брак называется. Помнится, тогда она ответила матери, что раскрепощённый пролетариат чурается пережитков капитализма и стремится в счастливое социалистическое будущее. Счастливое, только счастья не видно. Заросло оно бурьяном, как церковные руины. Разрушить старое разрушили, а нового не видать. Одни осколки.

Вера Савельевна снова подняла зонт и пошлепала дальше, думая о том, что на обратном пути из поликлиники надо бы заглянуть

в гастроном — вдруг повезёт купить финской колбаски. Конец месяца — магазин должен делать план.

Начавшийся дождик бодро застучал в купол зонтика, крупными каплями стекая с концов спиц. Обогнав Веру Савельевну, в обнимку пробежали три девушки в мокрых платьях. Навстречу прошли два парня, судя по спокойной походке и непокрытым головам, не обращавшие внимания на дождь. Из-под зонта было видно плохо, но Вера Савельевна успела заметить симпатичные лица и весёлые глаза.

Когда девушки громко рассмеялись на всю улицу, Веру Савельевну захлестнула волна жалости к себе. То ли дело молодость — идут, смеются, не замечая ничего вокруг, и всё у них здоровое, ноги резвые, сон крепкий, голова не болит, а впереди целая жизнь.

От наполнившей душу горечи руки задрожали, не удержав зонт, который ветром повело в сторону. Кувыркаясь, зонт полетел прямо на середину дороги, и Вера Савельевна метнулась ухватить ткань за натянутый край.

Оглушающий визг тормозов слился в единое целое с её собственным криком. В глазах то ли потемнело, то ли посветлело, но земля резко закачалась и приблизилась. Ничего не понимая, Вера Савельевна почувствовала, что внезапно

повисла в воздухе, а потом оказалась на тротуаре, зажата между двух молодых мужчин.

— Вы кто? Что вам надо? — из-за возникшей в голове пустоты выговаривать слова получалось непросто, поэтому Вера Савельевна замолчала и начала яростно вырываться из держащих её рук.

— Тише, тише, всё хорошо. Вы едва не попали под машину, — сказал один из парней.

Под какую машину? Зачем под машину?

Инстинктивно продолжая отмахиваться, Вера Савельевна обмякла всем телом и, поняв, что сейчас завалится набок, догадалась сказать адрес:

— Я там живу.

— Хорошо, хорошо, сейчас мы отведём вас домой и вызовем «скорую».

Крепко поддерживая под локти, её повели домой, давая передохнуть через каждые несколько шагов. На лестнице ноги запинались о каждую ступеньку, а голова безвольно болталась. У дверей Вера Савельевна отстранилась и обратилась к молодому человеку в очках:

— Возьми, сынок, ключи из кармана.

К её удивлению, парни не шелохнулись, а в карман скользнула чья-то другая рука. Вера Савельевна посмотрела на руку, как на змею, заползающую в карман, и только сейчас сообразила, что за спину её поддерживал третий парень, тот, который копал развалины церкви.

Внутреннее недовольство перелилось в открытую неприязнь, вытеснившую головокружение и слабость. Выпрямившись как молодая, Вера Савельевна грозно уставилась в карие, с искоркой, глаза мародёра:

— Ты зачем церковь доламываешь? Мало ей досталось? Небось, на дачу кирпичи запасаешь?

Она с удовольствием увидела, что кареглазый оторопел от неожиданности, и приготовилась к новой атаке, но он вдруг широко улыбнулся:

— Я церковь не доламываю, а, наоборот, хочу сохранить, что осталось. Вот и ребята пришли помогать.

Вера Савельевна обрадовалась так, как если бы услышала от врача обещание приделать ей новые ноги или разогнуть спину:

— Правда? Не врёшь?

Парни в ответ дружно засмеялись добродушным смехом, который подействовал убедительнее любых слов. Позволив довести себя до комнаты, Вера Савельевна торопливо сунула под язык таблеточку валидола, освежившую сердце приятным холодком. Пока таблетка таяла во рту, она осмотрела парней с ног до головы, а потом решительно сказала, выбрав глазами Эдика:

— Ну, вот что, ребята. Есть у меня одна вещь, доставшаяся от прежнего настоятеля

церкви отца Матвея. Я её, пожалуй, вам отдам. Пригодится, когда церковь отстроите.

* * *

Старинное Евангелие в потёртом кожаном переплёте согревало руки Эдика мягким теплом и тревожило душу предчувствием перемен. То, что Вера Савельевна протянула книгу именно ему, Эдик рассматривал как эстафетную палочку, переданную от неведомого прежде отца Матвея.

Странно, что его могла взволновать какая-то книга, тем более что, в отличие от Павла, он никогда не увлекался чтением. В школе на уроках литературы он всегда старался сидеть тише воды, ниже травы, чтобы избежать вопрошающего взгляда строгой учительницы.

Вызов русички: «Костров, к доске» звучал для него равносильно приговору к расстрелу, а написание сочинения казалось страшной карой, придуманной учителями-извергами ради жестокой забавы.

Но сейчас был совершенно другой случай, и Эдик чувствовал, что к нему в руки попала особенная книга, которую он просто обязан изучить от корки до корки, как в ПТУ изучал пособие по ремонту автомобилей. Много позже Эдик не раз вспоминал, что пришедшее тогда на

ум сравнение оказалось в точку и свою жизнь он исправлял по Евангелию так, как восстанавливают автомобиль после тяжёлой аварии — с помощью кувалды и жёсткой рихтовки. Но понимание и вера пришли к нему не сразу, а постепенно, подобно снегопаду, начавшемуся с одной снежинки, доверчиво упавшей с неба на подставленную ладонь.

Приступить к чтению Евангелия было боязно: слишком уж огромной казалась тайна, запечатленная на пожелтевшей бумаге с затёртым обрезом. Неужели там, между страниц, живёт Бог? И есть ли Он вообще, этот Бог? И хотя решимость прочесть книгу была велика, он всё же схитрил, выбрав для зачина самое короткое Евангелие — от Марка.

«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия...»

Целыми днями Эдик повторял про себя ёмкие строки, пока они не влились в его кровь, и однажды он поймал себя на мысли, что с нетерпением ждёт рабочего перекура, чтобы с головой окунуться в чтение. Забывая перекусить в обеденный перерыв, Эдик перестал курить, не бегал с мужиками пропустить кружечку пивка и не брал халтуру, хотя клиенты чуть не в ногах валялись.

Стараясь отказывать как можно дружелюбнее, он смиренно бормотал:

— Извините, не могу. Занят, — хотя особо назойливых клиентов иной раз хотелось послать далеко и надолго.

Теперь он постоянно пребывал в состоянии тихой радости, как в детстве, когда ждал подарков на день рождения. И как только раньше не замечалось, сколько вокруг поводов для счастья? Не купленного за деньги, вроде новенького автомобиля или импортного холодильника, а настоящего, бесплатного и вечного. Дочка улыбнулась — счастье, дождик смыл грязь с листьев — счастье, ветер сорвал шапку — смех, да и только.

— Ты, Костров, того, не свихнись, — однажды предостерёг начальник Иван Егорович, когда застал Эдика за чтением вместо обеда, — я хоть и коммунист, а против Бога ничего не имею, у меня тёща сильно верующая, да и сам я крещёный, но всё хорошо в меру.

«Что есть мера веры или неверия?» — подумал Эдик на замечание Егорыча.

С момента знакомства с Евангелием его мысли постоянно тревожили поиски ускользающей истины. Ведь есть же она где-то в мире. Но где? Размышления прямиком привели его в кладбищенскую церковь, чудом уцелевшую в потоке лет. Прихватив Шурёнку, он стал ходить туда в выходные, всей кожей чувствуя, как постепенно меняется мир внутри него.

Ольга тоже заметила перемены в муже. Сначала ей нравилось, что Эдик перестал сутками пропадать на работе и много времени занимался с Шурёнкой, но постепенно она заподозрила неладное. Неужели опять Светка Алексеева? Один намёк на неё приводил Ольгу в состояние неистовства. Эдикову тайну она открыла в один из выходных дней, когда муж собрался на прогулку с дочкой. Сделав вид, что пошла в магазин, Ольга спряталась за угол дома, а потом незаметно последовала сзади, стараясь не выпустить из виду синюю коляску-сидушку со спящим ребёнком. На улице Аглая-Шура засыпала сразу и надолго — вполне хватит времени, чтобы сбегать на свидание.

Не замечая преследований, Эдик целеустремлённо продвигался вперёд быстрым шагом, так что Ольга едва поспевала лавировать за ним в потоке встречных пешеходов. В спину её толкала тёмная ярость, круто замешанная на подозрениях и ненависти. Если бы сейчас на горизонте Эдика показалась соперница, то Ольга была готова отвоевать мужа в смертном бою.

Шёл Эдик долго, часто срезая путь через проходные дворы. Запыхавшаяся Ольга то и дело вытирала рукавом пот со лба и думала, что упасть без чувств ей не даёт только нужда вывести мужа на чистую воду.

С напряжением высматривая женщину, к которой спешил Эдик, Ольга удивилась, когда он свернул на кладбище и подошёл к небольшой деревянной церкви с голубым куполом. Со стороны церквушка походила на деревенский дом, обшитый вагонкой, покрашенной в неброский серый цвет. На крылечке с белыми перилами стояли две старушки в платках. Опершись ко-
стылями о стену, истово крестился пожилой мужчина с подвёрнутой на одной ноге штаниной брюк. Посреди небольшого дворика пёстрая клумба с мелкими цветочками, а кругом, насколько видит глаз, — кресты, кресты, кресты.

Всё окружающее показалось Ольге нереальным, сусальным и отвратительным, словно она вдруг переместилась во времена проклятого царизма. Расширив глаза, она увидела, как Эдик вынул из коляски ребёнка, дружески кивнул старушкам и скрылся за церковными дверями. Ужас, опаливший Ольге пятки, можно было сравнить с тем, который она пережила в детстве, наступив в лесу на полудохлую змею с разбитой головой.

Церковь, крестящиеся мракобесы, отсталые попы, торгующие религиозным опиумом для народа, в её понимании располагались за пределом социалистического бытия и должны были подлежать немедленному уничтожению. Но Эдик! Что ему там надо?

Преодолевая отвращение, она шагнула вслед мужу, успев застать момент, когда Эдик поцеловал священнику руку. В ноздри Ольге ударил тошнотворный запах ладана, от которого у неё закружилась голова, и стоящие кругом люди стали выглядеть уродами, словно в разбитом зеркале.

Чья-то рука взяла её за локоть:

— Доченька, надень платок.

С силой оттолкнув старуху в чёрном, Ольга увидела, как Эдик резко оглянулся, встретив её взгляд.

— Оля? Ты откуда?

Застрявший на мгновение крик гранатой взорвался у Ольги в горле, а потом она уже не могла замолчать, выплёскивая наружу переполнявшую её ненависть.

Много воды утекло с тех пор, но Эдика долго преследовали воспоминания о том, что устроила в церкви Ольга. Выплёвывая проклятия, она тигрицей металась от стены к стене, срывая иконы и круша подсвечники.

— Ненавижу! Ненавижу!

Опасаясь попасть под горячую руку, старушки испуганно теснились к притвору. Батюшка, подняв крест, пытался увещевать, но это только подливало масла в огонь.

Вдоволь набушевавшись, Ольга подскочила к Эдику и с размаху заколотила его кулаками по

голове, а он прикрывал собой ревущую Шурёнку и умолял:

— Оля, перестань, давай поговорим дома.

— Нет у тебя больше дома! Чтобы ноги твоей у меня не было!

— Значит, не будет, — жёстко оборвал её Эдик. — Только дочку я тебе не отдам.

В Ольгиных глазах, побелевших от ярости, бешено заплясали чёрные точки зрачков. Отшатнувшись от него к дверям, она выпалила:

— А мне твоё поповское отродье без надобности!

Наступившую в церкви тишину можно было хлебать ложкой, только Шурёнка испуганно всхлипывала, вцепившись ручками в волосы Эдика. Чувствуя под пальцами мягкое детское тельце, он прижал дочку к себе и поспешно вышел на крыльцо, избегая любопытных взглядов, колющих спину. Его всего трясло как в лихорадке, и он всё сжимал и сжимал зубы, пока не почувствовал во рту привкус крови.

Как рядом оказалась невысокая пожилая женщина, безотрывно смотрящая на Шурёнку, Эдик не заметил.

От чужого взгляда Шурёнка стиснула руки ещё больше, слюнявя ему ухо.

Не решаясь заговорить, женщина теребила в руках платок синего цвета, но потом нашла в себе силы спросить:

— Вы муж Оли?

Не сразу придя в себя, Эдик молча кивнул, недоумевая, откуда здесь взялись общие знакомые.

Лицо женщины скомкалось, обмякло, а на глаза набежали слёзы:

— Я Олина мать.

Её красные руки с распухшими пальцами не находили себе места, а голос дрожал и рвался.

Вот оно что! Как же её зовут? Эдик попытался вспомнить имя Ольгиной мамы, но не мог сконцентрировать мысли. Помнил только, что как-то не по-русски.

Коротко всхлипнув, она подсказала:

— Меня зовут Фатима, в крещении Фотиния.

Понуриив плечи, она опустила голову и замолчала, глядя себе под ноги, словно в ожидании неумолимой расправы.

Через несколько дней, покидав в чемодан детские вещи и забрав Шурёнку, Эдик переехал жить к Фатиме в крошечную однушку, переделанную из дворницкой. Впоследствии он часто думал, что иногда Господь отнимает серебро, чтобы взамен его дать золото. Скоро Фатима стала ему близкой, как родная мать, а Шурёнка и дня не мыслила без бабушкиных пирогов, которые Фатима называла по-татарски лаваш.

Ещё через несколько лет они втроем переехали в кооперативную квартиру, а Эдик взял в руки карандаш и вместе с Павлом стал

набрасывать проект разрушенной церкви, с которой началась его вторая жизнь.

* * *

Новую старую церковь освятили ровно через тридцать лет.

Землю станции техобслуживания вскладчину выкупили прихожане, объединившиеся вокруг руин и маленькой иконы Богоматери «Неувядаемый цвет», найденной в Федосьином скиту. Восстановительные работы вёл строительный колледж, основанный на базе бывшего ПТУ, а внутреннее пространство расписывала художница Александра Эдуардовна Кострова, выпускница знаменитого Мухинского училища.

Вскоре после освящения церкви отец Матвей, которого только близкие друзья иногда, оговорившись, называли Эдиком, вышел на церковное крыльцо и перекрестился:

— Слава Тебе, Господи, за Твою великую милость.

В небе барражировали сизые облака, похожие на аэростаты, и сеял мелкий дождик, разрисовавший город мокрыми акварельными красками.

Такая же погода была в тот день, когда к нему в руки попало старое Евангелие прежнего настоятеля. Отец Матвей часто вспоминал случай,

с которого началось его извилистое путешествие, закончившееся в духовной семинарии.

Теперь Святое Писание бережно покоится на стенде в честь новомучеников, а отца Матвея Воскресенского ежедневно поминают на панихиде. Царствие ему Небесное!

От мысли, что сегодня в церковь принесут крестить новорождённую Катюшку — Федосьину дочку, внучку Павла и Марины, отец Матвей улыбнулся: текут годы. Он тоже уже дед, а Свете и Игорю дети подарили, трудно вымолвить, семерых малышей!

Воистину, жизнь, дарованная человеку Богом, — тоже Неувядаемый цвет, который никогда не истлеет и которому после каждой бури дано полыхать ярче и ярче.

Ирина Анатольевна
БОГДАНОВА

Неувядаемый цвет

Роман

Редактор
Ф.Н. Черепанов

Корректор
Т.Е. Савинская

Художественное оформление
Е.В. Аксёнова

Верстка
Г.Н. Шафигуллина

Техническое сопровождение
Ю.В. Мосягин

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 10.09.2014. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печ. л. 21,5. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 1055.

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, стр. 6.
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34,
телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.

Если тебе тяжело – ты на верном пути. У петербургской писательницы

Ирины Богдановой подлинно счастливый дар – за унылой, казалось бы, повседневностью разглядеть красоту неповторимой человеческой судьбы. И больше этого: увидеть, как из трудных неприметных будней складывается судьба самой прекрасной в мире страны. Где и ты, дорогой читатель, самый необходимый участник общего дела. И твоя жизнь – неповторимый неувядаемый цвет, которому после каждой бури дано полыхать ярче и ярче.

Синергия. Богданович

ИРИНА БОГДАНОВА

Неувядаемый цвет

